Т 3(0)
А 28

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

К тридцатилетию разгрома немецко-фашистских войск на Волге

WILHELM
ADAM

DER SCHWERE ENTSCHLUß

VERLAG DER NATION BERLIN 1965

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

Мемуары полковника
6-й германской армии

Издание второе

Перевод с немецкого
И. М. Гнединой
и М. П. Соколова
Под редакцией
З. С. Шейниса

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1972

Редакция мирового коммунистического и рабочего движения и международных отношений.

1-6-3
БЗ № 8 — 5 — 72

Полковник Вильгельм Адам и его мемуары

Прошло тридцать лет с того январского дня 1943 года, когда из подвала в центре разрушенного Сталинграда вышел командующий 6-й армией вермахта фельдмаршал Паулюс, а за ним потянулись в плен его генералы и полковники. На этом закончилась величайшая битва второй мировой войны. Начался закат гитлеровского вермахта, и ничто уже не могло предотвратить его окончательного разгрома. От Сталинграда вел трудный, длительный, но неизбежный путь к Карлсхорсту, где Кейтель подписал акт безоговорочной капитуляции.

С тех пор выросло новое поколение. Люди, которые родились после великой битвы, уже не только стали взрослыми, но являются одним из важнейших самодеятельных слоев любого народа. И все же события, связанные с битвой в Сталинграде, волнуют не только то поколение людей, которые были непосредственными участниками или свидетелями этой битвы, но и всех, кто пришел в жизнь после нее.

Разгром вермахта у волжской твердыни с небывалой силой выявил крах не только военной доктрины германского милитаризма, но и его политической концепции, крах всех его античеловеческих планов. С другой стороны, крах вермахта под Сталинградом с небывалой ясностью показал всему миру превосходство Советской Армии и советского народа, поднявшихся на справедливую освободительную войну, превосходство советской социалистической системы.

За послевоенные годы о битве под Сталинградом появилась огромная литература на многих языках и во многих странах. Советская военная и мемуарная литература давно уже дала глубокий и всесторонний анализ битвы на Волге. Но о Сталинграде много написали и немецкие авторы, непосредственные участники событий, и другие военные, командовавшие группами армий, армиями и корпусами вермахта, представители гитлеровского генштаба. Два течения почти сразу же наметились в этом потоке немецкой литературы. Одно имело и имеет своей целью выдать страшную катастрофу на Волге за поражение, которое могло быть победой. Но она не была достигнута, ибо дилетант Гитлер своими малограмотными решениями не дал, дескать, германскому генералитету добыть победу, спутал карты. Наиболее видным представителем этой касты ничему не научившихся немецких милитаристов является фельдмаршал Манштейн, бывший командующий группой армий «Дон», автор небезызвестной книги «Потерянные победы».

Но чем беззастенчивее и бессовестнее пытались в Западной Германии извратить правду о Сталинградской битве, тем сильнее начал нарастать поток правдивой литературы об этой битве. Авторами этих книг являются и немцы — участники битвы на Волге. Их возмутившаяся совесть заставила сказать своему, да и другим народам правду о событиях той поры и помочь правильно осмыслить эти события. Заговорили и некоторые западногерманские авторы. Стоит хотя бы в этой связи напомнить читателям о книге Иоахима Видера «Катастрофа на Волге», которую семь лет назад выпустило в свет издательство «Прогресс», книге правдивой и честной, в которой бывший подполковник 6-й армии рассказал немцам и всем, кто захотел его услышать, правду о Сталинградской эпопее. Но разумеется, наиболее последовательно разоблачают дезинформаторов и фальсификаторов истории авторы из социалистических стран, в частности из Германской Демократической Республики. Это и понятно: государство, навсегда порвавшее с милитаризмом, естественно, последовательно действует и в деле разоблачения милитаризма. Несомненно, вклад в это важное дело внес полковник Вильгельм Адам, автор книги «Трудное решение».

Полковник Адам — профессиональный военный. Он один из тех немцев, жизнь которых, можно сказать, с колыбели связана с армией. Он был участником первой мировой войны в качестве офицера кайзеровской армии. Крах Германии был и крахом военной карьеры Адама. Как и тысячи других офицеров, он оказался вне привычных рамок и понятий. В те годы Адам переходит к весьма мирным занятиям, становится преподавателем математики.

Приход Гитлера к власти вернул капитана Адама в вермахт. Это произошло в 1934 году. С тех пор и до своего пленения в январе 1943 года он верно служил целям милитаристской Германии. Об этом необходимо сказать со всей ясностью, ибо путь Вильгельма Адама был нелегким, а решение порвать с прошлым было продиктовано не только тем фактом, что он попал в плен. В советском плену оказались и многие другие немецкие генералы и офицеры. Иные из них прикинулись этакими перевоспитавшимися овечками, а оказавшись после возвращения из плена в Западной Германии, сразу же сбрасывали с себя овечью шкуру и принимались за старое. Вильгельм Адам жил до войны на германском Западе, там находилась его семья. После возвращения из советского плена он мог уехать к семье в ФРГ. Но он этого не сделал. Он навсегда остался в новой Германии, в первом германском государстве рабочих и крестьян, куда переехала и его семья. Но прежде чем он пришел к решению порвать с позорным прошлым, а главное — пока он осознал эту необходимость, он прошел через мучительные и долгие раздумья. Не будет преувеличением, если мы скажем, что полковник Вильгельм Адам начал прозревать не раньше, чем этот процесс прозрения начался у фельдмаршала Паулюса. Но, глубоко продумав все происшедшее, сделав переоценку ценностей, вернее, познав, что есть ложь и что подлинная ценность, Адам порвал с прошлым и стал строителем новой Германии.

Большую помощь оказало Адаму общение с лидерами Коммунистической партии Германии, с деятелями Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Беседы с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом помогли Адаму

разобраться в сложных вопросах немецкой истории, стать подлинным антифашистом. В 1948 году он возвращается из советского плена на родину, вскоре становится одним из руководящих деятелей Национально-демократической партии в земле Саксония.

С Саксонией и ее столицей Дрезденом связана почти вся послевоенная деятельность Адама. В Дрездене он был министром финансов. В 1953 году правительство ГДР направило полковника Вильгельма Адама в вооруженные силы республики. Он был назначен начальником Высшей офицерской школы в Дрездене. Тогда же трудящиеся Саксонии оказали ему высокое доверие, избрав депутатом Народной палаты Германской Демократической Республики. До 1958 года Вильгельм Адам служил в вооруженных силах ГДР, а затем по возрасту вышел в отставку и занялся литературной деятельностью. В 1965 году за книгу «Трудное решение» Вильгельм Адам был награжден Германской медалью мира, а в 1966 году в связи с десятилетием Национальной народной армии он награжден Боевым орденом за заслуги перед народом и отечеством. По приглашению общества советско-германской дружбы полковник Вильгельм Адам в 1965 году посетил Советский Союз.

* * *

Сталинградская битва, как известно всему миру, показала безграничное мужество и отвагу защитников города — солдат и офицеров Советской Армии; она стала символом героизма и величия всего советского народа. Такую же оценку битве на Волге дает в конечном счете и полковник Адам. Но книга его посвящена событиям, которые развертывались по другую сторону фронта, в 6-й германской армии, она написана «человеком с той стороны», и этим определяется ее содержание.

Мы не ставили перед собой цель дать анализ военных действий, описанных в книге Адама. Это объясняется тем обстоятельством, что книга «Трудное решение» — необычный труд о ходе военных действий. В ней на первом плане настроения солдат и офицеров, моральные проблемы, мировоззрение автора и людей, его окружавших, проблемы перековки офицера вермахта, размышления о будущем Германии. Там же, где требовались уточнения военного плана и необходимая для правильной ориентировки читателей дополнительная информация, даны примечания после каждой главы.

Читатель найдет в книге большой интересный материал о важных событиях, предшествовавших окружению и разгрому 6-й армии, и, разумеется, всеобъемлющий материал о положении окруженной немецкой группировки.

В этом отношении ни одна из немецких работ о катастрофе германской армии на Волге не может сравниться с книгой «Трудное решение». О немецкой катастрофе на Волге писали крупные немецкие военачальники, находившиеся за пределами «котла», не принимавшие участия в сражении. Об этой битве писали очевидцы и участники битвы. Но вышеупомянутая книга Иоахима Видера написана офицером, который находился в штабе корпуса и с корпусной вышки описывал события. Автор другой книги, «Солдаты, которых предали», Гельмут Вельц, был командиром

батальона, а поэтому в еще меньшей степени мог изложить весь ход событий. Адам был начальником управления кадров 6-й армии. Таким образом, он находился на армейской вышке. Это позволило ему быть в курсе событий, происходивших не только в 6-й армии но и за ее пределами. Он в значительной степени был в курсе многих важных событий, имевших место на всем Восточном фронте.

Этому способствовало еще одно немаловажное обстоятельство: полковник Адам был чрезвычайно близок к Паулюсу. Отношения Паулюса с его ближайшим помощником начальником штаба 6-й армии генералом Шмидтом были не только напряженными, но и просто недружелюбными. Паулюс не выходил за рамки служебных отношений ни с кем из других окружавших его генералов. Лишь с Адамом Паулюс сблизился, очень доверял ему, проверял на нем свои решения. Адам стал, если так можно выразиться, своеобразным духовником Паулюса. Все это дало Адаму громадный материал для наблюдений, которые выгодно отличают его книгу: Адам приводит ранее совершенно не известные факты об обстановке, сложившейся внутри командования 6-й армии в гитлеровской ставке. Вместе с тем читатель без труда заметит, что Вильгельм Адам часто идеализирует Паулюса, подчас придает фельдмаршалу те черты, которые стали ему присущи после многих лет пребывания в советском плену и глубоких раздумий, но которые отнюдь не были характерны для Паулюса в те месяцы, когда он пытался любой ценой выполнить приказ Гитлера и овладеть советской твердыней на Волге.

Вильгельм Адам не ограничил свой труд описанием событий в «котле». Значительное место в своей книге (две последние части) он посвятил годам, проведенным в советском плену, и возвращению на родину. В этом разделе читатель найдет материал о Национальном комитете «Свободная Германия» и Союзе немецких офицеров, также представляющий интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

Особый интерес представляют страницы о первых встречах плененного фельдмаршала Паулюса с Вильгельмом Пиком в Суздале, запись бесед между лидером Коммунистической партии Германии и гитлеровским фельдмаршалом, никогда ранее не публиковавшиеся данные из истории создания Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Автор рассказывает о драматических сценах, разыгрывавшихся в среде плененных немецких офицеров, разломе, происшедшем в генеральском и офицерском лагерях.

Свою книгу Вильгельм Адам заканчивает рассказом, как после многих лет войны и плена он вступает на землю новой Германии: «И я, бывший полковник, — пишет Адам, — награжденный Рыцарским крестом, вторгавшийся когда-то с гитлеровским вермахтом в другие страны, стал новым человеком, решительным борцом за мир».

Трудный и долгий путь предшествовал решению Адама навсегда порвать с прошлым, беспощадно осудить его и стать строителем новой, демократической Германии. Адам внял урокам истории, понял, что это путь, по которому раньше или позже пойдет весь немецкий народ.

З. Шейнис

Discite moniti!

Вы, кого предостерегаю,
внемлите уроку! *

«Над всеми гигантскими битвами высится ныне, подобно монументу, битва под Сталинградом. Она останется в нашей памяти как величайшее героическое сражение. Беспримерно то, что свершают там сейчас наши саперы, пехотинцы, артиллеристы, зенитчики и все, кто сражается в этом городе, — от генерала до последнего рядового».

Так говорил Геринг 30 января 1943 года. Миллионы немцев, сидя у радиоприемников, слушали рейхсмаршала. От этих его слов у них сжималось сердце, замирало дыхание в груди, стыла кровь в жилах. Их охватывал леденящий ужас: что же с нашими мужьями, отцами, сыновьями? Что происходит с немецкими солдатами в этом волжском городе?

Еще две недели назад военные сводки пытались скрывать окружение 6-й армии. Только в последней фазе битвы в окружении геббельсовская пропаганда стала мало-помалу приподнимать покрыв тайны, которой было окутано это чудовищное заклание людей. Но делала она это на свой манер: превращая в апофеоз смертный приговор, фактически вынесенный 6-й армии и частям 4-й танковой армии. Военные сводки пестрели такими словесными украшениями, как «героическая борьба», «бессмертная слава», «доблестное сопротивление», «несокрушимое мужество». Без зазрения совести искажая историческую истину, Геринг сравнивал происходящее со знаменитой

---

* Начало стиха из «Энеиды» Вергилия («Энеида», VI, 620), ставшее ходячим выражением.

В дальнейшем все авторские сноски (отмечены цифрами) и редакционные примечания (отмечены звездочками) даны в конце каждой главы. Примечания, касающиеся военных операций, сделаны В. К. Печоркиным.

оборонительной битвой трехсот спартанцев у Фермопил в 480 году до нашей эры. 6-я германская армия, которая, захватывая и уничтожая все на своем пути, вторглась более чем на 2000 километров в глубь Советского Союза, уподоблялась, вопреки всем историческим фактам, тому маленькому отряду, что некогда защищал в узком горном проходе свою родину от персидских захватчиков. И по аналогии с надписью на одной из скал этой теснины:

«Путник, если ты придешь в Спарту, скажи, что мы пали здесь, как повелел закон» —

в истории Германии будет тоже сказано: «Если вернешься в Германию, сообщи, что видел нас сражавшимися в Сталинграде, как повелел закон».

К сожалению, нацистским правителям удалось, по сути дела, осуществить свой кощунственный замысел. Спустя всего три недели Геббельс мог уже в своей речи 18 февраля 1943 года в Спортпаласте с поистине бесовской ловкостью подать гибель 6-й армии в ореоле «гордой скорби» и использовать ее для провозглашения тотальной войны. Немцы, павшие в боях, погибшие от голода на Волге, равно как и оставшиеся в живых в советских лагерях для военнопленных — а таких немцев, по утверждению геббельсовской пропаганды, не существовало, — все они были бесстыдно использованы геббельсовской пропагандой, чтобы нацисты могли продолжать свои военные преступления. Провозгласив лозунг: «Так вставай же, народ, и пусть грянет буря!» — Геббельс сорвал аплодисменты и завершил свое выступление под нескончаемые возгласы хора отборных фашистских подпевал: «Повелевай, фюрер, мы следуем за тобой!» [1]. Отныне роковой ход событий был предопределен. Он привел к величайшей катастрофе германской нации.

Усилия немецкого солдата в битве на Волге были неимоверны. Он сражался храбро, стойко, самоотверженно. Семьдесят шесть дней и ночей * смотрел он в глаза смерти — ведь каждую секунду угрожало ему смертью оружие храбрейшего и решительнейшего противника. Семьдесят шесть дней и ночей переносил он тягчайшие лишения, боролся против мучительного голода и лютого холода. Действительно, жертвы, принесенные лично каждым немецким солдатом и офицером, бесспорны. Но не об этом здесь речь. Речь идет о смысле этих жертв. Какой закон повелевал этим людям наступать до самой Волги,

неся с собой смерть, страдания и разрушения? Какой закон требовал от них идти на смерть? И можем ли мы чтить их жертвы?

Я участвовал в битве на Волге и вышел из нее живым. Она явилась глубоким переломом в моей долгой жизни — сейчас мне уже за семьдесят. Мне, кадровому офицеру, было мучительно и горько прийти к сознанию, что я служил верой и правдой неправедному делу и, как совиновный, несу за него ответственность. Только в длительном процессе пересмотра прошлого и духовного перевоплощения, который приводил к тяжелым внутренним конфликтам и противоречиям, я постепенно уяснил себе глубокие причины нашего поражения: оно было следствием не морозов, не бездорожья, «не гигантских пространств России» и не следствием стратегических или тактических ошибок военного командования — начиная с ОКВ ** и кончая фронтовым командованием — или ошибок одного лишь Гитлера, как все чаще пытаются нас убедить многочисленные западногерманские мемуаристы. Не было оно вызвано и «ударом в спину» или прочими факторами, которые можно и не принимать в расчет. Оно было следствием гибельной захватнической политики германского империализма и милитаризма, которому армия первого в мире социалистического государства дала сокрушительный отпор.

Но какова цена прозрению и раскаянию перед судом истории, если они останутся только мыслью или словом! «Discite moniti» — «Вы, кого предостерегаю, внемлите уроку!» Ведь это требует правильных действий. Только таким способом сможем мы освободиться от бремени ответственности за содеянное зло. Только отдав всего себя борьбе против повторения ошибок прошлого, можно предстать пред судом истории, быть достойным ответить за мертвых, не погрешить перед совестью.

В этом, я знаю, мы вполне единодушны с моим другом и соавтором Отто Рюле, который, как и я, будучи участником битвы на Волге и преодолев внутренние конфликты, правильно осмыслил пережитое. Как добрый товарищ, он помог мне с присущей ему основательностью, ясностью и энергией дописать повесть моей жизни, первые наброски которой я сделал двадцать лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Völkischer Beobachter», Berliner Ausgabe, 13/II 1943.

* Битва под Сталинградом началась 17 июля 1942 года и закончилась 2 февраля 1943 года, т. е. продолжалась 200 суток. Автор в данном случае считает началом битвы 19—20 ноября (начало советского контрнаступления).

** «ОКВ» (Oberkommando der Wehrmacht) — Верховное главнокомандование вермахта.

ПОЛЧИЩА ЗАХВАТЧИКОВ РВУТСЯ К ВОЛГЕ

САМЫМ ОПАСНЫМ ВРАГОМ НЕМЕЦКОГО НАРОДА ВСЕГДА БЫЛА И ОСТАВАЛАСЬ ТА НИЧТОЖНАЯ ПРАВЯЩАЯ КАСТА, КОТОРАЯ ПРИСВАИВАЛА СЕБЕ ПЛОДЫ ТРУДА НАРОДА И ИСПОЛЬЗОВАЛА ЕГО ТРУДОЛЮБИЕ И ТАЛАНТ, ЧТОБЫ ВЕСТИ ПРОТИВ ДРУГИХ НАРОДОВ ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ.

Из национальной программы: «Исторические задачи Германской Демократической Республики и будущее Германии».

Смерть фельдмаршала

Полтава, 14 января 1942 года[1]. Офицеры оперативного отдела штаба 6-й армии беседовали, сидя в своей столовой. Обед уже кончился. Мы еще ждали главнокомандующего, генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. В этом не было ничего необычного. Во внеслужебное время Рейхенау не отличался пунктуальностью. Случалось ему и являться к столу в спортивном костюме — это было ему нипочем. Мы знали, что он в то утро, как обычно, в сопровождении своего молодого адъютанта, обер-лейтенанта кавалерии Кетлера, тренировался в верховой езде со стрельбой. Оттого, вероятно, он и задержался.

Привычки Рейхенау были нам знакомы, поэтому нас не удивил его поздний приход. Однако поразило нас другое: он шел к столу неверной походкой, словно с трудом держался на ногах. И если он всегда ел охотно, с аппетитом, то сегодня он только ковырял вилкой в своей тарелке. При этом он чуть слышно стонал. Это заметил полковник Гейм, начальник штаба армии. Он с тревогой посмотрел на Рейхенау.

— Вам нездоровится, господин фельдмаршал?

— Не беспокойтесь, Гейм, это скоро пройдет, не обращайте на меня внимания.

В эту минуту меня вызвал в коридор вестовой. Там ждал полковник юстиции Нейман.

— Передайте, пожалуйста, фельдмаршалу, что мне нужно, чтобы он срочно подписал кое-какие бумаги. Почта должна быть сегодня же отправлена Главному командованию сухопутных сил (ОКХ).

Когда я передал это Рейхенау, он ответил, что просит полковника Неймана несколько минут подождать.

Я вышел, чтобы уладить вопрос о сроке представления кое-каких документов. В передней я еще немного поговорил с Нейманом и одним из наших офицеров-ординарцев. Тут отворилась дверь и появился Рейхенау. Он подписал поданные ему бумаги. За ним стоял денщик, готовясь подать ему шинель. Но ему не пришлось это сделать: фельдмаршал вдруг пошатнулся. Мы успели подхватить его тяжелое падающее тело.

Еще не придя в себя от испуга, я через несколько секунд стоял уже в столовой клуба перед начальником штаба:

— Господин полковник, фельдмаршал...

Пораженные, все выбежали в переднюю. Генерал-фельдмаршал, еще недавно полный энергии и жизненных сил, сейчас бессильно лежал на руках двух ординарцев. Его словно потухшие глаза пристально смотрели куда-то в пустоту. По-видимому, он был без сознания.

Начальник медслужбы 6-й армии доктор Фладе за два дня до происшествия уехал в командировку в Дрезден. Поэтому я вызвал главного врача госпиталя в Полтаве. Мы отвезли фельдмаршала в автомобиле на его квартиру.

Подоспевший врач установил паралич с поражением центральной нервной системы. Он озабоченно качал головой. Правая рука и правая половина лица Рейхенау были парализованы.

Полковник Гейм немедленно дал знать о происшедшем Главному командованию сухопутных сил и в ставку Гитлера. Ведь Рейхенау был командующим как группы армий «Юг», так и 6-й армии. Теперь и та и другая остались без руководства. Это было тем более неприятно, что

советские войска вели сейчас с флангов успешное наступление на нашу армию *.

Когда доктор Фладе был все-таки вызван телеграммой из Дрездена, Гейм предложил ОКХ, кроме того, доставить самолетом в Полтаву профессора Хохрейна, который был домашним врачом Рейхенау в Лейпциге. В тот момент Хохрейн находился на Северном фронте. 16 января профессор Хохрейн и доктор Фладе прибыли в Полтаву на самолете.

Состояние Рейхенау к этому времени значительно ухудшилось. Диагноз гласил: глубокое кровоизлияние в мозг. Вечером 16 января казалось, что наступило небольшое улучшение. Консилиум врачей решил воспользоваться этим, чтобы транспортировать Рейхенау в Лейпциг, в клинику профессора Хохрейна, — если только вообще и там удалось бы помочь столь тяжело больному.

17 января 1942 года в половине восьмого стартовали два самолета. Фельдмаршал не дожил до этого момента. Он скончался перед самым отлетом. В одной машине доктор Фладе сопровождал покойника, в другой летел профессор Хохрейн.

Около 11 часов в поле видимости показался Лемберг**, где нужно было набрать горючее. Самолет с телом Рейхенау пошел на посадку слишком поздно, врезался прямо в ангар на аэродроме и разбился вдребезги. Тело фельдмаршала было так изуродовано, что его останки пришлось перевязать бинтами. У доктора Фладе оказалась сломана левая рука. Вскоре после этой аварии, 11 февраля 1942 года, он писал в письме к генералу Паулюсу: «Мой пилот считал, что в Лемберге ему будет удобнее приземлиться, и на лету повернул как раз туда, где в 11 ч. 30 м. и произошло несчастье при этой попытке... Поистине чудо, что мы все не разбились насмерть, особенно если посмотришь, что сталось с самолетом» [1].

Гитлер приказал организовать за счет государства торжественные похороны фельдмаршала Рейхенау. В качестве представителя 6-й армии на траурной церемонии присутствовал генерал-майор фон Шулер, бывший в течение многих лет адъютантом Рейхенау. Начавшиеся тем временем ожесточенные бои лишали возможности отлучиться кому-либо из начальников отдела нашего штаба.

Новый командующий 6-й армией Паулюс

Руководство группой армий «Юг» было возложено на фельдмаршала фон Бока. 20 января 1942 года он приступил к обязанностям командующего. В тот же день прибыл в Полтаву и генерал-лейтенант Паулюс, вновь назначенный командующий 6-й армией. Вызванное смертью Рейхенау междуцарствие кончилось.

Перед обоими командующими стояли трудные задачи. Соединения Красной Армии выбили 294-ю пехотную дивизию с ее позиций в районе Волчанска, северо-восточнее Харькова. В результате наступления по обеим сторонам Изюма в стыке 17-й и 6-й армий советские войска глубоко вклинились в наши позиции. Резервами мы не располагали. Под угрозой оказались Харьков, Полтава и Днепропетровск. Из тех дивизий, которые не подверглись удару, были выделены пехотные батальоны, артиллерийские дивизионы и переброшены на юг для усиления правого фланга армии. Из армейского тылового района была спешно выдвинута охранная дивизия, не имевшая тяжелого оружия; ей предстояло задержать восточнее Полтавы острие наступающего советского «клина». Сводные батальоны, составленные из тыловых подразделений, предполагалось использовать для непосредственной обороны находившихся под угрозой городов.

Положение армии было отнюдь не блестящим, когда я встречал Паулюса на аэродроме. Он стоял передо мной, высокий, стройный. Сначала он слушал мой доклад сдержанно. Затем на его худом лице появилась улыбка.

— Тоже гессенец?

— Так точно, господин генерал, — ответил я.

— Ну тогда, Адам, мы с вами сойдемся быстро.

Затем Паулюс поздоровался со своим старым знакомым, капитаном Дормейером, начальником офицерского казино, который приехал со мной на аэродром.

Когда мы сели в машину, Паулюс первым делом спросил:

— Как на фронте? Я знаком с вчерашней вечерней сводкой армии. Изменилось ли за это время что-нибудь?

— Нас крайне тревожит вопрос, устоит ли перед растущим натиском Красной Армии слабый фронт обороны, созданный из собранных наспех частей и подразделений. Начштаба очень рад вашему приезду.

Паулюс сразу же поехал к полковнику Гейму, начальнику штаба 6-й армии. Гейм вместе с остальными офицерами штаба основательно подготовился для доклада приступающему к своим обязанностям новому командующему. На оперативную карту были нанесены новейшие данные, подсчитаны потери, понесенные нами за последние дни. Начальник оперативного отдела и начальник разведывательного отдела доложили о численности, боевом опыте и боеспособности наших частей. Затем они охарактеризовали состав советских войск и сообщили последние данные разведки.

Полковник Гейм предложил объединить под одним командованием те боевые группы, которые пока входили в различные полки и дивизии, но выполняли одну задачу. Выбор пал на генерала артиллерии Гейтца, командовавшего VIII армейским корпусом. Паулюс знал его как стойкого солдата, на него можно было положиться. Гейтц действительно в короткий срок добился согласованности действий этих боевых групп. Он значительно укрепил их с помощью четкой организации артиллерийского огня и форсированного строительства оборонительных позиций. 113-я пехотная дивизия была передана в VIII армейский корпус и также введена в бой фронтом на юг в месте прорыва южнее Харькова. Казалось, опасность предотвращена.

В эти дни мне неоднократно приходилось видеть, как добросовестно работает Паулюс. Ему была чужда размашистость, свойственная покойному Рейхенау. Каждая фраза, которую Паулюс произносил или писал, была точно взвешена, ясно выражала его мысль, так что не вызывала никаких сомнений. Если Рейхенау был командующим, который легко, не боясь ответственности, принимал решения и его особенно характерными чертами являлись твердость, несокрушимая воля и отвага, то Паулюс представлял собой полную противоположность. Еще будучи молодым офицером, он получил в товарищеской среде прозвище «Кунктатора» * — «Медлителя». Его острый, как клинок, ум, его непобедимая логика снискали ему уважение всех сотрудников. Я не помню такого случая, когда бы он недооценил противника и переоценил собственные силы и возможности. Решение его созревало только после длительного трезвого обсуждения, только после обстоятельного обмена мнений с офицерами штаба,

во время которого тщательно взвешивались все мыслимые случайности.

В отношениях с подчиненными Паулюс был благожелательным и неизменно корректным начальником. Впервые я убедился в этом, когда ездил с ним в штабы подчиненных ему корпусов и дивизий. 28 февраля днем мне сообщил начальник штаба, что я буду 1 марта сопровождать Паулюса во время его поездки на фронт. Тут он, как бы между прочим, протянул мне полученный с курьерской почтой из управления кадров список получивших очередные звания. Начальник штаба, поздравляя, протянул мне руку: с 1 марта 1942 года я был произведен в полковники.

— Ставлю вас в известность сегодня же, чтобы вы могли завтра утром доложить об этом перед отъездом командующему. За год вы из майора стали полковником, этим вы можете гордиться.

И я тогда действительно этим гордился.

Я быстро внес необходимые уточнения на своей оперативной карте. Начштаба ознакомил меня с маршрутом. Наша поездка должна была продолжаться три-четыре дня.

Поездка к корпусам армии

На другое утро часов около восьми мы отправились на легковом вездеходе марки «Кюбель» к соединениям у места прорыва, восточнее Полтавы. Нас сопровождало несколько связных мотоциклистов. Было ясное морозное утро. Даже меховые шубы не спасали от пронизывающего восточного ветра. Дорогу часто преграждали сугробы. Колонны солдат тыловой службы и местные жители были в состоянии расчищать дорогу только от самых больших завалов, да и то ненадолго. Снеговые стены высотой чуть ли не в четыре метра по обочинам дороги ограничивали обзор. Лишь кое-где мелькавшие просветы позволяли увидеть широкую украинскую степь, раскинувшуюся перед моими глазами, словно пустынный край снегов, кристаллы которых сверкали порой на солнце, как бриллианты. Деревья и кусты попадались изредка только у русла ручьев и в селах между низенькими беленьми

хатами, крытыми соломой или дранкой. На голых ветках топорщились взъерошенные вороны.

По дороге Паулюс разговорился, стал рассказывать о своих опасениях и надеждах.

— Когда я шесть недель назад принял командование 6-й армией, — сказал Паулюс, — я был несколько обеспокоен тем, как сложатся мои отношения с командирами корпусов: ведь все они старше меня и годами и званиями.

— Я и сам над этим задумывался, — ответил я, — но теперь, после того, что я слышал от корпусных адъютантов, у меня сложилось впечатление, что вы пользуетесь здесь у всех большим авторитетом.

— Это верно, Адам, мне тоже кажется, что я нашел правильный тон. Я хочу воспользоваться этой поездкой, чтобы установить еще более тесную связь с людьми. Ведь задача командующего войсками — создать со своими подчиненными отношения, построенные на искреннем доверии, а необходимое условие для этого — хорошо знать друг друга. Это значительно облегчит руководство. Вам уже приходилось лично иметь дело с командирами корпусов?

— Командирам корпусов полковник Гейм представил меня в первые же дни после моего приезда; командиров дивизий я знаю еще не всех. Пока я мог судить о них только по служебным характеристикам.

— Используйте для более близкого знакомства эти несколько дней. Мы побываем во многих дивизиях. Желательно, чтобы вы, когда мы вернемся, написали свои впечатления о командирах.

— Постараюсь, господин генерал, поговорить и с некоторыми полковыми командирами. Правда, у всех имеются служебные характеристики, но мне хотелось бы составить о них свое собственное мнение.

— Это и правильно и необходимо. Думаю, что в нынешнем году нам еще предстоят тяжелые бои. При замене выбывших командиров я должен опираться на ваши предложения. Неправильный выбор при замене командира неизбежно влечет за собой вредные последствия для воинской части. Так что внимательно присмотритесь к каждому.

Мы спускались с какого-то пригорка. Машину занесло, и она несколько раз повернулась вокруг своей оси. Водителю не сразу удалось с ней справиться. Разговор, естест-

венно, прервался. Внимание наше приковала гладкая, как зеркало, обледенелая дорога.

Сначала мы заехали к командиру дивизии генерал-лейтенанту Габке, которому подчинена была войсковая часть на западном выступе. Получив краткую информацию об обстановке и действиях частей, Паулюс осмотрел артиллерийские позиции. Они находились на открытой местности, не были ни защищены окопами, ни замаскированы, следовательно, их легко мог обнаружить противник. Это было непростительно.

Паулюс поговорил с наводчиками и командирами орудий.

— Орудия в порядке, боеприпасов достаточно?

— Так точно, господин генерал! — ответил один из командиров орудий.

— Где находятся передки и кони?

— Кони вон там, в сараях, передки около них. — Артиллерист указал на расположенный всего в нескольких сотнях метров поселок.

Командующий снова обратился к командиру орудия:

— Как, по-вашему, выгодная это позиция? Почему орудия не замаскированы?

Совсем рядом стояли огромные скирды.

— Почему не используете эти груды соломы?

К нам подбежал командир батареи, он явно побаивался нагоняя. Но Паулюс был не из тех грозных начальников, которые воздействуют только окриком, хотя в данном случае мог бы рассердиться — ведь командир батареи легкомысленно подвергал риску жизнь своих солдат.

— Я как раз говорил с вашими артиллеристами о позициях орудий. Они тут у вас видны как на ладони. Если бы противник вздумал возобновить атаку, от вашей батареи через несколько минут, вероятно, ничего бы не осталось. Перемените вечером позиции и замаскируйте орудия соломой.

Он говорил спокойно, убедительно, товарищеским тоном. Командир батареи стоял перед ним навытяжку, приложив правую руку к козырьку.

— Так точно, господин генерал! — Он был так растерян, что ничего больше не нашелся ответить.

— Ладно, ладно, наведите порядок.

С этими словами Паулюс оставил ошеломленного офицера.

«Выдохся» ли Тимошенко?

Мы снова сидели в машине и снова отчаянно мерзли, невзирая на наши шубы.

Следующий разговор у нас произошел в районе расположения VIII армейского корпуса в населенном пункте южнее Харькова. Некоторое время Паулюс не говорил ни слова. Он был занят своими мыслями. Вдруг он вскинул на меня глаза:

— Мне непонятно, почему Тимошенко * не продолжает наступления. Оборонительная позиция, которую мы с вами только что осматривали, не устояла бы перед решительным ударом.

— Я это уже заметил, когда мы стояли на артиллерийских позициях. Достаточно было перебросить несколькими словами с офицером-наблюдателем, который установил на скирде соломы стереотрубу. Он преспокойно утверждал, что русские мерзнут совершенно так же, как и мы, они-де не будут сейчас наступать. Они, как и мы, закрепились в селах.

— Это-то верно, сейчас в большей или меньшей степени борьба идет за населенные пункты. Но мы должны учитывать, что русские гораздо лучше нас приспособлены для зимы, что они могут неожиданно снова нагрянуть. Во всяком случае, наш штаб в Полтаве по-прежнему находится под угрозой.

— Я, господин генерал, того мнения, что Тимошенко выдохся, иначе он все-таки воспользовался бы благоприятной для него ситуацией.

— Я не разделяю вашего мнения, Адам. Русские действуют систематически, они не пойдут легкомысленно на риск. Полагаю, мы сегодня вечером еще основательно обсудим этот вопрос. Послушаем раньше, как оценивает ситуацию генерал Гейтц, он уже давно на этом участке фронта.

Гейтц нас ждал. Он был небольшого роста, с четкой выправкой. Выступающая нижняя челюсть придавала его узкому лицу какое-то жестокое выражение.

Меня интересовало, как Паулюс будет вести обсуждение обстановки. Его не могла удовлетворить поверхностная характеристика положения на участке фронта. Будучи опытным генштабистом, он стремился получить точное представление об обстановке, расспрашивал об источни-

ках сведений о Советской Армии, мгновенно вникал в суть вопроса, умел отделить несущественное от главного, обсуждал и взвешивал различные варианты действий русских и требовал соответствующего решения задачи.

Генерал Гейтц особо подчеркнул мощь советских танковых подразделений, затем резюмировал:

— Если русские соберут здесь ударный кулак, то Харьков нам не удержать, опасность будет угрожать 6-й армии с тыла. Нам не хватает крупнокалиберных противотанковых орудий. Прошу предоставить мне несколько батарей зенитных орудий калибра 8,8. Они дали бы нам возможность отбить атаку вражеских танков.

Паулюс вполне сознавал, какая опасность грозила немецким войскам в Харькове. Разумеется, следовало раньше проверить, можно ли и какие именно зенитные батареи выделить для генерала Гейтца. Обратившись в нему, Паулюс сказал:

— По приезде в Харьков я поговорю с начальником штаба армии. Надеюсь, мы сможем вам помочь.

В Харькове нас ждали ординарцы. Квартиру мы заняли в маленьких домиках на окраине. Обе комнаты и кухня были обставлены уютно, а главное, особенно после этой поездки в лютый мороз, — на нас повеяло приятным теплом. Поужинали мы вместе на квартире у Паулюса. Я жил рядом, в соседнем домике. Нам подали картофельные оладьи и настоящий кофе.

После ужина мы еще долго сидели вдвоем. Командующий возобновил начатый днем разговор:

— Как я уже говорил вам, Адам, я не разделяю вашего мнения о том, что боеспособность Красной Армии понизилась. Под Москвой русские не только задержали наши танки, но даже, как вам известно, перешли 5 декабря 1941 года на Калининском фронте в наступление, далеко отбросили наши войска и нанесли нам весьма чувствительный урон *. Я наблюдал этот первый период, еще будучи в штабе сухопутных сил.

— Я заново глубоко продумал ситуацию, господин генерал. Красные действительно показали под Москвой, какие еще большие возможности у них имеются. Они быстро нащупали наши уязвимые места, прорвали наши позиции и отбросили нас в глубокий тыл. Мне писал об этом генерал Шуберт, адъютантом которого я был до ноября прошлого года. Его XXIII армейский корпус был

много дней в окружении под Ржевом; только напрягая последние силы, ему удалось вывести войска. Многие пункты, которые мы захватили ценой больших жертв, теперь потеряны, например Торопец.

— Да, Адам, у Ржева положение чрезвычайно осложнилось; к тому же мы потеряли очень много ценного материала. Наступление русских на Центральном фронте создало большие трудности для Главного командования сухопутных сил. Было не ясно, каким способом удастся закрыть зияющие бреши прорыва. Вы сами понимаете, что меня крайне тревожит положение нашей армии. Прорвавшаяся у Изюма армия Тимошенко угрожает нашему глубокому флангу к югу от Харькова. Силы, противостоящие тимошенковской армии, не в состоянии отразить новое наступление. Не устранена еще и опасность на северо-востоке от Харькова, у Волчанска. Новые силы еще не прибыли для подкрепления, так что мы можем оказаться в таких обстоятельствах, когда нам придется удерживать нынешние позиции, опираясь на уже действующие там соединения; более того, с их помощью можно скорее ликвидировать вклинения противника. Пока это не сделано, мы находимся в чрезвычайно опасном положении *.

Перед нами лежала карта. На ней были нанесены последние данные оперативной сводки. Паулюс поговорил по телефону с начальником штаба о ходатайстве генерала Гейтца, чтобы южнее Харькова были использованы для противотанковой обороны зенитные пушки калибра 8,8. Начальник штаба информировал командующего об обстановке на других участках фронта армии. Я слушал рассеянно. Наш разговор с Паулюсом не слишком способствовал моему душевному равновесию.

Я мысленно восстанавливал перед собой сегодняшние события. Кое-кто из строевых офицеров был настроен мрачно. У многих солдат не осталось и следа от прежнего подъема, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны. Достоверно было одно: Гитлер и Главное командование сухопутных сил сознательно или невольно лгали, когда бахвалились перед всем миром, что Красная Армия разбита. Разбитая армия не может без передышки атаковать в разных местах посреди зимы.

Но к чему эти сомнения? Вот кончится зима, тогда дело пойдет на лад. Так убеждал я самого себя. Однако в ту ночь мне долго не спалось.

На другой день мы побывали в дислоцированных в Харькове штабах XVII армейского и XXXX танкового корпусов. С командиром танкового корпуса, генералом танковых войск Штумме, я встретился здесь впервые; в армии ему дали шутливое прозвище «шаровая молния». Кличка эта очень подходила к маленькому, толстому, живому как ртуть генералу. Его танковые дивизии оттеснили противника, который прорвался было в наши позиции на северо-востоке от Харькова. Понравился мне Паулюс и здесь, в беседе с командирами корпусов и начальниками штабов. Он не кичился своим высоким званием, а старался убедить подчиненных в правильности своей точки зрения. Его манера держаться произвела благоприятное впечатление и на генералов. Я с удовольствием заметил, что они отнеслись к командующему с должным уважением.

Страшное зрелище в Белгороде

Через два дня мы выехали в Белгород, в XXIX армейский корпус. Я радовался предстоящему свиданию с начальником штаба полковником фон Бехтольсгеймом. Мне довелось много месяцев работать с ним в штабе XXIII армейского корпуса. Паулюс тоже знал его довольно близко. Во время польской и французской кампаний Бехтольсгейм был начальником оперативного отдела 6-й армии.

Мы уже подъезжали к городу, когда Паулюс показал направо и сказал:

— Смотрите, здесь шоссе, играющее такую жизненно важную роль для снабжения войск в районе Белгорода, почти не пострадало. Вы знаете, что 294-я пехотная дивизия оказала лишь слабое сопротивление атакующему противнику; часть ее, спасаясь бегством, отступила туда, вот до той небольшой возвышенности. Восстановить прежнее положение удалось только при поддержке наших танков.

Вскоре мы прибыли в Белгород. И тут в центре города перед нами внезапно открылась страшная картина. Меня охватил ужас. Посреди большой площади стояла виселица. На ней раскачивались трупы людей в штатской одеж-

де. Паулюс побледнел. Глаза этого обычно спокойного человека выражали глубокое возмущение. Он гневно воскликнул:

— Да как они смеют делать свое преступление публичным зрелищем! Я же отменил приказ Рейхенау, как только приступил к своим обязанностям!

Я очень хорошо помнил этот приказ Рейхенау. Это произошло в ноябре 1941 года. Я был переведен в штаб 6-й армии и направлен к месту своего назначения. Мне сразу стало ясно, какой царит здесь дух. Прямо на лестничной площадке у входа в оперативный отдел висело большое объявление с текстом этого приказа, имевшего следующий заголовок: «О поведении войск в оккупированных странах Восточной Европы» и подпись: «фон Рейхенау, генерал-фельдмаршал». То, чего требовал приказ от военнослужащих, было чудовищно. Он призывал к поголовному убийству русского населения, включая женщин и детей. Это уже не имело ничего общего с методами ведения войны в моем понимании. Приказ Рейхенау превзошел даже «приказ о комиссарах», согласно которому предписывалось с политическими комиссарами Советской Армии обращаться не как с солдатами или военнопленными, а требовалось изолировать их и сразу же поголовно истреблять[1]. Что осталось от Гаагской конвенции!

Приняв командование 6-й армией, Паулюс отменил приказ Рейхенау. Тем не менее в Белгороде стояла виселица.

Командир корпуса фон Обстфельдер и полковник генерального штаба фон Бехтольсгейм ждали нас у входа в свою штабквартиру. Паулюс спросил Обстфельдера:

— За что повесили мирных жителей?

Обстфельдер вскинул глаза на своего начальника:

— Комендант гарнизона арестовал их как заложников, потому что многие наши солдаты были найдены в городе убитыми. Заложников повесили на главной улице для примера и устрашения.

Паулюс стоял перед офицерами чуть сгорбившись, лицо его нервно подергивалось. Он сказал:

— И по-вашему, этим можно приостановить действия партизан? А я полагаю, что такими методами достигается как раз обратное. Я отменил приказ Рейхенау о поведении войск на Востоке. Распорядитесь, чтобы это позорище немедленно исчезло.

Таков был Паулюс. Месть и зверская расправа были несовместимы с его понятием воинской чести. Он отменил варварский приказ Рейхенау. Но Паулюс дальше этого не шел. Правда, он был глубоко возмущен и потребовал убрать виселицу. Однако комендант белгородского гарнизона, вопреки приказу командующего армии казнивший заложников, остался безнаказанным. Я и сам тогда никак не реагировал на эту непоследовательность Паулюса.

На четвертый день мы вернулись в Полтаву.

Мрачные настроения в тылу

Больше двух лет я не был в отпуске. В результате обследования, которое я прошел у армейских терапевтов, наш главный врач профессор Хаубенрейсер рекомендовал мне испросить себе наконец законный отпуск. Паулюс удовлетворил мою просьбу, несмотря на напряженное положение. На своего заместителя я мог положиться — он был инструктирован мной во всех вопросах, — и еще до наступления пасхи я собирался выехать из действующей армии.

Командующий группой армий разрешил Паулюсу взять отпуск на несколько пасхальных дней, чтобы присутствовать в Берлине на крестинах своих внуков-близнецов.

Мы отправились на родину вместе. Из Полтавы до Киева нас доставил специальный поезд фельдмаршала фон Бока; автомобиль Паулюса мы везли на платформе. Паулюс хотел ехать от Киева до Берлина на легковой машине.

Одной из наших авторемонтных рот в Киеве было приказано предоставить мне легковую машину до германской границы. Меня сопровождал молодой адъютант нашего штаба. Из Киева мы, не задерживаясь, двинулись дальше. Сначала все шло как будто гладко. Однако к вечеру поднялась сильная метель, так что с трудом можно было различить дорогу. Мы решили ночевать в Житомире и на рассвете выехать. Но в те дни меня преследовала неудача. Когда в темноте машину заправляли, она вдруг соскользнула в кювет, и у мотора сломалась выхлопная труба. На другое утро я отправился в авторемонтную мастерскую.

Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы машину немедленно привели в порядок. Только к полудню смогли мы снова продолжать путь. Мы заправили бак и наполнили запасную канистру — к счастью! Машина шла хорошо, метель прекратилась. Мысленно я уже был в Кракове, откуда решил ехать эшелоном отпускников, идущим по расписанию во Франкфурт-на-Майне.

В веселом настроении, как и подобает отпускнику, я завел разговор с водителем, молодым солдатом, по специальности слесарем.

— Вы давно в армии?

— С начала войны, господин полковник.

— А с каких пор в авторемонтной роте?

— После обучения меня перевели туда в качестве слесаря по ремонту, я не расставался с ротой во время всей западной кампании.

— Ну как, нравится вам Киев? Я вчера после обеда видел город только мельком, но он произвел на меня хорошее впечатление.

— Да, господин полковник, Киев — красивый город, и жилье у нас тут хорошее, и в авторемонтной мастерской все как положено. Оно бы хорошо, не будь здесь так неспокойно.

— То есть как это?

— Я бы не советовал вам одному выходить вечером на улицу. За то время, что мы здесь, бесследно пропало очень много солдат и офицеров. Не из нашей части, нас-то сразу предупредили. Когда мы вечером идем в кино или в солдатский клуб, мы всегда собираемся большой группой. С оружием мы не расстаемся.

— Ну-ну, не так страшен черт, как его малюют!

— Господин полковник, я не преувеличиваю. Партизаны есть и в самом городе, они устраивают налеты. Лучше бы нам стоять в каком-нибудь городишке, где все жители наперечет. А самое лучшее дело было бы, если бы война поскорее кончилась.

— Скучаете, должно быть, по Западу?

— Там-то было во всех отношениях приятнее. Да, хорошее было времечко, ничего не скажешь.

— А теперь, стало быть, война вам осточертела?

— По правде говоря, да, господин полковник. Послушали бы вы, как ругаются наши старые вояки. Отпускники рассказывают, что в снегу под Москвой полегло много

наших солдат. Мой приятель привез с собой из дому, из своего городишки, местную газету — в ней целые страницы сплошь заняты объявлениями о смерти.

Мы выехали на дорогу, только что посыпанную щебнем. Под машиной перекатывались крупные, величиной с кулак, камни. Водитель сбавил скорость. Но через несколько сот метров уже можно было ехать быстрее. Мы приближались к Ровно. Адъютант, сидевший за мной, тронул меня за плечо:

— Господин полковник, кажется, с машиной опять неладно, мы оставляем за собой след: то ли бензобак течет, то ли радиатор.

Мы остановились. В бензобаке оказалась дырочка, пробитая камнем. Из пробоины сочился бензин. Наполнив бак из запасных канистр, мы добрались до заправочной станции в Ровно. Авторемонтной мастерской там не оказалось. Водитель законопатил дырку и снова наполнил все баки. Израсходовав бензин до последней капли, мы добрались до Перемышля и поставили машину в одной из мастерских вермахта. Дежурный механик автобазы заявил, что ремонт продлится не меньше двух дней. Поэтому я решил ехать на другое утро поездом. Через полтора дня я был во Франкфурте-на-Майне. Зато эта часть пути прошла без происшествий. А еще через несколько часов меня встретила жена на вокзале в Мюнцберге, в маленьком гессенском городке неподалеку от курорта Наугейма.

На другое же утро я отправился к своему старому знакомцу столяру Гартману, который на редкость тонко разбирался в политике и истории. Я сидел в его маленькой мастерской, а он продолжал работать, и мы говорили с ним несколько часов подряд.

Разговор шел о войне.

— Жители в нашем городишке настроены по-разному. У кого близкие на Западе или в Северной Европе, те, как и прежде, довольны. Вы даже представить себе не можете, чего только не шлют им оттуда наши солдаты: продукты, ткани, белье, платья. Женщины, которые в мирное время едва могли купить себе пару чулок, сейчас разгуливают в мехах. Им не приходится дрожать за жизнь своих мужей и сыновей. Так-то можно и войну вытерпеть.

Совсем иначе обстоит в семьях, чьи близкие на Восточном фронте. Они живут в вечном страхе. Каждый день

почтальон может вернуть им письмо на фронт с пометкой: «Пал на поле чести». Надо же хоть кое-что соображать да научиться читать военные сводки между строк. Нас отбросили далеко назад. Под Москвой, как видно, немецкая кровь лилась рекой. Загляните-ка в эту газету.

Действительно, то, о чем рассказывал мне по дороге мой молодой шофер, не было преувеличением. Газетные полосы были сплошь заполнены объявлениями о смерти.

— Геббельсу не скрыть от народа это поражение. Его уличают во лжи рассказы отпускников и раненых об отступлении под Москвой. Могу только сказать вам, что настроение быстро падает. И с каждым днем все больше людей в нашем городе мечтает, чтобы война кончилась. Даже некоторые «Пг»* — и те перестали болтать о «победном конце». Я и не верю, что мы можем одолеть русского богатыря. В своей самонадеянности Гитлер бросил вызов всей Европе, какой уж тут может быть хороший конец.

Сидя на верстаке, я слушал старого мастера. Иногда он откладывал рубанок, чтобы набить табаком трубку или поднести к ней лучинку, зажженную от печки, на которой он растапливал столярный клей.

Старик Гартман был глубоко религиозен, он аккуратно ходил в церковь, и на верстаке перед ним всегда лежала Библия.

— Коммунисты не хотят иметь ничего общего с религией, — говорил он, — поэтому я против коммунизма. Я действительно вовсе не сторонник русских. Но я и не национал-социалист. Как послушаешь отпускников, так волосы дыбом встанут. Невинных людей убивают, вешают мирных жителей. С этим я никак не могу согласиться. А что творят с евреями — это просто позор. Почему их надо истреблять? Они ведь тоже люди и так же исполняют свой долг, как и мы. Нет, это ни к чему хорошему не приведет. Да притом война на два фронта. Мы не можем ее выдержать. Это показала еще первая мировая война. У России гигантская территория и большие людские ресурсы.

— Ничего, справимся! — сказал я и простился со своим старым знакомцем. Однако то, что я от него услышал, снова дало пищу сомнениям, которые лишили меня сна несколько недель назад, после беседы с генералом Паулюсом. Много ли есть в тылу людей, которые думают, как этот столяр? Я прислушивался к речам окружающих, раз-

говаривал с крестьянами, мелкими торговцами, рабочими, учителями. Чаще всего они были со мной осторожны, избегали отвечать на мои вопросы. В их глазах я был высокопоставленный военный. Вот это-то меня и смущало, вот отчего мне не удавалось рассеять свои сомнения. Впрочем, жена рассказывала мне, что люди у нас живут в постоянном страхе перед гестапо. Необдуманное слово могло навлечь на человека арест и ссылку в концлагерь. Повсюду царило взаимное недоверие. Подавленное настроение я наблюдал и в Эйхене, когда ездил к своему брату. Многие из моих юных родичей погибли на фронте, и все это были крестьянские сыновья, которые когда-нибудь унаследовали бы родительский хутор. В былые времена я с удовольствием ездил в свою родную деревню к родственникам и друзьям. А теперь мне пришлось выражать им соболезнование по поводу постигших их утрат. Почти всюду встречались мне женщины с заплаканными лицами.

Из отпуска — к начальнику управления кадров

По возвращении из Эйхена я застал в Мюнценберге телеграмму от коменданта Франкфуртского гарнизона: «Согласно приказу, 6-й армии немедленно прервать отпуск, явиться завтра в управление кадров сухопутных сил в Берлине».

Это был неприятный сюрприз. Моя жена совсем приуныла. Как она радовалась моему отпуску, какие только планы мы с ней не строили! А теперь все рухнуло. Я быстро собрался. Разлука и мне давалась тяжело.

В Наугейме я поспел к ночному поезду на Берлин. Прибыв туда в первой половине дня, я сразу же явился в управление кадров сухопутных сил. Меня уже ждали, и дежурный офицер тотчас препроводил меня дальше, к курьерскому поезду на Летцен. Так что я мог только по телефону приветствовать своего шурина подполковника Вагнера, начальника отдела в Главном штабе вермахта (ОКВ).

В Летцене знали о моем приезде. Здесь я наконец узнал, почему я должен прервать отпуск: надо лететь в Пол-

таву, где начальник управления кадров сухопутных сил генерал Кейтель * созывает совещание армейских адъютантов группы армий «Юг».

Я переночевал в специальном поезде генерал-фельдмаршала фон Браухича. Поезд, находившийся в лесу под Летценом, был замаскирован. Он состоял из нескольких спальных вагонов, вагона-ресторана и салон-вагона с креслами и столом. Комендант поезда отвел мне с моим адъютантом отдельное купе.

Когда на другое утро я вышел из автомобиля на Летценском аэродроме, личный самолет генерала Кейтеля был уже готов к вылету в Полтаву. Сам генерал прибыл вслед за мной в сопровождении нескольких начальников отделов управления кадров сухопутных сил.

Обуреваемый весьма различными чувствами, ждал я отлета. Поднялся сильный ветер.

Мы заняли свои места, самолет стартовал, под нами раскинулось озеро. Уже на высоте нескольких сот метров нас стало болтать. До этого я никогда не болел воздушной болезнью. Но тут мне досталось крепко. Когда мы делали промежуточную посадку в Житомире, ноги у меня были как ватные. Вполне понятно, что я не имел ни малейшего желания вылезать из машины. Правда, потом лететь было приятнее, и все же, когда я в Полтаве почувствовал под ногами твердую почву, я обрадовался.

Совещание началось на другое утро в здании штаба группы армий. Кроме Кейтеля и начальников отделов управления кадров, в совещании участвовали: 1-й адъютант группы армий «Юг» полковник фон Вехмар, 1-е адъютанты 2-й, 6-й, 11-й и 17-й армий, а также 1-й и 4-й танковых армий. Нам было поручено установить, соответствуют ли своим должностям командиры частей и подразделений, доложить о не справляющихся со своими обязанностями командирах управлению кадров и представить свои соображения, как следует их использовать в дальнейшем, и рекомендовать кандидатов на их место, по возможности из офицеров соответствующей армии.

Наша 6-я армия предложила назначить подходящих для этого обер-лейтенантов батальонными, а молодых проверенных майоров — полковыми командирами. Через месяц они будут утверждены на должности командира, а еще через два месяца им будет присвоено очередное звание независимо от срока выслуги лет. Это предложение

было одобрено. Управление кадров рекомендовало 1-м адъютантам в случае потери командиров действовать по примеру 6-й армии. Я подчеркнул, что досрочное производство в высший чин не только подняло бы авторитет офицеров в глазах их коллег, имевших то же звание, но и подстегивало бы честолюбие офицеров.

Генерал Кейтель потребовал, чтобы в группе армий перед началом наступления был создан резерв командного состава из офицеров всех званий.

К вечеру совещание кончилось. Сразу же после него я доложил о результатах начальнику штаба и Паулюсу. Вскоре на нас навалились всевозможные заботы. О продолжении отпуска нечего было и думать.

Немецкий фельдфебель возвращается из советского плена

Вскоре на одном из участков к югу от Харькова возник очередной кризис. Советское командование, видимо, вновь пыталось прорвать нашу оборону. Удар удалось парировать, пустив в ход зенитные орудия калибра 8,8 и вновь прибывшую дивизию. Однако советским частям удалось захватить некоторое количество пленных из 44-й пехотной дивизии. В их числе был — фамилию я его забыл — некий фельдфебель, командир взвода пехотного полка. Через несколько дней дивизия сообщила, к нашему удивлению, что взятый в плен фельдфебель вернулся в свою воинскую часть. Разведывательный отдел дивизии в своем донесении добавлял, что вернувшийся фельдфебель всюду рассказывает, будто бы солдаты и офицеры Красной Армии обращались с ним хорошо. Эти сообщения, шедшие вразрез с нашей пропагандой, вызвали немалое волнение в разведывательном отделе штаба армии. Я присутствовал при том, как начальник отдела докладывал о происшествии на обсуждении обстановки у начальника штаба. Он уже приказал доставить в штаб армии фельдфебеля в сопровождении одного из офицеров, так как эта история казалась ему весьма загадочной. Допрошенный офицером разведки фельдфебель сообщил, что ему удалось бежать из плена. Тем не менее с пленными, по его словам, обращались гуманно. И во фронтовых частях, а позднее и в вышестоящих инстанциях, в штабах, где

их допрашивали, у пленных всего было вдоволь — еды, питья, курева. А что пленных якобы бьют или расстреливают на месте, то этого и в помине нет.

Все это казалось нам неправдоподобным. Начальник разведывательного отдела считал, что фельдфебель подослан в свою часть в целях ее деморализации. Если даже это не так, то его пребывание там подрывает моральное состояние этой части. Поэтому он предложил перевести фельдфебеля в запасную часть с категорическим запрещением посылать его на Восточный фронт. С предложением согласились.

Принятая мера не могла все же помешать оживленным толкам, возникшим в дивизии по поводу происшествия. Большинство стояло на той точке зрения, что пленный был отослан обратно с вполне определенным заданием, поэтому с ним так хорошо и обращались. Сообщению его верили лишь немногие. Но нам так никогда и не стало известно, что произошло в действительности.

Случай с фельдфебелем дал пищу для разговоров и среди офицеров штаба армии. Я вполне допускал, что в данном случае это не было бегством из плена, однако сомневался в том, целесообразно ли переводить фельдфебеля в запасные части, о чем и сказал Паулюсу.

— Не вызовем ли мы таким образом сами нежелательную дискуссию в полку, да, пожалуй, и в дивизии? Ведь фельдфебель получил от своего ротного командира хорошую характеристику, он известен как образцовый, верный своему долгу солдат, который всегда вел себя хорошо. У него не было ни одного взыскания, его уважают и начальники и подчиненные. Мне кажется, что именно тогда и начнутся те самые неприятные разговоры, которых мы хотим избежать. Немало солдат станет сомневаться в правдивости нашей пропаганды.

Командующий задумался, потом ответил:

— Попробуем стать на сторону вернувшегося из плена, предположим, что он не имел особого задания. Даже тогда его пребывание в части представляет собой известную опасность. Ему все время придется давать объяснения. Оборот, который приняли обстоятельства, благоприятствует вражеской пропаганде. Поэтому я согласен с предложением нашего отдела контрразведки.

Я говорил также с офицером, который вел допрос, и изложил ему свои опасения.

Он улыбнулся:

— Эту опасность мы тоже предусмотрели и поэтому информировали дивизию следующим образом: дополнительная проверка в штабе армии показала, что все, что рассказывал фельдфебель, не соответствует действительности. Вернее всего, он получил от русских задание подстрекать своих товарищей к дезертирству.

Я онемел от удивления. Затем спросил:

— Это что, вполне достоверно?

— Конечно, это не буквально так, — отвечал офицер, — но я того мнения, что таким путем будет положен предел обсуждению этой истории.

Долго еще потом размышлял я над тем, каким способом и с помощью каких приемов разделались с этой проблемой. Разумеется, и здесь, обнаруживалось противоречие между нашей официальной пропагандой и действительностью. Мы все постоянно внушали нашим солдатам, что русский не оставляет пленных в живых. Он-де их допрашивает и тут же приканчивает. Между тем фельдфебель рассказывал о немецких солдатах, которые попали в плен еще в 1941 году. Им, по его словам, жилось хорошо. Кому же верить? Фельдфебель называл фамилии и воинскую часть солдат, с которыми он виделся и говорил по ту сторону фронта. Эти сведения можно было проверить. Изобличить его во лжи было бы легко. Но какую цель преследовали красные, отправив обратно нашего командира взвода? Какое он фактически получил задание?

И как это бывает, когда мысли блуждают, мне пришло на память другое впечатление, запомнившееся мне в нашем штабе. Полковник фон Бехтольсгейм, начальник штаба XXIX армейского корпуса, получил назначение во Францию на пост начальника штаба 1-й армии. Его преемник, полковник генерального штаба Кинцель, прежде бывший начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных сил, пришел доложить о своем прибытии Паулюсу, и мы пригласили его с нами отобедать. В разговоре Паулюс выразил недоумение по поводу того, что Главное командование сухопутных сил, особенно Гитлер, утверждает, будто бы Красная Армия уничтожена.

— Ведь то, что об этом не может быть и речи, доказывают действия Красной Армии с января, особенно под Москвой, да и здесь, у нас. А вы какого мнения, Кинцель?

— В моем отделе никогда не поддерживали тезис Гитлера, многократно им повторявшийся, будто Красная Армия разбита. Я в моих докладах постоянно указывал фюреру, что по имеющимся у нас всячески проверенным сведениям Советский Союз только сейчас начинает разворачивать в полном объеме свою военную мощь. Он сформировал многочисленные новые армии, его военная промышленность работает полным ходом. Но об этом Гитлер не хотел и слушать, потому что действительность расходится с его мечтами. Одним махом руки он смел со стола наши рапорты.

Поистине это звучало неутешительно. Если главнокомандующий в своих решениях исходит из таких неверных предпосылок, то мало ли к каким непредвиденным последствиям это приведет. Но почему потворствует этому генералитет в Главном командовании сухопутных сил и вермахта, почему генеральный штаб потворствует распространению, подобной дезинформации? Да это же безумие — основывать стратегию и тактику ведения войны на лживой пропаганде! Неужели такое преступное легкомыслие в самом деле возможно?

Вопрос этот не выходил у меня из головы. Но мне и не снилось тогда даже в самых страшных снах, каким мучительным путем приду я к познанию истины. Прежде всего, я доверял Паулюсу. Он не стал бы предаваться беспечности, согласившись с такой безответственной недооценкой противника. Он руководился бы своим здравым смыслом. Это он и доказал сразу же в первые недели, когда принял командование 6-й армией.

Обсуждать возникающие у меня сомнения с начальством или с равными мне по рангу товарищами я полагал невозможным, да и опасным. Правда, я как раз тогда познакомился с одним офицером, прямолинейность которого меня привлекала, — с новым начальником инженерных войск армии полковником Зелле. Но мы знали друг друга еще слишком мало. Кроме того, он носил золотой значок члена нацистской партии *. Несмотря на критические замечания, которые он подчас высказывал, я тогда считал его убежденным сторонником Гитлера. Только с течением времени я установил, что Зелле тогда и сам во многом сомневался и пережил тяжелое разочарование в гитлеровской стратегии. Позднее мы стали друзьями.

Фриче — фюрер пропаганды

Предстояло большое наступление летом 1942 года. Главное командование сухопутных сил прикомандировало к штабу 6-й армии в качестве офицера связи майора генерального штаба Менцеля. Благодаря своей скромности и умению молчать он очень скоро установил контакт с оперативным отделом и пользовался всеобщим доверием. Незадолго до начала боевых действий нам преподнесли еще один сюрприз. В наш штаб был прикомандирован один из руководящих деятелей министерства пропаганды — Фриче — в качестве военного корреспондента. Он пришел представляться Паулюсу в мундире зондерфюрера, что соответствует званию капитана.

После нашей обычной дневной прогулки я сидел у полковника Фельтера, начальника нашего оперативного отдела. В беседе с ним я спросил:

— Зачем понадобилось прислать к нам одного из ближайших сотрудников Геббельса?

— По-видимому, в верховных штабах ждут перелома в ходе войны. В войсках и в тылу наш провал под Москвой сильно поколебал веру в близость победного конца. Настроение понижение не только в нашей армии. С помощью специальных корреспондентов о победах на Восточном фронте верховное командование хочет поднять настроение. Уничтожив прорвавшиеся южнее Харькова русские войска, а главное развернув пышным летом наступление, мы должны дать пищу для новых победных реляций. Сотрудник Геббельса Фриче получил задание писать зажигательные репортажи. Он сразу же, как только приехал, попросил нас назвать ему солдат и молодых офицеров, которые отличились в оборонительных боях. Но вы это и сами знаете, — заключил свой рассказ мой собеседник.

— Насколько мне известно, Фельтер, он к вам частенько наведывается.

— Да уж конечно. Старается выкопать в утренних и вечерних сводках материал, из которого можно что-нибудь состряпать для прессы и радио.

— Первые плоды его трудов уже налицо. В киевской солдатской газете я читал его очень ловко сделанные фронтовые очерки. Он действительно умеет повседневное изображать как героическое. А какому же солдату не

будет лестно, что его фамилия названа в газете? Любопытно было бы посмотреть, проявит ли наш военный репортер такую же активность, когда разгорится настоящая драка.

— Вот об этом и я себя спрашиваю. Впрочем, это мы увидим. Кстати, он, надо думать, прислан сюда и как осведомитель. А так как у нас и без него дел хватает, то пошлем его в дивизии. Где-где, а уж там он сможет услышать собственными ушами шум боя.

Наступательные планы Гитлера в 1942 году

— Знаете, Фельтер, я вам не завидую: сейчас на вас свалилась двойная работа — подготовить уничтожение противника, прорвавшего наши позиции южнее Харькова, и сверх того составить план большого летнего наступления. Это действительно не самое приятное. Адъютант группы армий сказал мне, что сюда уже направлены различные дивизии, заново укомплектованные во Франции для летнего наступления.

Будем надеяться, что нам не понадобится спасать положение к югу и северу от Харькова с помощью этих дивизий в качестве, так сказать, пожарных команд. За последние дни в обоих местах вклинения усилилась деятельность советской разведки. Командиры корпусов очень встревожены. Они настойчиво требуют подкреплений, так как ждут, что противник перейдет в наступление.

Директива Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года определила для группы армий «Юг» цели летнего наступления 1942 года. Осуществление комплекса операций должно начаться наступлением из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Для этого предназначались 2-я, 4-я танковая и 2-я венгерская армия. Задачей нашей 6-й армии было прорваться из района Харькова на восток и во взаимодействии с продвигающимися вниз по Дону моторизованными частями 4-й танковой армии уничтожить силы противника в междуречье Дона и Волги. После этого, в третьей фазе летнего наступления, 6-я армия и 4-я танковая армия должны были соединиться в районе Сталинграда с силами, наступающими на восток от Таганрога

и Артемовска. Достигнув Сталинграда, предстояло уничтожить этот важный военно-промышленный центр и крупнейший узел путей сообщения.

В заключение операции предусматривался прорыв через Кавказский хребет. Было ясно, что Гитлер зарится на богатейшие нефтяные источники, которые к тому же были решающими для дальнейшего ведения войны *.

Весна 1942 года: битва за Харьков

В начале мая в район Харькова прибыли некоторые ожидавшиеся из Франции дивизии, в том числе и 305-я Боденская дивизия, а с ней и мой тогда еще не знакомый мне соавтор, мой будущий друг Отто Рюле, служивший в моторизованной санитарной роте.

Подготовка к переброске наших войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, располагавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предприняли 12 мая новое наступление с Изюмского выступа и под Волчанском.

Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском. Случилось то, чего Паулюс опасался еще 1 марта. Дивизия отступила. Пришлось отвести километров на десять назад и VIII армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова. Правда, 3-я и 23-я танковые дивизии пытались нанести контрудар, но безуспешно.

Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника **. Но затем наступил перелом. 17 мая к Изюмскому выступу с юга подошла армейская группа «Клейст» с III танковым корпусом под командованием генерала фон Макензена. Одновременно с севера развернула большое наступление 6-я армия. В ожесточен-

ной борьбе удалось окружить наступавшие советские соединения*. Это были две изматывающие недели. Ни днем, ни ночью мы не снимали с себя сапог, не говоря уже об одежде.

29 мая весеннее сражение за Харьков кончилось.

Опасный прорыв под Изюмом был ликвидирован. Паулюс получил Рыцарский крест. Командный пункт армии был переведен из Полтавы в Харьков.

Фриче получает выговор

С нетерпением ждал зондерфюрер Фриче начала операции под Харьковом. Затем его перо застрочило, снабжая тыл блистательными, воодушевляющими корреспонденциями с поля сражения. Они придавали бодрость многим немцам, усомнившимся и павшим духом. В памяти многих людей бледнели ужасы лютой русской зимы, неудачи под Москвой и в Крыму**. Наверное, Фриче считал, что всем потрафит, поместив в солдатской газете, издававшейся в Киеве, статью, в которой он прославлял как великого полководца Паулюса, в ту пору получившего звание генерала танковых войск. Нашей последней победой, писал Фриче, мы обязаны в первую очередь осторожному и целеустремленному руководству Паулюса. Помню, как мы в штабе армии радовались и гордились, читая эту статью. Зондерфюрер сразу выиграл в нашем мнении. Однако министр пропаганды доктор Геббельс реагировал иначе. В день, когда нам доставили номер этой газеты — мы еще сидели после ужина за столом, — Фриче вызвали к телефону. Вернулся он с красным, пылающим лицом. Что же случилось? Геббельс устроил ему головомойку за то, что он восхвалял Паулюса как полководца: в Великой Германской империи этот эпитет применим только к одному человеку — к фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру. Фриче пробыл в 6-й армии еще несколько месяцев. Насколько мне известно, он ни разу больше не проштрафился перед своим начальством.

Когда Паулюс узнал о происшествии, он рассердился.

— Чем только эти люди занимаются! Как будто это самое главное. А что мы сели в калошу главным образом потому, что верховное командование недооценивало противника, им невдомек.

— А по-моему, господин генерал, самое страшное — это то, что поражения относятся целиком на счет командующих армий или групп армий — генерал Гудериан, например, после поражения под Москвой был снят и отправлен в тыл, — зато победами мы в первую очередь обязаны полководческому искусству фюрера.

— Милый Адам, надеюсь, эти крамольные мысли вы не высказываете в присутствии господина Фриче. Мне бы не хотелось, чтобы у вас были неприятности.

— Я буду осторожен, господин генерал.

Новый начальник штаба 6-й армии Шмидт

В начале мая 1942 года произошла смена в оперативном отделе 6-й армии. По требованию командующего группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Бока был снят с должности начальник штаба армии Гейм, за несколько дней до этого получивший звание генерал-майора. По мнению Бока, Гейм оказался не на высоте в тяжелой обстановке, создавшейся весной 1942 года; он якобы слишком пессимистически расценивал последствия прорыва противника под Волчанском. Паулюс говорил мне, что не согласен с этим решением. Но он ничего не сделал, чтобы помешать отставке Гейма. Меня очень поразила эта мера по отношению к генерал-майору Гейму. Я считал его способным офицером. Все начальники отделов штаба армии работали с ним дружно и сожалели о его уходе.

Гейм принял на себя командование 14-й танковой дивизией, а его преемником в штабе армии стал полковник генерального штаба Артур Шмидт. Целесообразна ли была такая замена в разгар подготовки наступления, накануне летней наступательной операции? Даже Паулюс отнесся к этому неодобрительно, в особенности когда обер-квартирмейстер, отвечавший за все снабжение, полковник генерального штаба Пампель был смещен и вместо него назначили полковника генерального штаба Финка. Шмидту и Финку нужно было за короткий срок ознакомиться с установками их предшественников. Шмидту это удалось очень скоро. Сын купца, уроженец Гамбурга, он был человеком умным, гибким, наделенным большой сметливостью, что сочеталось с твердостью, которая, впрочем,

часто переходила в упрямство. А главное, было между ним и прежним начальником одно существенное различие: Гейм умел поддерживать хорошие отношения со всеми отделами штаба армии. Он был солдатом и прежде всего требовал от каждого своего сослуживца соблюдать дисциплину и беспрекословно повиноваться его приказаниям, но он отвечал за каждого начальника отдела и выручал его в любой ситуации. В противоположность ему Шмидт был нетерпим и заносчив, холоден и безжалостен. Чаще всего он навязывал свою волю, редко считался с мнением других. Между ним и начальниками отделов его штаба неоднократно возникали столкновения, особенно с начальником оперативного отдела, с обер-квартирмейстером и начальником инженерных войск армии. Это отнюдь не ускоряло последние приготовления к летнему наступлению. Многие офицеры нашего штаба добивались перевода в другие части. Паулюс был осведомлен об антипатии, которую внушил к себе начальник штаба. При малейшей возможности Паулюс старался сглаживать эти шероховатости, но не ставил перед собой серьезно вопроса о замене начальника штаба.

Я сожалел, что квалифицированный генштабист Шмидт не умеет установить контакт с армейской средой. Даже к Паулюсу он относился не так, как следовало бы. Шмидт пытался помыкать командующим. Это поняли и командиры корпусов, которые приняли Шмидта скрепя сердце.

Армия нуждается в пополнении

В боях за Харьков 6-я армия понесла весьма ощутительный урон, потеряв 20 тысяч человек убитыми и ранеными.

Моя задача заключалась в том, чтобы возможно скорее закрыть образовавшиеся бреши с помощью нового пополнения. Ведь в предстоящем летнем наступлении должны были принимать участие полностью укомплектованные дивизии.

В тыл были направлены заявки штабам военных округов. Уже через несколько дней поступило сообщение, что первые эшелоны в пути. В Харьков ежедневно поступало пополнение, которое вливалось в дивизии.

Прибыли и последние, заново сформированные во Франции дивизии, а также штаб LI армейского корпуса во главе с генералом артиллерии фон Зейдлиц-Курцбахом. Командиры дивизий явились к Паулюсу на командный пункт в Харькове. Адъютанты передавали мне списки офицеров с указанием занимаемых ими должностей. Среди командиров дивизий оказались два старых знакомых нашего командующего: генерал-лейтенант Енеке, командир 389-й пехотной дивизии, и генерал-лейтенант фон Габленц, командир 384-й пехотной дивизии. Паулюс долго беседовал с ними. Его в первую очередь интересовали уровень боевой подготовки, боевые качества и опыт, особенно командиров полков. Я присутствовал при докладе генерал-лейтенанта Енеке. Его сообщение было неутешительным. Дивизия Енеке почти сплошь состояла из солдат, у которых отсутствовал либо был крайне мал опыт ведения войны на Востоке; так обстояло даже с командирами пехотных полков. Это были старшие офицеры, которые в прошлом находились в распоряжении службы комплектования. Затем они прошли курс обучения на полигоне Мурмелон во Франции, после чего их и назначили командирами.

— Они, конечно, еще не командиры, поскольку у них нет опыта ни в воспитании войск, ни в командовании. Двое из них, по-моему, и физически не в состоянии справиться с предстоящими трудностями, — заметил генерал Енеке. — Я был бы вам признателен, если бы вы дали мне вместо них двух обстрелянных батальонных командиров. А управлению кадров я предоставлю объяснение замены этих двух полковых командиров.

— Этого не требуется, господин генерал, — ответил я. — У нас есть указание перед началом наступления еще раз проверить годность всех командиров, и нам даны полномочия провести необходимые перестановки.

На другой же день обоих старших офицеров заменили другими, а их зачислили в резерв командного состава.

Если эту проблему еще удавалось разрешить просто и быстро, то гораздо труднее было заполнить возникшие во время боев бреши. И прежде всего это относилось к пополнению рядового состава. Зимние и весенние бои на Восточном фронте стоили нам огромных потерь. По-моему, потери вермахта зимой 1941/42 года доходили до полумиллиона *. Проблема пополнения была очень серьез-

ной уже в начале наступления 1942 года. Но она стала вызывать ужас при мысли о тех далеких целях, которыми бредило верховное главнокомандование.

Гитлер проводит совещание в Полтаве

1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг» в Полтаве состоялось расширенное совещание командующих. Гитлер явился в сопровождении генерал-фельдмаршала Кейтеля, начальника оперативного отдела генерал-лейтенанта Хойзингера, генерал-квартирмейстера генерала Вагнера и множества адъютантов. На совещание были приглашены: генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Юг», генерал пехоты фон Зоденштерн, начальник штаба группы армий «Юг», генерал-лейтенант фон Грейфенберг, впоследствии начальник штаба группы армий «А», генерал-полковник фон Клейст, командующий 1-й танковой армией, генерал-полковник Руофф, командующий 17-й армией, генерал-полковник барон фон Вейхс, командующий 2-й армией, генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией, генерал танковых войск Паулюс, командующий 6-й армией, генерал танковых войск фон Макензен, командир III танкового корпуса, и от военно-воздушных сил—генерал-полковник фон Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом.

Обсуждался план действий на южном направлении. Гитлер уточнил цели наступления, намеченные в директиве от 5 апреля 1942 года. Он вел большую игру, по поводу чего и сам заметил:

— Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, то я должен буду прекратить войну.

На юге России, западнее Дона, намечалась крупная операция с целью окружения и уничтожения основных сил Красной Армии. При успехе этой операции открылся бы доступ к Волге и Кавказу с его нефтяными источниками и, по замыслу Гитлера, был бы нанесен смертельный удар Советскому Союзу.

Паулюс информировал наш оперативный отдел о предстоящих операциях, в которых со стороны Германии и ее союзников должны были участвовать более полутора миллионов солдат, свыше тысячи самолетов и несколько тысяч

орудий всех калибров. 6-я армия первоначально получала задачу по обеспечению фланга танковой группировки, наступающей на Сталинград. Наш командующий вселил в нас уверенность. Мы все с новыми силами принялись за работу.

Хотя в ходе предыдущей операции под кодовым наименованием «Фридрих I» был уничтожен Изюмский выступ, нужно было принять меры, чтобы создать для 6-й армии более благоприятное исходное положение. 13 июня был предпринят удар на Волчанск, получивший название операция «Вильгельм», и 22 июня — удар на Купянск (операция «Фридрих II») совместно с III танковым корпусом, который затем остался в подчинении 6-й армии. Танки с грохотом помчались вперед, пехота и артиллерия заняли свои исходные позиции. После короткого массированного огневого удара из сотен орудий наши войска прорвались вперед, смыкая клещи. В течение нескольких дней окруженные соединения были разбиты. Мимо двигавшихся на новые исходные позиции немецких войск продефилировало 20 тысяч пленных в наш тыл.

Русские сбивают самолет майора Рейхеля и захватывают оперативный план

19 июня после напряженного рабочего дня я сидел в комнате полковника Фельтера. Он отбирал донесения корпусов, чтобы передать их дальше, в группу армий. Было около 20 часов. В эту минуту позвонил телефон. Фельтера срочно вызывал начальник оперативного отдела XXXX танкового корпуса.

— Соедините немедленно!

Смысл последовавшего длинного разговора я не мог уловить. Однако я заметил, что лицо Фельтера все мрачнеет. Он с раздражением брякнул трубкой.

— Только этого нам не хватало. Сбит «физелер-шторх» с начальником оперативного отдела 23-й дивизии майором Рейхелем. Он вез с собой карты и приказы на первый период нашего наступления.

Я так растерялся, что ничего толком не мог спросить. Мало-помалу до моего сознания дошло то, что в нескольких словах наспех объяснил мне Фельтер.

После совещания, состоявшегося при XXXX танковом корпусе в Харькове, майор Рейхель решил вернуться в свою дивизию на «физелер-шторхе». Но уже стемнело, а он еще не вернулся. Офицер связи позвонил в штаб корпуса, чтобы проверить, не вылетел ли обратно Рейхель с опозданием. Но это предположение не оправдалось. Танковый корпус немедленно организовал поиски исчезнувшего офицера. Тогда одна из дивизий сообщила печальную весть, что во второй половине дня противник сбил какой-то «физелер-шторх» за линией фронта. Разведывательные группы пехоты нашли самолет километрах в четырех от нашей передовой. Очевидно, он совершил вынужденную посадку, потому что при обстреле у него был пробит бензобак. Трупы майора Рейхеля и летчика были подобраны там же. А приказы и карты исчезли бесследно. Их захватили русские. Это грозило роковыми последствиями еще и потому, что в приказах имелись сведения о предстоящих операциях соседей слева — 2-й армии и 4-й танковой армии.

В это дело вмешался Гитлер. Командир корпуса генерал танковых войск Штумме, начальник его штаба полковник Франц и комайдир 23-й танковой дивизии генерал-лейтенант фон Бойнебург были отстранены от должности и преданы военному суду. За них немедленно же заступились генерал Паулюс и генерал-фельдмаршал фон Бок, так как все трое не являлись прямыми виновниками происшедшего. Никакого впечатления это не произвело ни на Гитлера, ни на Геринга, то есть на председателей военного суда. Штумме был приговорен к 5 годам, а Франц — к 3 годам заключения в крепости, только фон Бойнебург избежал кары.

«Дело Рейхеля» дало повод для приказа Гитлера, согласно которому ни один командир впредь не должен был знать о задачах, поставленных перед соседними подразделениями. Приказ этот приходилось соблюдать с таким тупым формализмом, что он крайне затруднял координацию боевых действий.

Командиром XXXX танкового корпуса был назначен генерал танковых войск фон Швеппенбург. Если даже он обладал необходимым опытом и способностями, все равно эта замена перед самым началом большого наступления была вредна. Каждому новому командиру нужно известное время, пока он не научится крепко держать все

в своих руках и не завоюет доверия подчиненных ему частей. Паулюс и Бок были особенно озабочены еще и потому, что XXXX танковый корпус должен был проложить армии путь в большую излучину Дона и помешать отходу противника за Дон. К тому же обоих командующих и лично задевал приговор суда, так как, по их мнению, легкомысленно поступил только Рейхель.

Таким образом, «дело Рейхеля» и завершившая его расправа тяготели над предстоящим наступлением как угроза тяжелой расплаты. Много было споров об этом у нас в штабе армии*.

— Можем ли мы вообще провести нашу операцию «Синяя I» в той форме, в какой она была запланирована, и в установленный срок? — спросил я Фельтера. — Противник ведь не глуп. Он будет всячески стараться испортить нам все дело.

— Разумеется, мы должны быть готовы к неприятным неожиданностям. Но что делать? Изменить план мы не можем. Изменить его — значило бы на несколько недель отложить операции. А там нагрянет зима, и с нами, чего доброго, случится что-нибудь похуже того, что случилось в прошлом году под Москвой. Это учитывает и ОКХ, и командование группы армий.

Спустя несколько дней Паулюс сообщил нам, что группа армий возражает против изменения плана, однако требует отодвинуть срок наступления.

Между тем фюрер пропаганды Фриче не бездействовал. Успехи 6-й армии в оборонительном сражении под Харьковом, ликвидация участков вклинения и последующие бои, способствовавшие улучшению нашей исходной позиции, подавались крупным планом в военных корреспонденциях для радио и прессы: дескать, вооруженные силы Германии идут к новым подвигам, новым победам. Зимние поражения не повторятся. Силы Красной Армии угасают. Ее атаки под Изюмом и Волчанском были последней вспышкой. Они сокрушены огнем нашего славного оружия, разбились о контрнаступление наших храбрых солдат.

Как ни гордились мы нашими успехами, достигнутыми за последние недели, большинству из нас претили эти фальшиво патетические, ходульные корреспонденции с фронта. Они носили явную печать дешевой агитации и противоречили образу мыслей и чувствам настоящего

солдата. Мы слишком хорошо знали, как тяжела борьба, скольких жертв она нам стоила. Но мы, в конце концов, не отвечали за пропаганду. Придя к такому заключению, мы больше не возвращались к неприятному для нас вопросу.

Пропаганда имела еще одну функцию. Она ежедневно вдалбливала офицерам и солдатам, будто, попав в плен, немец непременно получит пулю в затылок, стало быть, нужно как можно дороже продать свою жизнь. Эти утверждения достигали своей цели. Я тоже, в общем, им верил. Правда, иногда мне вспоминался тот вернувшийся из плена фельдфебель 44-й пехотной дивизии, который рассказывал, что русские хорошо обращаются с военнопленными. Но кто знает, из каких побуждений он распространял такие сведения? Да и к чему мне ломать голову над этим, раз я сам никогда не попаду в такое положение? Сейчас предстояло решающее наступление, и на этом надо было сосредоточить все свои мысли.

Фельдмаршал фон Бок вынужден уйти

6-я армия подчинялась группе армий «Юг», а та — Главному командованию сухопутных сил. После того как Гитлер в декабре 1941 года сместил генерал-фельдмаршала фон Браухича, он взял на себя, кроме командования вермахтом, еще и командование сухопутными силами.

Всюду в вышестоящих штабах сложилось впечатление, что Гитлер с некоторым недоверием относится к большинству генералов. Говорили также, что эту подозрительность особенно стараются поддерживать в нем Геббельс, Геринг и Гиммлер.

Необузданное властолюбие и вечный страх диктатора оказаться оттесненным на второй план или как-либо ущемленным, бесспорно, способствовали тому, что он относился к генералам старой школы подозрительно. Это пришлось испытать на себе и генерал-фельдмаршалу фон Боку. По сути дела, он, как и прочие генералы, оказал Гитлеру ценные услуги. Во время польской кампании он руководил в звании генерал-полковника северной группой армий. В происходившей через девять месяцев западной кампании фон Бок командовал группой армий «Б», которая вторглась в нейтральные страны —

Голландию и Бельгию. К концу этой кампании он был произведен в генерал-фельдмаршалы. Менее гладко прошли в 1941 году под началом фон Бока операции группы армий «Центр» в России. Взять Москву ему не удалось, хоть он и пустил в ход «последний батальон». Еще 2 декабря 1941 года он заявил в одном из своих приказов: «Оборона противника на грани кризиса». В действительности же эта его оценка была уместна не для характеристики обороны противника, а собственных наступательных возможностей.

Когда 5 декабря 1941 года Красная Армия перешла в контрнаступление, немецкие войска были отброшены на несколько сот километров, понеся чрезвычайно большие потери. Бок тогда подал рапорт о болезни. Гитлер назначил командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Клюге. Через несколько недель после смерти Рейхенау фон Бок возглавил группу армий «Юг». Сначала дела его шли здесь не лучше, чем под Москвой. Он не мог помешать войскам Красной Армии вклиниться по обеим сторонам Изюма. От этого его авторитет, и так уже очень дискредитированный в глазах Гитлера после поражения под Москвой, пострадал еще больше.

Должно быть, опыт зимы 1941/42 года научил фельдмаршала судить о советских войсках несколько трезвее. Его оценки стали более осторожными. Так же, как и Паулюс, он не считал, что Красная Армия разбита. Так, весной 1942 года он считал, что она каждый день может попытаться отбить Харьков. Серьезные разногласия между ним и Гитлером возникли в связи с планом выравнивания фронта для ликвидации мешавших нашему летнему наступлению выступов по обеим сторонам Харькова. В то время как фельдмаршал предполагал «выутюжить» выступ под Изюмом на участке юго-западнее Донца, Гитлер требовал, чтобы с севера в наступление перешла 6-я армия. В то время как Бок хотел, воспользовавшись благоприятной погодой, немедленно атаковать прорвавшегося северо-западнее Харькова противника, Гитлер ставил начало наступления в зависимость от того, когда мы отобьем у русских Керченский полуостров. У нас в штабе было известно об этих расхождениях. Я узнал о них от Фельтера.

Предлог для того, чтобы избавиться от неугодного фельдмаршала, нашелся у Гитлера скоро. 7 июля группа

армий «Юг» была по приказу Гитлера разделена на две группы армий — «А» и «Б». Командование группой армий «А» получил генерал-фельдмаршал Лист, а командование группой «Б» — генерал-полковник фон Вейхс. Генерал-фельдмаршал фон Бок не получил никакого назначения. Он был уволен в отставку.

Летнее наступление начинается

В конце июня 1942 года на линии фронта протяженностью 800 километров стояла готовая к наступлению группа армий «Юг» в составе 17-й армии, 1-й танковой армии, 6-й армии, 4-й танковой армии, 2-й армии, 2-й венгерской армии и одного итальянского армейского корпуса. День «икс» был установлен.

Командный пункт армии находился в бывшем студенческом общежитии на северной окраине Харькова. Из этого импозантного кирпичного здания Паулюс предполагал руководить прорывом позиций Красной Армии. Армейский полк связи получил приказ тянуть линию связи вслед за XXXX танковым корпусом.

2-я армия, 4-я танковая и 2-я венгерская армии, объединенные в армейскую группу Вейхса, начали 28 июня наступление на Воронеж. Одновременно выступил и XXXX танковый корпус. В районе севернее Волчанска он неожиданно встретил сильное сопротивление. Русские вкопали в землю множество танков, вокруг которых ожесточенно сражалась пехота. Сопротивление на время задержало наступавший XXXX танковый корпус. Оно дало советским войскам несколько драгоценных часов, использованных ими для отдыха. 1 июля после короткой, но сильной артподготовки перешли в наступление пехотные дивизии 6-й армии. 3 июля были выбиты с занятых ими позиций части Красной Армии, оказавшие упорное сопротивление у Оскола.

Форсированным маршем, делая по 30—40 километров ежедневно, немецкие дивизии двинулись на восток. Однако надежда на успех не сбылась. С первых же дней мы вынуждены были признать, что сражались только с численно слабым, но хорошо вооруженным арьергардом. Его яростное сопротивление причинило нам большой урон.

Главные силы советских войск смогли избежать угрожавшего им уничтожения. Уже на второй день наступления оперативный отдел 6-й армии перебазировал свой командный пункт на участок за прежними позициями советских частей. С волнением ждали мы каждый вечер оперативную сводку Главного командования сухопутных сил, которую принимал по радио разведывательный отдел и представлял командующему. Мы были немало удивлены, когда услышали о своих грандиозных успехах. Из сводки явствовало следующее: вражеским армиям, противостоявшим группе армий «Юг», нанесен сокрушительный удар.

Штаб 6-й армии оценил эти первоначальные успехи значительно трезвее. Если бы мы одержали победу, то на таком огромном фронте это выразилось бы в сотнях тысяч пленных, поля сражения были бы усеяны убитыми и ранеными, мы имели бы горы трофейного оружия и разного военного снаряжения. В действительности же картина была совсем иная. Только у Оскола удалось взять несколько тысяч пленных. Остальные же данные, сообщенные дивизиями о количестве пленных, можно было не принимать в расчет. На поле боя мы обнаружили мало убитых и раненых бойцов Красной Армии. А тяжелое оружие и транспорт советские войска увели с собой.

К тому же XXXX танковый корпус, который 4 июля повернул на юго-восток и наступал вдоль Дона, оказался не в состоянии преградить путь отходившим советским войскам. Корпус вышел к Дону у Коротояка, через два дня стоял к западу от Новой Калитвы, а 9 июля уже был к востоку от Кантемировки. Его три дивизии растянулись на большом расстоянии, продвижению их часто мешало отсутствие горючего, так что русские все время уходили через широкие бреши и избежали окружения.

Как-то после знойного дня я прогуливался с генералом Паулюсом перед командным пунктом. Мы наслаждались вечерней прохладой. Разговор начал командующий.

— Вы, верно, уже заметили, что поставленная нами цель — уничтожение противника — не достигнута. Наше наступление било мимо цели, впустую *. Я подозреваю, что самая трудная задача еще впереди. Ведь XXXX танковый корпус и позже едва ли будет в состоянии догнать и окружить противника. Справиться с этой задачей было бы возможно, если бы 4-я танковая армия продвинулась

в большую излучину Дона и наступала во взаимодействии с XXXX танковым корпусом. Но ведь она еще прикована к Воронежу. Хотя армейская группа Вейхса и не щадит сил, до сих пор не удалось занять весь город и блокировать ведущую к Сталинграду железнодорожную линию. Впрочем, начальник штаба недавно сообщил мне, что Гитлер решил сейчас повернуть 4-ю танковую армию на юго-восток. Будем надеяться, что он сделает это скоро.

Между тем командование армии добивалось, чтобы пехотные дивизии поскорее установили непосредственную связь с танковым корпусом. Наступление продолжалось безостановочно. Преследовать отступающего противника по пятам, находясь с ним в соприкосновении, — такова была задача, которую Паулюс поставил перед пехотными корпусами.

Командный пункт армии часто менял местоположение, следовал непосредственно за дивизиями, чтобы иметь возможность прямо воздействовать на темп наступления. Армейский полк связи в иные дни получал приказ перенести главный армейский провод и армейскую телефонную станцию сразу на несколько десятков километров вперед. С XXXX танковым корпусом поддерживалась только радиосвязь.

Паулюс каждый день выезжал в дивизии, побуждая войска ускорить темп наступления. Им приходилось выжимать из себя последние силы. Бои непрерывно сменялись маршами. Ночной отдых был недолог.

Донец и Оскол остались далеко позади.

Перед нами лежала широкая донская степь. С лазурного неба нещадно пекло июльское солнце, обжигая шагавшие в клубах пыли походные колонны. Кругом ни поселка, ни дерева или куста, которые давали бы тень, ни ручейка, чтобы утолить мучительную жажду.

Всюду, куда ни падал взгляд, — лишь ковыль и полынь да шныряющие между ними целые легионы сусликов.

И однако этот пейзаж при всей своей внешней однообразности имел особую прелесть. Мне редко приходилось видеть такой прекрасный закат, как здесь. Казалось, вся степь пламенеет. Воздух был наполнен пряными ароматами. Высокая трава оживала; трещали кузнечики, свистели суслики, запевали свою вечернюю песню птицы.

Затем ночь погружала все кругом в глубокое безмолвие. И только отдельные ружейные выстрелы полевого караула, как щелканье бича, прорезывали тишину.

Это был очень малонаселенный край. Деревни встречались почти всегда только в редких, тянувшихся с севера на юг широких оврагах, долинах ручьев, которые давали о себе знать еще издали низенькими буграми. Деревни эти были почти пусты. Жители их ушли, угоняя скот вслед за отступающими частями Красной Армии. Дома, если их не повредили или не разрушили наши танки и артиллерия, были в исправности, чистые, ухоженные.

В такой деревне среди широкой донской степи разместился наш командный пункт. Оперативный отдел занял домик, где прежде находилась школа; входы в нее были, как обычно, забаррикадированы.

В глубь страны, в большую излучину Дона

9 июля к нам прибыл на «физелер-шторхе» начальник штаба 4-й танковой армии. Штаб ее получил приказ принять командование XXXX танковым корпусом, втянутым в ожесточенные бои под Кантемировкой. Начальник штаба возглавлял рекогносцировочную группу. Он сообщил, что по указанию высшего командования 4-я танковая армия уже двигается на юго-восток. При этом она должна будет пересечь полосу наступления 6-й армии. Если не будут приняты меры, войска обеих армий могут перемешаться. Поэтому штабам необходимо согласовать свои действия. Такая договоренность вскоре была достигнута. Начальник штаба танковой армии отправился в XXXX танковый корпус, которому удалось преодолеть советское сопротивление под Кантемировкой. 11 июля он вышел к Чиру у Боковской. В тот же день XXXX танковый корпус был передан 4-й танковой армии. 6-я армия лишилась своего ударного и наиболее подвижного соединения. Теперь у нее уже не было возможности настигать отходящего противника.

13 июля 4-я танковая армия получила приказ повернуть от Чира на юг, преградить советским войскам, отступающим перед фронтом 17-й и 1-й танковой армий, путь

на восток, создать плацдарм на левом берегу Дона и затем вместе с 1-й танковой армией овладеть Ростовом.

Как раз в этот момент я был у Паулюса с докладом. Он только что узнал об этом решении. Взволнованный, шагал он взад и вперед по своей комнате.

— Потеряно преимущество, которое давал нам XXXX танковый корпус. Мы находимся от Чира на расстоянии нескольких дневных переходов. Поворачивать при такой ситуации танковый корпус на юг — значит, вынуждать нас вновь с боем брать ту же территорию.

— Следовательно, господин генерал, от нас ждут таких подвигов, какие по прежним понятиям могли совершить целых четыре армии.

— К сожалению, это так. Предоставленная самой себе, 6-я армия обязана продолжать наступление в большой излучине Дона и в то же время взять на себя защиту северного фланга, который день ото дня все больше растягивается.

— Я слышал от Фельтера, что часть нашей задачи возьмет на себя 2-я венгерская армия, — заметил я.

— Верно, Адам. Но большая часть венгров до сих пор стоит на участке к югу от Воронежа. Они действовали там в составе армейской группы Вейхса. Пройдет время, пока венгерские дивизии будут выведены со своих позиций и смогут занять место наших дивизий на Дону.

— Стало быть, мы будем продолжать наступление на Сталинград без танков?

— Судя по предварительным данным, исходящим из штаба, мы получим танковый корпус, вероятно четырнадцатый. Надеюсь, это произойдет безотлагательно.

Даже очень большому оптимисту не показались бы радужными перспективы 6-й армии.

Только 20 июля мы переправились через Чир в его верхнем течении у Боковской, в том месте, где еще девять дней назад стоял XXXX танковый корпус. Для дальнейшего продвижения в излучину Дона были созданы две ударные группы: северная — из XIV танкового корпуса, который тем временем перешел в наше подчинение, и VIII армейского корпуса, а южная группа — из LI армейского корпуса. Дивизии, обеспечивавшие северный фланг, подчинялись XVII армейскому корпусу.

Теперь ударным авангардом 6-й армии стал XIV танковый корпус. 23 июля немецкие дивизии прорвались

в большую излучину Дона южнее Кременской и в короткий срок достигли Сиротинской. Но это опять было ударом впустую. Советские войска ушли за Дон *.

Нехватка резервов

Несмотря на то что немецкие войска с начала наступления не понесли особенно больших потерь, боевая численность пехоты резко снизилась. В среднем рота насчитывала 60 человек. Многие солдаты заболели от непрерывных переходов, которые требовали непосильного физического напряжения. К этому добавились еще сосудисто-сердечные и желудочно-кишечные заболевания, вызванные непривычным степным климатом, постоянными резкими колебаниями температуры. Если днем ртуть на шкале термометра поднималась до 40 градусов, а иногда и выше, то ночью она падала до 10 градусов. Крова над головой у нас большей частью не было. Раскидывать палатки для короткой ночной передышки не имело смысла. Убыль, вызванная всеми этими обстоятельствами, подчас значительно превышала потери в боях.

Разумеется, забот и тревог у 1-го адъютанта армии прибавилось. Где достать пополнение, чтобы восполнить потери? Я позвонил по телефону 1-му адъютанту группы армий. Меня обнадежили, обещав несколько неполноценных маршевых рот солдат, выписавшихся из госпиталей и признанных здоровыми и годными для боевой службы. Но что дадут эти несколько сот человек, когда мы потеряли многие тысячи!

На вечернем докладе я сообщил Паулюсу о создавшемся положении.

— По сообщению группы армий, в ближайшие дни армия должна получить несколько маршевых рот. Больше пополнения пока не предвидится. Мы прошли с боями примерно километров четыреста. Некоторые роты потеряли треть своего боевого состава. Будет ли армия сменена вторым эшелоном или группа армий передаст нам новые дивизии из резервов?

Паулюс горько улыбнулся.

— Когда наступающие войска достигнут определенного рубежа, то для ускорения темпа продвижения вво-

дится второй эшелон или резервы. Этому вы и учили, когда были преподавателем тактики в военном училище, верно? Да и я иначе себе это не мыслю. Но должен вам сказать, что ни второго эшелона, ни резерва не имеется. В ставке Гитлера считают, что можно пренебречь проверенными на опыте основными законами стратегии и тактики. Верховное командование слишком часто преследует политические и военно-экономические цели, полагая, что осуществить их можно силами наших, бесспорно, испытанных войск. Но всему есть предел. Армия выбилась из сил, измотана и очень ослаблена потерями. Ей будет трудно, когда дело дойдет до решающего сражения. В начале наступления у группы армий было в резерве две немецкие пехотные дивизии. Союзники, которые идут следом за нами, должны сменить наши дивизии на северном фланге. Их боеспособность чуть ли не вдвое меньше нашей. Поэтому они непригодны для наступления. Нам придется одним нести на себе всю тяжесть битвы за город на Волге.

— Но как же это будет происходить? — спросил я. — Наш танковый корпус находится в ста пятидесяти километрах от дивизий, достигших Дона. Мы должны как можно скорее навести переправу. Кроме того, фронт, который нам нужно обеспечить с севера, все время растягивается. Для дальнейшего наступления не останется и полдесятка дивизий.

— Завтра к нам присоединяется XXIV танковый корпус, который раньше входил в 4-ю танковую армию, — ответил Паулюс. — Но что получается? Одну дыру залатали, в другом месте — прореха *.

Критически мыслящий генштабист, Паулюс не мог не заметить слабости и авантюризма гитлеровской стратегии. Его это тревожило, терзало. Но он был солдат с головы до ног, верил в свой опыт и полагался на свои войска. Он надеялся исправить упущения и просчеты верховного командования.

Я ушел в свою палатку, чтобы оформить списки представленных к награждению Рыцарским крестом и золотым Немецким крестом. Разговор с Паулюсом не выходил у меня из головы. Только бы не сдал физически — выглядел он больным. Глубоко задумавшись, я остановился перед географической картой, натянутой на плотный картон, которая всегда висела рядом с моим рабочим столом.

Красная Армия отступала дальше на восток. Все больше и больше отдалялись мы от наших баз снабжения, все неблагоприятнее становились для наших дивизий условия боевых действий. Одноколейная железная дорога, имевшаяся в нашем распоряжении, — вот единственная наша транспортная артерия. Снабжать войска становилось все труднее. Пойдут дожди, и, как это было уже не раз, машины с тяжелым грузом застрянут в грязи.

Транспортных средств армии едва хватало для того, чтобы по этим большим перегонам доставлять войскам боеприпасы, горючее, продовольствие и прочее. Застопорится доставка горючего — задержится наступление, зачастую на многие дни. Начальник штаба бушевал, но ответственный за снабжение квартирмейстер был бессилен. Не раз бывало, что транспорт с горючим, предназначенный для нас, забирали и отправляли группе армий «А». Протесты квартирмейстера и даже командующего армией во внимание не принимались.

Меня вызвали к Паулюсу. Его квартира находилась в маленьком домике с сенями и состояла из двух комнат — одной более поместительной, другой поменьше. В большой комнате Паулюс работал за прямоугольным столом, у которого иногда стоял стул. За рабочим местом Паулюса была установлена доска, к которой кнопками прикалывалась карта обстановки. Личный адъютант главнокомандующего был обязан следить за тем, чтобы на карту наносились последние данные. Перед этой картой и стоял Паулюс, когда я вошел в комнату.

— Несколько минут назад мне звонил начальник штаба группы армий генерал пехоты фон Зоденштерн. Примерно через полчаса сюда вылетит генерал-полковник фон Вейхс. Он собирается нас навестить. Начштаба уже приказал, чтобы на нашем полевом аэродроме выложили сигнал для посадки. Доставите генерал-полковника сюда на моей машине. Выезжайте сейчас же и проследите, чтобы на аэродроме все было в порядке. Мой водитель подъедет на машине к вашей палатке.

Этот временный аэродром — кусок степной земли, на котором были только самые необходимые указатели, — находился неподалеку от деревни, где расположился командный пункт армии. На краю его стоял один «юнкерс-52» да еще несколько самолетов связи и «шторхов», которыми пользовался наш штаб. Я ждал вместе с командо-

ром нашей авиационной эскадрильи на поле возле сигнала для посадки, который был выложен в форме буквы «Т» белыми полотнищами. Показался самолет. Он летел очень низко, описал круг над аэродромом и пошел на посадку. Из самолета вышел высокий худощавый генерал в роговых очках, похожий скорей на ученого, чем на военного. Я представился ему: 1-й адъютант 6-й армии. Хотя мы никогда прежде не виделись, он поздоровался со мной как со старым знакомым, кивнул присутствовавшим на аэродроме и сел в машину.

На командном пункте состоялась длительная беседа между ним, Паулюсом и Шмидтом. Позднее я узнал от нашего командующего, что речь шла о тяжелом положении 6-й армии, в котором она оказалась, когда 4-я танковая армия изменила направление удара. Генерал-полковник проявил полное понимание и обещал оказывать со своей стороны всяческую поддержку.

Паулюс сказал мне:

— Он, конечно, не может дать нам новых дивизий. Но он постарается, чтобы наши части, которые используются для обеспечения северного фланга на Дону, были как можно скорее заменены следующими за ними союзными армиями. А штаб XVII армейского корпуса пусть там и остается.

Я позволил себе возразить:

— Но тогда нам будет не хватать одного штаба корпуса. VIII армейский корпус никак ведь не может руководить всеми пехотными дивизиями нашей северной группы.

— Вместо штаба, который мы отдадим, мы получим управление XI армейского корпуса во главе с генералом пехоты Штрекером, — ответил Паулюс. — Штрекера я знаю очень хорошо. Он командовал раньше 79-й пехотной дивизией, которая была в нашем подчинении под Харьковом. Это человек надежный.

Роковая директива № 45

В директиве № 45 от 23 июля 1942 года были заново сформулированы задачи групп армий «А» и «Б».

Из каких предпосылок исходило при этом Верховное главнокомандование вермахта? Первый раздел директивы гласил: «Лишь весьма незначительным силам противника

из армий Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега Дона».

Это была совершенно ошибочная оценка достигнутых к этому времени результатов летнего наступления 1942 года.

Небольшое количество пленных, почти пустые поля сражений, мало убитых — таковы факты, решительно опровергающие утверждения директивы № 45.

Далее директива определяла цели будущих операций. Группа армий «А» должна была частью своих сил наступать на западный Кавказ и вдоль Черноморского побережья, а другой частью своих сил — захватить Майкоп и Грозный, перекрыть дороги через горные перевалы Центрального Кавказа и затем прорваться к Баку.

«Перед группой армий «Б», — сказано в соответствующем разделе директивы, — поставлена задача, как было приказано ранее, наряду с созданием линии обороны по реке Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить формируемую там вражескую группировку, занять сам город и перерезать междуречье Дона и Волги в его наиболее узком месте, а также прервать движение судов на Волге.

Вслед за тем направить подвижные соединения вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также перекрыть главное русло Волги».

Если директива № 41 предписывала достичь сперва Сталинграда силами обеих групп армий и затем проводить дальнейшие операции, то директива № 45 требовала решить все эти задачи одновременно, иначе говоря, растянуть фронт от 800 километров в начале летнего наступления до 4100 километров после окончания планируемых операций. Это значило распылить силы обеих групп армий, хотя, как уже отмечено, наши собственные потери далеко не были восполнены*.

Директива ничего не изменила в задаче, поставленной перед 6-й армией уже после того, как 4-я танковая армия двинулась на юг; овладеть большой излучиной Дона — такова была наша ближайшая цель.

Наука в степном селе

Мы перенесли свой командный пост еще дальше в глубь страны. Пока мой отдел следовал за ним на авто-

машинах, я вылетел вперед на «физелер-шторхе». Мы уже приближались к цели.

Под нами лежало одно из тех обычных здесь степных сел, что отстоят друг от друга на большом расстоянии, — с одноэтажными деревянными домиками, с цветущими палисадниками, с дворами, огороженными заборами, и с широкой и прямой главной улицей. На посадочной площадке меня ждал комендант штаба армии. Он коротко информировал меня об этом селе и обратил мое внимание на низенькое, довольно приятного вида кирпичное здание, которое стояло неподалеку. Вот туда-то он и собирался меня повести.

— Вы хотите поместить там мой отдел?

Он покачал головой.

— Нет, я хотел вам кое-что показать. Да вы только зайдите туда!

Через открытую дверь я увидел какую-то лабораторию. На экспериментальных столах стояли штативы, колбы, спиртовки, пробирки, микроскопы. В белом застекленном шкафу лежали ножницы, пинцеты, шприцы, скальпели. Я огляделся и заметил стеклянные банки, в которых, очевидно, хранились химикалии, и разные бутылки с жидкостями. В довершение всего я обнаружил клетки с целой уймой белых мышей и морских свинок.

Как попала эта лаборатория в степное село? Для какой цели она предназначалась? Этого наш комендант не знал, как и я.

По дороге к дому, где помещался оперативный отдел, мы встретили начальника отдела. Я рассказал ему о нашем открытии. Он не нашел этому объяснения и решил поручить старшему переводчику заняться разгадкой сельской лаборатории. Переводчик узнал от одного старика, что основным занятием жителей этого села было животноводство. Лабораторию создало для них государство. Заведовала ею женщина, ветеринарный врач; когда подступали немецкие войска, она вместе со своими ассистентками скрылась и увела с собой скот в безопасное место. Я не раз потом проходил мимо этой маленькой зоотехнической опытной станции. Подле нее всегда находился местный житель — старик, оставшийся в селе. Очевидно, здесь была организована охрана лаборатории — доказательство того, как дорожили ею крестьяне.

Но у кого было сейчас время задуматься над тем, что коммунизм, по-видимому, принес пользу! В скором времени нас ждали сюрпризы совсем иного сорта, уготованные нам Советской Россией.

Опасное положение у Каменского

25 июля несколько офицеров штаба сидели после обеда в большой палатке, которая служила нам столовой. Начштаба только что ушел к себе. И тут явился вестовой с радиограммой, которую он вручил начальнику оперативного отдела. Тот сквозь зубы выругался, вскочил и бросился вдогонку за начальником штаба. Что же случилось?

XIV танковый корпус, продолжая наступление вниз по Дону, столкнулся к юго-западу от Каменского с превосходящими советскими танковыми соединениями. Уже несколько часов шел ожесточенный бой. Здесь русские не отступали. Вечером это подтвердил и XXIV танковый корпус, который был накануне снова подчинен армии и поддерживал наш I армейский корпус, двигаясь в его авангарде к нижнему течению Чира. Однако при этом он наткнулся у Нижне-Чирской на мощный фронт обороны советских войск. Пехотные дивизии сообщали о сопротивлении, оказанном противником к западу от реки Лиски. После того как на оперативную карту были нанесены различные новые данные, стало очевидно, что Красная Армия закрепилась к югу от Калача на обширном плацдарме, простиравшемся от Каменского до устья Чира *.

Наши корпуса сделали попытку с ходу прорвать советский фронт обороны и отбросить Красную Армию за Дон. Но они натолкнулись на непреодолимое препятствие. Мало того, советские дивизии, использовав известные им наши слабые места, перешли 31 июля в контрнаступление и отбросили за реку Лиска уже крайне измотанные немецкие дивизии.

Несколько дней 6-я армия была в опасном положении. Вдобавок русским удалось переправиться через Дон у Кременской на юг и закрепиться в тылу XIV танкового корпуса. Ему пришлось выделить несколько полков для обеспечения тыла с севера. Теперь XIV танковый корпус

стоял, широко растянувшись, у Дона — к северу от Каменского. Западнее Клетской к 6-й армии присоединились пехотные дивизии, которые должна была сменить весьма медленно следовавшая за нами 8-я итальянская армия. VIII армейский корпус блокировал своими дивизиями советский плацдарм с северо-запада; на своем правом фланге он сохранял связь с LI армейским корпусом. Южный участок от нижнего Чира до этого пункта оборонял XXIV танковый корпус. В этом месте 6-я армия сперва отбивала атаки противника и одновременно готовила ликвидацию советского плацдарма *.

С конца июля до начала августа 8-я итальянская армия продвинулась настолько, что смогла уже сменить западнее Клетской выделенные для обеспечения северного фланга дивизии 6-й армии. Некоторые полки XIV танкового корпуса, направленные ранее для охраны тыла, высвободились благодаря пехотным дивизиям XI армейского корпуса: они оттеснили противника и оборудовали оборонительные позиции.

Наплыв высоких гостей

Пока шла подготовка к наступлению, оперативный отдел 6-й армии на нашем командном пункте посещали различные высокие гости. Самой интересной была для меня встреча с начальником службы связи вермахта генералом Фельгибелем. Познакомил нас начальник армейской службы связи полковник Арнольд. Как-то вечером мы гуляли втроем по деревенской улице. Генерал заговорил о положении на фронтах. Высказывался он довольно скептически, почти что пессимистично. Нам тоже приходилось испытывать тревогу, но чаще всего по поводу отдельных случаев, того или иного эпизода из нашей армейской действительности. Фельгибель же сомневался во всем.

— На западе наши войска стоят, растянувшись от Нордкапа до Пиренеев. Роммель сражается в Северной Африке. В Югославии и Греции наши дивизии ведут изматывающую малую войну против партизан. А что было в прошлом году под Москвой, вы и сами знаете. Будем надеяться, что у вашей армии все сойдет благополучно. Но я могу понять недовольство Паулюса тем, что его

северный фланг так растянут. Только бы мы не надорвались на этом наступлении.

Несколько раз я ловил на себе взгляд Арнольда. Он, как и я, внимательно слушал генерала, который ровным, спокойным голосом продолжал:

— Германия опять ведет войну на два фронта. Мы с вами были очевидцами этого с 1914 по 1918 год и по собственному опыту знаем, сколько крови это нам тогда стоило. А разве обстоятельства сложились для нас более благоприятно после 1918 года? Я позволяю себе в этом весьма сомневаться.

Я насторожился. Да ведь это почти нескрываемое недоверие к военным планам верховного главнокомандования, критика Гитлера, неверие в победный конец. Стало быть, Фельгибель не согласен с гитлеровской стратегией? Он возражал против войны на два фронта. А разве у нас есть другая возможность?

Генерал обратился ко мне:

— Каковы понесенные нами потери?

— Убыль в результате действий противника сравнительно умеренная. Число выбывших из строя по болезни, напротив, очень велико — явно вследствие непривычных для нас климатических условий. Боевая численность некоторых рот уменьшилась на треть и больше. А впереди самые тяжелые бои.

— Перспективы далеко не радужные. — Этими словами генерал заключил нашу беседу.

Был чудесный летний вечер. Вдали на темнеющем небе мелькнула зарница. Полной грудью вдыхал я свежий ночной воздух. Вдруг мне стало холодно. Тут я заметил, что на мне тонкий летний китель, и поспешил в свою палатку. Мой денщик уже расставил походную кровать и затемнил маленькие окошки. Я включил электрический свет, который получал энергию от движка, и сел за свой рабочий стол.

Но работа не клеилась. Слова генерала Фельгибеля властно оттеснили все на задний план, проникали в мое сознание, мешали думать о чем-либо другом. А ведь Фельгибель, в сущности, сказал лишь то, что, трезво все обдумав, должен был бы сказать каждый.

На другой день генерал Фельгибель улетел. Никто из нас тогда не подозревал, что впоследствии он будет участником заговора против Гитлера 20 июля 1944 года.

Быть может, он искал в нашем штабе себе союзников и был разочарован, не найдя отклика. Но нам пришлось пройти через много страшных и горьких испытаний, прежде чем мы поняли военную обстановку, а также бесчеловечность и политическую преступность этой войны. В то время мы были как в чаду, занятые подготовкой наступления на советский плацдарм к западу от Калача. За недосугом генерал Паулюс почти не имел возможности видеться со своим приятелем Фельгибелем. Если командующий не должен был непременно присутствовать на армейском командном пункте, он выезжал на передовую, в дивизии и полки. Паулюс всегда старался составить свое собственное мнение об обстановке и настроении солдат. Большей частью, вернувшись оттуда, он бывал довольно неразговорчив. Его очень удручали растущие потери войск перед решительным сражением.

Предстоящие операции, угрожаемое положение северного фланга 6-й армии и падающая боевая численность рот были главной темой и в разговорах с генерал-майором Шмундтом, старшим адъютантом Гитлера. Он прибыл на наш военный аэродром на «физелер-шторхе». Иногда Паулюс и Шмидт привлекали меня к участию в беседах с нашим гостем. Я описывал без прикрас ухудшившееся положение с личным составом. Но Шмундту следовало получить непосредственное впечатление от таких участков фронта, которые были для 6-й армии предметом наибольших опасений. Поэтому Паулюс выехал вместе со Шмундтом в дивизии на северном участке излучины Дона, восточнее Клетской. Здесь нам не удалось отбросить русских за Дон. Для экономии сил и средств наши дивизии заняли отсечную позицию.

На командном пункте 767-го пехотного полка 376-й дивизии его командир, полковник Штейдле, характеризовал обстановку. Своим левым флангом полк примыкал к 8-й итальянской армии, которая только что заняла свои позиции. Штейдле был одним из наших лучших командиров, отличался мужеством, осторожностью, пользовался уважением солдат. Паулюс был знаком с ним еще с первой мировой войны. Он знал, что полковник не сробеет и перед начальством. Штейдле действительно не побоялся выступить в присутствии адъютанта ставки фюрера с критической оценкой угрожаемого положения на северном фланге армии. За последние дни потери дивизий

снова увеличились. В большинстве рот было в среднем всего 25—35 боеспособных солдат. Позднее Паулюс рассказывал мне, что Штейдле настойчиво требовал пополнения.

Еще во время пребывания у нас генерал-майора Шмундта авиация донесла, что русские подтянули к Дону у Калача подкрепления, главным образом танки. Еще один аргумент, убеждавший адъютанта Гитлера в необходимости скорейшей присылки подкрепления. Подстегиваемый настойчивыми требованиями 6-й армии, Шмундт вылетел в группу армий, а оттуда — обратно в ставку Гитлера. Паулюс провожал его на наш временный аэродром и, прощаясь, еще раз просил добиться у Главного командования сухопутных сил эффективной поддержки северного фланга.

Другим высокопоставленным гостем, посетившим нас в те дни, был генерал Окснер, начальник химических войск. Для наступления на Сталинград 6-й армии должны были придать бригаду специальных минометов. До сих пор это оружие применялось редко. Впервые я увидел его в действии в 1941 году во время атаки на Великие Луки. Снаряды взлетали в воздух, как кометы с огненным хвостом, издавая невообразимый вой. Даже наши пехотинцы, которые были незадолго до этого подготовлены командирами, в страхе пригибались, когда ракетоподобные снаряды перелетали через них. Они оказывали огромное психическое воздействие на застигнутого врасплох противника.

Генерал Окснер пробыл у нас очень недолго, всего один-два дня. Он совещался с начальником штаба о тактическом применении этого грозного оружия. Прощаясь с ним, Паулюс сказал:

— Надеюсь, это не останется пустым обещанием. Вы видели, какие здесь были беспощадные бои. Противник не отступает под нашим натиском. Он упорно сопротивляется и отвечает ударом на удар, где только может. Нам во что бы то ни стало нужно получить вашу наводящую ужас минометную бригаду.

— Вы можете на меня положиться, я не оставлю вас без поддержки.

Затем Окснер уехал.

Мало-помалу мы начали уставать от подобных посетителей. Ведь на то, чтобы информировать приезжее на-

чальство, всякий раз требовалось много времени и сил. Теперь вышестоящие инстанции имели достаточно материала и сведений, подтверждающих наши тревожные донесения. Начальник нашего оперативного отдела полковник Фельтер сказал:

— Шмундт вернулся из своей поездки на фронт явно потрясенный. Его все-таки пробрало то, что он увидел воочию, услышал собственными ушами. Надо надеяться, он не утаит правду от фюрера, а тогда наконец рассеются басни об уничтожении Красной Армии и к противнику начнут относиться серьезно.

— По-моему, — заметил я, — прозорливей всех оказался генерал Фельгибель. В беседе со мною и Арнольдом он характеризовал общую обстановку на фронтах куда глубже и трезвее, чем я сам даже наедине с собою. Не знаю, как настроен генерал Окснер, мы с ним почти не разговаривали. Можно только пожелать, чтобы все это дошло наконец и до верховного командования.

Армии союзников

Как уже говорилось, 6-я армия должна была прикрывать северный фланг продвигающихся к Волге танковых армий. Директива № 45 от 23 июля 1942 года ставила перед ней новую задачу: взять Сталинград во взаимодействии с 4-й танковой армией. Для защиты флангов на участке от Клетской до района к северу от Коротояка были введены в действие союзные армии, а именно с запада на восток 2-я венгерская, 8-я итальянская и 3-я румынская армия.

Что мы знали о союзных армиях? Нам было известно, что их незадолго до наступления летом 1942 года начали формировать в отдельные армейские объединения. Боевой опыт имела только ничтожная часть войск, заново сформированных в тылу группы армий «Юг» (с 7 июля 1942 г. — группа армий «Б»). Их оснащенность была недостаточной. Румыния и Венгрия зависели целиком, а Италия частично от германской военной промышленности.

Какой смысл имело требовать, чтобы на северном фланге главное внимание уделялось противотанковой обороне, если у союзных армий полностью отсутствовали

эффективные противотанковые средства. Так, например, румынская танковая дивизия располагала только легкими чехословацкими и французскими трофейными танками. По сравнению с немецкими дивизиями боевая мощь союзников составляла только 50—60 процентов. В сущности, даже профану было ясно: эти армии никогда не будут способны устоять перед противником, располагавшим танками Т-34, прежде всего потому, что союзники плохо вооружены.

Но дело было не столько в оружии, сколько в солдатах, которые это оружие применяли. С 1941 года румынские дивизии действовали в наступательных боях на южном фронте; солдаты были храбры, выносливы. Большинство солдат были крестьяне. Пока они сражались вблизи границ своей родины, война для некоторых румынских солдат, вероятно, имела известный смысл. Кое-кого из них, надо полагать, соблазняла земля в Бессарабии или на территории между Днестром и Бугом, которую Гитлер посулил маршалу Антонеску, окрестив ее Транснистрией. Быть может, они надеялись, что хоть там когда-нибудь станут «свободными» крестьянами. В старой помещичьей Румынии это было невозможно. Но зачем нужна румынскому солдату-крестьянину земля между Доном и Волгой? К тому же в румынской армии существовали такие неслыханные порядки, как физическое наказание. Мой друг Отто Рюле рассказывал мне, что он сам еще в Сталинградском котле с глубоким возмущением, не имея возможности вмешаться, видел однажды, как румынский офицер избивал и пинал ногами солдата. Такие явления отнюдь не поднимали боевой дух румын. Особенно это сказывалось, когда им приходилось вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

Генерал Паулюс высоко ценил румын, с доверием он относился и к венграм. С итальянцами он дрался во время первой мировой войны. Узнал он их ближе и в Северной Африке, когда проводил инспекцию, будучи обер-квартирмейстером в генеральном штабе сухопутных сил. Он считал, что итальянскую армию крайне необходимо, так сказать, затянуть в жесткий корсет, роль которого играли бы немецкие дивизии. На моральное состояние итальянцев, бесспорно, влияло то, что они живут еще дальше от Советского Союза, чем румыны и венгры. Если

от Бухареста до Волги 1500, а от Будапешта до нее — 1900 километров, то римляне или миланцы должны были драться на расстоянии почти 3000 километров от своей родины. Во имя чего? Во имя «великой Германии»? Вполне понятно, что их это не слишком привлекало.

Реакция же германского верховного главнокомандования на недостатки союзников была такова, что только усиливала их недоверие. Как уже говорилось выше, снабжение союзников тяжелым оружием и большей частью снаряжения зависело почти исключительно от Германии. А фактически они получали от нее весьма мало. Зато директива № 41 указывала:

«Для занятия все более удлиняющейся в ходе этих операций линии фронта по реке Дон надлежит привлекать в первую очередь соединения союзников, с тем чтобы германские войска использовались в качестве мощного барьера между Орлом и рекой Дон, а также в междуречье Дона и Волги в районе Сталинграда; но отдельные германские дивизии останутся позади фронта по реке Дон в качестве подвижного резерва».

Все это, возможно, и было причиной того, что союзники, прямо сказать, не спешили занять свои позиции. 2-я венгерская армия, которая участвовала в наступлении на Воронеж, с 10 июля обеспечивала наш стык со 2-й армией на участке от Новой Калитвы и вниз по Дону.

В конце июля и в начале августа 8-я итальянская армия сменила дивизии 6-й армии на рубеже от Богучара до Клетской. Они были крайне необходимы для наступления на плацдарм в районе Калача. Наш XVII армейский корпус был придан 8-й итальянской армии.

3-я румынская армия все еще была на подходе. Предназначенный ей участок пришлось временно занять итальянскими войсками.

Плохо вооруженные и недостаточно оснащенные войска союзников были к тому же растянуты, отстояли далеко друг от друга на Дону. Для надежного оборудования позиций у них не хватало сил.

Это был не фронт обороны, а тонкая цепочка прикрытия. Этого не мог не заметить очень активный противник. Удивительно ли, что командование армии с тревогой поглядывало на север.

— Если русские используют слабость нашего глубокого фланга, мы, Адам, окажемся в более чем неприятном положении. Приглядитесь к очертаниям фронта. Он похож на выдвинутый кулак.

— Это действительно чертовски неприятно, господин генерал. Стоит только противнику провести скальпелем по запястью, и кулак будет отрезан.

— Будем надеяться, что Шмундт правдиво опишет в ставке фюрера наше положение. Ведь мы достаточно ясно сказали ему, как обстоят дела. Будем также надеяться, что наши союзники получат недостающее им тяжелое оружие.

Но вскоре нас постигло самое горькое разочарование.

Сражение под Калачом

Уже несколько дней из донесений авиаразведки было известно, что русские укрепляют свой плацдарм к западу от Калача. Первым испытал на себе результаты этого наш LI армейский корпус. Его полки получили жестокий отпор, когда атаковали советские позиции восточнее Суровикина. Тем временем 8-я итальянская армия сменила все же некоторые наши дивизии. Они отошли на свои исходные позиции. Пехотные дивизии передвинулись на участок фронта в северной излучине Дона от Островского до Клетской, который прежде занимали соединения XIV танкового корпуса, дав ему возможность перегруппироваться для наступления к северу от Каменского.

В первые дни августа 76-я и 295-я пехотные дивизии, которые раньше входили в 17-ю армию, были переброшены для укрепления правого фланга 6-й армии.

6 августа была закончена подготовка для нанесения мощного удара по советскому плацдарму. Наши соединения заняли свои исходные рубежи, достаточно обеспеченные боеприпасами и горючим. Согласно полученным нами донесениям, русские располагали 12 стрелковыми дивизиями и 5 танковыми бригадами *. Нужно было отрезать им путь к отступлению через Дон. Их надлежало окружить и уничтожить. Оперативный план предусматривал для обоих танковых корпусов задачу создать плацдарм на Дону, XIV танковый корпус должен был наступать вниз

по Дону из района Каменского, а XXIV танковый корпус — вверх по Дону из района Нижне-Чирской.

Рано утром 7 августа земля застонала под тяжестью помчавшихся с грохотом танков. Утреннюю тишину сразу нарушили взрывы снарядов и стрекотанье пулеметов. Нашим танкам удалось прорвать советскую полосу обороны. Головные подразделения обоих наступавших навстречу друг другу корпусов сошлись уже через несколько часов. Только тогда и начался настоящий бой. Наши атакующие пехотные дивизии столкнулись с искусно и ожесточенно сражающимся противником. Он сразу понял, какой опасностью грозили ему немецкие танки, и организовал ожесточенные контратаки против танковых корпусов, которые сражались, имея в тылу Дон. А те отстреливались, используя всю свою огневую мощь. Однако частям Красной Армии удалось прорвать окружение и переправиться на восточный берег Дона. После четырехдневных тяжелых боев сражение кончилось. Экстренное сообщение с фронта, трубя в фанфары, объявило, что немцы одержали крупную победу. Оно умалчивало о том, что нам пришлось дорого заплатить за нее как людьми, так и техникой. Потери противника были больше. Однако кое-где на поле сражения под Калачом стояли и немецкие сгоревшие или выведенные из строя танки. А это было для нас особенно плохо. Ведь мы находились на расстоянии 2000 километров от тыла, и замену можно было получить очень нескоро. А главное — Красная Армия выиграла драгоценное время для создания фронта обороны между Волгой и Доном, на подступах к Сталинграду. Ей удалось задержать 4-ю танковую армию, которая уже 1 августа прорвалась из района Цимлянской через Калмыцкую степь к южным подступам Сталинграда. По приказу Главного командования сухопутных сил 6-я армия вынуждена была 12 августа передать на усиление 4-й танковой армии 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии. Оба соединения перешли Дон по наведенному мосту у Потемкинской. Для закрепления достигнутого под Калачом успеха от 6-й армии требовалось немедленно продолжать наступление по ту сторону Дона. Но она была не в состоянии это сделать. Мы снова потеряли драгоценное время. Приходилось перегруппировывать соединения, восполнять потери в оружии и боевой технике, получать боеприпасы и горючее.

Потери растут, настроение падает

Я просматривал донесения о потерях, поступившие из дивизий. К тем из них, которые особенно пострадали, я выезжал на место. Такой пострадавшей дивизией была 376-я пехотная под командованием генерал-лейтенанта Эдлера фон Даниэльса. После боев она сосредоточилась вместе с 384-й и 44-й пехотными дивизиями в излучине Дона к востоку от Клетской. Эти три дивизии имели задачу отбросить войска Красной Армии за Дон и в общем выполнили ее; правда, в дальнейшем советским частям снова удалось во многих местах форсировать Дон и создать плацдармы на его западном берегу.

Но и эти бои стоили немецким войскам больших потерь: так, численный состав многих пехотных рот 376-й дивизии доходил до 25 человек. В 44-й и 384-й пехотных дивизиях дело обстояло несколько лучше. Но и при численности в 35—40 человек в роте было мало оснований для оптимистических настроений.

При наступлении 6-й армии к Волге кровь немецких солдат лилась рекой. Отошли в прошлое легкие успехи западной кампании, равно как и бодрое настроение солдат, характерное для лета 1941 или для мая и июня 1942 года. Во время моих поездок в вездеходе я постоянно встречал отставших солдат, которые после тяжелых боев разыскивали свои части. Особенно запомнились мне двое, участвовавшие в сражении под Калачом. Они служили в той дивизии, куда я направлялся. Я взял их в свою машину. Сидевший за моей спиной ефрейтор, еще находясь под свежим впечатлением пережитых боев, рассказывал:

— В таком пекле даже здесь, на Востоке, мне еще не приходилось бывать. Задал нам Иван жару, у нас только искры из глаз сыпались. Счастье еще, что наши окопы глубокие, иначе от нас ничего бы не осталось. Артиллерия у русских знатная. Отлично работает — что ни выстрел, то прямое попадание в наши позиции. А мы только жмемся да поглубже в дерьмо зарываемся. Много наших от их артиллерии пострадало. А самое большое проклятие — «катюши». Где они тюкнут, там человек и охнуть не успеет.

Товарищ ефрейтора — о нем я по ходу разговора узнал, что его мобилизовали накануне сдачи экзамена на аттестат зрелости, — добавил:

— А как идет в атаку советская пехота! Я от их «ура» чуть совсем не спятил! Откуда берется эта удаль и презрение к смерти? Разве такое может быть только оттого, что за спиной стоит комиссар с пистолетом в руке? А мне сдается, есть у русских кое-что такое, о чем мы и понятия не имеем.

Ефрейтор позволил себе еще большую вольность, чем его товарищ. Он сказал, адресуясь прямо ко мне:

— Еще три недели назад наш ротный рассказывал нам, будто Красная Армия окончательно разбита и мы, дескать, скоро отдохнем в Сталинграде. А оно вроде бы не совсем так. 31 июля они нам изрядно всыпали. Нашей артиллерии и противотанковой обороне еле-еле удалось остановить контрнаступление русских.

— Ну как, господин полковник, конец этому скоро будет? — спросил молодой солдат. По-видимому, нашу стратегию он ставил не слишком высоко. А он еще полгода назад, возможно, пел в своей школе: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир». Этот хмель выветрился из него мгновенно.

Оба они ждали от меня ответа. Я обернулся к ним:

— Я не пророк, стало быть, предсказывать не берусь. Но война кончится не так уж скоро. Вы же сами на себе почувствовали, что русский еще может драться. Сейчас нам нужно прежде всего взять Сталинград, а тогда посмотрим. Ну а как настроение у вас в роте?

— Да как бы вам это сказать, господин полковник, — ответил ефрейтор. — Вы не рассердитесь, если я буду говорить напрямик? Уж очень долго тянется война, наши старики хотят домой. Письма оттуда тоже не больно радуют. Крестьянину, например, жена пишет, что от ее военнопленного сплошные неприятности, что справиться с хозяйством ей невмочь. А в городах, особенно в рабочих семьях, с питанием все хуже и хуже; женщины не знают, чем накормить голодных ребят. Женатые солдаты беспокоятся о своих близких. А это влияет на настроение. Ну и большие потери тоже, конечно, влияют. Когда мы 11 августа шли через поле сражения и видели, как много лежит там убитых и раненых, мой приятель громко сказал, чтобы всем слышно было: «В этой проклятой безотрадной степи мы все передохнем». А он хороший, смелый солдат. Еще прошлой осенью получил Железный крест первой степени.

Я еще был погружен в мысли о только что услышанном, как машина остановилась: мы подъехали к командному пункту дивизии. Став навытяжку и сказав: «Спасибо большое», оба солдата ушли.

Так вот как, значит, обстоят дела в этой роте: старики тоскуют по дому, а молодежь после первого же тяжелого боя готова воткнуть штык в землю. Уж не так ли обстоит дело и в других ротах?

После того как я составил себе представление о численности дивизии, я доложил данные начальнику штаба. Они не явились неожиданностью для генерал-майора Шмидта. Он ведь знал, какими тяжелыми были последние бои. Формулируя свою точку зрения, он ответил:

— Проблема пополнения не терпит отлагательства. Немедленно же предпринимайте меры у заместителя начальника штаба! Но раньше доложите генералу Паулюсу. Он сегодня снова весь день объезжал дивизии и, наверное, сможет дать вам дополнительные указания.

Паулюс встретил меня вопросом:

— Ну, Адам, каково положение в дивизиях?

— У меня об этом сейчас есть уже довольно ясное представление. Утешительно, что многие из считавшихся пропавшими без вести вернулись в свои подразделения. Они просто отстали. Кроме того, после недолгого лечения в госпитале будут направлены обратно в их части легкораненые. Но что это дает, если численность рот составляет в среднем от 25 до 40 человек? Мы заплатили дорогой ценой за наш успех. Большие потери и тяжелая борьба сказываются на состоянии солдат: преобладает подавленное настроение. Я, как и генерал-майор Шмидт, считаю, что необходимо возможно скорее добиться пополнения.

— Совершенно согласен и с вашей оценкой и с предлагаемыми мерами. Все командиры, с которыми я говорил на днях, самым настойчивым образом требуют пополнения. Плацдарм русских под Калачом оказался для нас твердым орешком. Наши дивизии должны быть немедленно укомплектованы. Передайте ваши заявки по телеграфу.

Пока я был на докладе у Паулюса, мой заместитель составил заявки на пополнение. Телеграммы высшим штабам были разосланы. Кроме того, я говорил ночью по телефону с адъютантом группы армий «Б», и он обещал мне свою поддержку.

На другой же день из тыловых корпусных управлений * Касселя, Висбадена, Ганновера, Вены и Берлина поступили стереотипные ответы: подготовленным пополнением не располагаем; вылечившиеся и признанные медицинской экспертизой годными к службе в военное время будут срочно направлены для использования.

Паулюс был так же разочарован этими ответами, как и я. Мы знали, что после трех лет войны Германия не имеет больших людских резервов. Но все-таки ведь именно 6-я армия должна была стать решающей ударной силой для осуществления главной оперативной цели на 1942 год **.

Надежд на группу армий «Б» было мало. Мы могли получить от нее всего несколько маршевых рот. Мы были благодарны и за это, учитывая предстоящее форсирование Дона. Сейчас имел значение каждый прибывающий солдат, особенно обстрелянный. Однако нам требовалось больше, чем две-три маршевые роты. Ведь надо было брать крупнейший город на Волге. Предстояли уличные бои в городе, и, как мы знали это из собственного опыта, они требовали больших жертв. По силам ли это было нашим уже и так понесшим большие потери дивизиям?

Паулюс вскинул на меня глаза:

— Что же вы предлагаете?

— Разрешите мне, господин генерал, полететь в ставку фюрера в Виннице. Я считаю необходимым доложить шефу организационного отдела о том, как обстоит с личным составом в 6-й армии.

— Согласен, вылетайте завтра же утром, тогда вы сможете вернуться еще засветло.

— Я воспользуюсь этой возможностью, чтобы поставить перед отделом кадров вопрос и о пополнении офицерского состава.

Вернувшись в свою палатку, я сложил в портфель приготовленные мной для беседы в Виннице документы. На другое утро, едва рассвело, вооруженный самыми последними данными о боевом составе и перечнем вакантных офицерских должностей, я направился к западной окраине села Осиновка, в котором мы разместили свой командный пункт. Укрытые за купой деревьев и кустов, замаскированные от воздушного наблюдения, стояли самолеты связи армейского штаба. Один из них должен был доставить меня в Харьков. Он был уже готов к старту.

Не успел я сесть в машину, как мотор сразу загудел. Через несколько минут машина помчалась по взлетной дорожке в степи, затем оторвалась от земли. Мы летели на небольшой высоте. Солнце, еще низко стоявшее на восточном краю небосвода, заливало золотистым светом бескрайнюю степь. Капли росы на выжженной траве блестели, как жемчуг и алмазы. Это было чудесное зрелище. И все же я опасливо поглядывал назад. Стояла отличная летняя погода, а как раз это-то и было небезопасно. Она открывала перед вражескими истребителями различные преимущества: ясную видимость, солнце светило в спину, а не в глаза. В случае налета противника нам пришлось бы худо. От пилота не укрылось мое опасливое поглядывание на восток. Он усмехнулся.

— Можете не беспокоиться, господин полковник. Когда наши истребители в воздухе, ни один русский «як» сюда не сунется. Видите вон там поблескивающие на солнце точки? Это наши. Покажись только противник, они ринутся на него, как ястребы.

Мы летели сейчас в обратном направлении над дорогой, которую прошла в последние недели наша армия. Редко попадалось на глаза какое-нибудь селение. Очень долго мы летели над шоссе, по которому тянулись на восток колонны машин, груженных предметами снабжения. Сопровождающие их конвойные приветственно махали нам руками. В расстилавшейся перед нами бескрайней степи порой мелькали разбитые танки, орудия или опрокинутые грузовики. Отчетливо вырисовывались линии окопов, в которых еще недавно лежали друг против друга немцы и русские. Взгляд мой нередко приковывали к себе тела убитых красноармейцев или разложившиеся трупы лошадей с уродливо торчащими вверх ногами. Там же, внизу, кончили свою жизнь тысячи немецких солдат и офицеров, утрата которых и побуждала меня сейчас лететь в Винницу. Но тогда как немцы погребли своих товарищей в этой чужой земле, ни у кого не нашлось времени отдать последний долг и советским солдатам, павшим на захваченной нами территории.

Внезапно характер пейзажа изменился. Мы перелетели через Оскол и Донец. Врезавшиеся в степь поселки с их садами и полями стали теперь многолюднее и крупнее. А затем показался Харьков: море домов, тракторный завод, высотный дом и вокзал, а за ним и аэродром.

Описав изящную дугу, пилот посадил машину на взлетно-посадочную полосу. Самолет медленно подкатил к стоявшему вблизи «юнкерсу-52», мотор которого тут же заработал. Это был самолет связи, направлявшийся в Винницу. Наш штаб армии радировал харьковскому аэродрому, что я вылетаю из нашего степного села. Меня уже ждали. В две минуты я перебрался из одного самолета в другой. Там уже сидело несколько курьеров. Раздался гул моторов. Машина стартовала. Она быстро набрала высоту. Полет в западном направлении открывал перед нами картину, полную разнообразия. До самого горизонта тянулись плодородные украинские поля, пересекаемые полосами леса, реками и ручьями. Сеть населенных пунктов была гораздо гуще, чем на первом этапе моего воздушного рейса. Обширные села сменялись городками и городами. Наш «юнкерс-52» летел на высоте около тысячи метров. Мы без труда могли наблюдать колонны транспорта, которые двигались на восток по густой сети шоссейных дорог. Все чаще попадались навстречу поезда, мчавшиеся в Харьков. Они везли туда продовольствие, боеприпасы, горючее, оружие и снаряжение. Харьков был главной базой снабжения группы армии «Б».

Крушение надежд в Виннице

Часа через два мы благополучно приземлились в Виннице.

Легковой автомобиль доставил меня в город, где находилось управление кадров. Там я сначала вел длительные переговоры с генералом фон Бургсдорфом. Наступление на Дон, указал я, повлекло за собой особенно большие потери среди младшего офицерского состава пехоты. Группа армий не в состоянии заполнить эту брешь.

— Я понимаю вашу тревогу, — ответил фон Бургсдорф, — но в данное время мы едва ли сможем помочь. От других армий группы «А» и «Б» тоже поступили очень большие заявки. Нам нужно было представить несколько сот одних только ротных и батальонных командиров. Недели две-три назад начали работать курсы по подготовке офицеров, но выпуск будет, вероятно, в декабре самое раннее. А пока я могу только заверить вас, что мы отно-

симся с глубоким сочувствием к положению 6-й армии. Но в настоящий момент речь может идти лишь об отдельных случаях замены выбывших офицеров, никак не больше.

— Слабое утешение, господин генерал.

— Подумайте над тем, не можете ли вы изыскать собственные ресурсы на месте, в армии. Проверьте, нет ли таких унтер-офицеров, которых вы можете предложить нам для повышения в звании. Может быть, найдутся и другие способы восполнить недостаток офицеров в пехоте. Я имею в виду некоторых молодых военнослужащих в тыловых учреждениях. Между прочим, как обстоит дело с молодыми кадрами в артиллерии и в отделах связи?

— Я сейчас еще не располагаю полными данными, — сказал я. — Но недавно начальник нашего армейского полка связи жаловался мне, что кандидаты в офицеры у него не имеют никаких шансов на повышение. Вернувшись к себе, я прикажу представить мне сведения обо всех кандидатах в офицеры, имеющихся в артиллерии и связи. Но там много не наберется.

Переговорив с начальниками отделов, ведающих офицерами танковых и инженерных войск, я отправился к начальнику организационного отдела полковнику генерального штаба Мюллеру-Гиллебранду. Этот отдел тоже находился в городе, неподалеку от управления кадров.

«Надеюсь, мне здесь больше повезет», — думал я, переступая порог этого дома. Как и везде в ставке фюрера, каждый сюда входивший подвергался самой тщательной проверке. Дежурный не меньше двух раз перечел мое удостоверение, проверил печать и подпись, посмотрел на мою фотографию, потом на меня. Затем о моем приходе доложил начальнику отдела.

— Вы пришли ко мне по вопросу о пополнении. Ваши срочные заявки мне известны, — здороваясь со мной, сказал Мюллер-Гиллебранд.

Я подтвердил это, передал полковнику последние данные о численности армии и постарался как можно убедительнее описать наше тяжелое положение.

— Перед тем как лететь сюда, я обращался в тыловые корпусные управления. Все они ответили, что в настоящий момент осуществить требующееся доукомплектование армии не могут. Скажу откровенно, у нас в оперативном

отделе 6-й армии сложилось впечатление, что тыловые учреждения недооценивают трудность поставленной перед нами задачи. Как можно взять крупный город, занимающий территорию примерно в 300 квадратных километров, если боевая численность роты 30—40 человек? Исходя из нашего последнего опыта в большой излучине Дона, надо ожидать, что противник будет защищать каждый дом, каждый камень.

Начальник организационного отдела листал мои документы. Я смотрел на него с надеждой.

— Вы знаете, как обстоят у нас дела, и поверьте, я охотно вам бы помог. К сожалению, однако, все действительно так и есть, как сообщили вам начальники тыловых управлений. Новое пополнение призывников пройдет подготовку только к концу года. До января 1943 года нечего и рассчитывать на пополнение пехотных полков.

Я в ужасе смотрел на Мюллера-Гиллебранда. Ведь наступление на Сталинград должно начаться сейчас, а не в январе 1943 года! Что же с нами будет, если боевая численность наших частей не достигает даже половины?

Полковник заметил мое смятение.

— Скажите вашему командующему, что я сделаю все, чтобы помочь вам. Правда, в ближайшие месяцы мы будем располагать только солдатами, которых выписали из госпиталей как вылечившихся. Я прослежу, чтобы сформированные из них маршевые роты в первую очередь направлялись в 6-ю армию. Чрезвычайно сожалею, что ничего больше не могу вам обещать.

Я откланялся. Ни разу еще за все время войны у меня не бывало так тяжело на сердце, как сейчас, когда я с почти пустыми руками отправлялся в обратный путь, в штаб армии.

Я поспел в самую последнюю минуту к самолету, летевшему в Харьков. Он был чуть ли не битком набит курьерами, зондерфюрерами, служащими вермахта, командирами фронтовых войсковых частей, которые возвращались из отпуска или с курсов боевой подготовки. Для меня было забронировано место как раз за кабиной пилота. Вокруг шел оживленный разговор. Но я не слушал: я не в силах был побороть глубокую апатию, которая охватила меня после всех испытаний этого дня.

Неужели Верховное командование вермахта и генеральный штаб сухопутных сил действительно считали возможным осуществить наступление на расстояние в 650 с лишком километров без значительных потерь для нас? Группе армий «Б» удавалось, правда, окружать и уничтожать большое количество советских войск. Противник, однако, отступал за Дон и, несомненно, еще доставит нам очень много хлопот в предстоящих боях за Сталинград.

Но как же можно планировать войну, ставя огромные стратегические цели, и при этом забывать о своевременном пополнении живой силы, оружия и техники? В каждой военной школе учат, что прорыв хорошо укрепленной неприятельской полосы обороны требует от наступающих значительных жертв, если только прорыв вообще удастся. Уже в первой мировой войне русские показали образцы мастерства в обороне. Неужели Главное командование сухопутных сил забыло об этом? Разве не нужно было принять срочные меры, как только от наших наступающих армий поступили первые сообщения о больших потерях? Разве мы не заблаговременно информировали шеф-адъютанта Гитлера генерала Шмундта, генералов Фельгибеля и Окснера о потерях и самым настоятельным образом не предостерегали, что, если нам не дадут пополнения, угрожающее положение неминуемо?

Мы слышали одни только слова обещания, но сделано ничего не было. Сейчас меня особенно мучила мысль о том, как безответственно верховное командование недооценивает советские войска. Что же теперь будет, если в предстоящих боях наши потери возрастут? Есть ли вообще на нашем тысячекилометровом фронте резервы, которые могли бы закрыть возможные бреши?

Я так и не придумал никакого выхода из положения, когда самолет приземлился на харьковском аэродроме. В то время здесь царило большое оживление. Транспортные самолеты, курсировавшие в различных направлениях, стояли наготове. Меня ждал летчик из нашей эскадрильи. Мы тотчас же вылетели и к вечеру были в Осиновке.

Прямо с аэродрома я пошел к генералу Паулюсу. Он осунулся и побледнел от бессонных ночей. Прежде такой прямой и стройный, сейчас он как будто сгорбился. Я почувствовал, как тяжело этому человеку нести бремя возложенной на него ответственности.

— Ну, Адам, чего вы добились в ставке?

Не тратя лишних слов, я доложил о печальных результатах полета в Винницу, стараясь не выказывать свое волнение и разочарование.

— Ах вот оно как! Я, стало быть, должен брать Сталинград измотанными дивизиями, — с горечью сказал Паулюс, когда я кончил свой доклад.

— Мюллер-Гиллебранд заверил меня, что прибывающие маршевые роты будут направляться преимущественно в нашу армию. Конечно, этого мало. Но надо полагать, Главное командование сухопутных сил позаботится хотя бы о том, чтобы сменить наши обескровленные дивизии, если нет достаточного пополнения.

Я сам не верил в эту возможность, но мне хотелось сказать что-нибудь такое, что не омрачило бы и без того беспросветную обстановку. Однако Паулюс не склонен был обольщаться.

— Нет, Адам, это нереально. Откуда возьмутся эти дивизии? Мы ведь уже не раз толковали о резервах. Гитлер и знать об этом не хочет. По-видимому, план этого наступления уже в своей основе был плодом легкомыслия и верхоглядства. Нас поэтому не в чем упрекнуть; мы сделали все, что было в наших силах. С первого же дня наступления мы давали правдивую информацию. Вы-то знаете, мне никогда не было свойственно недооценивать противника. Я не остановился перед тем, чтобы выступить со своими предостережениями и в присутствии Шмундта и Фельгибеля и всех прочих.

— Я могу это удостоверить с чистым сердцем и спокойной совестью, господин генерал.

— Бои под Калачом показали нам, что русские больше не намерены без борьбы отдавать территорию. Наши солдаты в результате физического и душевного напряжения, потребовавшегося от них в последние дни и недели, изнурены, оружие и техника в значительной мере выбыли из строя. И вот теперь измученные войска, которые целые семь недель не имели ни дня отдыха, должны снова идти в наступление.

— Именно потому, что я все это знаю, господин генерал, я в Виннице описал наше положение самыми мрачными красками.

Паулюс задумался, потом продолжал:

— Генерал Блюментритт, мой преемник по должности первого обер-квартирмейстера в генеральном штабе, объезжает сейчас в качестве инспектора Восточный фронт. Он дал знать, что будет и у меня. Я еще раз все ему расскажу. Если есть вообще какой-нибудь способ нам помочь, то он наверняка это сделает.

Простившись с Паулюсом, я поспешил к начальнику штаба, который уже ждал меня. Я знал, что Шмидта нелегко пронять, но, когда он выслушал мой краткий доклад, его все-таки взорвало.

— Наша пехота прошла с боями больше пятисот километров. Как видно, господа из Главного командования сухопутных сил забыли, что это значит. А ведь слишком туго натянутый лук, чего доброго, переломится. Но несмотря на все, Адам, не будем вешать голову. Я доверяю нашим бравым солдатам. Конечно, они ворчат. Но когда придет приказ наступать, они снова пойдут вперед. Я убежден, что мы достигнем нашей цели.

— Вы полагаете, господин генерал, что предстоящие бои принесут нам меньше потерь?

— Вот уж нет. Во всяком случае, мы подготовили для переправы через Дон две дивизии с пока еще почти нормальной численностью — 76-ю и 295-ю. Я дал им последние маршевые батальоны. На командиров можно положиться. Кроме того, вы, вероятно, уже слышали от командующего, что к нам прибудет генерал Блюментритт. Мы хотим с ним снова поговорить начистоту.

Форсирование Дона

На командный пункт оперативного отдела армии прибыл генерал Блюментритт. Последние приготовления к форсированию Дона и наступлению на Сталинград закончились. Дивизии стояли на своих исходных позициях. Паулюс и Шмидт еще раз подробно обсудили с генералом Блюментриттом наступательные операции.

Командующий армией подчеркнул, что успех может быть гарантирован, только если будет исключена всякая угроза северному флангу протяженностью 400 километров. Таким образом, Блюментритт получил весьма поучительное впечатление о той угрожающей обстановке, в какой мы находились.

19 августа корпусам 6-й армии был отдан приказ о наступлении. Во второй половине дня я явился с докладом к генерал-майору Шмидту. В его кабинете висели сильно увеличенные аэрофотоснимки Сталинграда. Сейчас я впервые получил ясное представление об этом городе, который обозначался на наших картах маленьким кружком. Он занимал на западном берегу Волги полосу шириной от 4 до 7 километров, а длиной свыше 60 километров. Я и не представлял себе, что этот город таких исполинских размеров. Сам собой напрашивался вопрос:

— А сможем ли мы с ходу взять штурмом этот громадный город? Ведь противнику известны наши намерения. Еще когда мы дрались под Калачом, русские, как доносили наши летчики, построили несколько оборонительных поясов с противотанковыми рвами. Пока мы после этого заново перегруппировывали наши силы, они выиграли еще две недели. Несмотря на полученное подкрепление — XXIV танковый корпус и 297-ю пехотную дивизию, — 4-я танковая армия была не в состоянии прорваться к Волге южнее Сталинграда. Следовательно, наше нынешнее наступление вовсе не явится неожиданностью для советского командования.

— Это, разумеется, верно. Но если все же мы здесь прорвемся, сосредоточив танки у северной окраины Сталинграда, а 4-я танковая армия одновременно будет развивать наступление с юга, то противнику придется вести сражение на обоих флангах, отстоящих один от другого на расстоянии примерно 60 километров. Будет ли он в состоянии это сделать, по-моему, весьма сомнительно. Мы продумали все варианты. Боеприпасы и горючее имеются в достаточном количестве. Командование Красной Армии, несомненно, использовало прошедшие почти четыре недели, чтобы подвести подкрепления, вывезти оборудование заводов, эвакуировать население и подготовить город к продолжительной обороне. Это сулит нам ожесточенные бои. Однако я убежден, что мы свое возьмем, и скоро.

Слушая Шмидта, и впрямь казалось, что наш оперативный отдел положительно все учел. Мы предвидели тяжелые и, вероятно, кровопролитные бои. Но в конце концов мы достигнем победы.

Я расписался в получении приказа о наступлении и пошел к себе в палатку, чтобы досконально изучить этот документ. Мысленно я еще видел перед собой аэрофотоснимки города на Волге.

Сталинград имеет большое стратегическое значение. Он служит связующим звеном между Кавказом и центральной Россией. Если этот город окажется в немецких руках, противник будет отрезан от житницы — Кубани и нефтяных полей между Каспийским и Черным морями. Одна из важнейших артерий будет перерезана в самом важном месте. Но что будет, если нам не удастся взять город с ходу?

ПРИМЕЧАНИЕ

К стр. 15

[1] Транскрипция географических названий дана автором по книге «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. 3, «Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.)», Воениздат МО СССР, М., 1961.

К стр. 17

* Здесь и далее автор говорит о действиях советских войск Юго-Западного направления, нанесших удары по врагу в ходе общего стратегического наступления, начавшегося в январе 1942 г.

** Так немцы называли г. Львов.

[1] Архив автора.

К стр. 19

* Кунктатор (латинск. cunctator) — от прозвища древнеримского полководца Фабия, уклонявшегося от решительного боя и предпочитавшего занимать выжидательное положение.

К стр. 23

* Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко был в это время главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, куда входили Юго-Западный и Южный фронты.

К стр. 24

* 5—6 декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск под Москвой. Оно охватило огромный фронт шириной свыше 1000 километров и продолжалось до 7—8 января 1942 г. За этот период войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов провели ряд крупных наступательных операций. В итоге северная и южная ударные танковые группировки группы армий «Центр» были разбиты и отброшены от Москвы на 100—300 *км*. Враг испытал первое с начала второй мировой войны поражение стратегического значения. 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии врага были разбиты, остальные понесли тяже-

лые потери в людях и технике. Гитлеровцы потеряли огромное количество солдат и офицеров. Например, по их собственным данным, боевой состав каждой дивизии 4-й танковой армии к 5 января 1942 г. равнялся одному усиленному батальону. 3-я танковая дивизия 2-й танковой армии на 28 декабря 1941 г. состояла всего из двух танковых рот, насчитывавших 24 танка, двух моторизованных батальонов по 100—200 человек и одного пехотного батальона. Общие потери за период Московского контрнаступления, включая раненых и больных, составили не менее 300 тыс. человек. (См. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» под редакцией маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, М., 1964, стр. 203, 303, 304).

К стр. 25

* На южном крыле советские войска в течение января — марта 1942 г. провели ряд наступательных операций на белгородском и харьковском направлениях, в Донбассе и в Крыму; к крупным территориальным успехам эти операции, однако, не привели. Наибольших результатов наши войска добились при наступлении в Донбассе (Барвенково — Лозовская операция).

Уже в конце января — начале февраля линия фронта на юге начала стабилизироваться, хотя бои продолжались с неослабевающим напряжением. Войска советских 6-й, 57-й и 9-й армий закрепились в образовавшемся выступе на линии между Балаклеей, Лозовой и Славянском (до 20 *км* в глубину и до 110 *км* в ширину) и заняли выгодное положение для ударов во фланг и тыл харьковской и донбасской группировкам врага.

Так что у Паулюса действительно были основания для опасений. Однако операции эти остались незавершенными, что объясняется крайне тяжелыми зимними условиями (глубокий снежный покров до 80 *см* и морозы до — 30°), недочетами в подготовке и проведении операций, недостатком средств усиления — танков и артиллерии.

Несмотря на это, действия войск Юго-Западного направления в этот период сыграли определенную положительную роль. Они сковали группу армий «Юг» и вынудили вражеское командование перебросить на ее усиление в январе — апреле 1942 г. в общей сложности 11 дивизий из Германии, Франции, Румынии, Югославии и Венгрии. Были сорваны намерения вражеского командования осуществить частные наступательные операции по овладению линией Дон — Донец для создания предпосылок удара на Кавказ.

К стр. 27

[1] «Приказ о комиссарах» был издан 6 июня 1941 г. главной ставкой как «совершенно секретный документ, пересылавшийся только через офицеров»; он назывался «директивой об обращении с политическими комиссарами».

К стр. 31

* «Пг» (Рд. — партейгеноссе) — член нацистской партии.

К стр. 33

* Однофамилец фельдмаршала Кейтеля — начальника Верховного командования вооруженными силами.

К стр. 37

* Золотой значок НСДАП вручался тем ее членам, которые состояли в партии со времени ее основания.

К стр. 40

* Из документов немецкого генерального штаба, высказываний высших руководителей вермахта, из анализа фактического хода военных действий явствует, что немецко-фашистское командование после разгрома под Москвой уже не могло организовать одновременного удара на всех трех стратегических направлениях советско-германского фронта и свои замыслы на лето 1942 г. намеревалось осуществить последовательно в три этапа. В течение первого этапа (май — июнь) путем ряда частных операций предполагалось улучшить оперативное положение войск, выровнять линию фронта и высвободить как можно больше сил для главной операции. На втором этапе планировалось, сосредоточив основные усилия на юго-западном направлении, разгромить южное крыло советских войск и овладеть районом Сталинграда, Нижней Волгой и Кавказом (с захватом Кавказа связывался также честолюбивый замысел Гитлера о проникновении на Средний Восток и дальше в Азию и сокрушении сферы британского владычества). На третьем этапе планировалось, используя успехи главной операции и высвободившиеся силы и установив непосредственную связь с финскими войсками, овладеть Ленинградом. На севере в это время намечалось захватить Мурманскую железную дорогу и тем самым лишить Советский Союз важных путей связи с внешним миром. В итоге всего комплекса операций руководители фашистской Германии надеялись подорвать экономическую мощь Советского Союза, захватив южную часть нашей страны, где в больших масштабах добывались нефть, уголь, железная руда, находились крупнейшие металлургические и машиностроительные

заводы и богатейшие сельскохозяйственные районы. (Промышленность Урала противник надеялся в дальнейшем вывести из строя посредством воздушных бомбардировок.) В ходе последующих ударов планировалось нанести решительное поражение советским войскам на центральном участке фронта. Все это, по расчетам политических и военных руководителей фашистской Германии, должно было поставить Советский Союз в такое критическое положение, при котором он не смог бы больше продолжать вооруженную борьбу.

План гитлеровского командования на лето 1942 г. был противоречив и построен так же, как и план «Барбаросса», на переоценке своих сил и недооценке сил и возможностей Советского Союза. Расчеты на успех нового наступления руководство рейха прежде всего основывало на предположениях, что Советскому Союзу, потерявшему значительную территорию, на которой производилась до войны одна треть всей промышленной продукции и находилось около 50% всех посевных площадей, не удастся обеспечить свою армию достаточным количеством вооружения и боеприпасов. Кроме того, оно считало, что Советская Армия к весне 1942 г. понесла невосполнимые потери, лишилась своих кадровых войск и поэтому уже не представляет серьезной силы. Как показал последующий ход событий, эта оценка немецко-фашистским командованием состояния и возможностей Советского Союза оказалась глубоко ошибочной. Боевые действия, развернувшиеся летом и осенью 1942 г., опрокинули все планы врага (см. «Военно-исторический журнал» № 1, 1961, стр. 31—42).

** 12 мая войска советского Юго-Западного фронта нанесли два удара по сходящимся направлениям: главный — с Барвенковского выступа в обход Харькова с юго-запада, вспомогательный — из района Волчанска. Вначале наступление развивалось успешно. Наши войска прорвали оборону 6-й армии Паулюса на обоих указанных участках и в течение пяти дней продвинулись на 40—50 *км*.

К стр. 41

* 17 мая армейская группа «Клейст» (17-я и 1-я танковая армии) из района Славянск, Краматорск нанесла внезапный удар на Изюм и северо-западнее по 9-й армии нашего Южного фронта и прорвала ее оборону, что поставило под угрозу окружения советские войска, наступавшие с Барвенковского выступа. Одновременно 6-я немецкая армия нанесла удар против 28-й армии нашего Юго-Западного фронта. Отвод советских войск не был своевременно разрешен, они продолжали наступать, что еще более усугубило обстановку.

23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и соединения группы армий «Клейст», наступавшей с юга, соединились в районе Балаклеи. Войска советских 6-й, 57-й армий и группы генерала Л. В. Бобкина были окружены. До 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Лишь отдельным отрядам удалось вырваться из окружения. В этих неравных боях погибли смертью храбрых многие верные сыны нашей Родины, среди них Ф. Я. Костенко, заместитель командующего Юго-Западным фронтом, командармы А. М. Городнянский, Л. В. Бобкин, К. П. Подлас (Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, М. 1965, стр. 160, 161, 162).

** Адам, видимо, имеет в виду Керченско-Феодосийскую операцию, осуществленную войсками Закавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом (декабрь 1941 — январь 1942 г.). В итоге этой операции был освобожден Керченский полуостров, города Керчь и Феодосия, наши войска продвинулись на 100—110 *км*, а немецко-фашистское командование было вынуждено на время прекратить атаки Севастополя и перебросить часть сил осаждавшей этот город 11-й армии Манштейна в район западнее Феодосии.

Как известно, героические защитники Севастополя оборонялись в общей сложности 250 дней; этот город был оставлен советскими войсками по приказу 3 июля 1942 г.

К стр. 44

* По данным начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера (они признаются в советской историографии как достоверные или близкие к истине), общие боевые потери сухопутных войск с 30 сентября 1941 г. по 28 февраля 1942 г. составили действительно около полумиллиона солдат, кроме того, свыше 112 тысяч солдат и офицеров выбыли из строя в результате тяжелых случаев обморожения.

В ходе зимнего наступления наших войск было разгромлено до 50 дивизий противника.

К стр. 48

* Эпизоду с захватом в плен майора Рейхеля Вильгельм Адам, как и другие немецкие авторы, придает преувеличенное значение. Едва ли документы, имевшиеся у Рейхеля, были столь важными. Во всяком случае, приказы гитлеровской ставки на летнюю кампанию 1942 г. в их полном объеме стали известны советскому командованию после войны.

К стр. 52

* Командование вермахта полагало, что сумеет окружить и уничтожить главные силы Красной Армии, якобы сосредоточенные на южном крыле советско-германского фронта, поэтому Паулюс и Адам ожидали, что 6-я армия и ее соседи добьются окружения особенно крупных контингентов советских войск и захватят большие трофеи. В действительности же наиболее многочисленная группировка советских войск находилась на центральном (московском) направлении, а юго-западное направление оказалось ослабленным, что и явилось причиной первоначального успеха летнего наступления гитлеровских войск.

К стр. 56

* 12 июля 1942 г. Ставка Советского Верховного Главнокомандования образовала Сталинградский фронт, в состав которого были включены 62-я, 63-я и 64-я общевойсковые армии, выведенные из резерва, и 8-я воздушная армия. Вскоре в состав фронта был включен еще ряд ослабленных в боях соединений расформированного Юго-Западного фронта. Новый фронт получил задачу оборонять рубеж по реке Дон от Павловска до Клетской и далее по линии Клетская, Суровикино, Верхне-Курмоярская. 17 июля авангарды 6-й армии вошли в боевое соприкосновение с разведотрядами войск Сталинградского фронта, началась великая битва на Волге («Великая победа на Волге», под редакцией маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, М., 1965, стр. 27—28, 49).

К стр. 57

* Возраставшее сопротивление передовых отрядов нашей 62-й армии, в частности на рубеже Пронин, Тормосин, заставили немецко-фашистское командование провести перегруппировку и включить в 6-ю армию новые соединения.

В 6-й армии к исходу 22 июля было уже 18 дивизий, в том числе пехотных — 12, легкопехотных — 1, танковых — 1, моторизованных 2 и охранных — 2. В боевых частях армии вместе с частями усиления насчитывалось: людей — около 250 тыс., орудий и минометов — около 7500, танков — около 740. Наступление 6-й армии с воздуха поддерживалось основными силами 4-го воздушного флота противника, в составе которого к этому времени имелось около 1200 боевых самолетов.

В составе Сталинградского фронта к исходу 22 июля числилось пять общевойсковых армий и две танковые армии.

Однако, несмотря на указанное количество армий и сравнительно большое число соединений в них, возможности фронта

к этому времени оказывались весьма ограниченными. Так, на свои оборонительные рубежи к 22 июля смогли выдвинуться лишь дивизии 63-й и 62-й армий. Из соединений 64-й армии к исходу 22 июля в район Сталинграда прибыли всего лишь две стрелковые дивизии.

Из всех соединений имели среднюю укомплектованность только 16 стрелковых дивизий. Авиационные дивизии 8-й воздушной армии были укомплектованы самолетами не более как на 50% и имели всего 337 исправных боевых самолетов.

Соотношение сил и средств на Сталинградском направлении к 22 июля видно из приведенной ниже таблицы:

Силы и средства	Общее соотношение сил (фронт 520 км)		
	противник	наши войска	соотношение
Дивизии (расчетные)	18	16	1,2 : 1
Люди	250000	187000	1,2 : 1
Орудия и минометы	7500	7900	1 : 1
Танки	740	360	2 : 1
Самолеты	1200	337	3,6 : 1

(«Великая победа на Волге», под редакцией маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, М., 1965, стр. 54, 56, 57).

К стр. 60

* Характеризуя директиву № 45 как роковую, автор забывает, что и предыдущие приказы Гитлера были не менее авантюристичны. Постигшая агрессоров катастрофа объясняется тем, что советская сторона преодолела последствия внезапного удара вермахта и ряда ошибок, допущенных в первый год войны, и сумела реализовать свои объективные преимущества перед агрессором. Об этом Адам правильно говорит в своем предисловии.

К стр. 62

* Маршал Советского Союза А. М. Василевский как представитель Ставки, находившийся в это время на Сталинградском фронте, свидетельствует:

«Сосредоточенные в ночь на 25 июля на западном берегу Дона войска 1-й танковой армии с рассветом приступили к нанесению контрудара по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача. 27 июля нанесла контрудар 4-я танковая армия. Хотя контрудары этих

армий и не привели к разгрому ударной группировки противника, прорвавшейся к Дону, но они, как видно из последующих событий, сорвали замысел врага окружить и уничтожить войска 62-й и частично 64-й армий, сыгравшие в дальнейшем основную роль в защите города, не позволили противнику в намеченный срок захватить переправы через Дон и осуществить стремительный удар на Сталинград» («Военно-исторический журнал» № 10, 1965 г., стр. 13—14).

К стр. 63

* Здесь Адам лаконично рассказывает о том сопротивлении, которое оказывали войска Сталинградского фронта, и прежде всего 62-й армии, наступавшим в большой излучине Дона войскам противника. В эти дни, например, был совершен подвиг четырьмя советскими бронебойщиками из 33-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии Петром Болото, Григорием Самойловым, Александром Беликовым и Иваном Алейниковым. На их позиции, расположенные южнее Клетской, шло до 30 вражеских танков; 15 машин было уничтожено отважными воинами.

25—31 июля командование фронтом по согласованию со Ставкой провело контрудар, о котором сказано в предыдущем примечании.

К стр. 70

* В действительности здесь действовали 8 ослабленных стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса (без танков) и 2 слабоукомплектованные танковые бригады 62-й армии. Против них наступало 13 вражеских дивизий, в том числе 9 пехотных, 2 танковые, 2 моторизованные. Эти войска располагали 400 танками и поддерживались значительной частью сил 4-го воздушного флота.

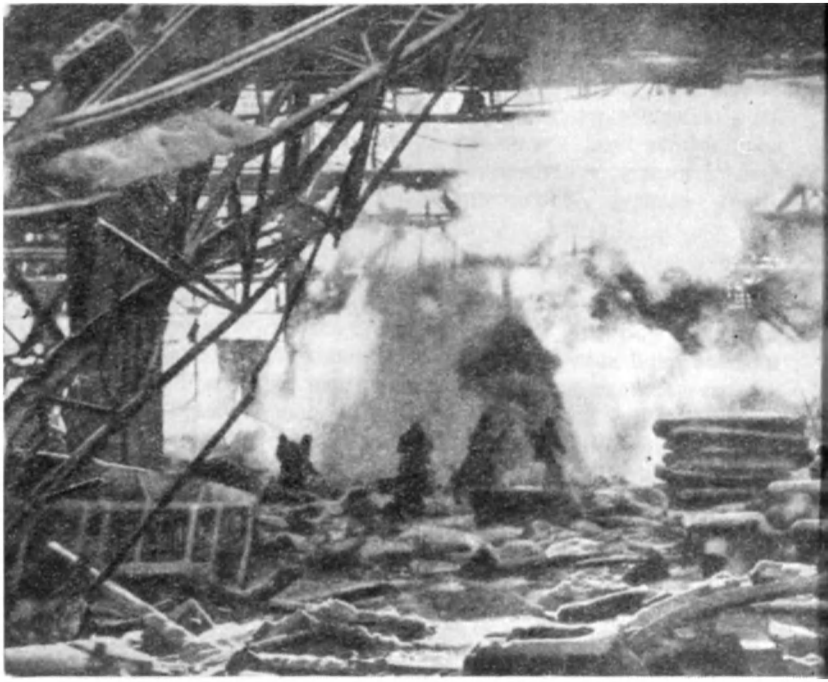
Нужно также иметь в виду, что одновременно 4-я танковая армия Гота наносила удар южнее Сталинграда в районе станции Абганерово и советское командование вынуждено было бросить часть своих резервов на южное крыло.

К стр. 75

* Тыловое учреждение по призыву и комплектованию резервов в военное время.

** Автор несколько преувеличивает роль 6-й армии. Главной целью летней кампании гитлеровская Ставка считала овладение Кавказом. Захват Сталинграда рассматривался все еще как вспомогательная задача. Что касается боеспособности войск 6-й армии, то она продолжала оставаться довольно высокой.

ПРОВАЛ НАСТУПЛЕНИЯ НА СТАЛИНГРАД

«ВЕЛИЧИЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБОРОНЫ СОСТОИТ НЕ ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО КРАСНАЯ АРМИЯ ВЫДЕРЖАЛА ЗДЕСЬ ТАКОЙ НАТИСК ВРАГА, КАКОГО НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ВЫДЕРЖИВАТЬ НИ ОДНОЙ АРМИИ МИРА, — СТАЛИНГРАД САМ ЯВИЛСЯ ИСХОДНЫМ ПУНКТОМ ДЛЯ РАЗЯЩЕГО УДАРА СОВЕТСКИХ ВОЙСК».

«История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», том третий, М., 1961, стр. 65.

Мы занимаем рубежи на западном берегу Дона

Разведка местности показала, что наилучший исходный район для наступления 6-й армии на Сталинград представляет собой излучина Дона между Лученским и Островским. Здесь западный берег порос лесом. Густой кустарник и глубокие лощины, пересекающие крутой берег Дона и спускающиеся к реке, обеспечивали прекрасную маскировку. Они позволяли незаметно для противника подтянуть прямо к реке все средства, необходимые для форсирования реки и наведения переправ для танков. Кроме того, с занимаемого нами западного берега на расстоянии многих километров хорошо просматривалась более низменная равнина к востоку от реки.

На командном пункте Паулюс разъяснял командирам корпусов план наступления. Он предполагал создать по обе стороны Вертячего плацдарм на восточном берегу Дона силами LI армейского корпуса, а также 295-й и

76-й пехотных дивизий (двух дивизий, которые пока не понесли почти никаких потерь), чтобы с этого плацдарма XIV танковый корпус мог выйти на Волгу к северу от Сталинграда. После прорыва оборонительной линии противника LI армейский корпус должен был взять на себя обеспечение правого, а VIII армейский корпус — левого фланга танков, наступающих к Волге. XI армейскому корпусу надлежало оставаться для обеспечения флангов в излучине Дона между Мело-Клетским и Клетской; XXIV танковый корпус, у которого забрали 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии, располагавший сейчас только 71-й пехотной дивизией, должен был создать силами этой дивизии плацдарм у Калача и оттуда наступать на восток.

Последние десять дней оперативный отдел штаба армии походил на пчелиный улей. Офицеры связи приходили и уходили, донесения просматривались и оценивались, командиры корпусов являлись в штаб для личных переговоров, летчики докладывали о своих наблюдениях, одно за другим происходили совещания. Теперь наступило спокойствие, исполненное ожидания. Что принесет завтрашний день?

Этот вопрос был главной темой наших застольных бесед 20 августа.

— Я не могу себе представить, — сказал начальник оперативного отдела, — чтобы переправа потребовала больших жертв. Позиции противника с нашей стороны хорошо просматриваются, наша артиллерия пристрелялась, пехотинцы и саперы проинструктированы. После короткой артиллерийской подготовки штурмовые лодки пересекут Дон. Пока противник опомнится, мы уже будем на другом берегу.

— Если все сойдет гладко, да, — возразил я. — Если же наша артиллерия не подавит все пулеметные гнезда противника, переправа может стоить больших жертв. Два дня назад один из дивизионных адъютантов, который сам был на передовой, рассказывал мне, что противник превосходно замаскировал свои позиции. Особенно трудно установить местонахождение пулеметных гнезд, размещенных непосредственно у берега.

Шмидт заметил:

— Не беспокойтесь, господа, это будет нелегко, но мы справимся с задачей.

На этом Шмидт простился с нами. Я уже давно собирался навестить двух старых товарищей по полку, которые находились в 76-й пехотной дивизии. Как знать, увижу ли я их когда-нибудь снова после предстоящих сражений? Поэтому я обратился к генерал-майору Шмидту с просьбой разрешить мне еще сегодня поехать в 76-ю дивизию.

— Разумеется, вы можете ехать, Адам. Передайте привет генералу Роденбургу и скажите ему за меня «ни пуха ни пера». Организуйте так вашу поездку, чтобы еще засветло вернуться.

Надо было торопиться. Через пятнадцать минут я уже выехал в легковом вездеходе. Несмотря на то что дороги были разбиты, продвигались мы быстро. Сильно мешала в пути черная пыль, которую поднимал моторизованный транспорт. Обгоняя колонну грузовиков, мы погружались в густое облако. Водитель сначала вел машину медленно, но вскоре ветровое стекло покрылось таким густым слоем пыли, что он вынужден был остановиться, чтобы стереть пыль тряпкой. Я невольно расхохотался, когда он взглянул сквозь ставшее прозрачным стекло: у него было черное лицо, как у негра. Но водитель веселился ничуть не меньше и предложил мне посмотреться в зеркало. Оказывается, я выглядел не лучше. Пыль проникала в машину через все щели. Даже мотор покрылся сантиметровым слоем пыли. Дальнейшее продвижение было почти невозможно. Поэтому мы свернули с шоссе и поехали по компасу прямо по стерне. Много раз, натыкаясь на речки, мы вынуждены были снова возвращаться на дорогу, по которой продвигались колонны, чтобы таким образом достичь переправы. Здесь царила невообразимая толчея. Десятки колонн с боеприпасами стремились еще до наступления темноты добраться до артиллерийских позиций. «Кюбели» и конный транспорт поспешно двигались вперед. Между ними пробирались связные мотоциклисты. Моторы, лошади и люди производили невероятный шум.

76-я пехотная дивизия перед наступлением

Между 15 и 16 часами я прибыл на командный пункт 76-й пехотной дивизии. Он был размещен в роще, непосредственно за исходными позициями полков. Перед

палаткой, на опушке, стоял рабочий стол командира дивизии. За ним сидел генерал-майор Роденбург, склонившись над картой, на которой была обозначена полоса наступления и намечены рубежи. Рядом с ним стоял его начальник оперативного отдела подполковник Брейтгаупт. Я сказал моему водителю, чтобы он подъехал к самому столу. Подполковник в гневе пошел нам навстречу: кто же это осмеливается так близко подъезжать на машине? Но, узнав меня, он обрадовался необычайно. Мы не виделись с осени 1936 года. Тогда мы оба командовали ротами в одном и том же батальоне в Гиссене и Вормсе. Я всегда находил общий язык с Брейтгауптом, который был сыном крестьянина и уроженцем Тюрингии.

Роденбург приветствовал меня:

— Как это хорошо, Адам, что вы нас хоть разок навестили. Мы часто вас вспоминали. Если бы вы приехали часом раньше, вы застали бы генерала Паулюса. Он приехал к нам из 295-й дивизии и долго с нами беседовал.

— Ну как, командующий остался доволен? — спросил я.

— Кажется, да, — ответил Брейтгаупт. — Он потребовал, чтобы мы ему подробно доложили, как мы собираемся наступать. Он одобрил наши приказы, затем я сопровождал его в расположение пехотных полков, которые заняли исходные рубежи для наступления, а под конец он посетил наблюдательный пункт артиллеристов.

— Как вы оцениваете перспективы, успех будет, господин генерал?

— Как вы знаете, я оптимист. Наши подготовительные мероприятия, несомненно, не остались незамеченными противником. Но мы справимся с задачей. До сих пор я всегда мог положиться на моих бранденбуржцев.

Брейтгаупт добавил:

— Паулюс беседовал с саперами. Все подготовлено. Как только мы отбросим противника на противоположном берегу, саперы тотчас же начнут наводить переправу. До того как мост будет готов, противотанковые части и артиллерия двинутся вслед за пехотой на понтонах. Артиллерийские наблюдатели пойдут вместе с первым наступающим эшелоном. Мы думаем, что все должно сойти хорошо и сильное сопротивление противника будет сломлено.

Я знал Брейтгаупта лет шесть или восемь; уверенный в себе, оптимистичный, он не пугался и самой трудной задачи.

— Как настроение в войсках, Брейтгаупт?

— Ах вот что вас беспокоит! Этот же вопрос задал мне и Паулюс. Что вам сказать? Вы ведь хотите побывать еще в полку Абрагама, там вы сами увидите, каково настроение. Мы довольны солдатами.

Мне пора была ехать к Абрагаму; я хотел поспеть на наш командный пункт еще до наступления темноты. Простившись с Роденбургом и Брейтгауптом, я отправился в путь, но одна мысль не давала мне покоя: сойдет ли все так гладко, как предполагают Роденбург и Брейтгаупт? Конечно, Брейтгаупт дельный человек. Но противник знает, что его ждет. Он, наверное, не бездействовал. Меня сопровождал связной полка, прикомандированный к штабу дивизии, — живой юноша с блестящими глазами. Я спросил его:

— Ну, как обстоят дела у вас в полку?

— Мы надеемся, — ответил с готовностью солдат, — что сейчас все пойдет полным ходом и мы наконец попадем в Сталинград. Помотались мы по степи достаточно и радуемся, что нас ожидает длительный отдых. Всем надоела степь. Здесь ведь и жилья настоящего не найти. Во Франции было гораздо лучше, вот куда все бы с удовольствием вернулись.

— А удастся вам пробиться до самого Сталинграда?

— Наш полк, господин полковник, еще никогда ни перед чем не отступал. С последним пополнением к нам снова прибыло много старых солдат. Они, правда, бузят, но, когда надо, свое дело делают. Многие из них были не раз ранены, это лихие фронтовики, на них наш полковник может надеяться.

— Вот прекрасно, тогда у вас все должно пройти гладко.

— Вон там, господин полковник, командный пункт полка. — Солдат указал на молодой лесок невдалеке от нас.

Абрагам уже ждал меня, Брейтгаупт дал ему знать о моем прибытии. Мы не виделись с начала войны. Здороваясь с ним, я заметил, что он мало изменился. Но может, мне показалось, что он холодно со мной здоровается?

— Так-то, Адам, а я уж считал, что адъютант армии забыл своих старых товарищей.

— Но ведь вы знаете, что у нас творилось последние недели. Только сегодня, перед началом наступления, стало потише. И я тотчас же воспользовался этой возможностью, чтобы посетить моих старых друзей.

— Да ведь я пошутил, дорогой мой, — ответил Абрагам. — Я же очень рад, что мы наконец увиделись. Вот было бы славно, если бы у нас здесь нашлась хоть одна бутылочка из тех многих, которые мы с вами опорожнили в Трире. Но ведь в этой выжженной степи не хватает даже питьевой воды.

Мы отправились сквозь редкий лесок по направлению к Дону. Не видно было ни одного солдата. Только указатели свидетельствовали, что здесь на исходных рубежах разместились десятки частей. Провода висели на ветках деревьев, минометы были замаскированы в кустарнике. Выйдя из лесу, мы наткнулись на небольшой деревянный щит, укрепленный на дереве. Надпись на нем гласила: «Наблюдательный пункт командира полка». Стрелка указывала дорогу к Дону, и мы зашагали вдоль глубокого оврага.

— Он спускается прямо к реке, — объяснил Абрагам. — Это одна из лощин, возникших в результате эрозии, так называемая балка.

— Я слышал об этом. Но сегодня вижу впервые, как выглядит подобный овраг. Удивительно, какую работу проделала вода. Тут, наверно, можно разместить целую роту.

— Даже больше. В этой балке нашлось место по меньшей мере для двух рот. С полдесятка таких оврагов есть только на моем участке.

В густом кустарнике спрятался наблюдательный пункт. Дальше почва круто обрывалась у Дона, в его темных волнах отражалось вечернее солнце. Я взглянул на другой берег, там лежала степь. За нею где-то далеко находится большой город на Волге. Через стереотрубу я попытался рассмотреть расположение противника.

— Есть ли там вообще русские? — спросил я Абрагама.

— Разумеется, но они так хорошо замаскировались, что почти ничего нельзя заметить. Днем на берегу вовсе нет никакого движения. Между тем там есть пулеметные

гнезда. Мы пытались соблазнить их удобными мишенями, но они и ухом не ведут — ни одного выстрела не раздалось с той стороны, даже ночью, когда у противника наблюдается некоторое оживление. Кое-какие пулеметные гнезда мы засекли. Посмотрите в стереотрубу: видите в перекрестье пулеметное гнездо?

Мне понадобилось по меньшей мере десять секунд, прежде чем я распознал пулеметное гнездо. Когда я снова повернулся к Абрагаму, мне показалось, что выражение его лица изменилось. Исчезла ироническая складка у рта. Губы были крепко сжаты. Глаза смотрели на меня серьезно, почти в упор.

— Если наши тяжелые орудия не подавят полностью позиции противника, переправа через реку обойдется нам очень дорого. Мы во всех подробностях договорились о координации действий артиллерии, минометов и саперов. Тем не менее многое осталось невыясненным.

— Я выдвинул бы противопехотные орудия как можно дальше вперед, чтобы можно было при появлении противника стрелять прямой наводкой.

— Так и сделано, в чем вы можете сами убедиться. Но меня интересует кое-что другое, — добавил командир полка. — Как обстоит дело с пополнением, которое, безусловно, понадобится после предстоящих боев?

— Вот это как раз неясно. Вновь призванные рекруты будут обучены лишь в декабре. Нам приходится надеяться на лучшее.

Наступил вечер. Собственно, уже было самое время отправиться в обратный путь. Но Абрагам хотел мне еще показать артиллерийские позиции. Следовало признать, что полк подошел к делу серьезно. Орудия были хорошо замаскированы, перед ними открывалось широкое, свободное поле обстрела. Траншеи для прислуги, боеприпасы, размещение передков — все было сделано в строгом соответствии с боевым уставом. Абрагам сказал мне, что солдаты заметно устали и издерганы. Порой ворчат. Но какой же пехотинец время от времени не дает таким способом выход своему настроению?

— Ну а как здоровье, Абрагам?

— Неважно. Полковой врач хотел меня на несколько дней упрятать в госпиталь. Разумеется, я отказался. На что же это будет похоже, если командир бросит свой полк на произвол судьбы перед началом наступления?

— Чем же, собственно, вы больны?

— Нервы не в порядке, врач хочет меня направить к специалисту. Я почти совсем не сплю. Поэтому днем чувствую себя разбитым. Но сейчас мы должны прежде всего переправиться через Дон.

— Дайте мне тотчас же знать, если почувствуете себя хуже. Если вы свалитесь, вы никому не будете нужны — ни себе, ни войскам. Итак, ни пуха ни пера вам завтра!

Было уже довольно поздно, когда я отправился в обратный путь.

— Доберемся мы засветло до нашего командного пункта? — спросил я шофера.

— Не думаю, господин полковник. Солнце уже село, а ночь здесь наступает сразу.

— Хоть бы мы успели до ночи выехать на тыловое шоссе. Надо проехать западнее этой деревни, — показал я на карте, лежавшей у меня на коленях.

Снова нас окутало облако пыли. Теперь стало еще хуже видно, чем днем на пути в дивизию. К тому же мы теперь двигались против течения, навстречу направлявшимся к передовой грузовикам, полевым кухням, конному транспорту. Вынужденные то и дело останавливаться, мы еле ползли, и я погрузился в глубокое раздумье.

Шофер вернул меня к действительности:

— Господин полковник, кажется, мы заблудились. Нам давно пора выехать на шоссе.

Что за чертовщина! Стрелки на светящемся циферблате моих наручных часов показывали половину девятого. Уже стемнело. Встречное движение прекратилось, а я этого даже не заметил. Я приказал остановиться. Мы находились на дороге, покрытой степной травой. В штаб полка мы ехали по другой дороге. Стало быть, мы заблудились и попали на глухую дорогу. Пришлось повернуть. Через пять минут мы оказались на перекрестке. С помощью карманного фонарика я пытался разыскать след нашей машины. Но тщетно: следы машин виднелись повсюду. Вдруг неподалеку от нас взвились в воздух белые сигнальные ракеты. Пользуясь компасом, я установил, что ракеты к востоку от нас. Следовательно, там линия фронта, и мы очутились на дороге, которая идет вдоль Дона. Я приказал водителю ехать в северном направлении, надеясь таким образом снова выйти на шоссе. Вдали блеснул огонь, мы двинулись ему навстречу. То были фары

легковой машины, которая попала в аварию. У машины стояли двое солдат из отдела снабжения 76-й пехотной дивизии. Они подтвердили, что теперь мы едем правильно. Проехав километра полтора, мы очутились на шоссе и медленно двинулись дальше. Часов в одиннадцать вечера мы прибыли на наш командный пункт в Осиновке. О нас уже беспокоились, так как 76-я пехотная дивизия сообщила о моем отъезде.

Теперь мне было не до сна. Я рассказал о своих впечатлениях. Паулюс тоже был доволен своей поездкой. Мы решили, что созданы все предпосылки для успеха будущего наступления.

Форсирование Дона удалось

Было два часа ночи. Погасив свет, я улегся на походную койку. Сквозь открытое окно струился свежий ночной воздух. Бледный свет луны озарял мою комнатку. А может, это светает? Я посмотрел на часы: половина третьего. До наступления оставалось 60 минут. Меня охватило беспокойство. Я отправился к начальнику оперативного отдела. Там уже были офицеры связи оперативного отдела. По телефону снова сверили время со штабами корпусов. В этот момент явился Паулюс.

Точно в назначенный час орудийный гром нарушил тишину уходящей ночи. То была увертюра к наступлению через Дон. После массированного огневого удара наплавные средства пехотинцев и саперов были спущены на воду.

Покуривая сигарету, Паулюс сидел у стола с оперативными картами. Его лицо подергивалось. Как и все, он был взволнован. Что принесут первые донесения?

Начальник оперативного отдела направился на телефонную станцию. Он имел постоянную связь с армейским корпусом, находившимся в авангарде наступления. Нам казалось, что прошла вечность, пока он наконец вернулся. Разговоры прекратились.

— Господин генерал, получено первое донесение LI армейского корпуса. 295-я пехотная дивизия форсировала Дон и продвигается вперед. Потери незначительны. Из

76-й пехотной дивизии сообщали, что только один полк форсировал Дон. Атака второго пехотного полка была отбита с большими потерями. Многие наплавные средства вышли из строя. Командир корпуса выехал в 76-ю пехотную дивизию.

— Какие меры принял корпус, чтобы помочь полку? — спросил Паулюс.

— Донесение было передано через офицера связи. В данный момент я не знаю подробностей, но тотчас же распоряжусь, чтобы меня связали с начальником штаба корпуса.

В комнате царило смущенное молчание. Вероятно, случилось то, о чем накануне мне говорил Абрагам на крутом берегу Дона. «Если наши тяжелые орудия не подавят полностью позиции противника, переправа через реку будет стоить нам многих человеческих жертв». В комнату вошел 1-й офицер связи и доложил:

— 76-я пехотная дивизия сообщила через LI армейский корпус причины неудачи полка, наступавшего справа. Когда первая волна наступающих на две трети пересекла реку, по ним был открыт ураганный огонь из прекрасно замаскированных пулеметов и минометов. Полк понес серьезные потери. Наплавные средства потоплены. Только немногим солдатам удалось приплыть обратно. Командир корпуса приказал 295-й пехотной дивизии, атаковав противника с тыла, очистить противоположный берег перед правым крылом 76-й пехотной дивизии.

Паулюс был согласен с распоряжениями корпуса. Он приказал офицеру связи:

— Пусть корпус сообщит, когда будет повторена атака полка.

Офицеры штаба армии разошлись по местам. Вскоре пришло известие, что злополучный пехотный полк успешно возобновил наступление. Противника обошли с тыла. Таким образом, обеим дивизиям LI корпуса удалось создать на восточном берегу Дона плацдарм, который можно было быстро расширить, несмотря на сильные контратаки противника.

Тем временем саперы с лихорадочной быстротой наводили мосты. Для XIV танкового корпуса, которому предстояло пробиться к Волге, были переброшены мосты у Песковатки и Вертячего *.

23 августа 16-я танковая дивизия, а также 3-я пехотная и 60-я моторизованная дивизии перешли в наступление с донского плацдарма. Ранним утром они прорвали оборонительную линию противника и через цепь холмов севернее рубежа Малая Россошка — высота 137 — разъезд Конный пробились к Волге, которой они достигли к вечеру того же дня у Рынка севернее Сталинграда. В результате этого наступления образовался коридор длиной 60 километров и шириной 8 километров. Это произошло так быстро, что пехотные дивизии не могли поспеть за ними, не смогли помешать советским частям отсечь XIV танковый корпус. В результате ожесточенных контратак, особенно на неприкрытых флангах, корпус оказался в крайне тяжелом положении. Его пришлось снабжать с помощью самолетов и колонн грузовиков, охраняемых танками. Нагруженные ранеными машины под прикрытием танков прорвались через боевые порядки русских в направлении Дона. На плацдарме раненых сдавали, и там же получали продовольствие. Конвоируемые танками машины возвращались в корпус. Однако XIV танковому корпусу не удалось с ходу захватить северную часть города. Много дней, изолированный от основных сил 6-й армии, он вел тяжелые оборонительные бои, заняв круговую оборону. Только через неделю после переброски на плацдарм новых пехотных дивизий удалось в упорных кровопролитных боях сломить сопротивление противника и восстановить связь с танковым корпусом. VIII армейский корпус прикрыл северный фланг в районе между Волгой и Доном. В приказе по армии этот участок был назван «сухопутным мостом».

Полевой штаб VIII армейского корпуса следовал непосредственно за наступающими дивизиями. Квартирмейстер со своим штабом тоже переправился через Дон и разместился в палатках невдалеке от только что наведенного моста у Песковатки. Мост ночью являлся мишенью советской авиации. Это привело к роковым последствиям для штаба снабжения. В конце августа, поздно ночью, адъютант VIII армейского корпуса доложил мне по телефону, что час назад авиабомба попала в палатку, в которой квартирмейстер собрал на совещание офицеров своего

штаба. Квартирмейстер и несколько офицеров убиты, остальные тяжело или легко ранены. Корпус просит срочно дать замену, так как иначе снабжение окажется под угрозой.

Прежде чем сообщить об этом по телефону Паулюсу и Шмидту, я поручил нашим связистам соединить меня с адъютантом группы армий «Б». Не успел я информировать обоих наших генералов, как телефон зазвонил снова. Вызывали из группы армий. Дежурный офицер принял донесение и срочное требование о пополнении. Затребованные офицеры прибыли на другой день.

Но этим дело не ограничилось. Русские без передышки атаковали VIII армейский корпус. Большие потери были понесены в боях южнее Котлубани. LI армейский корпус также доносил о возраставших потерях. Он должен был прикрывать правый фланг XIV танкового кропуса, атаковать Сталинград в направлении Россошка — Гумрак. Однако корпус медленно продвигался вперед. Контратаки Красной Армии со стороны долины реки Россошки заставили корпус на много дней перейти к обороне. То же самое происходило и с 71-й пехотной дивизией; она, правда, 25 августа форсировала Дон у Калача, но тут же застряла. Не достигла своей цели и 4-я танковая армия, которая должна была овладеть южной частью Сталинграда *.

Генерал фон Виттерсгейм смещен

Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира XIV танкового корпуса. Пока его корпус вынужден был драться в окружении, оттуда поступали скудные известия. Теперь же генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие

в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели.

Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армии отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город. Паулюс отверг его предложение, так как оно находилось в противоречии с приказом группы армий «Б» и верховного командования. Между обоими генералами возникли серьезные разногласия. Паулюс считал, что генерал, который сомневается в окончательном успехе, не пригоден для того, чтобы командовать в этой сложной обстановке. Он предложил Главному командованию сухопутных сил сместить генерала фон Виттерсгейма и назвал в качестве его преемника генерал-лейтенанта Хубе, который командовал 16-й танковой дивизией. Это предложение было принято.

Уже на следующий день из Генерального штаба сухопутных сил было получено письмо к генералу фон Виттерсгейму в запечатанном конверте. Мне было дано поручение вылететь на «физелер-шторхе» на командный пункт танкового корпуса и передать пакет генералу под расписку.

Виттерсгейм находился вместе со своим начальником штаба в штабном автобусе, который стоял в степи. Я впервые встретился с генералом. Это был высокий стройный человек, сдержанный, прекрасно владеющий собой. В его волосах уже пробивалась седина. Сохраняя самообладание, он взял у меня письмо, уселся в углу машины и вскрыл конверт.

Я занял место у входа, подле начальника штаба. Перед моим вылетом Паулюс рассказал мне, что фон Виттерсгейм и его начштаба держатся одной и той же точки зрения. Что сейчас происходило в душе генерала? Мы не осмеливались оглянуться. Но он сам подошел к нам твердым шагом.

— Вот, Адам, расписка в получении письма.

Он заметил мое смущение и добавил:

— Не всегда приятно быть адъютантом армии.

Видимо, он овладел собой. Его голос не выдавал волнения. Обратившись к своему начальнику штаба, он сказал:

— Вызовите генерала Хубе, пусть он явится ко мне сегодня же.

Когда я, попрощавшись, вышел из штабного автобуса, фон Виттерсгейм крикнул мне вдогонку:

— Передайте привет генералу Паулюсу!

«Физелер-шторх» стоял тут же. Пилот включил мотор, раздался нарастающий гул пропеллера, который вращался все быстрей и быстрей, поднимая пыль и клочья травы. После короткого разбега мы оторвались от земли и полетели обратно к командному пункту армии. Меня обуревали противоречивые чувства и мысли, но все же я был согласен с Паулюсом. Конечно же, он не действовал легкомысленно, когда предложил отстранить фон Виттерсгейма. Ведь Виттерсгейм сомневался в успехе. Подобная точка зрения была для Паулюса неприемлема, так как он считал, что обеим наступающим армиям удастся овладеть Сталинградом.

Но вот мы пересекли Дон. Самолет стал приземляться и подкатил к южной окраине Голубинского, где обосновался новый командный пункт.

Явившись к Паулюсу, я вручил ему расписку Виттерсгейма и передал от него привет.

— Как он принял известие, Адам?

— Генерал молча прочел письмо. Он, как будто ничего не случилось, приказал начальнику штаба вызвать Хубе на командный пункт. Его выдержка произвела на меня большое впечатление. Что ждет в дальнейшем Виттерсгейма, господин генерал?

— Он получит, вероятно, другое назначение. В общем, ведь он способный генерал, ему только здесь изменили нервы. Не могу же я приостановить наступление, потому что первое наступление танкового корпуса на город захлебнулось. С Хубе у нас не будет никаких трудностей. Он смелый и решительный человек, идеальный танковый командир. Впрочем, положение корпуса по-прежнему опасное. LI армейский корпус, который должен был помочь танкистам, наткнулся на сильное сопротивление русских и уже много дней скован. Завтра я еду вместе с генералом фон Зейдлицем в 295-ю пехотную дивизию. Хорошо, если бы и вы присоединились к нам. Эта дивизия понесла чувствительные потери. Надо подумать, как их возместить.

— Разумеется, я поеду с вами, господин генерал.

Наступление захлебнулось

В штабной комнате меня ждали срочные бумаги. Я быстро просмотрел их, раздал сотрудникам и отправился к начальнику оперативного отдела, чтобы ознакомиться с новой обстановкой.

Он сообщил мне, что со вчерашнего дня никаких существенных изменений не произошло. На севере русские непрерывно атакуют в междуречье. VIII армейский и XIV танковый корпус ведут упорные оборонительные бои. LI армейский корпус скован. В таком же положении 71-я пехотная дивизия. 4-я воздушная армия начиная с 23 августа непрерывно бомбардирует город. Сталинград — сплошное море огня. Густые черные клубы дыма свидетельствуют о том, что бомбы попали в нефтяные цистерны. 4-я танковая армия переместила направление главного удара на левый фланг и, таким образом, наносит удар по глубокому флангу противостоящего нам противника. Будем надеяться, что эта атака изменит положение.

Я сверил свои данные с оперативной картой, внес необходимые поправки и возвратился к себе. Ночи стали холодные, и несколько дней назад я переехал из палатки в дом на южной окраине Голубинского. Медленно возвращался я к себе. Уже было поздно. Почти полная луна заливала своим молочным светом одноэтажные побеленные домики и живописные сады чистенькой казацкой станицы. Приблизительно посредине было расположено единственное двухэтажное здание — школа, в которой разместился начальник инженерной службы армии со своим штабом. Отсюда дорога шла к высокому берегу и дальше вливалась в магистраль, которая тянулась вдоль Дона на юг, мимо Калача, к станции Чир и оттуда к станции Нижне-Чирской.

Голубинский находился в центре между Калачом на юге и Песковаткой на севере. Если мы хотели на легковой машине или мотоцикле отправиться в дивизии Волжского фронта, то надо было сначала ехать по шоссе через придонские холмы, вдоль Дона до понтонных мостов.

После наступления темноты на этом магистральном шоссе начиналось особенно оживленное движение. Гул моторов нарушал тишину нашего командного пункта. Вдруг я услышал, как кто-то бранится, призывая на помощь всех святых. Невдалеке мелькнул тонкий луч

карманного фонарика. Вероятно, опять какая-то авария, подумал я. В этот час это было неприятно. Регулярно в десять часов вечера появлялся русский «дежурный летчик» со своей «швейной машиной» *. С небольшой высоты пилот маленького биплана сбрасывал с борта бомбы на замеченные им цели. Совсем недавно в результате этого налета был тяжело ранен молоденький офицер нашего штаба, не считавший нужным укрыться в окопчике. И сегодня самолет прибыл согласно расписанию. Голубинский он на этот раз оставил в покое. Вероятно, внимание пилота привлекли огни на шоссе. Донесся взрыв.

Навстречу мне шел офицер в стальном шлеме; это был дежурный офицер, который проверял ночные караулы на выходах из города, у дома командующего и перед штабными службами. Он отрапортовал мне.

— Все в порядке? — спросил я.

— Так точно, господин полковник, никаких жалоб. «Швейная машина» на этот раз нас пощадила. Надо приучить солдат тщательно соблюдать маскировку.

— Но на шоссе, видимо, бомба упала. Будем надеяться, что там не произошло ничего серьезного.

— Скоро узнаю. Комендант штаба ждет возвращения машины, которая доставила отпускников на станцию Чир.

— Пошлите на шоссе связного мотоциклиста из нашей дежурной команды. Может быть, нужна медицинская помощь. Доложите мне, если случилось что-нибудь чрезвычайное.

— Слушаюсь, господин полковник!

На другое утро около шести часов я поехал по придонскому шоссе к мосту у Песковатки. Там находился VIII армейский корпус. Уже много дней соединения Красной Армии обрушивались на его дивизии. Потери убитыми и ранеными быстро возрастали. Командир корпуса генерал артиллерии Гейтц встретил меня словами:

— Вы должны нам помочь пополнением, и притом немедленно. Если русские будут нам так досаждать, мы не сможем обеспечить успешную оборону, хотя мы все делаем, чтобы уменьшить потери, укрепляя по крайней мере наши позиции.

— Мы делаем все, что в наших силах, господин генерал. Но пока мало чего достигли, — ответил я и рассказал ему о моем полете в Винницу.

— Плохие перспективы. Ничего не остается, как прочесать штабы и тыловые части.

Паулюс поручил мне проехать из Песковатки на командный пункт 295-й пехотной дивизии. Он сам собирался туда полететь на «физелер-шторхе». Я простился с генералом Гейтцем и двинулся по направлению к Сталинграду.

Примерно через полчаса я увидел командный пункт в степи. Там стояли два «физелер-шторха» и несколько автомобилей. Паулюс уже был там и беседовал с командиром LI армейского корпуса генералом фон Зейдлицем, командиром дивизии генерал-лейтенантом Вутманом и каким-то генералом авиации, которого я видел впервые. То был генерал-полковник фон Рихтгофен, командующий 4-й воздушной армией; входившие в ее состав соединения бомбардировщиков и истребителей поддерживали наступление на Сталинград. Об их деятельности свидетельствовали густые черные облака дыма, которые после 23 августа закрывали горизонт. С командного пункта 295-й пехотной дивизии я впервые увидел, как эти клубы дыма поднимаются в небо. Самый город был скрыт возвышенностью. Поражал контраст между красотой природы и разрушениями войны.

В этот прекрасный день позднего лета вся местность купалась в солнечных лучах. Но с запада, сопровождаемые проворными истребителями, беспрерывно неслись эскадрильи бомбардировщиков — они сбрасывали свой смертоносный груз на город; это сопровождалось оглушительным грохотом и облаками дыма.

— И это весь день так, — сказал офицер-сапер, — от города, вероятно, мало что осталось. Надо полагать, что падающие градом бомбы уничтожают все живое.

Паулюс наблюдал несколько минут это ужасающее зрелище. Затем он приказал командиру дивизии доложить о ходе наступления.

— За последние дни мы очень медленно продвигаемся вперед. Русские ожесточенно сражаются. Они используют каждый бугорок для обороны и ни одной пяди не отдают без боя. Наши потери растут с каждым шагом, который мы делаем по направлению к Сталинграду. Наш наступательный порыв иссякает.

Во время доклада генерала Вутмана я стоял поодаль с офицером связи дивизии.

Этот офицер дополнил сообщение своего командира, заметив:

— Большие потери действуют угнетающе на солдат. Люди приуныли, они не ожидали такого упорного сопротивления. Они думали, что через несколько дней окажутся в городе и наконец смогут отдохнуть. Но теперь большинство солдат считает весьма сомнительным, что мы вообще когда-нибудь возьмем Сталинград. Нам приходится серьезно бороться с подобными настроениями.

Дивизия подошла к Дону, насчитывая примерно 13 тысяч человек. После нескольких дней боев сохранилась едва ли половина ее состава. Даже генерал фон Зейдлиц, который был известен как суровый и бесстрашный военачальник, не скрывал своей тревоги по поводу дальнейших перспектив наступления.

Еще утром, во время беседы с генералом Гейтцем, у меня возникла мысль, что надо снова лететь в ставку Гитлера. Стало ясно, что нет другого выхода. Паулюс согласился с этим предложением.

Снова в ставке Гитлера

После того как и генерал-майор Шмидт одобрил мое предложение, я с командного пункта по телефону попросил управление кадров в Виннице принять меня на другой же день. Начальник моей канцелярии старший фельдфебель Кюппер подготовил для меня обзор по личному составу всех дивизий. К этому он присовокупил донесения артиллерийских частей и частей связи о численности имеющихся у них кандидатов на офицерские должности. Почти 200 человек не могли получить повышения по службе из-за недостатка штатных должностей. Я предложил примерно 80 из них направить для переподготовки на пехотные курсы близ фронта. Паулюс и Шмидт были с этим согласны. К ходатайству о разрешении организовать такие курсы, подписанному командующим армией, была приложена программа обучения и переподготовки, составленная мною совместно с начальником оперативного отдела.

Случаю было угодно, чтобы в тот же день вместе с текущей почтой прибыло распоряжение направить меня во второй половине сентября на лечение в санаторий

Фалькенштейн (Таунус). Шмидт заворчал, когда прочел бумагу:

— Они могли бы выбрать более подходящий момент для вашего лечения. Переговорите завтра в управлении кадров относительно вашего заместителя. Надо, чтобы он как можно раньше был командирован сюда для ознакомления с делами, иначе вы не сможете отправиться в назначенный срок.

После ужина зять Паулюса зондерфюрер барон фон Кутченбах, переводчик штаба армии, попросил меня с ним побеседовать. Что могло его беспокоить? Мы стали прогуливаться по деревенской улице.

— Меня тревожит мой тесть, — так начал разговор фон Кутченбах. — Вам, как и мне, хорошо известно, что они со Шмидтом не очень ладят между собой. Если дело еще не дошло до открытого разрыва, то только потому, что мой тесть ему всегда уступает. Высокомерие и самоуверенность Шмидта ему неприятны. Его огорчает, что начальник штаба и начальники отделов относятся друг к другу недружелюбно. Он страдает оттого, что генералы жалуются на обращение с ними Шмидта. Он чувствует себя оскорбленным, когда Шмидт принимает решения, не спрашивая его. Но, с другой стороны, он отказывается расстаться со Шмидтом.

— Шмидт, несомненно, умный офицер; меня удивляет его большая работоспособность и энергия. Но вместе с тем меня возмущает, когда Шмидт пытается поучать командующего армией, да и всех нас. Мне не понятно, почему он при всем своем уме не замечает, как вредно отражается на работе его поведение. Паулюс должен был бы наконец стукнуть кулаком по столу, дать ему отпор. Он ведь знает, что мы все его поддерживаем.

— Вам известно, что он этого никогда не сделает. Вот почему мы должны ему помочь. Было бы хорошо, если бы вы переговорили в Виннице с полковником фон Цильбергом, который занимается вопросами комплектования штабных должностей. Может быть, он поймет, какое сложилось положение.

— Вы, следовательно, предлагаете, чтобы я совершил этот шаг за спиной вашего тестя? Вы должны были бы знать, что я не любитель интриг.

— Если мы с ним заговорим, он запретит нам это. Однако в его интересах и в интересах штаба необходимо

что-нибудь предпринять. Я живу вместе с моим тестем и лучше всех знаю, как его мучают выходки Шмидта. Он часто говорит со мной об этом и жалуется на него. Надо же этому положить конец!

Кутченбах был прав. Интересы командования армией требовали, чтобы положение изменилось. Правда, Паулюс пытался скрыть конфликт от окружающих. Однако все офицеры штаба, а также командующие корпусами и командиры дивизий знали, как сильно в глубине души страдает наш командующий из-за скверного характера начальника штаба.

Дав обещание предпринять в Виннице соответствующие шаги, я простился с зятем Паулюса. Тем не менее все это дело было мне не слишком приятно. Правильно ли было говорить с полковником фон Цильбергом, не ставя об этом в известность Паулюса? Меня взяло сомнение, я решил посоветоваться с начальником оперативного отдела и рассказал ему о моей беседе с Кутченбахом.

— Нет другого пути, мы должны помочь Паулюсу, — такого мнения был и начальник оперативного отдела.

На другой день я без всяких помех прилетел в Винницу. Мне нужно было выполнить обширную программу. Наше предложение создать курсы переподготовки кандидатов на офицерские должности из артиллерийских частей и частей связи было принято управлением личного состава после подробного обсуждения с начальниками отделов. Лица, успешно оканчивающие курсы, должны были быть представлены управлению личного состава для производства в офицеры. Таков был первый успех моего вылета в ставку. Но и вторая задача, касавшаяся меня лично, была разрешена лучше, чем я предполагал: нашелся заместитель на время моего лечения. Соответствующий начальник отдела ответил мне сразу:

— Все складывается превосходно. Один подполковник из управления кадров давно уже добивается у нас, чтобы его использовали на фронте. Он может сначала вас заменять, а после вашего возвращения принять командование пехотным полком 6-й армии. Как только он сдаст здесь свои дела, мы его к вам пошлем.

Я отправился в самом лучшем настроении к полковнику фон Цильбергу. Слова, которыми он меня приветствовал, облегчили выполнение моей миссии:

— Ну-с, Адам, что поделывает Шмидт, новый начштаба? Поладил с Паулюсом или держится вызывающе?

— Прежде всего я должен подчеркнуть, господин фон Цильберг, что явился я к вам не по поручению Паулюса. Если бы я ему сказал, что буду с вами говорить о Шмидте, он бы мне это запретил. Поводом для моего обращения к вам послужила беседа с господином фон Кутченбахом, зятем Паулюса, который как вы знаете, работает в нашем штабе в качестве переводчика. Он просто боится за Паулюса.

Охарактеризовав бестактное поведение Шмидта по отношению к Паулюсу, я продолжал:

— Боюсь, как бы разногласия между начальником штаба и командующим не оказали тормозящее, даже роковое влияние на командование 6-й армией. Главное командование должно было бы взвесить, не целесообразно ли заменить начальника штаба. Я, конечно, не могу решить, насколько сейчас для этого подходящий момент. Разумеется, предварительно нужно переговорить с Паулюсом.

Полковник фон Цильберг разделял мое мнение.

— Я с самого начала сомневался в том, что эти два человека могут сработаться. Я переговорю с начальником генерального штаба сухопутных сил генерал-полковником Гальдером и представлю ему соответствующее предложение.

После этого я отправился к полковнику Мюллеру-Гилебранду. Уже осталось мало времени до вылета. Но мой собеседник знал положение 6-й армии, так что не понадобилось много слов для разъяснения. Я сформулировал свое предложение:

— В тыловых частях есть много молодых солдат, которые пригодны для фронтовой службы. Не целесообразно ли заменить их более пожилыми солдатами или такими, которые уже непригодны для фронта? Это дало бы возможность заполнить у нас наиболее ощутимые бреши.

— Не знаю, много ли это даст. Насколько мне известно, в ротах уже используются в качестве шоферов, как подсобная сила даже военнопленные.

— Это верно, но я имел в виду также отряды, действующие в тылу армии, ремонтные роты и т. п.

— Мы продумаем это, Адам.

Мюллер-Гиллебранд сдержал свое обещание, данное мне в середине августа. Мы получили ряд маршевых батальонов, которые оказались весьма кстати, хотя их и было далеко не достаточно для того, чтобы полностью укомплектовать дивизии. Полковник снова обещал направлять в первую очередь в 6-ю армию свободные маршевые подразделения.

Я знал, что он ничего больше сделать не может. Мы попрощались, и я вылетел обратно.

Вернувшись в Голубинский, я сначала явился к Шмидту, а потом к Паулюсу.

Обоим было ясно, что пока мы должны примириться с нынешней недостачей пополнения. Хорошо, что управление кадров дало разрешение на подготовку пехотных офицеров. Паулюс в душе надеялся, что армии подбросят новые дивизии.

Командующий гневается

На другой день меня вызвали к Паулюсу в необычное время. Что бы это могло значить? В первой комнате блиндажа меня приветствовал личный ординарец командующего обер-лейтенант Циммерман.

— Гроза, господин полковник!

Командующий предложил мне сесть, указав на стул против его письменного стола. Я чувствовал, что он старается сдержать нарастающий гнев.

— Вчера в ставке фюрера вы говорили с Цильбергом о Шмидте?

— Так точно, господин генерал!

— Почему вы сделали это без моего ведома?

— Потому что вы, господин генерал, запретили бы мне сделать этот шаг. Но мы больше не могли видеть, как выматывает вам душу самоуправство Шмидта.

Мне показалось, что гневные складки на лбу моего собеседника разгладились. Ведь он должен был из моего откровенного ответа понять, что мы желаем ему добра.

— Кого вы подразумеваете под словом «мы»?

— Мы — это все начальники отделов штаба, прежде всего начальник оперативного отдела, начальник инженерных войск, начальник связи, барон фон Кутченбах и я, господин генерал.

— Я допускаю, что вы руководились самыми лучшими намерениями. Тем не менее вы должны были меня предварительно осведомить или по крайней мере сделать это тотчас же после вашего возвращения вчера вечером.

— Прошу прощения, господин генерал, что я упустил это из виду. Я хотел сначала обсудить с вашим зятем и начальниками отделов, как нам дальше действовать. Нам представлялось целесообразным убедить вас в общей беседе, что в интересах командования армией вы должны расстаться со Шмидтом. Только после этого предполагал я доложить о шагах, предпринятых мною в Виннице. Кто же мог думать, что вы так скоро узнаете о моем разговоре с Цильбергом?

— Десять минут назад мне позвонил генерал-полковник Гальдер. Сначала он осведомился об обстановке. Затем он прямо задал вопрос, кого я хочу вместо Шмидта. Он узнал от Блюментритта, что личные отношения между мною и Шмидтом никак нельзя назвать хорошими. Затем Гальдер сослался и на вас. Можете себе представить, как я был удивлен. Разумеется, я отклонил предложение о замене начальника штаба при сложившейся обстановке.

— Это я понимаю, господин генерал. Тем не менее вы должны были бы решиться это сделать после завершения нынешних операций.

— Мне от вас нужно только одно, говорю это раз навсегда: в будущем я должен быть своевременно осведомлен о подобных планах. Вообще говоря, это касается не вас, а меня. Я бы не хотел, чтобы Шмидт узнал об этом деле. Надеюсь, мы понимаем друг друга, Адам.

Тем самым с «делом Шмидта» было покончено. И надо сказать, к сожалению. Если Паулюс не был решительным и жаждущим деятельности Фаустом, зато Шмидт играл в армии роковую роль Мефистофеля. Это показал горький опыт.

— Как, между прочим, обстоит дело с вашим заместителем? — спросил командующий, когда я уже собрался уходить.

— Все в порядке. Меня будет заменять подполковник из управления кадров. После моего возвращения он должен будет принять у нас полк.

— Тогда Шмидт будет доволен. Вы ведь знаете, он никак не может сработаться с нашим вторым адъютантом армии майором фон Лютцем.

Офицерская школа за линией фронта

Мы снова наступали. 4-я танковая армия пересекла у Басаргино железную дорогу Калач — Сталинград. Она создала угрозу с тыла противнику, противостоявшему 6-й армии. Вследствие этого советские части должны были сдать упорно обороняемый рубеж у реки Россошки и отступить к западной окраине Сталинграда. Теперь и LI армейский корпус перешел в наступление. Внутренние фланги обеих армий 2 сентября сомкнулись под Яблочным и совместно продолжали наступать. Намеченная операция на окружение противника перешла во фронтальное наступление. Речка Царица стала границей между армиями.

У меня в последующие дни было много работы. Я хотел подготовить организацию офицерских курсов, чтобы они могли начать работать во время моего отсутствия. Сначала нужно было найти подходящее место. Комендант штаба армии и начальник связи несколько раз ездил к западу от Дона для ознакомления с местностью и предложили поселок Суворовский, к югу от Нижне-Чирской.

Я поехал туда вместе с начальником отдела подготовки кадров. В расположенных на краю деревни бараках и бункерах можно было разместить курсантов. Местность тоже подходила для наших целей. Таким образом, выбор пал на Суворовский.

Пехотным дивизиям было приказано отобрать опытных офицеров и унтер-офицеров в качестве инструкторов. Начальником школы был назначен молодой капитан Гебель из 79-й пехотной дивизии; вместе с заранее выделенной командой он отправился на место. Курсанты должны были прибыть в конце сентября — начале октября. До этого срока надо было закончить все подготовительные работы. Я убедился, что дивизии выделили лучших своих молодых офицеров и унтер-офицеров, которые с большим рвением принялись за выполнение задачи. Естественно, все они были рады возможности уйти на несколько недель с переднего края и отоспаться. Тем временем наши дивизии шаг за шагом продвигались к Сталинграду. 10 сентября они достигли западной окраины города. От большинства расположенных еще на степной окраине деревянных домиков остались только остовы

труб. Но и примыкающие со стороны города многоэтажные каменные здания были сожжены. Наши войска расположились в подвалах. Начались кровопролитные бои за город, за каждый дом, начались рукопашные бои.

«Комендант Сталинграда»

В эти дни ко мне явился какой-то полковник и доложил:

— Главное командование назначило меня комендантом Сталинграда и прикомандировало к 6-й армии. После представления командующему армией я хотел бы приступить к своим обязанностям.

Я невольно улыбнулся.

— Вам придется, пожалуй, запастись терпением на некоторое время. Пока что наши дивизии сражаются только на окраине города.

— Ну, это долго не протянется, — заметил он.

— Вы ошибаетесь. Для того чтобы здесь отбить один-единственный дом, нужно много-много дней. Действительно, наши танки уже 23 августа рывком пробились к Волге. Но это вовсе не означает, что они захватили город. За две недели мы только добрались до окраины города. Представьтесь сначала начальнику штаба армии генерал-майору Шмидту. Он вам лучше объяснит, что здесь происходит.

С разочарованным видом полковник удалился. Я позвонил по телефону Шмидту и подготовил его к приему этого посетителя. Он расхохотался. Когда я добавил, что «комендант Сталинграда» уже привез с собой целый штаб сотрудников, Шмидт просто рассердился:

— На что нам здесь эти люди? Комендант города, который еще не взят! Это же просто нелепо! Я предложу Паулюсу отправить этих господ обратно в группу армий «Б». Свяжитесь сейчас же с тамошним адъютантом и подготовьте его к этому.

Мой коллега в группе армий согласился с предложением Шмидта. Оба мы были согласны, что этого пожилого полковника, исполненного служебного рвения, не в чем упрекнуть. Но зачем же Главное командование сухопутных сил себя компрометирует? Неужели там, в верхах,

все еще думают, что Красная Армия разбита и захват этого огромного города — нечто вроде увлекательной прогулки? Какой вообще смысл имеют наши ежедневные донесения об обстановке и потерях, если могут происходить подобные эпизоды?

«Команды по учету» и «нефтяные бригады»

Еще одно происшествие заставило меня призадуматься. Примерно в это же время в наш штаб прибыло много офицеров и солдат. Они именовали себя «командой по учету». А это что еще такое? Объяснение дал нам обер-квартирмейстер армии: оказывается, эти люди — специалисты по металлургии, которых нужно взять на армейское довольствие. Указания и приказы они получали непосредственно из ставки фюрера, должны были вступить в город вслед за войсками. Их задача — на крупных заводах взять на учет оборудование, полуфабрикаты и сырье, особенно цветные металлы, и все это немедленно отправить в тыл.

Во время моего очередного доклада командующему Паулюс затронул эту тему.

— Ну как, Адам, что вы скажете по поводу нашего новейшего пополнения? — заметил он, улыбаясь. — Мало что удастся взять на учет этим людям. Авиация все уничтожает. От заводов остались лишь груды развалин. Да и кто здесь в конце концов будет грабить? Солдаты заняты совсем другим.

— Эти новоприбывшие действительно солдаты или просто гражданские лица, спешно облаченные в мундиры, господин генерал?

— На этот вопрос я вам, к сожалению, не могу ответить. Главное то, что они не мешают нашим операциям.

— Но транспорт они для себя, наверное, потребуют, господин генерал. А может быть, у них есть свои колонны грузовиков?

— Не знаю. Между прочим, за группой армий «А», которая наступает на Кавказ, следуют такие же команды, которые должны будут заняться эксплуатацией нефтепроводов в Майкопе и Грозном, а затем и в Баку.

Паулюс ушел к генерал-майору Шмидту. У меня не выходила из головы недавняя беседа с командующим.

Я вспомнил одно место из речи или статьи Геббельса: «Эта война за зерно и хлеб... война за сырье, за каучук, за железо и руду» [1].

Нечто подобное уже заявил Адольф Гитлер в книге «Майн кампф», рассуждая о немецкой аграрной политике в России. Достижение этих военных целей, несомненно, должны были обеспечить «команды по учету» и «нефтяные бригады». У меня остался в памяти разговор, который я весной в Полтаве вел с одним словоохотливым зондерфюрером из какого-то «экономического штаба Восток». Тогда я мало задумывался над его рассказом о филиалах концерна Маннесман в Киеве и Днепропетровске, об акционерном обществе Сименс-Украина и о главном правлении фирмы Фридриха Круппа на Украине. Я вспомнил наконец и не раз повторявшееся в штабе нашей армии утверждение, будто лица, награжденные Рыцарским крестом, после окончания войны получат в подарок от фюрера имения в восточных областях.

Собственно говоря, все это плохо согласовывалось с тезисом, который постоянно вдалбливали в нас с самого начала похода на восток; согласно этому тезису, борьба против Советского Союза якобы представляла собой неизбежную превентивную войну против распространения большевизма в Германии.

Тут что-то было неладно. Но в чем суть? Во всяком случае, успокаивал я себя тогда, я за это не несу ответственности.

Мамаев курган и Царица

Наступление продолжалось. 14 и 15 сентября немецким дивизиям удалось глубже проникнуть в Сталинград. Кровопролитные бои разыгрались у вокзала Сталинград-1 и на Мамаевом кургане, высоте 102. Только 14 сентября вокзал пять раз переходил из рук в руки. С Мамаева кургана виден был весь город, включая пристани и большие промышленные предприятия в северной части Сталинграда — «Красный Октябрь», «Баррикады» и тракторный завод. На 60 километров простиралась пересеченная глубокими оврагами территория города, лабиринт домов, улиц и площадей, широкая лента Волги вдали. На юге возвышался над рекой покрытый лесом остров Голодный.

На другом берегу можно было заметить деревню Красная Слобода — главную базу снабжения советских войск, сражавшихся в городе. Понятно, что русские не оставляли попыток отбить Мамаев курган, господствующий над местностью. 16 сентября им это удалось. Несмотря на неоднократные, сопровождавшиеся большими потерями попытки с нашей стороны, за последующие десять дней оказалось возможным занять лишь половину этого холма.

К 27 сентября 4-я танковая армия и LI армейский корпус заняли район города, примыкающий к реке Царица с юга, включая побережье Волги. В центре Сталинграда и в его северной части русские все еще удерживали сильные позиции, несмотря на то, что мы ввели в дело наши последние резервы. Важнейшая часть города вместе с переправой к советской базе снабжения боеприпасами и продовольствием на восточном берегу Волги оставалась в руках защитников города.

12 сентября генерал-полковник фон Вейхс, командующий группой армии «Б», и генерал Паулюс были вызваны в Винницу на совещание в ставке Гитлера. Паулюс доложил об обстановке на фронте. Особенно настойчиво он указывал на угрозу северному флангу армии. Гитлер не пожелал считаться с этими опасениями, он неизменно повторял свою стереотипную фразу, что Красная Армия разбита, сопротивление в Сталинграде имеет лишь местное значение. К тому же, говорил он, приняты все меры для прикрытия северного фланга. Теперь задача 6-й армии — сосредоточить все силы для скорейшего взятия города. Вместо дополнительно затребованных Паулюсом боеспособных трех дивизий ему был передан только XXXXVIII танковый корпус, ранее входивший в состав 4-й танковой армии. Сама 4-я танковая армия была снята с фронта наступления на Сталинград. 6-я армия должна вести операции на всей территории города.

Крайне обескураженный, генерал Паулюс показал мне приказ группы армий.

— Это называется «укреплять армию». Эти дивизии измотаны совершенно так же, как и наши. А поскольку я одновременно должен занять два новых участка дивизий 4-й танковой армии, то в действительности в мое распоряжение поступила только одна очень ослабленная дивизия *.

Дивизионный медицинский пункт в Гумраке

Прибыл из управления кадров мой заместитель. Когда я передал ему дела на командном пункте, мы решили вместе объехать некоторые пехотные дивизии. Накануне моего отъезда в Германию мы отправились в путь в 7 часов утра. Хотя уже наступила середина сентября, была теплая безветренная погода. По безоблачному небу непрерывно неслись к городу наши бомбардировщики, эскортируемые юркими истребителями. Мы могли наблюдать в бинокль, как штурмовая авиация сбрасывает свой смертоносный груз с большой высоты. А пикирующие бомбардировщики врезывались в густые облака дыма, которые постоянно висели над горящим Сталинградом. Разрывы сотрясали воздух, возвещая о том, что городу и его защитникам нанесены новые раны.

— Я не представлял себе, что русские способны так упорно сопротивляться. Мы все были того мнения, что весь город будет взят в течение нескольких дней, — сказал мой спутник, который впервые видел, что здесь происходило.

— Вы не первый представитель главного командования, который нам это говорит. Мы каждый раз убеждаемся, что главное командование неправильно оценивает русских. Это может нам дорого обойтись.

Мы въехали в Гумрак. Я знал, что где-то здесь должен находиться дивизионный медицинский пункт. Пока мы его искали, мы заметили, что на расстоянии более километра к востоку от селения заняли позиции несколько наших артиллерийских батарей. Они непрерывно вели огонь. Противник отвечал из тяжелых орудий. В опасной близости от нас взлетали в воздух камни и осколки. Грохот от разрывов снарядов был столь силен, что мы должны были чуть ли не кричать, чтобы услышать друг друга.

Тут же находился и дивизионный медпункт, большое здание у вокзала, которое можно было узнать по флагу с красным крестом. Непрерывно прибывали раненые в санитарных машинах, в грузовиках и повозках, запряженных лошадьми. Не все лежали на носилках. Некоторым служило подстилкой шерстяное одеяло, а другие просто лежали на дне грузовика. В довольно большом помещении хирурги и их помощники работали за двумя операционными столами. В первую очередь производились

ампутации и оказывалась помощь раненым в горло, затем наступала очередь раненных в живот и легкие. Сообственно говоря, следовало отдать предпочтение раненым в живот. Но такие операции длились от двух до трех часов, причем шансов на успех было мало. Между тем за эти же два-три часа врачи могли произвести большое количество таких ампутаций, когда при своевременном оперативном вмешательстве угроза смертельного исхода была не столь велика. Мы не стали мешать и лишь заглянули в операционную. Когда мы стояли у двери, мимо нас прошел санитар. Он нес ведро с окровавленными бинтами, клочьями белья и форменной одежды; из ведра торчал восковой, с черно-синими прожилками обрубок ноги: молодому парню, который лежал под наркозом на столе, ампутировали ногу. Хирург как раз накладывал зажимы на сосуды в оставшейся части бедра, а два санитара уже стояли наготове с марлей и бинтами, чтобы наложить повязку.

Правду сказать, достаточно было и того, то мы увидели. Но тут к нам подошел старшина санитарной роты и повел нас в соседнее помещение. Там ждали тяжелораненые отправки в тыл армии или на родину. Они лежали на матрацах, на травяных подстилках или просто на полу. Ужасающая картина человеческого страдания! Молодые крепкие мужчины превратились в калек. Фельдфебель показал на солдата, голова которого почти сплошь была покрыта бинтами. Виднелись только рот и нос.

— Девятнадцатилетний гимназист; ослеп, но еще этого не знает. Каждого спрашивает, будет ли он видеть. В бреду зовет мать.

Другая комната, в которую мы заглянули, также была заполнена калеками. Как и всюду, здесь пахло эфиром, гноем и кровью. Но здесь было несколько железных кроватей, так что помещение больше походило на лазарет. Молодой врач делал обход. У самой двери лежал человек с ампутированной ногой, пехотинец, ему во время уличных боев ручной гранатой раздробило левую голень. Мы сели подле него. Сначала мы раздали все свои сигареты. Потом, когда раненые закурили, мы завели беседу.

— На переднем крае — сущий ад. Ничего подобного я еще не видел на этой войне. А я ведь с самого начала в ней участвовал. Иван не отступает ни на шаг. Путь

к позициям русских устлан их трупами, но и немало наших подохнут раньше. В сущности, здесь нет настоящих позиций. Они дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду подстерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой напролом, скорее сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой.

— Да, — сказал его сосед по койке, унтер-офицер с Железным крестом I степени, как мы заметили во время беседы, —этому надо учиться у русских; они мастера уличного боя, умеют использовать каждую груду камней, каждый выступ на стене, каждый подвал. Этого я от них не ожидал.

В разговор вмешался пожилой солдат.

— Я могу только подтвердить то, что они оба сказали, господин полковник. Ведь просто смешно становится, когда солдатские газеты пишут, будто русский совсем потерял силы, не способен к сопротивлению. Надо было бы господам редакторам погостить у нас денек-другой, тогда бы они перестали пороть чушь.

— До сих пор мы посмеивались над русскими, — снова заговорил унтер-офицер, — но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться. Самое худшее — это ночные бои. Если нам днем удается захватить какие-нибудь развалины или одну сторону улицы, то уж ночью противник непременно нас атакует. Если мы не начеку, он нас снова выгоняет. Боюсь, нам понадобятся месяцы, пока весь город будет у нас в руках, если вообще это нам удастся.

— Наша рота, — сказал пожилой солдат, — понесла такие большие потери, каких я за всю войну не видел ни в одной из моих частей. Когда меня ранили, нас было еще двадцать один человек. Но и они были утомлены и измотаны. Так что мы и на шаг вряд ли продвинемся. В конце концов вообще никто не останется в живых.

Мы оглядели палату. Все кивали головами в знак согласия. Это было более чем поучительно, особенно для моего заместителя, который прибыл в Сталинград, еще сохранив иллюзии, имевшиеся в главной квартире. Старшина санитарной роты подтвердил:

— Господин полковник, так говорят все. На переднем крае, должно быть, ужас что творится. Видно это по тому, что привозят много-много раненых и днем и ночью. Наши врачи работают до изнеможения, не успевают ни поесть,

ни поспать. Посмотрите на нашего главного врача. Он еле на ногах стоит.

Перед уходом мы снова открыли дверь в операционную. Устало кивнул нам главный врач. Потом он снова наклонился над операционным столом, чтобы вырвать у войны еще одну жертву или хотя бы попытаться это сделать.

Молча сели мы в машину. Я хотел еще познакомить моего заместителя с находившимся поблизости штабом LI армейского корпуса и после этого проехать в расположение VIII и XI армейских корпусов. Во время коротких встреч, которые у нас там были, мы видели только серьезные, озабоченные лица. Даже генерал фон Зейдлиц, отличавшийся несокрушимой отвагой, по-видимому, был удручен. Полковник Клаузиус, его начальник штаба, сказал нам:

— Располагая только такими потрепанными дивизиями, мы ничего не поделаем с ожесточенно сражающимся противником; нам не хватает ударной силы. Кроме того, наши дивизии доносят, что в бой вступила переброшенная сюда гвардейская дивизия противника. Есть и матросы.

— Это донесение передано в штаб армии? — спросил я.

— Разумеется. Я уже поставил в известность начальника оперативного отдела армии.

Мы торопились, нам нужно было ехать дальше. В VIII армейском корпусе, мы встретились с адъютантом, который нас вкратце информировал об обстановке. Под конец повидались с генералом Штрекером, командиром XI армейского корпуса. На его участке за последние дни стало несколько спокойнее. Однако Штрекер был обеспокоен положением на левом фланге, у итальянцев; им явно не хватало вооружения и снаряжения.

К вечеру мы возвращались в Голубинский. Я доложил Паулюсу и Шмидту, что мой заместитель принял дела. Затем я испросил разрешения убыть для четырехнедельного лечения в Фалькенштейн (Таунус).

Встреча в поезде

В третий раз за пять недель я летел на самолете через Харьков в Винницу. На этот раз я мчался в Германию. Я вздохнул облегченно, когда в Виннице сел в шедший

по расписанию поезд в Берлин. Комфортабельно устроившись на удобном диване вагона 1-го класса, я смотрел на проносившийся за окном пестрый осенний пейзаж. Я даже не вспоминал о партизанах. Я был погружен в мысли о предстоящем свидании с женой и дочерью, о четырех беззаботных неделях в родных краях. В Берлине я сразу пересел в поезд, шедший во Франкфурт-на-Майне. Купе уже было занято четырьмя молодыми офицерами-отпускниками, возвращавшимися в Париж через Франкфурт. Это были берлинцы, веселые парни, которые болтали о театре и кино, о своих подругах и друзьях, прогулках и развлечениях. Но ни слова о войне.

Против меня сидел пожилой офицер, подполковник. Как и у меня, на его лице то и дело мелькала улыбка, когда один из лейтенантов рассказывал о каком-нибудь особенно забавном приключении. Несколько раз наши взгляды встречались. Наконец он заговорил со мной:

— Вы едете с востока, господин полковник?

— Да, из Сталинграда, — ответил я тихо, чтобы не нарушить веселье молодых людей.

Видимо, я говорил недостаточно тихо. Разговор молодежи сразу оборвался. Все прислушались и с ожиданием посмотрели на меня. И в Германии слово «Сталинград» приобрело особое значение.

Белокурый лейтенант пехоты заметил:

— Ведь Паулюс выдающийся полководец. Он уже здорово всыпал русским. Наверно, он их последние отряды загонит в Волгу.

— А вы были ли когда-нибудь на Восточном фронте? — спросил я раздраженно.

— Нет, господин полковник, моя часть находится во Франции, — несколько смутившись, ответил он.

В коротких словах я описал им кровопролитные бои в городе на Волге. Приподнятое настроение сменилось растерянностью.

— Я действительно думал, что русским пришел конец. Об этом ведь пишут во всех газетах, кричат во всех кинохрониках и радиопередачах, — как бы извиняясь, сказал лейтенант. Другой добавил:

— Видимо у нас совершенно ложное представление о боях на Востоке. В Берлине я говорил с одним знакомым, он совершенно так же, как вы, господин полковник, рассказывал о нашем походе на Кавказ и о Сталинграде.

Я думал, он привирает, и поэтому не отнесся серьезно к его словам. Теперь я вижу, что он не преувеличивал.

Тема войны положила конец веселой болтовне. Теперь разговор свелся к воспоминаниям о тяжелых боях, о павших товарищах, друзьях и родственниках. Я был недоволен собой, что против моей воли так получилось. Поэтому я сказал:

— Ну хватит, друзья. Вернемся к более приятным темам. В конце концов, ведь и я сейчас еду в отпуск на четыре недели. Разве это не причина для того, чтобы радоваться?

Каждый, правда, старался рассеять мрачные мысли. Но все приникли. Крепко пожав друг другу руки, мы расстались на центральном вокзале во Франкфурте-на-Майне. Оттуда я должен был ехать дальше, в Кронберг в Таунусе. У меня еще было более двух часов в распоряжении. С привокзальной почты я позвонил в офицерский дом отдыха в Фалькенштейне. Приветливый голос ответил, что за мной пришлют машину в Кронберг. После этого телефонного разговора я направился к выходу с вокзала. Я с прошлых времен хорошо знал Франкфурт: и чудесную старую часть города с ратушей, известной под названием «Ремер», с домом, где родился Гете, собором святого Павла, и главную деловую улицу и университет. Тогда в этой торговой столице жизнь кипела ключом. До поздней ночи сновали взад и вперед и толпились люди на ярко освещенной Кайзерштрассе, на улице Цейль с ее большими магазинами, отелями, ресторанами, кафе и увеселительными заведениями.

Привычная когда-то картина во многом изменилась. Исчезла пестрота людского потока, преобладал серый цвет походных мундиров. Особенно поражало меня множество безногих. Я разглядывал витрину магазина, когда мимо проковылял молодой лейтенант. Видно было, как трудно ему передвигаться. Я заговорил с ним об этом; он ответил, что только сегодня получил свой протез. Франкфурт стал центром протезной промышленности. Вот почему здесь так много инвалидов войны.

«Университет имени Гете», — прочел я на белой эмалевой вывеске. Итак, здесь находился один из университетских факультетов. Мне вспомнились мои университетские годы. Живы ли и работают ли еще профессора,

у которых я в двадцатых годах слушал лекции по математике? Шенфлис — он был тогда ректором, Эпштейн? Прошло двадцать лет. Тогда я понятия не имел о Сталинграде.

Пришло время возвращаться на вокзал. Паровоз уже стоял под парами. Я прошел через несколько вагонов, пока не нашел почти пустое купе 2-го класса. У окна сидел лишь один молодой офицер. К моему удивлению, это было мой знакомый — лейтенант с ампутированной ногой, с которым я незадолго до этого служил на Кайзерштрассе. Скоро я узнал, что он служит в 39-м пехотном полку в Дюссельдорфе. Оказалось даже, что у нас был общий друг в этом полку — лейтенант Фольц, погибший во время похода на Запад.

Разумеется, я спросил, куда направляется мой попутчик.

— В Фалькенштейн, — отвечал он, — я там лечусь. Надо полагать, господин полковник, что вы едете туда же.

— Вы угадали, мой юный друг.

Лейтенант встал и отрекомендовался, я тоже назвал себя.

— Теперь я знаю, господин полковник, кто вы. Вы были преподавателем тактики. Фольц часто о вас рассказывал.

— Надеюсь, ничего плохого.

— Конечно же, нет! Он рассказывал и о вашем сыне Гейнце, который, к несчастью, тоже погиб во Франции. Я его ровесник.

Я молча взглянул на него. Он тотчас же переменил тему разговора.

— Следующая станция — Кронберг, господин полковник. Там мы и выйдем. От вокзала еще час ходу до Фалькенштейна.

— Я заказал через главного врача машину. Поедем вместе.

Шофер ждал меня на перроне. Сунув мой чемодан в багажник, мы отправились в путь. На фоне неба резко выделялись темные контуры гор Таунуса. Золотой диск солнца стоял уже довольно низко над горизонтом. Полной грудью вдыхал я ароматный горный воздух. Воздух родины. Как часто бродил я здесь раньше с веселой компанией, с полным рюкзаком за спиной... Особенно любил

я дорогу по гребню гор от Наугейма к Нейвиду на Рейне вдоль Лимеса, старых римских пограничных укреплений, сторожевые башни и замки которого еще всюду можно было распознать.

На лечении в Фалькенштейне

Мы мчались к курорту Фалькенштейн. Дом отдыха находился на окраине, у самого леса. Сквозь распахнутые ворота машина подъехала прямо к большому зданию с широким крыльцом. Здесь была контора. Слева и справа от нее стояли вновь выстроенные корпуса поменьше. Вокруг раскинулся сад, где еще сохранились в своем великолепии осенние цветы.

— Приехали, — сказал мой попутчик. — Если разрешите, я завтра вам все здесь покажу. А теперь нам надо подняться наверх, в контору. Вас ждут.

На крыльце стоял офицер, как выяснилось полковой врач. Это был главный врач дома отдыха. Он сердечно меня приветствовал. В уютно обставленном вестибюле меня приняла пятая медицинская сестра. Врач простился со мной, сказав:

— Пройдите сначала в вашу комнату, господин полковник. Когда вы немного освежитесь, сестра проводит вас в приемный покой. Затем мы встретимся с вами в столовой за ужином. Тогда я вас и познакомлю с другими нашими гостями.

Вместе с сестрой я спустился в подвал. Перед нами открылся длинный освещенный коридор.

— Что здесь такое? — спросил я.

Девушка, улыбаясь, ответила:

— Так устроены все наши дома для отдыхающих; вы, вероятно, заметили, что по обе стороны стоят три дома, так вот, они соединены этим тоннелем с главным зданием. Здесь находятся ванны и процедурные. Утром вы можете в пижаме и купальном халате пройти прямо в ванную.

— Да, это действительно очень удобно.

— Еще несколько ступенек наверх, и мы на месте, — сказала сестра.

Вскоре я оказался в большой светлой комнате, которая была хорошо и со вкусом обставлена. Мой багаж уже принесли. Через полуоткрытую дверь я вышел на балкон.

Смеркалось. Над лесом спустилась легкая дымка. Стояла чудесная тишина. Мне трудно было освоиться с мыслью, что еще существует такая красота, когда каждую секунду в 2500 километрах к востоку отсюда калечат и кромсают сотни человеческих тел, где гром орудий и грохот разрывающихся снарядов заглушают стоны раненых и хрипение умирающих. Тихо притворив дверь, я возвратился в комнату. Сестра незаметно вышла.

Мне как раз хватило получаса для того, чтобы смыть с себя дорожную пыль и выполнить все формальности, связанные с регистрацией. А гонг уже звал к ужину. В столовой собрались все отдыхающие, когда я вошел вместе с врачом. По моей просьбе меня посадили за одним столом с дюссельдорфским лейтенантом. Другим моим соседом по столу был обер-лейтенант Якоби, молодой берлинец. Он тоже потерял ногу, но умудрился сохранить присущий ему юмор.

Вскоре я совсем акклиматизировался. Мы ежедневно совершали небольшие прогулки в лесу или сидели в парке под ласковыми лучами осеннего солнца. Дни отдыха проходили бы вполне беззаботно, не будь одной темы — темы Сталинграда.

Каждый день я с нетерпением ждал сводки вермахта. Каждый день в ней упоминалось название этого города. Но того, что я хотел бы услышать: «Сталинград пал» — в сводке не было. Когда недели через две все еще не пришло желанное известие, моя тревога усилилась. К моему удивлению, все мои собеседники, даже жители деревни, относились с большим доверием к генералу Паулюсу.

— Он-то справится. Тогда, надо надеяться, война скоро кончится, — сказал мне старый крестьянин, с которым я часто разговаривал.

Однако сам Паулюс в конце сентября в ответ на посланную ему открытку написал мне: «Все еще по-прежнему».

Франкфуртские впечатления

Уже на другой день после моего приезда в Фалькенштейн меня навестили жена и дочь. К сожалению, радость свидания была отравлена — моя теща была при смерти. Она уже долгое время лежала парализованная в санатории

близ Дармштадта. Я имел возможность еще повидать ее за несколько дней до того, как она закрыла глаза навеки.

После ее кончины моя жена и дочь поселились в Фалькенштейне на все время моего лечения.

Вместе с ними и обоими молодыми офицерами я поехал однажды во Франкфурт. Обер-лейтенант Якоби предложил пойти в кино. Вероятно, он хотел отвлечь меня от мыслей о Сталинграде. А чтобы чувствовать себя свободнее, мы все трое надели штатское платье. При первом своем посещении жена привезла мне все необходимое.

Главный врач дал нам отпуск на целый день. В экипаже, запряженном лошадьми, мы ехали до вокзала в Кронберге.

— Точно прогулка за город, — заметила, смеясь, моя жена, — почти как десять лет назад, когда мы в экипаже 3-й кавалерийской дивизии ездили из Веймара в Тифурт, Бельведер, Бад Берка или на Этесберг. Как хорошо было тогда!

Из окна поезда мы наблюдали за работой на полях. Уборка картофеля была в полном разгаре. Повсюду работали женщины и дети, кое-где старики. Впрочем, нет, здесь были и молодые люди, военнопленные-французы. Главное бремя работы лежало на плечах женщин. Они таскали мешки весом в центнер к повозкам, они шли за плугом, в который были запряжены упрямые волы, и подгоняли военнопленных, которые часто понятия не имели о сельском хозяйстве.

Как раз когда мы сошли на центральном вокзале во Франкфурте, туда прибыл поезд с отпускниками. С волнением протискивались женщины и дети сквозь заграждения. Первые группы солдат, нагруженные туго набитыми заплечными мешками и всякими вещами, вышли из вагонов. Офицеры тащили тяжелые чемоданы. Этот поезд с отпускниками мог прибыть только из Франции или Бельгии. Чего только не привезли с собой папаши, мужья и сыновья. Мысль об этом, несомненно, усиливала радость встречи, о которой говорили радостные восклицания, объятия и слезы. Четырнадцать дней отпуска были четырнадцатью днями праздника! Где уж тут подумать о том, что эти красивые, редкие вещицы, купленные за обесцененные оккупационные деньги, были, так, сказать, легально украдены у французов или бельгийцев..,

Иное зрелище представляли собой сцены прощания на другом перроне. На щите я прочел слова: Франкфурт-на-Майне — Дрезден — Краков. То был поезд, который шел на Восточный фронт. И здесь солдаты держали за руку своих жен или матерей, пришедших с детьми. Молча стояли они у ограждения. У многих женщин катились слезы по бледным щекам. Вернется ли он? — спрашивали они себя. Не в последний ли раз мы видим его дорогое лицо? И что тогда? Зачем нужна была нам эта война?

Украдкой я бросил взгляд на мою жену. И у нее в уголках глаз поблескивали слезинки. Я знал, что она думает о нашем единственном сыне Гейнце, который два года назад погиб во Франции. Мысли о нем, естественно, перекликались с мыслями обо мне. Через несколько дней она снова будет стоять на этом вокзале и смотреть вслед поезду, увозящему меня на восток. Какая ждет меня судьба?

Она вздохнула:

— Сколько страданий и бедствий уже принесла нам эта злосчастная война, а конца все не видно.

Мы прогуливались по Кайзерштрассе. Как и две недели назад, в дни моего приезда, в толпе преобладали серые шинели. Но сегодня мне бросилось в глаза, что попадается и немало коричневых и черных мундиров; это были амтслейтеры и блоклейтеры, молодчики из охранных отрядов и эсэсовцы.

— Здесь даже камни и стены имеют уши, — прошептала жена. — Одно критическое замечание, слишком громко сказанное, и все — тебя могут тут же арестовать. Во Франкфурте это особенно остро чувствуется. Ты должен быть здесь очень осторожен.

— Не потому ли ты так неглиба и скупа на слова? — спросил я.

— Ты ведь сам мне всегда внушал: будь осторожна! Нынче не очень церемонятся с инакомыслящими.

С обоими офицерами, которым из-за протезов трудно было шагать по улицам, мы условились встретиться за обедом в ресторане «Франкфуртер хоф». Было уже за полдень, когда мы туда пришли. Прежде здесь не всегда удавалось найти свободное место, а сейчас было занято только несколько столиков. Наши спутники уже нас ждали. За соседним столом сидели двое мужчин и две женщины, по-видимому супружеские пары; как мне

показалось, им было под пятьдесят. Я бы не обратил на них особенного внимания, если бы не услышал, что за их столом прозвучало слово «Сталинград». До меня доносились обрывки разговора: «Наш сын писал... офицер... очень тяжелые бои... большие потери, русские не сдают без боя ни одного метра земли... Город — груда развалин». У одной из женщин, вероятно матери того, кто писал письма, на глазах стояли слезы. Муж погладил ее по руке: «Не волнуйся, мать, ведь он еще жив».

После обеда мы отправились в кино. В этом кинотеатре у «Эшенгеймер турм» шел какой-то незначительный фильм. Я давно забыл его название, да и вообще нас главным образом интересовала кинохроника. У нас было еще много времени, и мы пошли в кино пешком. Я с тревогой поглядывал на обер-лейтенанта Якоби, у него что-то не ладилось с протезом. Но Якоби задорно рассмеялся, когда я предложил идти немного медленнее.

В кассе кинотеатра мы достали только пять мест в ложе. Билеты на послеобеденные сеансы почти всегда распродавались, зато вечером кинотеатры пустовали. Это объяснялось тем, что тогда англо-американские летчики днем еще не совершали налеты на Франкфурт.

Сеанс начался с кинохроники. То были кадры с восточного театра военных действий, показали нам и пылающий Сталинград. Как на плацу для учения, немецкие солдаты быстро двигались вперед. Как на учебной стрельбе, они делали несколько выстрелов, а вражеские солдаты спасались бегством. Ну и ну! Где же это снимали? Зрители — среди них было много раненых солдат — заерзали, раздались свистки, смех, восклицания: «Вранье!» Да, это было уже слишком. Тягость кровопролитных боев просто-напросто скрывали, лживо извращая истину. В темном зрительном зале еще громче зазвучали возмущенные возгласы и ругательства. Вдруг поднялась какая-то возня: кого-то выводили из ряда, в котором он сидел, затем вытолкали в боковой проход. Охранные отряды занялись своим делом. Раздались отдельные протестующие голоса. Потом наступила мертвая тишина. Страх взял верх над правдой.

В раздумье вышел я из кинотеатра со своими спутниками.

Дни в Фалькенштейне пронеслись мгновенно. Ванны, лесной воздух, покой и общение с близкими — все это

придало мне новые силы. Однако врач не был доволен результатами лечения и предложил продлить курс. Я отказался. Паулюс писал, что ждет меня в назначенный срок. Таким образом, пришлось заканчивать отпуск. 16 октября я провел с женой, дочерью и новыми друзьями последние минуты на перроне Франкфуртского вокзала. Прощальный взмах руки из окна вагона — и поезд тронулся. В Берлине я сел в курьерский поезд, шедший в Винницу, а оттуда вылетел на самолете в Голубинский.

Ничтожные результаты, большие потери

Мой заместитель приехал за мной на аэродром. Уже по пути в Голубинский я узнал о переменах в штабе, происшедших за время моего отсутствия. Мой друг Фельтер был перемещен на пост начальника штаба армейского корпуса за пределами нашей армии. Были также заменены обер-квартирмейстер, начальник разведывательного отдела и начальник санитарной службы армии.

Зато на Сталинградском фронте никаких существенных перемен не произошло. Только на северной окраине города немецким дивизиям удалось оттеснить части Красной Армии с западного выступа над Орловкой, взять тракторный завод и пробиться к Волге. Вокруг заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» шли ожесточенные бои. Наши потери снова возросли. Они не могли даже приблизительно быть восполнены прибывшими несколькими маршевыми батальонами.

Сначала я представился генерал-майору Шмидту. Во время беседы он проявил присущий ему оптимизм. Но, показывая на оперативной карте сложившуюся обстановку, и он не скрыл разочарования. В городе мы топтались на месте. Нельзя было предвидеть, когда закончатся эти изматывающие бои. Противник почти непрерывно атаковал наши дивизии между Доном и Волгой.

Вслед за этим я направился к Паулюсу. Ему уже сообщили о моем приезде. Первый вопрос, заданный мне после моего рапорта, был следующий:

— Что вы скажете по поводу снятия Гальдера?

Я об этом до сих пор вообще не слышал.

Крайне удивленный, я спросил:

— А когда был уволен генерал-полковник Гальдер, господин генерал?

— Уже 24 сентября. Его преемником стал генерал пехоты Цейцлер.

Очевидно, Паулюс принял близко к сердцу эти перемены в генеральном штабе. Он долгое время работал вместе с Гальдером, был его заместителем и высоко его ценил.

— Известно ли вам, почему Гальдер снят с поста, господин генерал?

— Разумеется, нет. Правда, мне помнится, что Гальдер многократно в моем присутствии возражал Гитлеру и высказывал собственное мнение... Но расскажите теперь вы, какие у вас впечатления от Германии и как вы отдохнули.

Я пробыл у Паулюса долго. Он не прерывал меня. Я рассказал ему и о том, что мне много раз довелось слышать в Германии: «Командующий 6-й армией быстро справится с русскими, тогда войне придет конец».

Паулюс устало улыбнулся.

— Это было бы хорошо, Адам, но пока мы от этого очень далеки. Главное командование по-прежнему относится пренебрежительно к нашим предупреждениям относительно северного фланга. Между тем положение стало сейчас еще серьезнее. Несколько дней назад я получил от 44-й пехотной дивизии тревожные донесения о положении в северной излучине Дона. Происходит переброска больших групп советских войск с востока на запад, они концентрируют части на этом участке. О том же сообщает 376-я пехотная дивизия. Видимо, противник готовится нанести удар с глубоким охватом нашего фланга. А у меня нет сил, которые я мог бы противопоставить смертельной угрозе. Наши дивизии истекают кровью в Сталинграде. Главное командование сухопутных сил, с одной стороны, не разрешает мне приостановить наступление на город, а с другой — не дает затребованные мною три новые боеспособные дивизии. Нам дали только пять саперных батальонов, как будто они в состоянии взять город.

С горечью произнес Паулюс последние слова. Лицо его теперь подергивалось сильнее обычного. Еще до моей встречи с генералом обер-лейтенант Циммерман сказал мне мимоходом, что ему не нравится общее самочувствие Паулюса. Дает себя знать болезнь желудка.

Тревожные известия следовали одно за другим. Со смешанным чувством простился я с Паулюсом. Офицер,

замещавший меня во время отпуска, уже ждал меня в штабе, и я намеревался тотчас же приступить к своим обязанностям.

Художник-баталист и «Сталинградская медаль»

Все было готово для передачи дел. Почта, поступившая из генерального штаба, была за время моего отсутствия сложена в одну папку. Она интересовала меня в первую очередь. Поэтому я просил подполковника вкратце информировать меня устно. Подробно изучить дела я решил в ближайшие дни.

— Начнем с курьезов, — сказал подполковник. — На прошлой неделе ставка прислала к нам известного лейпцигского художника-баталиста. Он собирается сделать зарисовки, а потом запечатлеть Сталинградскую битву на большом полотне. Мы его послали к генералу фон Зейдлицу, который лучше всех может познакомить его с участками, где шли самые оживленные бои. Художник хочет сделать наброски для гигантской картины, которую он по заказу Гитлера напишет в своей лейпцигской мастерской.

— Можем ли мы взять на себя ответственность за риск, который ему угрожает на фронте? — спросил я.

— Художник уже немолодой человек, носит походную серую шинель. Он усердно работает. Вероятно, вы познакомитесь с ним во время поездки в LI армейский корпус,— ответил подполковник.

— Ладно, что там у вас еще? — поторопил его я.

— Когда вы по дороге с аэродрома рассказывали мне о впечатлениях на родине, я вспомнил одно недавно поступившее распоряжение ставки фюрера. Согласно этому распоряжению, мы должны солдат, унтер-офицеров и молодых офицеров, получивших за храбрость, проявленную в битве под Сталинградом, Рыцарский крест или Немецкий крест в золоте, систематически посылать к Гитлеру для доклада. Первый из них, лейтенант, вернулся четыре дня назад. Он сообщил мне, что Гитлер принял его очень милостиво. Затем лейтенант выступил по радио с рассказом о своих впечатлениях, за что получил необыкновенно высокий гонорар. Газеты опубликовали этот рассказ с портретом автора. Пропаганда на фронте тоже не отстает. В солдатской газете, выходящей в Киеве, постоянно появляются восторженные описания

битв, принадлежащие перу зондерфюрера Фриче. Не жалеют затрат для поднятия духа и не очень разборчивы в средствах.

— Во всяком случае, и тут есть своя система. Пока мы не взяли Сталинграда, нужен какой-либо суррогат, даже если это только изощренная пропаганда. Но у меня такое впечатление, что она часто не пользуется успехом и на фронте и в тылу. Все больше людей, уставших от войны; количество разуверившихся растет. Безусловно, будь город окончательно взят, настроение изменилось бы к лучшему.

— Вот, кстати, письмо Главного командования сухопутных сил, которое гнет в ту же сторону. По инициативе Гитлера должна быть утверждена «Сталинградская медаль» по образцу Крымской и Нарвикской медалей. Армии приказано не позже 25 ноября представить предложения об оформлении этого памятного знака.

В эту минуту вошел Паулюс. Мы встали.

— Садитесь, господа. Не буду вам мешать. Я шел мимо по улице и узнал от старшего фельдфебеля Кюппера, что вы еще работаете. Решил заглянуть к вам на минуту. Что это за письмо у вас в руках?

Я протянул Паулюсу письмо относительно «Сталинградской медали».

— Печальный эпизод. Мы не взяли еще половины города и стоим у пропасти. При нынешней боеспособности войск трудно даже утверждать, что мы когда-либо достигнем поставленной цели. Над этим главное командование не задумывается. Вместо этого к нам обращаются с такими неосновательными преждевременными проектами, как «Сталинградская медаль».

Помолчав, Паулюс сказал:

— Вам будет интересно узнать, Адам, что один художник из отдела пропаганды уже сделал эскиз медали, а вам позднее придется подготовить предложения, кого представить к награде.

— Мне и сегодня неприятно об этом думать, господин генерал. Но еще больше меня огорчает, что мы так мало продвинулись вперед. Когда пять недель назад я улетал лечиться, то надеялся, что после моего возвращения я уже не застану здесь штаба. Между тем, в сущности, все осталось по-прежнему. За три года войны я еще не сталкивался с подобной ситуацией.

Противник стал сильнее

— Вы ведь сами знаете, что численность наших дивизий в большинстве случаев упала до уровня полка,— сказал Паулюс.— Но это не единственная причина. Сопротивляемость красноармейцев за последние недели достигла такой силы, какой мы никогда не ожидали. Ни один наш солдат или офицер не говорит теперь пренебрежительно об Иване, хотя еще недавно они так говорили сплошь и рядом. Солдат Красной Армии с каждым днем все чаще действует как мастер ближнего боя, уличных сражений и искусной маскировки. Наша артиллерия и авиация перед каждой атакой буквально перепахивают местность, занятую противником. Но как только наши пехотинцы выходят из укрытия, их встречает уничтожающий огонь. Стоит нам достигнуть в каком-нибудь месте успеха, как русские тотчас же наносят ответный удар, который часто нас отбрасывает на исходную позицию.

Задумавшись на минуту, Паулюс продолжал:

— Командование противника также действует более целеустремленно. У нас создалось такое впечатление, что советское командование намерено любой ценой удержать свои позиции на западном берегу Волги. В некоторых местах занятая русскими полоса обороны шириной не более 100—200 метров. Если верить показаниям пленных, штаб 62-й армии расположил даже свой командный пункт на крутом западном берегу. С середины сентября командующим этой армии является как будто генерал Чуйков *. Все чаще ему удается перебрасывать новые дивизии через Волгу. Его боеспособность растет, наша уменьшается. Присланные нам пять саперных батальонов при наступлении в северной части города понесли такие большие потери, что мы были вынуждены вывести их из боя.

Несомненно, и противник испытывает огромные трудности. Пленные показали, что 62-я армия снабжается ночью через Волгу. Однако, так как армия не имеет на западном берегу ни машин, ни лошадей, оружие, боеприпасы и продовольствие приходится переносить на руках от места разгрузки к позициям. Таким образом, войска не отдыхают ни днем, ни ночью. После разгрузки лодок на них отправляются на восточный берег раненые и больные. До сих пор нам не удавалось захватить место переправы или перекрыть реку.

— Но ведь это те же самые люди, господин генерал, которых мы в течение месяца заставляли отступать. Как объяснить это неожиданное ожесточенное сопротивление?

— Я уже сказал вам, что командование стало действовать целеустремленнее. Видимо, генерал Чуйков очень энергичный военачальник.

Было уже поздно. Мы проводили командующего по деревенской улице, которая была погружена во мрак. Вместе с поджидавшим его офицером генерал прошел в маленький домик, где он жил. А мы вернулись к своим делам.

Подполковник опять взял в руки папку с бумагами.

— Я хотел бы упомянуть еще об одном мероприятии генерального штаба. Оно тоже свидетельствует, что в Берлине либо в Виннице иллюзиями подменяют реальную оценку положения. В начале октября в штаб 6-й армии прибыл генерал инженерных войск во главе управления по возведению долговременных укреплений, двумя штабами саперных полков, шестью штабами саперных батальонов и одной строительной ротой. Главное командование сухопутных сил поручило им возвести в Сталинграде бетонированные укрепления. Начальник инженерной службы нашей армии полковник Зелле вышел из себя, когда он услышал об этой нелепице: «Для строительства бункеров нужны цемент, гравий и лесоматериалы. Допускаю, что гравий можно добыть на Волге или Дону, но цемент и лесоматериалы надо везти сюда за сотни километров. Даже если бы это все удалось, ведь нет рабочей силы, необходимой для строительства. В ближнем бою за город сильно пострадали и саперные батальоны. Да к тому же русские наверняка не будут пассивно наблюдать, как мы возводим бетонированные укрепления».

Зелле предложил начальнику штаба 6-й армии использовать штабы инженерных войск для строительства позиций в тылу. Но генеральный штаб решительно отверг это предложение армии. Разумеется, не прислали армии и строительные материалы для бункеров. А между тем поступил приказ фюрера с требованием, чтобы присланные к нам инженерные войска построили безопасные отапливаемые бункера для танков. Это было столь же нереально.

— Я живо представляю себе, как реагировал Зелле на эти нелепые фантазии, — сказал я. — Все, что вы мне рассказали, действует прямо-таки удручающе, особенно

в нашем трудном положении. Ну что ж, нам надо быть готовыми еще и ко многому другому.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня.

— Вы знаете, господин полковник, я прибыл сюда из управления кадров генерального штаба. Там меня иногда удивляло, что высшие командиры позволяют себе критиковать верховное командование. Но за эти пять недель, пока я вас здесь заменял, я понял, какой вред причиняют войскам нелепые мероприятия и приказы Верховного командования вермахта.

— Да, это так, — ответил я. — Доверие к верховному командованию подвергается тяжелому испытанию. Хорошо было бы, если бы офицеры генерального штаба, несущие ответственность за подобные приказы, поработали несколько месяцев в каком-нибудь армейском штабе. Может быть, они наконец осознали бы, как это опасно, когда командование войсками исходит из ложных оценок обстановки. Господа из ставки фюрера, несомненно, проходили военную историю, стратегию, оперативную подготовку и тактику. Теоретически они совершенно точно знают, что битву никогда нельзя выиграть при недооценке противника и переоценке собственных сил и что войска за такие ошибки командования платят дорого—своей кровью. Должен сказать вам откровенно: после опыта полученного в походе на Восток, мало что осталось от моего былого уважения к генеральному штабу. Было бы полезно, если бы вы, вернувшись в управление кадров, доложили о ваших наблюдениях в компетентной инстанции. А может, вы по-прежнему намерены командовать у нас полком?

— Мое намерение остается в силе. Меня в этом укрепила работа в штабе армии. В 76-й пехотной дивизии освободился пехотный полк. Заболел полковник Абрагам. Генерал Роденбург потребовал замену. Вот письмо.

Я прочел этот документ.

— К счастью, болезнь не так уж серьезна. Генерал Роденбург предлагает откомандировать полковника на несколько недель в тыл армии. Это мы сейчас обсудим, но прежде еще один вопрос: как обстоит дело с нашими офицерскими курсами в Суворовском?

— К сожалению, нам не удалось начать занятия в намеченный срок. Боевые действия в городе вынудили нас отсрочить набор курсантов. Капитан Гебель начал занятия только в середине этого месяца.

Это меня отнюдь не обрадовало — ведь нам срочно нужны были пехотные офицеры. Я не имел основания упрекать своего заместителя: он не нес ответственности за это опоздание. Я решил сделать все, чтобы ускорить переподготовку. И тут мне пришла в голову такая мысль:

— А что, если полковника Абрагама командировать в Суворовский? Он бы там отдохнул, а капитан Гебель мог бы с ним советоваться по вопросам подготовки новых офицеров. Тогда вы могли вы принять полк, которым командовал раньше полковник Абрагам.

— Я согласен, господин полковник. Одобрят ли такое предложение генерал Паулюс и генерал Шмидт?

— Завтра утром мы вместе пойдем на доклад. Письменное ходатайство перед Главным командованием сухопутных сил о вашем переводе в 76-ю пехотную дивизию мы сразу возьмем с собой. Если все сойдет хорошо, вы через два дня сможете приступить к исполнению своих новых обязанностей. Теперь я открою вам одну тайну. При моем последнем посещении управления кадров я поднял вопрос о моем освобождении от обязанностей адъютанта. Если Паулюс согласится, моим преемником станет полковник Зоммерфельд, бывший до войны адъютантом IV армейского корпуса в Дрездене. На днях я буду об этом говорить с командующим.

Плохие предзнаменования

В начале ноября к Паулюсу явился генерал пехоты Штрекер, командир армейского корпуса, действовавшего на левом фланге армии в большой излучине Дона. Все дивизии на северном участке доносили о передвижениях и сосредоточении советских войск на нашем левом фланге и перед 3-й румынской армией, которая 10 октября заняла промежуточный рубеж между 6-й армией и 8-й итальянской армией. Штрекер требовал проведения контрмер, которые были крайне неотложны, потому что и действовавшая на юге 4-я танковая армия заметила подготовку противника к наступлению. У командования армией и командиров корпусов не было никаких сомнений насчет намерений русских окружить 6-ю армию и 4-ю танковую армию.

Командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Вейхс и его начальник штаба генерал пехоты фон

Зоденштерн разделяли опасения командования 6-й армии. Но они не могли убедить в этом Главное командование сухопутных сил и Гитлера. Верховное командование просто не принимало всерьез донесения 6-й армии; оно сомневалось в том, что Красная Армия вообще способна думать о контрнаступлении. Паулюс предложил отвести 6-ю армию за Дон и развернуть ее там на отсечной позиции, чтобы избегнуть грозившего окружения. Это предложение было отвергнуто, что свидетельствовало о полном отсутствии чувства ответственности за жизнь нескольких сотен тысяч солдат. Я присутствовал при том, как раздался звонок по телефону из генерального штаба. Начальник генерального штаба генерал пехоты Цейцлер был лично у аппарата и по приказу Гитлера передал следующую директиву: «Красная Армия разбита, она уже не располагает сколько-нибудь значительными резервами и, следовательно, не в состоянии предпринимать серьезные наступательные действия. Из этого основополагающего тезиса надо исходить каждый раз при оценке противника» *.

Паулюс был потрясен столь ошибочной оценкой. Оскорбило его и поручение, сделанное в такой грубой форме.

— Надо же им, в генеральном штабе, все-таки понять, что здесь готовится, — вырвалось у него, — неужто в окружении Гитлера остались одни лишь «поддакиватели», льстецы, одобряющие любой вздор?

И тем не менее Паулюс подчинился. Командующий 6-й армией не в состоянии был заставить себя принять самостоятельное решение. Солдатское послушание взяло верх над здравым рассудком. Был только создан резерв армии и размещен позади XI армейского корпуса западнее Дона, к юго-востоку от Клетской. Резерв состоял из сводного отряда численностью в один полк, ядро которого составлял противотанковый дивизион, далее из частей 14-й танковой дивизии (штаб дивизии, танковый полк, противотанковая рота, артиллерийский полк и частично рота связи).

На другой день я, как обычно, явился с докладом к генералу Паулюсу. Почти не глядя на меня, командующий коротко поблагодарил за доклад. Его взгляд был прикован к оперативной карте, которая лежала перед ним на столе.

— Разрешите спросить, господин генерал, как со вчерашнего дня развивалась обстановка перед нашим левым флангом? — обратился я к нему.

— Положение ухудшилось. Позиция генерального штаба мне просто непонятна. Там воображают, что в ставке, которая находится от нас на расстоянии две тысячи километров с лишком, могут лучше нашего оценивать обстановку на фронте. Это же нелепо! Такая недооценка противника—нечто неслыханное. Если генеральный штаб не примет немедленных мер для прикрытия наших флангов, за это заплатит жизнью вся 6-я армия.

— Ведь не мы одни сигнализируем, что подготовка контрнаступления становится все более очевидной. 4-я танковая армия на своем участке фронта тоже это наблюдает. Должно же это встревожить ставку. Почему начальник генерального штаба сам сюда не приедет? Здесь, перед лицом угрожающей опасности, он не мог бы отделаться общими фразами.

— Я тоже так думаю, Адам, но теперь все побаиваются к нам ездить. Да и Цейцлер вряд ли осмелится возражать Гитлеру. Он вчера это доказал. Как может начальник генерального штаба передавать такие бессмысленные директивы? И к тому же еще лично. Уволив Гальдера, Гитлер устранил из своего окружения последнего генерала, который по крайней мере в военных вопросах защищал собственное мнение. Что касается политических целей, то здесь и без того нет никаких разногласий между Гитлером и его генералитетом. Очевидно, Гитлер хочет иметь только таких сотрудников, которые всегда поддакивают, как Кейтель. Будущее покажет, станет ли Цейцлер поддерживать стратегию, построенную на иллюзиях или он реально оценивает силу и возможность Красной Армии.

Через несколько секунд он задумчиво добавил:

— Будем надеяться на лучшее.

Подготовка к зиме

В начале октября командованию армией стало ясно, что не удастся с крайне измотанными дивизиями взять Сталинград до наступления зимы. Из этого были сделаны некоторые выводы. Одним из них было перенесение командного пункта армии.

Голубинский, находившийся на западном берегу Дона, между переправами у Калача и Песковатки, был расположен неблагоприятно с точки зрения транспорта и связи. Там не только не было железной дороги, но и шоссейных

дорог. При поисках подходящего места для штаба выбор пал на Нижне-Чирскую. Поблизости находилась конечная станция железной дороги, ведущей на запад. Неподалеку оттуда через Дон был проложен автотранспортный мост. Наконец, оттуда вели прямые дороги к подчиненным нашему штабу армейским корпусам. Все это говорило в пользу Нижне-Чирской как зимнего командного пункта армии. В начале ноября начальник связи армии доложил, что налажена проводная связь с корпусами и группой армий. Высланные вперед команды под руководством коменданта штаба уже оборудовали служебные и жилые помещения. По распоряжению командующего армией я проверил, как подготовлен командный пункт. Он был действительно значительно лучше и удобнее расположен, чем в Голубинском. Городок у впадения реки Чир в Дон производил впечатление чистого и ухоженного селения. Побеленные одноэтажные и двухэтажные дома стояли вдоль широких улиц; сады и скверы оживляли вид города. Почти все дома были пусты, жители покинули селение.

Хотя для перевода штаба все было сделано, начальник штаба сначала медлил с переездом. Шмидт, вероятно, опасался, что перенесение командного пункта армии назад из Голубинского в Нижне-Чирскую плохо скажется на войсках, упорно сражавшихся на фронте. Поэтому пока все было лишь так подготовлено, чтобы передислокация штаба могла произойти быстро; но пока в зимнем командном пункте разместилась часть полевого штаба и полка связи армии. Обер-квартирмейстер тоже оставался пока вблизи от Калача, у железной дороги, ведущей к Сталинграду.

Главная забота — снабжение

После переправы через Дон с каждым днем все больше обострялась проблема снабжения 6-й армии. Для доставки горючего, боеприпасов и продовольствия имелась только одноколейная железная дорога, которая вела в Сталинград с запада через Морозовск и мост через Дон у Рычковского. Но железнодорожный мост был взорван, так что на станции Чир все грузы приходилось перегружать на автотранспорт. А на машинах эти грузы доставлялись через мост только до Верхне-Чирской, а там они снова отправлялись по железной дороге. Легко можно себе пред-

ставить, как все это было неудобно и какой требовало затраты времени. Часто железнодорожные пути бывали заняты порожняком и санитарными поездами — создавались пробки.

Что же будет зимой, когда понабится доставлять еще и теплое обмундирование, топливо и фураж для лошадей и вдобавок начнутся сильные снегопады и гололедица? Эти вопросы вызывали большую тревогу.

В середине октября штаб 6-й армии посетил генерал-квартирмейстер сухопутных сил генерал-лейтенант Вагнер. Он хотел ознакомиться с тем, как обстоит дело со снабжением, и проверить, нельзя ли улучшить транспортировку необходимых грузов. Но и он не помог. Наш новый начальник оперативного отдела полковник Эльхлепп позднее рассказывал мне, что генерал Вагнер откровенно высказывался о положении, создавшемся в ставке Гитлера. Никто из генералов не решается возражать ему. Все они запуганы истерическими припадками бешенства своего повелителя. Сам Вагнер летом 1942 года указывал верховному главнокомандующему на недостаток горючего и потребовал, чтобы планирование военных операций координировалось с состоянием снабжения. Гитлер оборвал его, сказав: «Другого ответа я от моих генералов и не ждал, благодарю».

Подобные рассказы мы уже часто слышали. Но какая от этого была польза? Никакой. Генералы поругивали Гитлера и все же участвовали в его авантюре. Благодаря их энергичной помощи истерик мог продолжать войну. Тот или другой генерал мог позволить себе поворчать, но ни один из них не пошел против Гитлера. Генералитет мог время от времени относиться свысока, с презрением к «богемскому ефрейтору», но остается фактом, что генералитет разработал военные планы Гитлера и что благодаря его активной поддержке Гитлер переходил от одной авантюры к другой, посылал на бессмысленную смерть миллионы людей. В этом заключается историческая вина и вина перед человечеством германского генералитета во второй мировой войне.

Но, высказывая эти констатации, я опередил мою собственную эволюцию. В те октябрьские дни 1942 года я еще был далек от такого понимания вещей. Правда, я чувствовал, что в механизме руководства вермахтом не все в порядке. Порой я приходил в ярость от такого беспредель-

ного дилетантства, порой меня это угнетало. Но я делал все, что считал своим долгом. Я сам был во власти военной традиции и армейского воспитания, поэтому я тогда был далек от мысли, что Паулюс в качестве командующего 6-й армией может, приняв самостоятельно решение, предотвратить надвигающийся роковой конец. Объяснить мое непонимание можно и тем, что в октябре 1942 года я был еще только в преддверии ада. Я должен был пройти через все круги ада в Сталинграде, чтобы подняться до более глубокого понимания событий. Впрочем, я и тогда еще не во всем разобрался. Об этом я буду в дальнейшем говорить подробно.

К числу трудностей снабжения, с которыми 6-я армия непосредственно столкнулась перед наступлением зимы 1942/43 года, относилось обеспечение фуражем нескольких тысяч коней. Поэтому генерал Паулюс решил всех лишних коней отправить в армейский тыл к западу от Дона. Оставлены были только те кони, которые безусловно необходимы в артиллерийских полках, артиллерийских подразделениях пехоты и в санитарном транспорте. Всех других перегнали на запад и расположили в деревнях, где имелись достаточные запасы фуража, оборудованные конюшни и стойла. Это было рискованное предприятие. Дивизии лишились существенной тягловой силы. Но что можно было сделать, если мы хотели предотвратить гибель животных от голода? Однако это мероприятие позднее привело к голодной смерти тысячи немецких солдат, а что это случится, никому из нас не приходило в голову.

Для того чтобы сэкономить средства транспорта, решено было и большинство танков перебросить в тыл армии. Стало ясно, что танки непригодны для уличных боев. Северный и южный участки фронта стабилизировались, боевые действия приобрели позиционный характер. Кроме того, танковые полки были сильно потрепаны. Почти все танки, если они не были вовсе уничтожены, требовали основательного ремонта. Чтобы избегнуть необходимости транспортировать горючее, запасные части и инструменты, командование армией распорядилось вывести танки с фронта и перебросить для ремонта в район западнее Дона. Ремонтные роты уже заняли там отведенные им зимние квартиры. Однако до переброски танковых полков дело не дошло ввиду тревожных предзнаменований на северном и южном участках фронта.

Нас берут в клещи

В конце октября междуречье Дона и Волги было погружено в густой туман. Разведывательная деятельность авиации была полностью парализована. Мы не имели ясного представления о передвижениях советских войск. Наконец наступили погожие осенние дни, а с ними и хорошая видимость. Уже первая авиационная разведка северного фланга подтвердила правильность наблюдений, о которых доносили наши дивизии. С волнением рассматривали мы аэрофотоснимки. Красная Армия значительно расширила свой плацдарм по эту сторону Дона, главным образом в районе Серафимовича. Появилось много новых мостов, частично «подводные мосты».

Вместе с полковником Эльхлеппом мы стояли перед большой оперативной картой. С севера, примерно от Воронежа, фронт тянулся вдоль Дона, постепенно поворачивая на восток пересекал Дон южнее Шишкина и достигал Волги севернее Рынка. На огромном, длиной свыше 600 километров фланге 6-й армии стояли фронтом на север только два наших армейских корпуса и плохо оснащенные армии союзников. Не внушала спокойствия и линия фронта южнее Сталинграда. Между 4-й танковой армией и 4-й румынской армией, правыми соседями 6-й армии, с одной стороны, и германскими соединениями на Кавказе — с другой, зияла огромная брешь. На одном участке фронта протяженностью около 400 километров стояла сильно растянутая одна-единственная дивизия — 16-я моторизованная. Недаром ей дали прозвище «степная пожарная команда».

Параллельно была проведена на карте красная линия вражеского фронта. Перед левым флангом 6-й армии и перед 3-й румынской армией, равно как и перед правым флангом 4-й танковой армии, были обозначены скопления советских частей. Генерал Паулюс положил одну руку на северное, а другую на южное скопление войск противника. Потом он сдвинул руки, словно замкнул клещи. То, что оказалось внутри клещей и надежно отрезалось от внешнего мира, были мы, наша 6-я армия.

Эльхлепп комментировал лаконично:

— Если Гитлер и сейчас в этом опасном положении наплюет на наши предложения, катастрофа неминуема.

Нервное напряжение в штабе армии нарастало. После

ужина я проводил Паулюса в его квартиру. Оба мы, очевидно, не заметили, как вышли за пределы деревенской улицы. Так или иначе, мы уже некоторое время стояли на берегу Дона. Наши взгляды бесцельно скользили по водной поверхности. Потом Паулюс прервал молчание:

— Вам известны мои предложения, Адам. Гитлер все отверг: приостановку наступления на Сталинград и вывод XIV танкового корпуса из города. Он настаивает на своем приказе от 12 сентября и требует любыми средствами ускорить взятие города. А между тем мы истекаем кровью. Но это еще не все. Сталинград может стать Каннами 6-й армии.

Казалось, последние слова он произнес, обращаясь к самому себе. Несколько минут он стоял погруженный в свои мысли, как бы забыв обо мне. Потом правой рукой провел по лбу, будто хотел отогнать мучительные мысли. Его тонкая фигура распрямилась:

— Подумаем над тем, что мы можем сделать. Когда вы передадите в наше распоряжение первую группу молодых офицеров? Вы знаете, как остро мы в них нуждаемся. Десятками рот командуют унтер-офицеры.

— Я был вчера в Суворовском. Сначала молодые кандидаты на офицерские должности были не в восторге от их перевода в пехоту. Но теперь они всем сердцем привязались к пехоте. Капитан Гебель сообщил также, что они сделали большие успехи. Я могу это только подтвердить на основе собственных впечатлений. К сожалению, занятия начались с опозданием. Выпуск будет самое ранее к концу месяца. Надо сказать, что командировка полковника Абрагама в Суворовский имела хорошие последствия. Его самобытный юмор и его богатый опыт дороже золота. К тому же и здоровье у него там стало лучше.

— Жаль, что я дал согласие открыть офицерскую школу позднее, чем предполагалось. Во всяком случае, постарайтесь, чтобы к 30 ноября подготовка закончилась.

Мы направились в деревню. Нас пробирала дрожь. Отчего? От того ли, что вечер был холодный, или от страшных предчувствий?

На командный пункт поступили обычные донесения. В них не было ничего чрезвычайного. Долго ли так будет? В 22 часа я связался с корпусами. Говорил с ними о потерях, наградах, повышении по службе, занятии офицерских постов. «Все то же», — подумал я.

Среди руин Сталинграда

В середине ноября мне понадобилось съездить в 71-ю пехотную дивизию. С командиром одного из ее полков, полковником Роске, я был давно знаком. К началу войны мы оба были преподавателями тактики в военной школе в Дрездене. Теперь Роске находился со своим штабом в Сталинграде, а его полк — на самом берегу Волги. Я отправился туда с Роске.

Впервые увидел я облик города, разрушенного авиацией и уличными боями. Я вспомнил слова Шиллера: «Ужас глядит из пустых оконных глазниц». Развалины, кругом одни развалины. Под ними в подвалах укрывались солдаты. Воронки от снарядов и груды обломков сделали почти непроходимыми когда-то ровные улицы. Осколки стекла, оконные рамы, части машин, разбитые автомобили, сломанные кровати, остатки мебели, кухонная посуда, печи, электрические провода, обрывки кабеля — невообразимая смесь всевозможных поврежденных, искромсанных вещей. Роске и я с трудом пробирались вперед. Никто не мог точно сказать, где и как пролегает фронт в этих развалинах. Каждый час могло случиться, что штурмовые группы противника внезапно появятся за спиной наших солдат. Позади каждой развалины, на каждом перекрестке подстерегала смерть.

Роске был хорошим проводником среди руин города, заваленного грудами щебня и мусора. Примерно через полчаса можно было оглянуться по сторонам. Мы укрылись в щели на западном, круто обрывающемся берегу Волги. Могучая река была здесь шириной более двух километров. Она походила скорей на озеро. Спустился легкий туман. Только сильно напрягая зрение, можно было разглядеть слабые очертания противоположного берега. Справа от нас в середине могучей реки возвышался большой лесистый остров. Его южная окраина была скрыта от наших глаз.

Роске рассказал, что ночью наши посты выдвинуты к самой Волге. Сейчас днем на реке не было ни одного суденышка или лодки. Немецким воздушным наблюдателям нечего было делать. Тем больше дела было у пикирующих бомбардировщиков, которые с высоты пикировали на восточный берег и на остров. Их мишенью являлись русские минометные позиции и скопления войск. На них они

сбрасывали свои бомбы, обстреливали из бортового оружия. Я стоял, изумленный огромными размерами этой реки. После степных просторов — эти речные дали! И тут же огромный город, в котором было до 600 тысяч жителей. На самых крупных его заводах число рабочих достигало десятка тысяч. Как здесь, вероятно, кипела жизнь, в этом городе, расположенном у величайшей европейской реки, между Кавказом и Москвой.

Стрекотание пулемета прервало мои размышления. Слева от нас разорвались ручные гранаты. С глухим гулом вступила в бой артиллерия. Пока мы стояли здесь в укрытии траншеи, в нескольких десятках метров от нас снаряды рвали на куски человеческие тела.

Внезапно все стихло.

— Так часто бывает, — сказал Роске. — Короткая перестрелка вспыхивает большей частью в связи с какой-либо операцией штурмовых групп. Днем на Волге царит полная тишина. Позиции оживают с наступлением сумерек. В полевой бинокль вы можете разглядеть на той стороне Красную Слободу. Наши бомбардировщики уже несчетное число раз забрасывали снарядами эту деревню. Но лишь только во второй половине дня спускается первая дымка над рекой, там начинают грузить на суда людей и боеприпасы. Русские пытаются в ночной темноте переправиться на западный берег. Вот когда начинается страшное зрелище. Феерическим светом озаряют воду сигнальные ракеты. Прожекторы направляют снопы лучей, обследуя поверхность реки. Если судно или лодка попадают в эти потоки света, начинается стрельба из пулеметов и разнокалиберных орудий. Самолеты сбрасывают бомбы и на бреющем полете открывают огонь из бортового оружия. Тем не менее большинство судов достигает берега. По данным разведки мы знаем, что в середине октября целая стрелковая дивизия была переправлена за одну ночь! * Только в особенно светлые лунные ночи русские ограничивают движение по реке.

Полк Роске, как и вся 71-я пехотная дивизия и ее соседи слева и справа, уже несколько недель вели ожесточенный ближний бой. О его упорстве свидетельствует один эпизод, о котором мне рассказал мой спутник на обратном пути к командному пункту.

— Штурмовые группы нашего левого соседа проникли в одно здание и вытеснили русских из нижнего этажа.

Но на верхнем этаже противник все еще держится. Много дней наши люди ведут бой всеми средствами, но им не удается оттеснить русских. Для нас просто загадка, как они там снабжаются. Они должны были бы там давно умереть с голоду и израсходовать весь боезапас. Но ничего подобного! Горстка русских и не думает о капитуляции!

Она не думала об этом и в течение последующих недель. Маленький мужественный гарнизон держался до тех пор, пока немецкие войска не были в этом районе города уничтожены или взяты в плен. Из советской военной истории мы позднее узнали, что это была группа сержанта Павлова.

Генеральный штаб вынужден изменить тактику

Снова Паулюс просил генеральный штаб разрешить оставить Сталинград и отвести 6-ю армию на ту сторону Дона и снова получил отказ. Наступление смертельно измотанных дивизий постепенно замирало. Силы наших солдат иссякали.

Последние атаки в ноябре стоили тысячи жизней. Другие тысячи солдат стали калеками. Несколько квадратных метров развалин — вот все, что удалось отвоевать. Перспектива взятия города стала чем-то невообразимо далеким.

Но повторные обращения к главному командованию имели одно последствие: генеральный штаб наконец вынужден был согласиться с некоторыми оборонительными мероприятиями на северном фланге 6-й армии *. XXXXVIII танковый корпус, последнее время действовавший на правом фланге 6-й армии в городе, передал две свои дивизии LI армейскому корпусу. Его третья дивизия, 29-я моторизованная, стала резервом группы армий «Б». Высвободившийся штаб корпуса был 15 ноября переведен в район за фронтом 3-й румынской армии. Ему были подчинены 22-я танковая дивизия и 1-я румынская танковая дивизия.

Угрожающая катастрофа

Командиром XXXXVIII танкового корпуса был генерал-лейтенант Гейм, с которым я долгое время охотно

сотрудничал. Незадолго до этого Гейм занимал пост начальника штаба 6-й армии. Он должен был использовать немецкую танковую дивизию в качестве «корсета», стягивающего 3-ю румынскую армию, которой угрожало наступление, подготовляемое противником. Генерал Паулюс не придавал большого значения тому факту что Гейме впал в немилость. Его недоверие относилось не к командиру корпуса, но к тем войскам, которые были Гейму подчинены.

— 1-я румынская танковая дивизия, — сказал он мне, — вооружена легкими французскими и чешскими трофейными танками, личный состав недостаточно обучен и не обстрелян. 22-я немецкая танковая дивизия сильно поредела за время боев. Но даже ее остатками Гейм не может полностью распорядиться. Половину ее танкового полка командование группы армий «Б» перебросило на другой участок.

Разумеется, намеченные ставкой оборонительные мероприятия никак не могли рассеять серьезное беспокойство командующего армией и начальника штаба. Об этом со мной заговорил Паулюс 15 ноября. Командующий снова указал на задачу, поставленную перед генерал-лейтенантом Геймом:

— Я считаю более чем поверхностным мнение тех, кто думает, будто Гейм может с половиной одной дивизии воспрепятствовать прорыву русских. Когда же наконец верховное командование и генеральный штаб научатся правильно оценивать силы противника?

— Стало быть, вы считаете недостаточным и те силы, которые действуют за нашим левым флангом?

— Конечно, их недостаточно. Ведь поэтому я и просил разрешения вывести XIV танковый корпус из Сталинграда. Но и это было отвергнуто генеральным штабом, хотя в городе от танков нет ровным счетом никакой пользы.

— Со всем этим я просто не могу примириться, господин генерал. Такие неверные решения буквально провоцируют катастрофу.

— Не торопитесь так резко судить, Адам. XIV танковому корпусу я приказал подготовиться к выводу танковых полков и противотанковых частей 16-й и 24-й танковых дивизий, чтобы они по моему приказу в случае необходимости сразу могли быть переброшены на наш левый фланг к западу от Дона.

— А как пойдут дела на юге? Сможет ли 4-я танковая армия удержать позиции, когда русские рванутся вперед? Собственно говоря, там уже нет никакой танковой армии. Она была вынуждена отдать почти все свои танковые части и одну пехотную дивизию. Она сохранила румынские пехотные дивизии, которые, правда, порой мужественно сражались, но плохо снаряжены и плохо вооружены.

— Все зависит от силы противника. Если он будет наступать крупными и боеспособными частями, то и на юге дело может дойти до катастрофы. Я опасаюсь и там самого худшего, если верховное командование не подбросит полностью укомплектованные дивизии. Но мы не должны допустить панических настроений.

— Это я вполне понимаю. Но что же, мы будем пассивно наблюдать, как нам набрасывают петлю на шею, господин генерал? Наши дивизии просто не могут ничего больше дать. Многие не располагают даже половиной своей боевой численности.

— Все эти выводы нам не могут помочь, Адам. Вспомните, сколько раз мы уже в этом году справлялись с трудностями. Кроме того, ведь вы знаете приказы генерального штаба. Они обязательны для меня, как для солдата. Я и от моих подчиненных требую безоговорочно выполнять мои приказы.

На этом беседа кончилась. Но с Паулюса не были сняты заботы. Без устали он трудился, проверял донесения, часто бывал в войсках. Но он мало что мог изменить. Судьба 6-й армии была решена в ставке фюрера *. А Паулюс не оспаривал ее приказы.

Трагикомедия с зимним обмундированием

16 ноября выпал первый снег. Ледяной ветер свистел в степи, проникая сквозь наши легкие шинели. Фуражки и сапоги тоже плохо защищали от холода. Собственно говоря, пора было извлечь уроки из печального опыта зимы 1941/42 года. Но и в середине ноября 6-я армия не имела соответствующего зимнего обмундирования. Паулюс его затребовал еще тогда, когда понял, что операции в городе не могут быть закончены до наступления холодов. Генерал-квартирмейстер сухопутных сил разде-

лял мнение командующего нашей армией. Гитлер, напротив, считал, что и для Восточного фронта хватит обычного зимнего обмундирования, поскольку национал-социалистские благотворительные организации уже приступили к массовому сбору зимних вещей для солдат Восточного фронта и в этом приняли участие все немцы. Действительно, население было готово пожертвовать всяческую одежду, способную защитить от холода и ледяного ветра. В Германии такими вещами были заполнены огромные ящики. Однако когда нас под Сталинградом внезапно настигли холода, на фронт не поступило почти ничего из собранных вещей и в тыловых складах их было немного. Обер-квартирмейстер армии пытался ускорить доставку обмундирования, но старания его почти ни к чему не привели: транспорта не хватало, а пространства, которые надо преодолеть, было огромны. Из Миллерово, главной базы снабжения 6-й армии, поступило сообщение, что, когда открыли первые вагоны, заполненные зимними вещами, обнаружилась странная картина. Наряду с шерстяными и вязаными вещами в вагонах нашли сотни дамских шубок, муфты, каракулевые манто и другие меховые изделия, в том числе дорогие вещи, которые, однако, на фронте не имели никакой ценности. Видимо, никто не просматривал и не отбирал одежду, которая была сдана населением, ее просто направили дальше. Пусть, мол, армия думает, что с этим делать.

Шмидт неистовствовал, узнав об этой халатности. Но он ничего не мог изменить. Виновные отсиживались в тылу, в тепле, за 2000 километров от Сталинграда. Дивизионные интенданты получили приказ раздавать немногие пригодные зимние вещи только сражающимся частям. Но ими можно было снабдить лишь примерно одного из пяти солдат, находившихся в окопах и землянках северного участка фронта, без печей, без топлива, в глубине заснеженной степи, где бушевал обжигающий кожу ледяной норд-ост.

Тем временем в штабе армии уже накапливались груды тревожных донесений. Наши нервы были напряжены до крайности. Стало окончательно ясно, что в ближайшее время начнется советское контрнаступление. А если оно окажется успешным? Если XI армейский корпус и 3-я румынская армия не удержат своих позиций? Что будет тогда?

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 104

* Вот что рассказывает об этих боях бывший командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами маршал Советского Союза А. И. Еременко:

«Вначале противник попытался форсировать Дон на участке Нижне-Акатов, Нижне-Герасимов, но успеха здесь не достиг. Передовые части гитлеровцев, переправившиеся на наш берег, были уничтожены. Тогда атаки были перенесены на участок Вертячий, Песковатка, где врагу удалось на узком участке фронта добиться огромного превосходства в силах; сосредоточенные здесь три пехотные дивизии наступали при поддержке всех огневых средств двух мотодивизий и одной танковой дивизии, подготовленных для развития удара на Сталинград; огневым щитом из танковой и полевой артиллерии противник прикрыл участок для форсирования реки; на стороне переправлявшихся вражеских частей было тактическое преимущество местности — господствующий берег Дона».

(А. И. Еременко, «Сталинград», М., 1961, стр. 121).

К стр. 106

* «В течение десяти дней, с 23 августа по 2 сентября, войска Сталинградского фронта предприняли ряд ожесточенных контратак с задачей уничтожить прорвавшуюся к Волге вражескую группировку. Для решения этой задачи привлекались вновь прибывающие дивизии (правда, малочисленные и не вполне подготовленные для боя), а также изыскивались силы и средства путем возможного маневра. Для отражения этих контрударов противник вынужден был повернуть значительные силы на север.

Нашим частям не раз удавалось «закрыть ворота» прорыва. Однако всякий раз противник вновь организовывал атаки превосходящими силами, наносил с различных направлений удары, поддержанные огромной массой артиллерии, танков и авиации, добиваясь восстановления положения. 10 суток отчаянно напряженных боев, к сожалению, не привели нас к более или менее ощутимому результату: для прочного закрепления достигнутых успехов, а тем более для ликвидации опасного клина, вбитого врагом в нашу оборону, явно не хватало сил.

Однако вражеские войска, несмотря на свое явное преимущество в танках, пехоте и особенно в авиации, не смогли пробиться к Сталинграду», — свидетельствует А. И. Еременко. («Сталинград», М., 1961, стр. 152).

К стр. 110

* «Швейной машиной» немецкие солдаты прозвали советский самолет ПО-2.

К стр. 121

[1] Цитируется по: «Процесс против главных военных преступников в Международном военном трибунале. Нюрнберг, 14 ноября 1946 г.» (нем.), т. VII, Германия, 1947 г., стр. 191.

К стр. 122

* Это не совсем точно. Немецко-фашистское командование только в октябре направило в район Сталинграда для пополнения потрепанных дивизий около 200 тыс. обученного пополнения. Кроме того, туда еще прибыло до 90 артиллерийских дивизионов резерва главного командования, насчитывавших около 50 тыс. человек и более 1000 орудий (калибром 75 *мм* и крупнее), и воздушным транспортом было переброшено около 40 саперных батальонов, специально подготовленных для штурма города. Эти батальоны имели более 30 тыс. человек личного состава. («Великая победа на Волге», стр. 190). Что касается 4-й танковой армии, то она продолжала действовать в направлении Бекетовки, Красноармейска, т. е. южных пригородов, находящихся в черте большого Сталинграда.

К стр. 139

* Генерал В. И. Чуйков, ныне Маршал Советского Союза, командовал героической 62-й армией, которая проявила безграничную отвагу в боях за Сталинград и нанесла смертельные удары гитлеровским захватчикам.

К стр. 143

* Это достоверное свидетельство Адама разоблачает послевоенные попытки генерала Цейцлера доказать, что он всеми силами боролся за отвод 6-й армии из района Сталинграда. Однако Адам не избежал некоторого преувеличения, говоря о предвидении командованием 6-й армией и группой армий «Б» готовящегося советского контрнаступления. (См. З. Вестфаль, В. Крейпе, К. Цейцлер и др., «Роковые решения», М., 1958, стр. 166—167.)

К стр. 151

* Речь идет о 138-й стрелковой дивизии (командир полковник И. И. Людников), переданной из состава 64-й армии в 62-ю и переправившей через Волгу все свои три стрелковых полка в ночь с 15 на 16 октября в Сталинград. Дивизии была поставлена задача оборонять завод «Баррикады».

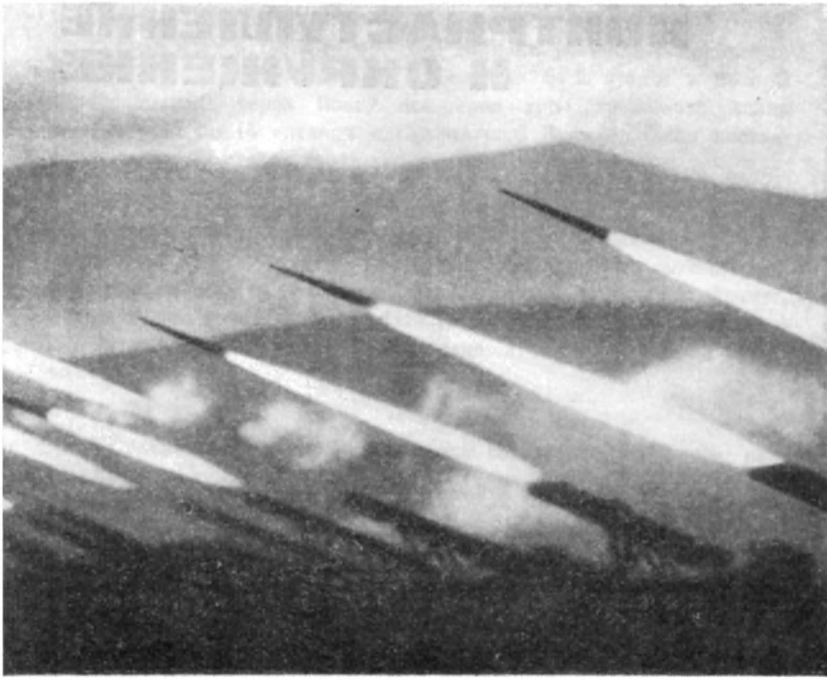
К стр. 152

* Главное командование сухопутных войск вынуждено было 14 октября 1942 г. отдать приказ, согласно которому войска вермахта переходили к обороне на всем советско-германском фронте, Активные наступательные действия должны были продолжаться только непосредственно в Сталинграде, а также в районе Нальчика и Туапсе.

К стр. 154

* Судьба 6-й армии была решена советскими войсками, разгромившими немецких захватчиков.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ

«КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД СТАЛИНГРАДОМ ПОЛОЖИЛО НАЧАЛО НОВОМУ ПЕРИОДУ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, ПЕРИОДУ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВСЕЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ».

«История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг.», том третий, М., 1961, стр. 65.

Буря разразилась

Телефон яростно звонил. Я сразу очнулся от сна. Не успел я взять трубку, как услышал далекий гул. Ураганный огонь, подумал я. Дежурный офицер доложил: «Тревога, господин полковник! Немедленно к начальнику штаба!»

То было начало советского контрнаступления*. На листке календаря значилось: 19 ноября 1942 года.

Я надел китель, натянул сапоги и поспешил к Шмидту. Туда уже явились многие офицеры, которых разбудили, как и меня. Начальник штаба Шмидт уже поднял всю армию по тревоге. Положение стало крайне серьезным. Миновали дни напряженного ожидания, когда артиллеристы и танкисты не отходили от орудий, всегда готовые к отпору, пехотинцы лежали около пулеметов, снаряженных для ведения непрерывного огня, а ручные гранаты они клали около себя.

Вскоре вслед за мной к Шмидту прибыл командующий армией. Зазвонил телефон. Из Осиновки докладывал генерал Штрекер, командир XI корпуса.

— Здесь сущий ад,— доносил Штрекер,— невообразимый ураганный огонь обрушился на наши позиции. Земля буквально перепахана. У нас значительные потери. Однако основной удар, видимо, нанесен по румынам*. Я связался по телефону со своим левым соседом, IV румынским армейским корпусом. Его начштаба настроен весьма пессимистически. Он опасается паники в своих войсках. Наши дивизии держатся стойко, но из-за метели очень плохая видимость. Мы будем докладывать командованию о ходе дел.

Генерал Паулюс пояснил Штрекеру:

— Для обеспечения вашего левого фланга я намерен 14-ю танковую дивизию ввести в действие юго-западнее Мело-Клетской. О дальнейшем вы узнаете, когда выяснится направление удара противника.

Паулюс положил трубку, молча взглянул на нас и снова протянул руку к телефону.

— Соедините меня с группой армий «Б».

Офицер оперативного отдела группы армий принял первое донесение 6-й армии об артиллерийской подготовке противника.

С этого момента телефон в кабинете начальника штаба звонил почти не переставая. Донесения, запросы, распоряжения следовали одно за другим. Подготовлялся вывод XIV танкового корпуса из города. Генеральный штаб получал информацию о происходящем от своего офицера связи при 6-й армии по его собственной радиостанции; то был майор генерального штаба фон Цитцевич, сменивший майора Менцеля. Но мы все еще не знали ничего определенного о намерениях и направлении удара противника. Наконец около 7 часов генерал Штрекер снова дал о себе знать.

Прорыв у румын

— Противник нанес удар со своего плацдарма. Мы пока удерживаем свои позиции. Удар нанесен по 3-й румынской армии. 376-я пехотная дивизия сообщает, что русские прорвали позиции IV румынского армейского

корпуса и продвигаются вперед в южном направлении. Совершенно неясно положение 1-й румынской кавалерийской дивизии. Она уже не имеет никакой связи с левым соседом. Я переброшу 376-ю пехотную дивизию для прикрытия нашего фланга, развернув ее фронтом на запад. Нарушена телефонная связь с 44-й пехотной дивизией. Связной мотоциклист доложил, что артиллерийским обстрелом почти вовсе разгромлены передовые позиции у румын, танки красных все сровняли с землей.

Паулюс одобрил переброску 376-й пехотной дивизии на отсечную позицию, потребовал восстановления связи с 14-й танковой дивизией, а 1-ю румынскую кавалерийскую дивизию, отошедшую на восток, подчинил XI армейскому корпусу.

Из штаба группы армий «Б» мы узнали, что советская артиллерия в течение многих часов обрушивала тысячи тонн стали на позиции 3-й румынской армии. Затем две ударные армии прорвались с плацдарма у Клетской и Серафимовича. Румыны, видимо, храбро оборонялись, но были смяты и обращены в бегство. В настоящее время советские бронетанковые соединения, механизированные пехотные части и кавалерия неудержимо движутся дальше на запад. Ни германский, ни румынский штаб не могли сказать, где находятся передовые части наступающего противника. Одно было ясно: уже создана угроза 6-й армии с тыла.

Не удались также мои попытки получить представление о потерях, постигших XI армейский корпус. Адъютант корпуса сообщил мне, что начиная с раннего утра связь почти постоянно нарушена. По его мнению, надо считаться с весьма большими потерями в 44-й и 376-й пехотных дивизиях. 19 ноября офицеры штаба армии провели в томительном ожидании. Потом с каждым часом все более учащались сообщения о катастрофе. Хотя мы к вечеру еще не имели точного представления о масштабе советских успехов, но каждому было ясно, что нам угрожает смертельная опасность. Около 19 часов я явился с докладом к Паулюсу. Сутулясь, он шагал взад и вперед по комнате. Чаще обычного нервно подергивалось его лицо. Он остановился передо мной.

— Итак, случилось то, что я предсказывал в течение недель. Гитлер не хотел признавать то, что ясно было любому простому солдату. А Кейтель и Иодль его в этом

поддерживали. Несколько недель от нас отделывались пустыми фразами. Теперь мы должны расхлебывать кашу. При этом мы еще вовсе не знаем, удастся ли нам приостановить контрнаступление Красной Армии.

Я молча кивал головой, ведь меня терзали те же мысли. Взволнованно Паулюс продолжал:

— Нам угрожает колоссальная опасность. Я вижу только один выход из создавшегося положения: отход на юго-запад. Необходимо действовать быстро.

Таково было и мое мнение. Поэтому я спросил:

— Действительно ли в этом случае командование армии должно испрашивать согласие генерального штаба? Ведь сейчас речь идет о 330 тысячах человек.

— Именно потому, что дело идет о том, быть или не быть всей 6-й армии, я, как вы знаете, предложил оставить Сталинград. Это было отвергнуто. Все еще остается в силе приказ, согласно которому ни один главнокомандующий группой армий или командующий армией не имеет права без разрешения Гитлера оставить населенный пункт или даже окоп. Разумеется, этим парализуется решимость всякого командующего армией. Однако на что же это похоже, если в условиях войны приказы больше не будут выполняться? Как это отразилось бы на армии? Чем большей властью обладает генерал, тем в большей мере он должен быть для своих солдат образцом в соблюдении приказов.

Эта принципиальная позиция определяла поведение Паулюса и в последующие дни. Как бы повелительно ни требовали обстоятельства действовать самостоятельно, Паулюс постоянно колебался, но не принимал решения. Он оставался послушным генералом. В этом его поддерживали и темпераментный, но фанатичный начальник штаба генерал-майор Шмидт, и большинство командиров корпусов. Да и я сам, несмотря на переживаемую мной душевную коллизию, не мог преодолеть эти хотя и мучительные, но безысходные колебания.

Наши первые контрмеры

В ночь с 19 на 20 ноября штаб армии уже имел ясное представление об обстановке. 14-я танковая дивизия доложила, что к вечеру 19 ноября противник танками и ка-

валерией продвинулся в наш тыл примерно на 30 километров. Артиллерийский полк дивизии уже отбивал энергичные атаки противника. Из новых донесений XI армейского корпуса выяснилось, что румыны были атакованы сильными бронетанковыми соединениями, которые, не встречая серьезного сопротивления, смяли все на своем пути. Оставшиеся в живых бежали в страхе на юг и на восток. Видимо, 3-я румынская армия более не существовала. Но и многие наши тыловые части охватила паника перед лицом рвущегося на юг противника*.

Естественно, этой ночью в штабе никто и не помышлял о сне. Все начальники отделов собрались у Шмидта. Без всяких признаков внутреннего волнения он объяснил новую обстановку западнее Дона, закончив следующими словами:

— Надлежит подготовить перенесение командного пункта армии в Нижне-Чирскую. Об уничтожении документов, без которых можно обойтись, и особенно секретных дел, командованием будет отдан приказ.

Оптимизм и кипучая энергия Шмидта резко отличали его от Паулюса, изнемогавшего под бременем павшей на него ответственности. Начальнику штаба были чужды моральные проблемы, терзавшие командующего армией. Он находился в родной стихии, ведь снова нужно было принимать решения, отдавать приказы, проверять их выполнение. Шмидт был уверен, что, несмотря на значительные первоначальные успехи, противника удастся после перегруппировки разбить в открытом бою, и представил Паулюсу предложения, которые он разрабатывал совместно с начальником оперативного отдела. Предложения сводились к следующему.

XIV танковый корпус в составе танковых полков 16-й и 24-й танковых дивизий форсированным маршем движется к Дону и с высоты западнее Голубинского наносит фланговый удар по продвигающимся на юг силам Красной Армии и уничтожают их. Штаб XIV танкового корпуса переходит на командный пункт армии в Голубинский. Ему будет подчинена 14-я танковая дивизия. Действия штурмовых групп в городе немедленно прекратить.

С участка VIII и LI армейских корпусов снимаются все свободные части, и из них создается резерв 6-й армии.

Плацдарм на западном берегу Дона, западнее Калача, занимают под командованием полковника Микоша военно-

инженерное училище и школа зенитчиков, усиленные всеми подразделениями тыловых служб, без которых можно обойтись.

Офицерская школа в Суворовском приводится в боевую готовность.

Штаб армии с 21 ноября переводится в Нижне-Чирскую. Ответственный за выполнение — полковник Адам.

Раненые и подразделения интендантской службы, без которых можно обойтись, отводятся в район южнее реки Чир, так как наступление русских угрожает железной дороге и тем самым основным коммуникациям снабжения армии.

Паулюс утвердил эти предложения. Соответствующие приказы разослали в войска.

Надежды на высшие инстанции

Уже было далеко за полночь. Нельзя было предполагать, чтобы до рассвета поступили новые донесения. На командном пункте армии делать было нечего, и я проводил Паулюса до его квартиры. По дороге он заговорил со мной:

— Если бы ставка фюрера одобрила мое предложение об отводе 6-й армии за Дон, мы были бы теперь избавлены от тяжкого кризиса. Будем надеяться, что по крайней мере теперь Гитлер и его окружение вникнут в создавшееся положение и отдадут приказ оставить город. Это теперь не так уж просто, ведь вся 3-я румынская армия выбита из Донского фронта. Фактически русские танковые и кавалерийские соединения никого перед собой не имеют. Столь же мало рассчитываю я и на то, что XXXXVIII танковый корпус Гейма сдержит натиск русских.

— Если вы, господин генерал, рассчитываете получить такой приказ из ставки фюрера, не целесообразно ли уже сейчас провести необходимые подготовительные меры?

— Пока я предложил командованию группы армий вывести все войска из города, — продолжал Паулюс. — Разумеется, я не могу сейчас такое решение довести до сведения армии. Это могло бы вызвать панику или по меньшей мере ослабить сопротивление. Однако штабы корпусов уже занимаются этим вопросом. Впрочем, вам

должно быть ясно, что цель подписанных мною приказов — вывести армию из угрожающего окружения.

Мы подошли к убежищу командующего. Я простился и вернулся к себе. Обер-фельдфебель Кюппер бодрствовал. Другие писаря уже спали.

— Так, Кюппер, мы можем сразу взяться за работу.

— У меня все в порядке, господин полковник.

— Вам это только кажется. Не удивляйтесь. Надо подготовить для уничтожения все ненужные документы, особенно секретные дела командования. Остальное упаковать. Штаб переходит завтра в Нижне-Чирскую.

— Вот как, значит, обстоят дела. Вчера я много всякого наслышался от связных мотоциклистов из корпусов. Мотоциклист из XI армейского корпуса говорил, что русские смяли румын и быстро продвигаются на юг. Я решил, что это очередная выдумка. Когда же я примерно через час узнал, что вы все еще у начштаба, я заподозрил что-то неладное. Вот почему я все еще на ногах. Дело плохо, если мы сжигаем документы.

— Без паники, Кюппер. Пока речь идет о мерах предосторожности. Посмотрим, что принесет сегодняшний день. Пусть писаря поспят. Мы сами все сделаем.

Обер-фельдфебель вытащил из-под койки два стальных сундука с секретными делами и стал передавать мне один документ за другим.

Я их сложил в две кипы: документы, которые в случае опасности надлежало уничтожить, и менее секретные, такие, как представления к наградам, распоряжения об отпусках и т. п. После этого каждая груда бумаг была в отдельности перевязана и положена обратно в сундуки. Когда мы закончили работу, уже занялась заря.

— Теперь поспите немного, Кюппер. Я пойду к себе, умоюсь и побреюсь. В 8 часов самое позднее я буду снова здесь.

Удар с юга

Через полчаса, когда я еще брился, зазвонил телефон. Телефонист сообщил:

— У аппарата начальник оперативного отдела, господин полковник.

«Что еще могло случиться?», — думал я, поднося трубку к уху.

— Немедленно приходите к начальнику штаба! Генерал Паулюс уже здесь, — услышал я голос Эльхлеппа на другом конце провода.

Быстро побрившись, я направился в оперативный отдел. На улице резкий ветер обжигал лицо, пронизывал насквозь. Пушинки снега садились на сукно шинели или таяли на щеках и подбородке. В комнате Шмидта от большой беленой печки, какие бывают в крестьянских избах, шло приятное тепло. Командующий армией вместе с начальником штаба, начальниками оперативного и разведывательного отделов стоял перед картой, висевшей на стене. Шел разбор новой обстановки. С напряженным вниманием следил я за тем, как наносятся последние данные на карту.

В районе действий 4-й танковой армии была проведена жирная красная стрела, прорезавшая в центре передний край. Советская Армия вступила в бой и на южном направлении *.

Паулюс подвел итоги:

— Сегодня рано утром после сильной артиллерийской подготовки противник атаковал позиции 4-й танковой армии и 4-й румынской армии. В данный момент положение там еще неясно. С севера Красная Армия продолжала наступать. Ее левое крыло продвигается в юго-восточном направлении на Верхне-Бузиновку. Мы должны считаться с тем, что через несколько часов XI армейскому корпусу будет отрезана дорога на юг. Наиболее серьезная угроза создана для железнодорожной ветки Морозовская — станция Чир.

Вот мы и влипли! Советское верховное командование начало замыкать клещи. Мы попытались этому воспрепятствовать контрнаступлением XIV и XXXXVIII танковых корпусов. Но если эта попытка не удастся? Если наши танковые соединения слишком слабы? Что тогда?

Тогда противник стянет петлю и 6-я армия окажется в котле.

Генерал подает рапорт о болезни

Беспокойно шагал я по своей комнате — три шага вперед, три шага назад. Как ни пытался я овладеть собой, мои мысли снова и снова возвращались к оперативной

карте. Как грозные призраки, вставали перед глазами красные стрелы наступающего противника. Если их мысленно продлить, они сойдутся у Калача. Господи боже, что делать? Поспеют ли вовремя наши танковые полки, смогут ли предотвратить угрозу с тыла 6-й армии?

Ответ был получен быстрее, чем мне бы этого хотелось.

Паулюс вызвал меня к себе. Его комната была буквально пропитана табачным дымом. Пепельница на столе до краев заполнена окурками. Рядом стояла нетронутая чашка черного кофе. Командующий как раз закурил очередную сигарету.

— Вам известно, Адам, что генерал-майор Беслер несколько дней назад принял 14-ю танковую дивизию. Однако сегодня он подал рапорт о болезни, заявил, что его старая болезнь сердца обострилась. Он просит разрешения вернуться на родину. Я дал согласие. Командир, который при такой ситуации рапортует о болезни, непригоден и является обузой для армии.

— Этот упитанный господин мне показался несимпатичным уже при первой встрече, — ответил я. — Тем не менее я не мог предполагать, что в такой опасный момент он бросит свою часть на произвол судьбы. Ведь это дезертирство.

— Пусть в этом разбирается командование группы армий. Я информировал о происшедшем. Генерал Беслер так спешил, что, наверное, скоро там будет. Начальник оперативного отдела 14-танковой дивизии доложил Шмидту, что Беслер уже находится в своей машине на пути к станции Чир. Он даже не счел необходимым дождаться прибытия своего преемника. Какой позор, что такое ничтожество носит звание генерала!

— Беслер не просто офицер, забывший свой долг. Уже позавчера, при первом соприкосновении с противником, его обуял страх, и он не отдал никаких распоряжений для того, чтобы избавить свои войска от излишних жертв. Офицер связи 14-й танковой дивизии рассказал мне, что по этому поводу произошло резкое столкновение между Беслером и его начальником оперативного отдела. Я не верю, что Беслер болен. На языке солдат это называется трусостью. Он дрожит за свою жизнь.

— Посмотрим, что покажет расследование. Управление кадров этим займется. Кого вы рекомендуете назначить

преемником Беслера? Этот вопрос должен быть решен немедленно.

— Если генерал-майор Шмидт согласен, я предлагаю полковника Латтмана, командира артиллерийского полка 16-й танковой дивизии. Считаю его одним из самых способных офицеров нашей армии. Он умен, гибок, осмотрителен и энергичен. К тому же Латтман знает бронетанковые силы досконально. Это особенно важно в такой сложной ситуации.

После того как Шмидт одобрил мое предложение, Паулюс также дал свое согласие. По телеграфу было запрошено согласие управления кадров на замену командования 14-й танковой дивизии.

Через несколько часов полковник Латтман явился в штаб армии в Голубинский. Начальник штаба объяснил ему обстановку. Не приходилось завидовать новому командиру дивизии в связи с поставленной перед ним задачей. 14-я танковая дивизия уже понесла в предшествующих боях тяжелые потери. А главное — артиллерийский полк был буквально разгромлен танками противника.

Часы тревоги и неопределенности

Мы переживали тревожные дни. Носились самые различные слухи. Никто не знал, откуда они взялись. Никто не знал, что в них верно. Действительно ли противник отрезал путь по шоссе по правому берегу Дона к станции Чир? Верно ли, что он достиг железнодорожной ветки от Морозовской к Дону и что 4-я танковая армия разгромлена? Какие меры приняло Главное командование сухопутных сил для того, чтобы ликвидировать угрозу армии с тыла? Где находится XXXXVIII танковый корпус? Перешел ли он в наступление? С какими результатами?

Наши нервы были напряжены до крайности. Наконец вечером 20 ноября мы кое-что узнали о положении у нашего левого соседа — 4-й танковой армии. Противник прорвал с юга немецкую оборону и продвинулся к Дону. Командование группы армий выделило 29-ю моторизованную дивизию, чтобы закрыть брешь, но дивизия не смогла противостоять натиску советских войск. IV армейский корпус и 20-я румынская пехотная дивизия отступили

и теперь сражались фронтом на юг. О прочих находившихся на юге румынских дивизиях ничего не было известно. По последним донесениям, советские танки подошли непосредственно к командному пункту 4-й танковой армии.

Какой оборот приняло дело? Зияющая брешь на нашем левом фланге, а теперь еще и на правом...

Противник прорывался все большими силами сквозь наш фронт, взломанный в нескольких местах. Передовые части его наступающих войск быстро сближались. А у нас не было никаких резервов для того, чтобы предотвратить смертельную угрозу.

Из штаба группы армий стало известно, что контратака слабого XXXXVIII танкового корпуса генерал-лейтенанта Гейма была сразу же отбита. Наши воздушные силы, которым, вероятно, удалось бы облегчить положение, не могли из-за метели вести боевые действия. Советские танковые соединения, наступавшие с севера, достигнув долины реки Лиска, повернули на юго-восток, на Калач. Соседние же соединения продолжали выдвижение на юг, что поставило под прямую угрозу единственную коммуникацию снабжения — железную дорогу, идущую с запада через Морозовскую к Дону и к станции Чир *. Перед противником уже был почти открыт путь на юг вплоть до устья Дона у Азовского моря. Это означает, что советские войска вот-вот выйдут в тыл группы армий «А», состоявшей из 1-й танковой и 17-й армий и действовавшей на Кавказе. Стало ясно, что нас ждет страшная катастрофа, если германское командование не будет действовать быстро и эффективно **.

Паулюс снова предлагает оставить Сталинград

Что было делать в сложившейся ситуации? Паулюс представил Главному командованию сухопутных сил предложение оставить Сталинград, армии пробиваться на юго-запад и таким образом избежать окружения. Группа армий «Б» поддержала перед ставкой Гитлера предложение Паулюса.

В ожидании ответа минуты казались часами, часы — вечностью. Тем временем наши попавшие под удар войска

вели ожесточенные бои, не будучи в состоянии остановить противника.

Части тыловых соединений при приближении танков с красной пятикопечной звездой бежали в дикой панике на восток.

Все же командование 6-й армии и группы армий «Б» послушно ожидало решения верховного главнокомандующего. Вечером наконец прибыла долгожданная телеграмма. Прорыв из окружения не был разрешен. Надлежало удерживать Сталинград — такова была воля Гитлера и генерального штаба. Паулюс, Шмидт, все мы, то есть те, кто, занимая высокие командные посты, имел представление о катастрофическом положении 6-й армии, испытали горькое разочарование. Но все мы повиновались.

Ночью генерал-майор Шмидт осведомил начальников всех отделов о последних событиях. Поступили новые угрожающие известия: подтвердилось, что 3-я румынская армия полностью разгромлена. Брешь в нашем левом фланге увеличилась. XI армейский корпус и 14-я танковая дивизия истекали кровью в оборонительных боях. 4-я танковая армия была рассечена, ее штаб бежал на запад. Тыловые службы всех частей бежали, преследуемые советскими танковыми клиньями. Как скоро противник может оказаться у Голубинского?

В связи с такой проблемой, а следовательно, реальной угрозой для командного пункта армии возникла неотложная необходимость перевести его в другое место. В Голубинском командование армией больше не находилось в безопасности. Поэтому Шмидт в согласии с Паулюсом назначил перенесение командного пункта на 21 ноября.

До рассвета связки с секретными делами и ненужными документами сжигались на кострах. Но и сейчас Красная Армия не оставляла нас в покое. Внезапно несколько штабных грузовиков примчались в деревню. Они должны были проехать по дороге по правому берегу Дона через станцию Чир к Нижне-Чирской. Однако, удалившись от Голубинского на несколько километров, они якобы натолкнулись на отряды противника.

Мы допускали, что советские войска готовят нам всяческие сюрпризы. Но это сообщение мы сочли чистой фантазией. Начальник оперативного отдела полковник Эльхлеп заметил:

— От страха им померещились привидения.

Но это были не привидения. Ясность внесла тотчас же снаряженная Шмидтом моторизованная разведка под командованием офицера. Несколько легковых вездеходов и мотоциклов с погашенными огнями и приглушенными моторами медленно продвигались к югу. Не прошло и часа, как они вернулись, и командир дозора доложил, что красные танки действительно стоят на правом берегу Дона, не более чем в 20 километрах южнее Голубинского *. Таким образом, был отрезан кратчайший путь к новому командному пункту в Нижне-Чирской. В смутном настроении мы усилили караулы. Несколько противотанковых орудий заняли позиции на дороге, идущей вдоль Дона.

Переход в Нижне-Чирскую

Казалось, и природа ополчилась против нас. В ночь с 20 на 21 ноября ртуть в термометре упала до минус 20 градусов. Оттаявшая за день снежная пелена превратилась в ледяную корку. Дорога, связывавшая Голубинский с шоссе, идущим вдоль Дона, стала гладкой, как зеркало. Жутко было думать о том, что нашим тяжелым машинам придется взбираться по этому крутому склону. Но пока до этого дело еще не дошло.

Паулюс решил организовать между Доном и Волгой передовой командный пункт армии, чтобы обеспечить надежное и бесперебойное руководство войсками. Там должны были расположиться начальники оперативного и разведывательного отделов и один квартирмейстер с соответствующими офицерами связи и транспортом. Этот командный пункт решено было расположить западнее Гумрака, близ станции.

Ранним утром в Голубинский прибыл генерал Хубе, командир XIV танкового корпуса, со своим штабом. Он доложил, что танковые части 16-й и 24-й танковых дивизий сняты с фронта и во второй половине дня или вечером выйдут к Дону. Это известие вселило во всех нас бодрость. К Хубе относились в штабе с большим уважением. Ведь это он однажды в августе пробился со своей 16-й танковой дивизией через вражеский фронт от Дона к Волге. Конечно, я знал, что танки понесли в боях за го-

род большие потери. Но словно утопающий, хватающийся за соломинку, я возлагал мои надежды на Хубе.

Паулюс охарактеризовал командиру корпуса обстановку на западном берегу Дона. Затем он объяснил ему его задачу: танковыми полками 14-й, 16-й и 24-й танковых дивизий атаковать с фланга продвигающегося на юг противника. Это должно было устранить угрозу 6-й армии с тыла. Штаб XIV танкового корпуса занял наш командный пункт в Голубинском. Телеграфная и телефонная сеть не была свернута, так что штаб корпуса сохранил связь со всеми корпусными и дивизионными штабами, а также с новым командным пунктом армии.

21 ноября около полудня я проводил Паулюса и Шмидта на аэродром в Голубинском. Там стояли только два «шторха», которые должны были доставить генералов и их личных адъютантов на новый командный пункт. Все остальные самолеты из эскадрильи связи штаба армии перебазировались в Нижне-Чирскую. Пожимая мне руку на прощанье, Паулюс добавил:

— Тотчас же отправляйтесь в путь. Вы должны перебраться через Дон у Перепольного и двигаться по восточному берегу к югу. Самое позднее завтра утром мы увидимся в Нижне-Чирской.

Лишь только самолеты оторвались от земли, как с придонских высот был открыт сильный огонь. «Будем надеяться, что все сойдет благополучно, — подумал я. — Ведь «шторхи» могут лететь только на небольшой высоте».

Но надо было спешить. Легковая машина доставила меня обратно в деревню. Все штабное имущество уже было погружено на несколько десятков автомашин. Ввиду близости противника я счел целесообразным образовать пять колонн. Каждая из них находилась под командованием начальника отдела, в том числе начальника инженерной службы армии полковника Зелле и начальника связи полковника Арнольда. Я возглавил пятую колонну. Мы предполагали после перехода через Дон собраться в Песковатке у штаба VIII армейского корпуса и оттуда вместе двинуться дальше.

С трудом поднялись мы по обледенелой дороге на крутой берег. Иногда водители и команды должны были помогать друг другу. В конце концов все машины преодолели подъем. Сначала шоссе на высоком берегу Дона было почти пусто. Мы быстро двигались вперед. Но по

мере приближения к мосту у Перепольного мы продвигались все медленнее. Все чаще загромождали путь опрокинутые машины или повозки. Сплошь да рядом ящики всех видов и различных размеров лежали посередине дороги, и мы были вынуждены объезжать их. Винтовки, стальные каски, а также несколько разбитых орудий и даже два-три танка с опознавательными знаками вермахта обозначили путь отступления румынских и немецких соединений. Все здесь говорило о бегстве. На шоссе въезжали машины с запада. Они старались на него выбраться всюду, где только открывался малейший просвет между машинами, шедшими по шоссе, так что было почти невозможно сохранить построение собственной колонны. Вблизи от моста беспорядок угрожал перерасти в хаос.

Наступила ночь. С потушенными фарами наши машины медленно двигались на второй скорости. Вдруг крик и ругань на дороге. Потом все остановилось. Когда я вышел из машины, чтобы выяснить причину затора, я встретил полковника Зелле. Он выступил со своей колонной на полчаса раньше меня. Я предполагал, что он уже на восточном берегу. Зелле пытался вместе со своим спутником капитаном Готтсманом ликвидировать пробку. Это было нелегко, ведь мы столкнулись с двигавшейся навстречу 16-й танковой дивизией. Ее стальные гиганты пересекали Дон с востока на запад, чтобы занять исходный район, указанный командованием армии. Непосредственной причиной пробки явился танк, который забуксовал на абсолютно обледенелой дороге и встал поперек пути. Зелле чуть-чуть не доехал до этого места. Капитан Готтсман как раз выходил из своей машины, когда подошел следующий танк, который тоже забуксовал; нога капитана попала под гусеницу, и его ранило так тяжело, что он вскоре скончался.

После этого происшествия мы медленно тронулись дальше по ледяному покрову. Только через много часов мы перевели все машины через мост. После краткого отдыха в штабе VIII армейского корпуса, в ожидании пока все колонны соберутся, мы двинулись на юг по восточному берегу Дона.

Степь запорошило свежевыпавшим снегом. Он покрыл и дорогу, так что колоннам пришлось двигаться вперед по компасу. Около 5 часов утра 22 ноября мы проехали через Калач. За исключением нескольких караульных

постов, все было погружено в глубокий сон, словно противник был совсем далеко. Глубокая тишина еще царила и в деревне, расположенной немного дальше к юго-востоку, где помещался отдел снабжения армии. Совершенно замерзшие, мы там отдыхали в течение часа, наслаждались комнатным теплом, горячим кофе и — как особым лакомством — свежеиспеченным хлебом.

Я приказал разбудить обер-квартирмейстера. Выяснилось, что он вообще не сознавал, какое сложилось опасное положение. Теперь он забил тревогу и принимал меры для передислокации. Но это было легче сказать, чем сделать. Для переброски складов с продовольствием, обмундированием и полевой почты нужны были тысячи тонн транспортных средств. Через два дня я узнал, что многое пришлось уничтожить.

От отдела снабжения армии до моста через Дон у Нижне-Чирской было уже недалеко. Но то, что мы теперь пережили, превзошло все, что было раньше. Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили.

В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза — ведь верхом на выпряженных лошадях можно было быстрей двигаться вперед. Дикий хаос царил в Верхне-Чирской. К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб XI армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга. Все бежали в Нижне-Чирскую.

Паулюс и Шмидт вылетают в котел

22 ноября около 9 часов я прибыл с последними колоннами в Нижне-Чирскую и доложил Паулюсу, что приказ

о перенесении командного пункта выполнен. Он как раз сидел вместе с генерал-полковником Готом, командующим 4-й танковой армией. Оба командующих и несколько офицеров из их штабов обсуждали обстановку.

Вскоре я вновь должен был явиться в комнату, где происходило совещание. От Гитлера была получена радиограмма, которую я передал Паулюсу. Он прочел вслух краткий текст. Гот со своим штабом отзывался для выполнения других задач. Паулюсу и Шмидту был дан приказ немедленно вылететь в пределы образующегося котла и разместить командный пункт армии вблизи станции Гумрак.

На всех лицах отразилось изумление. В то время как Гот, видимо, был рад, что он избавлен от решения трудных вопросов, Паулюс и Шмидт глубоко задумались. Это не удивительно: ведь верховное командование в создавшемся катастрофическом положении возложило на них огромную ответственность. Опять поступили новые тревожные известия; XIV танковый корпус под командованием генерала Хубе, который должен был приостановить продвижение противника, атаковав его с фланга, уже почти вовсе не имел горючего. Не приходилось и думать о наступлении, корпус не мог удержать свои позиции, и противник оттеснил его к востоку от Дона, как и XI армейский корпус. Важный в стратегическом отношении мост через Дон у Калача был отдан без боя*. Путь на юг — предположительный путь отступления 6-й армии — в значительной мере находился в руках противника. Всего несколько километров отделяло его передовые отряды от Калача. Не было силы, способной его остановить. Мы должны были считаться с тем, что котел замкнется уже в течение этого дня.

— Счастья в бою, — пожелал при прощании генерал-полковник Гот генералу Паулюсу. Это было более чем сомнительное пожелание в этой проклятой ситуации.

«Физелер-шторх» уже ждал Паулюса и Шмидта. Перед самым отлетом командующий позвал меня к себе в комнату.

— Теперь мы должны расстаться, Адам. Не знаю, когда мы снова увидимся. В качестве старшего офицера вы возглавите штаб. Как только Красная Армия достигнет нижнего течения реки Чир, переведите штаб через

Тормосин Морозовскую и объединитесь там с управлением тыла армии, которое уже выехало туда.

Я проводил Паулюса и Шмидта до аэродрома, который был расположен на краю города. Мы молча простились, и они сели в самолет.

Пропеллеры завертелись, перешли на полные обороты. Самолеты покатились, оторвались от земли, легли курсом на восток, перелетели Дон и быстро скрылись за противоположным лесистым берегом.

Чтобы проехать пять или шесть километров до моего штаба, потребовалось более часа. Автомобиль еле двигался, пробиваясь по улицам, забитым людьми и всевозможным транспортом. Нижне-Чирская превратилась в армейский лагерь.

С быстротой молнии распространилась весть о том, что здесь разместился штаб армии. Где штаб армии, там безопасно — так думали тысячи солдат и оставались в маленьком казацком городке на реке Чир.

Мы создаем боевые группы из отставших солдат

Вечером я связался по телефону с комендатом станции Чир.

— Что вам известно о противнике? Где находятся его передовые части?

— К сожалению, я не могу этого сказать, господин полковник. Со мной осталось всего несколько сотрудников, все прочие отступили вместе с нагруженными машинами. Здесь на складах еще есть несколько сот тонн продовольствия, снаряжения и горючего. Не знаю, как я их отправлю отсюда. У меня мало машин.

— Здесь застряли сотни грузовиков. Попытаюсь часть послать вам. При всех обстоятельствах держите со мной связь. Если произойдет что-либо новое, прошу немедленно сообщить. В Верхне-Чирской расположена боевая группа полковника Микоша. Присоединитесь к ней, если противник вас вытеснит со станции. Но обязательно заберите с собой все оружие, все пулеметы.

Только я положил трубку, как телефон зазвонил снова. Я обрадовался, услышав голос Паулюса.

— Мы благополучно приземлились. Как дела у вас?

— Станция Чир еще в наших руках. В Нижне-Чирской тысячи машин загромождают улицы. Но я удивлен, господин генерал, что мы с вами имеем возможность разговаривать по телефону. Ведь провод тянется через район, который русские уже захватили во многих местах.

— Может быть, они его не обнаружили, а может быть, хотят засечь разговоры. Держите с нами связь по радио. Всего доброго. Конец.

Ко мне явились полковник Абрагам и капитан Гебель. Они доложили о прибытии офицерской школы, которую я вызвал в Нижне-Чирскую.

Снова зазвонил телефон. Полковник Винтер, начальник оперативного отдела штаба группы армий «Б», осведомлялся о положении на нижнем течении реки Чир. От него я узнал также, что в районе Верхне-Чирской, восточнее Морозовска, уже не было ни одного немецкого солдата. Это было крайне неприятно. Надо было немедленно что-то предпринять. Я предложил из скопившихся здесь солдат образовать боевую группу для обеспечения Нижне-Чирской и плацдарма восточнее Дона у Верхне-Чирской. Ядро группы должна была составить офицерская школа. Винтер полностью согласился. Правда, ночью я уже мало что мог сделать. Поэтому я поручил капитану Гебелю выслать усиленные разведывательные отряды в северном направлении вплоть до станции Чир и на северо-запад до впадения реки Лиски в реку Чир, установить связь с полковником Микошем и организовать охрану Нижне-Чирской. Коменданту города было приказано собрать колонну грузовиков и направить ее на станцию Чир.

Около 23 часов группа армий снова вызвала меня по телефону и передала следующий приказ: «Подготовить силами боевых групп оборону плацдарма к востоку от Дона и железнодорожной линии, чтобы обеспечить 6-й армии после оставления Сталинграда отход в южном направлении».

Я облегченно вздохнул. Итак, командование группы армий все же рассчитывало получить от главного командования сухопутных сил приказ на прорыв из окружения. Тотчас же я вызвал к себе офицеров штаба, чтобы обсудить мероприятия на 23 ноября. Прежде всего нужно было ликвидировать пробку, созданную транспортом на улицах Нижне-Чирской. Для выполнения этой задачи

были командированы все офицеры штаба и комендатуры города. Одновременно было приказано всех тыловиков — солдат и офицеров, за исключением водителей, снабдить оружием и боеприпасами и направить на сборный пункт у школы. Там их разделят на отряды.

Наконец наступила тишина. Смертельно усталый, я прилег на матрац, но не мог заснуть. Снова ожили в памяти события последних трех дней. В глубине души я проклинал Гитлера и генеральный штаб. Это они нас довели до такого безвыходного положения, потому что они отмахивались от всех предложений и предостережений командования армии. Основная предпосылка успешного руководства войсками — правильная оценка противника. Верховное командование нарушило этот принцип самым безответственным и легкомысленным образом *. Что, в сущности, можно было теперь предпринять, когда армия фактически уже находится в окружении? Только одно — прорываться на юго-запад. А пока необходимо удержать плацдарм над Доном восточнее Нижне-Чирской.

Я твердо решил с наступлением дня употребить все силы для достижения этой цели.

Гитлер приказывает удержать город на Волге

Снова зазвонил телефон. Начальник оперативного отдела группы армий требовал данных о положении на нижнем Чире.

— Пока без перемен, — ответил я. — А как обстоят дела на других участках нашей армии?

— XI армейский корпус и XIV танковый корпус сражаются, имея в тылу Дон, IV армейский корпус, опираясь на Сталинград, отбивает ожесточенные атаки с юга. Прибыв на командный пункт в Гумраке, Паулюс советовался со всеми командирами корпусов, с которыми удалось установить связь. Они единодушно предложили вновь поставить вопрос об отводе 6-й армии за Дон. Группа армий немедленно поддержала это предложение. Но только что поступил ответ из ставки Гитлера. Слушайте внимательно. Согласно приказанию фюрера, 6-я армия должна при всех обстоятельствах удерживать Сталинград и фронт на Волге. Если из-за прорыва на флангах станет необходи-

мой круговая оборона, то, продолжая удерживать Сталинград, организовать круговую оборону. Командный пункт армии должен быть перенесен в район северо-восточнее Калача. IV армейский корпус, 297-я пехотная дивизия, 371-я пехотная дивизия, 29-я моторизованная дивизия 4-й танковой армии передаются 6-й армии!

Полковник Винтер на том конце провода сделал короткую паузу, словно он хотел дать мне время, чтобы я мог освоиться с приказом Гитлера. Затем он продолжал:

— Командование армии немедленно возразило против этого приказа, так как нет возможности осуществить переброску войск, необходимых для образования круговой обороны. Нет свободных частей, необходимых для того, чтобы заполнить бреши на флангах армии, не ясно, можно ли снять части из города, а на вновь образуемом рубеже обороны нет укрепленных позиций, нет там и лесоматериала для устройства позиций и убежищ.

— Этот приказ занять круговую оборону целой армией — безумие, — вырвалось у меня. — А что станется с нашими дивизиями, сражающимися западнее Дона?

— Их следует, по приказу Гитлера, отвести на восток через Дон, — сказал Винтер. — Но независимо от точки зрения генерального штаба сделайте, Адам, все возможное для того, чтобы удержать плацдарм и оборону по реке Чир.

На этом разговор закончился. Ясно, я не пожалею сил для того, чтобы удержать порученный мне участок. Но что ждет фактически окруженные 20 немецких и 2 румынские дивизии? Какая же это все-таки глупость со стороны Главного командования сухопутных сил! А должен ли вообще Паулюс выполнять приказ, отданный Гитлером? Не должен ли он, опираясь на свою неизмеримо большую осведомленность, действовать самостоятельно, прорываться на юго-восток, пока еще не поздно?

Сколько ни думал я над создавшимся положением, в одном я был уверен: Паулюс — до глубины души дисциплинированный и послушный солдат. Он скорей погибнет вместе со своей армией, чем взбунтуется. Генерал Паулюс был мне внутренне весьма близок и как начальник и как человек. Я сочувствовал ему, понимая, какой душевный конфликт он переживает. Я жалел, что в эти тяжелые часы не мог быть вместе с ним на передовом командном пункте под Гумраком.

Телефон зазвонил снова в этот полночный час. Паулюс по все еще не нарушенной линии связи осведомлялся, как у нас обстоят дела и когда штаб армии перейдет в Тормосин. Печально отозвался он на мой доклад:

— Котел уже замкнулся, Адам.

— Но, господин генерал, сюда беспрестанно прибывают отставшие солдаты из района восточнее Дона. Следовательно, кольцо окружения не очень плотное.

— Какая от этого польза, если мы прикованы к городу, — прозвучал горький ответ *.

Из некоторых его слов я уловил, что командование группы армий «Б», разделявшее мнение Паулюса о необходимости прорываться из окружения, не склонно было действовать под собственную ответственность. Более того, оно указало ему на то, что он должен до получения новых директив выполнять приказы Главного командования сухопутных сил.

Станция Чир замолкла

Усталость в конце концов одолела меня. Но недолго длился сон, принесший забвение. Около двух часов ночи меня бесцеремонно разбудили. Передо мной стоял полковник Арнольд, начальник связи армии.

— Комендант станции Чир больше не отвечает. Мои линейные дозоры доносят, что в направлении железной дороги происходит сильная ружейная и пулеметная перестрелка. Пока я еще не знаю подробностей. Оперативная группа Микоша выслала разведку к станции Чир.

Я вскочил со своего матраца.

— Вызвать тотчас же ко мне коменданта Нижне-Чирской и капитана Гебеля.

Я ощутил всю тяжесть ответственности за укрывшихся в городе измученных солдат, за оружие и снаряжение. Ответственность за оказавшуюся под тяжелой угрозой 6-ю армию.

Вызванные ко мне офицеры немедленно явились. Я проинформировал их о последних событиях.

— Капитан Гебель, — сказал я, — немедленно вышлите новую разведку. Я должен безотлагательно узнать, какова обстановка на станции Чир, где находятся передовые отряды противника. Сообщите нашим разведчикам,

что оперативная группа Микоша также ведет разведку в направлении станции Чир.

Коменданту города я приказал усилить караулы у выходов из населенного пункта и разведать местность между городом и станцией.

Из телефонных переговоров с группой Микоша выяснилось, что еще не получены данные разведки. Полковник опасался, как бы не попасть в окружение в связи с продвижением противника на юг. Я осведомил его, что с наступлением дня западнее Верхне-Чирской на равнине, примерно в 2 километрах южнее железной дороги, мы введем в дело усиленную боевую группу. Далее я ему предложил установить тесное взаимодействие с оперативной группой полковника Чекеля на придонском плацдарме. Фланги обеих групп сходились у разрушенного железнодорожного моста через Дон.

Поднять по тревоге штаб армии, доложить обстановку командованию группы армий «Б», организовать разведку и обозначение пути в Тормосин — таковы были мои дальнейшие действия. Тем временем разведка донесла, что противник своими передовыми частями оседлал железнодорожное полотно у станции Чир, а его патрули просочились к югу, хотя и отошли назад, когда с нашей стороны был открыт огонь.

На востоке забрезжил рассвет, занимался новый день, 23 ноября. Офицеры штаба продолжали ликвидировать пробку у южного выхода из города. Угрюмо и неохотно выполняли водители отданные им распоряжения. Настроение мгновенно изменилось, когда один из курсантов офицерской школы вскользь заметил, что русские уже оседлали железную дорогу. Тупое безразличие сменилось лихорадочной деятельностью.

Сильнее приказа был страх — он побуждал действовать молниеносно. Капитан Гебель организовал в школе в Нижне-Чирской сборный пункт для солдат, отбившихся от своих частей. Со всех сторон туда прибывали отряды под командованием курсантов офицерской школы. Они были вооружены и обеспечены боеприпасами, так что сразу можно было формировать роты и батальоны. Преподаватели офицерской школы были назначены командирами батальонов, курсанты — командирами рот и взводов.

Вновь сформированные части немедленно заняли указанные им позиции. К середине дня первые батальоны

уже стояли, готовые к обороне западнее Верхне-Чирской. Командование ими я возложил на капитана Гебеля. Ему, наверное, и во сне не снилось, что придется командовать таким пестрым, наскоро сколоченным отрядом. В основной массе это были солдаты из службы тыла, полевой почты, строительной организации Тодта. К ним присоединилось небольшое количество солдат, отставших от тех дивизий, которые подверглись удару советских войск, а также солдаты-отпускники. Они были вооружены винтовками, пистолетами и тремя ручными пулеметами. Особенной бодрости это не внушало. Но все они стремились помочь своим товарищам, оказавшимся в окружении в районе между Волгой и Доном. Известие о том, что котел замкнулся, подтвердил мне квартирмейстер 6-й армии капитан генерального штаба Тюмплинг. Он участвовал в оборонительных боях под Калачом и, убегая к Дону, наблюдал, как советские клещи сомкнулись восточнее Сталинграда.

За несколько часов стало пусто в Нижне-Чирской. Очистились проезжие дороги. Я передал полковнику Зелле командование штабом и поручил ему перенести штаб в Тормосин, а сам остался в Нижне-Чирской. Теперь моей главной задачей было добыть противотанковые пушки, артиллерию, минометы и танки для боевых групп. Без этого оружия они не могли оказать противнику серьезное сопротивление. Я уже рано утром по телефону приказал нашим мастерским в Тормосине все отремонтированные орудия, танки и пулеметы как можно быстрее, не позднее вечера, доставить в Нижне-Чирскую. Действительно, во второй половине дня стали поступать первые орудия. Полковник Зелле, прибыв в Тормосин, энергично поддержал это мероприятие. Он буквально все дочиста вывез из мастерских, заставил ремонтные отряды работать днем и ночью и почти ежедневно доставлял оружие и боеприпасы.

Подхлестываемые страхом...

Я стремился побывать во всех боевых группах. На легковом вездеходе я проделал в обратном направлении тот путь, по которому прибыл не более суток назад. Уже накануне никак нельзя было сказать, что на дороге сохра-

няется порядок. Но теперь я не находил слов, пораженный тем, какой хаос порожден паническим бегством.

Не прекращался поток солдат, подхлестываемых страхом. К моей машине приблизился отряд, состоявший примерно из двадцати немцев и румын. Все они были без оружия, небриты, в лохмотьях.

— Откуда идете, к какой части принадлежите? — спросил я немецкого унтер-офицера.

— Мы из 4-й танковой армии. Мы отстали от наших частей. Русский следует за нами по пятам, господин полковник.

— Это чепуха. Вы видите, я еду туда, откуда вы пришли. Там уже развернут новый фронт. Почему вы не воюете? Вы что, решили бросить своих товарищей на произвол судьбы? И где вообще ваше оружие?

— Мы водители, господин полковник. Наше оружие в машинах.

— А где машины?

— Мы были вынуждены их оставить в одной деревне. Иначе мы бы не выбрались. Повсюду уже русские. Уже два дня мы голодаем.

— Явитесь к коменданту Нижне-Чирской, это вон то селение за лесом. Там вас накормят. И выспитесь прежде всего как следует, тогда все предстанет в другом свете.

Они провожали меня удивленными взглядами, когда моя машина вновь двинулась по направлению к Верхне-Чирской. Видимо, им было непонятно, как можно ехать навстречу страшной опасности. А я не понимал, как могли так быстро пасть духом немецкие войска, как случилось, что так безвольно отступили те самые солдаты, которые всего несколько месяцев назад, уверенные в победе, шествовали по донским степям. Был ли это страх за собственную жизнь? Или боязнь плена? Усомнились ли они, наконец, в самом смысле войны?

Оборона без тяжелого оружия

В Верхне-Чирской я встретил полковника Микоша. Его боевая группа развернулась всего на расстоянии около полутора километров от противника. Но ее землянки и окопы были хорошо оборудованы. Солдаты по очереди

могли поспать в домах, расположенных за линией фронта, которые, однако, то и дело обстреливались из «катюш». А у Микоша не было ни одного орудия или миномета для того, чтобы отвечать противнику. Еще более серьезным было положение боевой группы полковника Чекеля на придонском плацдарме, которую я вслед за этим посетил. Она окопалась на опушке леса, и ее то и дело атаковали небольшие советские подразделения, не дававшие солдатам покоя. Отсутствие тяжелого оружия было для них еще опаснее, чем для Микоша.

— Без артиллерийской поддержки, — заметил полковник Чекель, — мы здесь долго не продержимся. Нам необходимо хотя бы несколько танков.

— Мастерские в Тормосине направят в Нижне-Чирскую все исправные тяжелые орудия, подвезут боеприпасы. Я надеюсь вам завтра кое-чем помочь, — утешал я его, добавив еще несколько слов о предпринятых утром оборонительных мерах. Затем я отправился дальше к вновь созданной боевой группе Гебеля. В соответствии с отданным приказом она окопалась западнее Верхне-Чирской, километрах в двух южнее железной дороги.

Отряд капитана Гебеля численностью примерно 150 человек имел только одну полевую кухню. Этого, конечно, было далеко не достаточно. Но множество полевых кухонь находилось на дороге, по которой отступали войска. Я разрешил Гебелю забирать оттуда все, что ему может пригодиться: машины, снаряжение, боеприпасы и оружие. Что-то подозрительное происходило на его левом фланге. Куда бы его разведка ни направлялась, ей нигде не удавалось обнаружить хотя бы одного немецкого солдата.

Противнику достаточно ночью продвинуться вон по той дороге вдоль реки Чир, и мы окажемся в ловушке, господин полковник.

— Сейчас же после моего возвращения я запрошу у группы армий подкрепления. Вы немедленно получите от меня ответ... Есть ли у вас связь с Нижне-Чирской?

— Есть, господин полковник. Только что я говорил с дежурным.

Несколько успокоенный, я возвратился назад. Конечно, без тяжелого оружия положение у нас отвратительное. Но если бы противник хотя бы на несколько дней оставил нас в покое, мы могли бы укрепить полосу обороны.

Я считал целесообразным, чтобы все три боевые группы находились под единым командованием. Это усилило бы их боеспособность в случае наступления русских. Я решил в тот же день переговорить об этом с командованием группы армий.

За время моего отсутствия наш офицер, преподаватель военного училища в Суворовском, сформировал еще шесть рот из отставших солдат. Я их тотчас же под его командованием отправил на передовую. Во взаимодействии с боевой группой капитана Гебеля они обеспечивали по обе стороны Чира дороги, идущие вдоль реки. Так был усилен еще один опасный участок обороны. Мало-помалу бремя забот становилось легче.

Фронт получил еще и другую желанную помощь. Комендант города доложил, что 22 ноября прибыли в Нижне-Чирскую полностью укомплектованная ротная хлебопекарня и взвод полевой скотобойни. Они удрали от танков противника, что при создавшемся положении трудно было поставить им в вину. Обе эти части я сразу же включил в состав боевых групп.

Командир боевых групп на реке Чир

У меня состоялся еще один разговор с группой армий «Б». Связь была установлена в течение нескольких минут. Полковник Винтер подошел к аппарату. Я доложил ему о том, что ввел в дело 18 рот западнее Верхне-Чирской, а также о других принятых мной мерах.

— Пока противник еще не оседлал железную дорогу, идущую на юг. Я объезжал сегодня все боевые группы. Наша самая большая беда — это то, что у нас почти вовсе нет тяжелого оружия. Чревато осложнениями и то, что три боевые группы не находятся под единым командованием. Я предлагаю объединить их в дивизионную боевую группу.

— Согласен. Кто примет командование боевой группой?

— Здесь у меня находится полковник Абрагам из 76-й пехотной дивизии. Месяц назад мы отозвали его с фронта по болезни. Теперь он вполне здоров. Я считаю, что он совершенно подходит.

— Согласен. Вы знаете Абрагама лучше, чем я. Но без работоспособного штаба он будет беспомощен.

— Здесь расположился штаб командующего артиллерией армии. Генерала здесь нет, так что штаб может в полном составе перейти к Абрагаму. Могу я соответственно распорядиться?

— Разумеется, Адам. Есть у вас еще вопросы?

— Еще бы! Как обстоят дела на участке левее нас? Разведка доносит, что там нет ни одного немецкого солдата.

— Это, к сожалению, верно. Фронт прорван на ширину в несколько сот километров. Мы еще не знаем, как закрыть эту гигантскую брешь. Если у меня где-нибудь освободится дивизия, я ее разверну слева от вас. До этого придется действовать боевыми группами, сформированными из остатков отступивших частей.

— Это плохие перспективы. Если бы мы имели по крайней мере противотанковые средства с достаточным количеством боеприпасов и несколько десятков пехотных офицеров. Большинством рот командуют унтер-офицеры.

Я учел ваши пожелания. Мы поможем, насколько это в наших силах. Но вы ведь знаете, что и нам трудно заткнуть все дыры. Кстати, где вы намерены расположить свой командный пункт? В Нижне-Чирской опасно оставаться.

— Наш штаб я сегодня перенес в Тормосин. Я лично остаюсь здесь, пока мало-мальски не стабилизируется положение на Чире и придонском плацдарме.

После этой беседы я вызвал к себе полковника Абрагама, осведомил его о предложении принять командование вновь созданной дивизионной группой и сообщил ему, что штаб группы армий одобрил этот шаг. К моему величайшему изумлению, он отказался, ссылаясь на болезнь. Редко когда я так разочаровывался в товарище, как в Абрагаме. От простых солдат мы требовали, чтобы они отдавали последние силы, а как поступил кадровый офицер и командир полка? Он ссылался на болезнь, хотя за последние недели его пребывания в Суворовском нельзя было заметить никаких признаков нездоровья. Поведение моего старого сослуживца я оценил как шкурничество. И ничего не менялось оттого, что Абрагам представил врачебное свидетельство. Тем не менее я должен был с этим считаться согласно уставу.

Без колебаний я решил, что сам приму командование боевой группой. Генерал Паулюс, с которым у меня, как

ни странно, все еще сохранялась проводная связь, одобрил мое решение.

— Обеспечьте мне путь к отступлению, Адам, — сказал Паулюс. — Главное командование сухопутных сил должно разрешить прорыв из окружения, если оно не окончательно потеряло рассудок.

Командование группы армий «Б» также дало свое согласие. Его оперативный отдел сообщил мне, что по приказу генерала фон Зоденштерна, начальника штаба группы армий, я подчиняюсь непосредственно группе армий впредь до новых распоряжений.

Я собрал штаб командующего артиллерии армии, распределил обязанности, отдал целый ряд приказов, обеспечивавших четкую организацию боевых групп. Оставшись снова один, я на несколько минут дал волю своим мыслям. Уже было темно. Настольная электрическая лампа отбрасывала светлый круг, касавшийся своим внешним краем окон на улицу, покрытых толстым слоем льда. Был свирепый мороз, уже днем термометр показывал 15 градусов ниже нуля. Ночью мороз может дойти до 25 градусов. А войска находились на позициях без зимнего обмундирования, в степи под пронизывающим ледяным ветром. Имеет ли вообще смысл с таким наскоро сколоченным отрядом, без противотанковых средств, без артиллерии, без минометов, без танков, даже без достаточного числа пулеметов попытаться создать оборонительную линию, которую в ее теперешнем состоянии сломит любая сильная атака противника? Разве это не значило бессмысленно жертвовать солдатами? Но я помнил последний телефонный разговор с Паулюсом: «Обеспечьте мне путь к отступлению, Адам». Да, я должен сделать все от меня зависящее, чтобы сохранить эту возможность для попавших в котел 22 дивизий. В этом теперь состоит мой высший долг, такова неотложная задача. Дело идет о жизни и смерти почти четверти миллиона людей, попавших в окружение. Я тоже за них отвечаю. Поэтому прочь все сомнения, надо сосредоточить все силы, чтобы обеспечить обороноспособность боевых групп.

Укрепившись после мучительной внутренней борьбы в своем решении, я как будто дал толчок силам, действовавшим вовне. Офицер штаба доложил мне о прибытии тяжелого оружия из Тормосина: два зенитных орудия калибра 88 миллиметров, четыре гаубицы калибра

105 миллиметров и четыре противотанковые пушки калибра 55 миллиметров. На следующий день должны были прибыть танки. Настроение у меня поднялось: если нас поддержит и группа армий, мы остановим противника.

В ночь на 24 ноября капитан Гебель донес об оживленной деятельности советской разведки. В последующие дни противник несколько раз атаковал нас небольшими силами. Он, несомненно, прощупывал силы нашей обороны. Постепенно советские атаки становились все более чувствительными, бои упорнее, а наши потери серьезнее.

Назначение фон Манштейна

Вскоре после начала контрнаступления Красной Армии Главное командование сухопутных сил осуществило некоторые организационные мероприятия, касающиеся войск, сражавшихся на Дону и в Сталинграде. 6-я армия, боевые группы на Чире и остатки 3-й румынской армии составили новую группу армий «Дон», которой предстояло действовать между группами армий «А» и «Б» *. Командующим группой армий «Дон» 28 ноября был назначен генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Моя боевая группа была подчинена XXXXVIII танковому корпусу, штаб которого был перенесен в Тормосин. Этот корпус под командованием генерал-лейтенанта Гейма к началу наступления был расположен в тылу 3-й румынской армии и должен был остановить наступление противника. Генерал Паулюс мне не раз говорил, что считает это одной из опаснейших иллюзий Главного командования сухопутных сил. И действительно, разразилась беда. Обе значительно ослабленные дивизии Гейма были окружены. С небольшими остатками своих войск ему удалось пробиться на запад. Гитлер сделал его козлом отпущения и снял с занимаемого поста. Несмотря на то что его дивизиям явно недоставало боевого опыта, техники и численности, на фон Гейма взвалили вину и за советский прорыв. Генерал был изгнан из вермахта, но, впрочем, позднее реабилитирован. Его преемником стал генерал танковых войск фон Кнобельсдорф, который 1 декабря прибыл в Тормосин.

Одними этими организационными изменениями и перестановкой военачальников, конечно, нельзя было улучшить положение на опасных участках. На всем чирском фронте от устья реки до ее верховьев обстановка постепенно становилась катастрофической. Достаточно было бы противнику атаковать более крупными силами, и наши боевые группы не могли бы противостоять напору. Советские войска все глубже вклинивались на различных участках нашей обороны. Мы нуждались в немедленном подкреплении.

В начале декабря левее моей боевой группы заняла позицию 336-я пехотная дивизия. Кроме того, мне подчинили несколько рот авиаполевой дивизии. Они были превосходно вооружены и снаряжены, а главное — у них было то, о чем больше всего мечтали наши солдаты: зимнее обмундирование. Понятно, что настроение моих пехотинцев не могло улучшиться, когда они увидели все эти груды шуб, меховых жилетов, меховых шапок, валенок, зимних теплых рукавиц, подбитых ватой маскировочных костюмов, которыми были снабжены солдаты военно-воздушных сил, находившихся под покровительством Геринга. Вдобавок еще они оскандалились в бою. Большинство офицеров держалось заносчиво, хотя не имело никакого представления о боевых действиях пехоты.

Деблокирующая армия Гота

В эти дни меня навестил в Нижне-Чирской генерал фон Кнобельсдорф. Он подтвердил то, что мне уже было известно по слухам: в районе Котельникова, восточнее Дона, готовилась к удару новая 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гота В ближайшие дни она должна была прорвать кольцо окружения и развернуть наступление на широком фронте. Одновременно армейская группа под командованием генерала пехоты Холлидта должна была из района западнее верхнего течения Чира атаковать с фланга противника, наступающего на юг. XXXXVIII танковый корпус под командованием генерала танковых войск фон Кнобельсдорфа вместе с только что прибывшей 11-й танковой дивизией и еще ожидавшимися соединениями должен был насту-

пать с плацдарма восточнее Нижне-Чирской. Командир корпуса получил у нас подробную информацию об обстановке на придонском плацдарме и о расположении войск противника.

Появление немецких танков в непосредственной близости от нас вызвало огромный подъем среди солдат и офицеров. Много дней они вели кровопролитные бои с большими потерями, удерживали в самых тяжелых условиях оборонительную линию против сильного, упорного и мужественно сражающегося противника. У многих моих солдат и офицеров были друзья и родные в котле. Они считали долгом чести внести свой вклад в дело их освобождения. Тем не менее войска чрезвычайно измотались, сдали физически и морально — это было неизбежно. Немалое влияние оказали и просочившиеся сведения относительно того, с каким упрямством Гитлер и Главное командование сухопутных сил отклоняли все разумные предложения о прорыве котла изнутри.

Зачем мы здесь, на берегах Волги, господин полковник?

Каждый день я бывал на переднем крае. Часто меня спрашивали: «Почему мы вообще должны удерживать эти позиции, если армия должна оставаться в котле?» Все чаще беседовал я с пожилым солдатом, участником боев в последний год первой мировой войны. Однажды он сказал мне:

— Господин полковник, я не понимаю, зачем, собственно, мы здесь, на Дону и на Волге. Мне думается, если меня сегодня или завтра укокошат, жена и дети даже не будут знать толком, за что я здесь сражался. Честно говоря, я и сам этого не знаю.

Мне сразу стало ясно, что тут затронут серьезный вопрос. Если подобные настроения распространятся, мы сами себя обезоружим. Этому я должен противодействовать. Я попытался это сделать в следующих словах:

— Подумайте только о наших земляках, попавших в окружение. Если мы не удержим этот плацдарм, если мы сдадим оборонительную линию вдоль Чира, наш основной фронт придется оттянуть назад на многие километры. Тогда не придется и думать, чтобы восстановить

связь с нашими частями в котле. Мы сейчас сражаемся для спасения жизни наших 330 тысяч товарищей.

Мой собеседник молчал. Я сказал после небольшой паузы:

— Я не знаю намерений верховного командования. Но одно во всяком случае ясно: нам нельзя сидеть сложа руки. Это война. Как солдаты, мы должны выполнять свой долг.

В душе я чувствовал себя неловко, давая такой ответ. Он обходил существо вопроса, поставленного солдатом. Зачем мы вообще находились здесь, на берегах Дона и Чира? Почему мы стремились взять Сталинград? Ради чего и здесь и в котле ежедневно сотни, тысячи гибнут или становятся калеками, голодают и замерзают? От этой главной проблемы я пытался своими речами отвлечь собеседника. Но это не было ответом. Эти вопросы терзали и меня, какие бы усилия я ни употреблял, чтобы от них отмахнуться. Правда, они еще не одолели меня окончательно, не побуждали ни к каким выводам. Традиция, представление о долге, сочувствие к товарищам, находившимся в котле, — все это брало верх над голосом разума. К тому же в непосредственной близости от нас началась интенсивная подготовка деблокирующего удара. Это внушало надежду, вызывало подъем. Может быть, в течение двух недель мы справимся с бедой. «Вслед за декабрем всегда приходит снова май» * — таковы были слова солдатской песни, которую, правда, у нас уже никто не пел, но которую почти ежедневно передавали по радио.

Новая атака на реке Чир

Все лихорадочно ждали дня, когда деблокирующая армия нанесет удар. Между тем «май» все еще маячил в недоступной дали. У нас же было лишь начало декабря в буквальном смысле этого слова и соответственно обстояли дела. После того как 336-я пехотная дивизия заняла позиции слева от нас, сильные советские части нанесли удар на ее участке. Дивизия была оттеснена. Этим была создана угроза на нашем левом фланге. Правда, 11-я танковая дивизия восстановила положение. Но тем време-

нем пламя пробилось в другом месте, и его тоже должна была погасить 11-я танковая дивизия. Она и впрямь превратилась во фронтовую «пожарную команду», которая спешила туда, где под натиском противника грозила порваться тонкая нить нашей обороны. Однако в этих дневных и ночных маневренных сражениях она тоже была сильно потрепана. На нашем участке мы ее больше не видели, хотя крайне нуждались в поддержке танков ввиду все более усиливавшихся атак противника. Плохо обстояло дело на придонском плацдарме. Он все больше суживался, чувствовалось, что вскоре придется его очистить. Все это снова значительно ухудшило настроение. Если несколько дней назад прибытие наших танков способствовало подъему духа, то теперь настроение падало быстрее, чем когда-либо раньше. Стало обычным, что солдаты без разрешения покидали свои позиции. Нам доносили об отказах повиноваться. Все были охвачены страхом перед пленом. Офицеры также стремились как можно быстрее выбраться из ловушки.

Тем временем проводная связь с котлом была прервана. Зато непрестанно поступали радиограммы. Генерал-майор Шмидт вызывал офицеров и писарей из штаба. Они летели из Морозовска в котел на самолетах, обеспечивавших его снабжение. Одна из радиограмм начштаба гласила: «Командиру полка связи 6-й армии полковнику Шрадеру немедленно вылететь в котел, ему надлежит заменить заболевшего начальника связи армии». Так как наш штаб тем временем перешел из Тормосина в Морозовск, то я передал радиограмму туда обер-квартирмейстеру армии. Не прошло и часа, как оттуда радировали, что полковник Шрадер рапортовал о болезни. За две недели это был уже третий случай, когда старший офицер 6-й армии в сущности дезертировал *. Начальник штаба генерал-майор Шмидт потребовал, чтобы полковник Шрадер был предан военному суду. Чем это кончилось, я так и не узнал.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 161

* Наступление войск Юго-Западного фронта (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) и правого крыла Донского фронта (командующий генерал К. К. Рокоссовский) началось в 8 часов 50 минут 19 ноября мощной артиллерийской подготовкой, которая продолжалась 1 час 20 минут. Около 3500 орудий и минометов, сосредоточенные на трех узких участках прорыва общим протяжением 28 километров, обрушили свой огонь на врага.

К стр. 162

* Главный удар Юго-Западный фронт наносил силами 5-й танковой и 21-й армий. Противник оказал сопротивление. Особенно упорным оно было в полосе наступления 5-й танковой армии генерала П. Л. Романенко, где гитлеровцы опирались на сильно укрепленные населенные пункты. Но советские войска умелым маневрированием вынуждали противника к отходу, а местами и к паническому бегству. Прорыв вражеской обороны оказался все же трудной задачей, лишь ввод в бой подвижной группы в составе 1-го и 26-го танковых корпусов позволил форсировать продвижение. К 14 часам прорыв был завершен.

К стр. 165

* К утру 20 ноября 26-й танковый корпус генерала А. Г. Родина разгромил части 1-й румынской танковой дивизии и вышел в район Перелазовского. Здесь танкисты уничтожили штаб 5-го армейского румынского корпуса и захватили много пленных, после чего повернули на юго-восток в общем направлении на Калач — Советский.

К стр. 168

* 20 ноября 1942 г. с плацдарма в районе Сарпинских озер нанесли удар войска Сталинградского фронта (командующий генерал А. И. Еременко). Утро было туманным, поэтому армии

фронта переходили в наступление не одновременно, а по мере того как туман на их участках рассеивался. В 8 часов 30 минут после артиллерийской подготовки перешла в наступление 51-я армия генерала Н. И. Труфанова, спустя два часа — 57-я генерала Ф. И. Толбухина, а затем 64-я генерала М. С. Шумилова. Враг также оказал отчаянное сопротивление, но в первый же день оборона была прорвана. Для развития прорыва были введены 13-й, 4-й механизированные и 4-й кавалерийский корпуса. Наращивая темп продвижения, они быстро охватывали с юга 4-ю танковую и 6-ю полевую армии врага. В авангарде в направлении Калач — Советский, навстречу танкистам Юго-Западного фронта, двигался 4-й мехкорпус генерала В. Т. Вольского. (Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, М., 1965, стр. 213.)

К стр. 171

* На юго-восток, в сторону Калача, основные силы Юго-Западного фронта, имея в авангарде 26-й и 4-й танковые корпуса, повернули не с рубежа реки Лиски, а раньше, с рубежа Перелазовский, Свечниковский.

Удар на юг развивали 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова и 8-й кавалерийский корпус генерала М. Д. Борисова. Они и имели задачу перерезать упомянутую Адамом железную дорогу в районе станций Бол. Осиповка, Суровикино, Обливская.

** В данном случае автор несколько сгущает краски. В тот момент угроза выхода советских войск к Азовскому морю была еще проблематичной. Окружение сталинградской группировки не было завершено.

К стр. 173

* Это были танки 4-го танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, который наступал на Калач — Советский левее 26-го танкового корпуса.

К стр. 177

* Мост был захвачен небольшим отрядом под командованием подполковника Г. Н. Филиппова. Танки Филиппова с включенными фарами подошли к переправе. Гитлеровцы, охранявшие мост, приняли их за свои. Советские танкисты, переправившись через реку, уничтожили охрану и захватили мост.

(См. «Битва за Волгу», Волгоград, 1958, стр. 133—134; «История Великой Отечественной войны, 1941—1945», М., 1961, т. 3, стр. 33—34.)

К стр. 180

* Здесь, как и в ряде других мест книги, Адам одной из важнейших причин катастрофы гитлеровских войск на Волге считает недооценку со стороны Гитлера и генерального штаба сухопутных войск сил и возможностей Красной Армии. Но этот порок был свойствен также и командованию 6-й армии, которое неоднократно заверяло Гитлера, что овладеет Сталинградом.

К стр. 182

* В ночь с 22 на 23 ноября, когда происходил этот разговор между Паулюсом и Адамом, кольцо окружения еще не замкнулось. Это произошло днем 23 ноября, когда 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 36-я механизированная бригада подполковника М. Р. Родионова из 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта встретились в районе Калач — Советский. Вслед за подвижными соединениями продвигались стрелковые дивизии. Они создавали все более прочный внутренний фронт окружения. В тот же день, 23 ноября, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта вышли на рубеж реки Червленной и закрыли пути отхода окруженным на юг. В районе Калача выдвинулись передовые части 21-й армии Юго-Западного фронта, лишив противника возможности идти на запад.

Создавался и внешний фронт окружения: к исходу 23 ноября части 1-й гвардейской и 5-й танковых армий Юго-Западного фронта, выйдя на рубеж рек Кривая и Чир, приступили к созданию прочной обороны, а части 51-й армии и 4-го кавкорпуса Сталинградского фронта выдвинулись на рубеж восточнее Садового. В результате всех этих действий операция на окружение была надежно обеспечена, так что возможность прорыва из котла зависела отнюдь не только от разрешения Гитлера.

К стр. 190

* В группу армий «Дон» вошла также вновь созданная 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гота. Этой армии предстояло выполнить главную задачу всей группы армий — деблокировать окруженных.

К стр. 193

* Слова из песни, которую по приказу Геббельса передавали по немецкому радио во время Сталинградской битвы.

К стр. 194

* Трудно судить о моральном облике военачальников вермахта, отказывавшихся сражаться в котле. Быть может, речь шла не о трусости, а о понимании безвыходности положения. Во всяком случае, преданность Гитлеру, которую в эту пору проявили многие офицеры и генералы, усугубила, а отнюдь не облегчила участь окруженных.

МЕЖДУ НАДЕЖДОЙ И ГИБЕЛЬЮ

ПОЧЕТНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ — ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗУМНЫЙ ШАГ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ СОВЕРШИТЬ. СПАСАЙТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ! СДАВАЙТЕСЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОРУЖИЕ КРАСНОЙ АРМИИ СКАЖЕТ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО!

Листовка, подписанная Вальтером Ульбрихтом, январь 1943 года.

Генерал-лейтенант фон Габленц сменяет меня

Снова в Нижне-Чирской была получена радиограмма из котла. Она касалась лично меня. Генерал Паулюс срочно требовал, чтобы я прилетел. Я решил немедленно выполнить приказ Паулюса.

Я попросил по телефону командование группы армий «Дон» сменить меня. Сначала последовал отказ. Только после того как командующий армией обосновал перед командованием группы армий необходимость моего присутствия в Гумраке, на это было дано согласие, при условии, что один из освободившихся в котле командиров дивизии будет назначен моим преемником. Командующий армией согласился.

С тяжелым сердцем прощался я с моей боевой группой. За две недели совместных боев я завоевал доверие офицеров и солдат. Поймут ли они меня, если я сдам командование как раз сейчас, когда все больше обостряется

положение в устье Чира и предстоит принять важные решения?

Капитан Гебель заверил меня, что все они весьма неохотно со мной расстаются, но никому не придет в голову мысль, что я в тяжелую минуту бросаю на произвол судьбы солдат, ведь я не отправляюсь в безопасный тыл, а иду навстречу неизвестному будущему в котле. В этой неизвестности я полностью отдавал себе отчет. Может быть, и не удастся выскользнуть из стального кольца между Доном и Волгой.

10 декабря в Нижне-Чирскую прибыл вместе со своим штабом командир 384-й пехотной дивизии генерал-лейтенант барон фон Габленц. Мы были хорошо знакомы. Габленц был дружен с Паулюсом и часто бывал у нас в штабе.

— Мне поручено передать вам привет от генерала Паулюса, — сказал Габленц. — Он благодарит вас за вашу деятельность на чирском фронте. Но теперь 6-я армия снова нуждается в своем 1-м адъютанте. Поэтому, Адам, я должен вас здесь сменить.

— Это превосходно, но что сталось с вашей дивизией, господин генерал?

— Да, верно, вам ведь не известно, что произошло в котле после 22 ноября. Я, право, не знаю, с чего начать рассказ. Итак, 23 ноября противник так сильно нас теснил, что командование армии решило отвести на восток за Дон XIV танковый корпус и XI армейский корпус, чтобы предотвратить угрозу их уничтожения. Моя дивизия получила приказ создать западнее Дона плацдарм для прикрытия переправ у Перепольного и Акимовского. Надо было защищать позиции до тех пор, пока оба корпуса не переправятся через Дон. То был ожесточенный, кровопролитный бой. Когда вечером 24 ноября мы достигли восточного берега Дона, от моей дивизии мало что осталось. Нас поставили на западный участок обороны, но наша боеспособность свелась почти что к нулю. Поэтому генерал Паулюс решил расформировать дивизию. Уцелевшие офицеры и солдаты были распределены по другим пехотным дивизиям. Немногим лучше судьба 376-й пехотной дивизии, которая на восточном берегу Дона прикрывала нас с тыла. Она, правда, еще существует, но вряд ли ее численность больше численности одного полка. В результате быстрого продвижения русских

дивизии XI армейского корпуса растеряли все свои тыловые службы вместе со складами продовольствия, боеприпасов и обмундирования. Мой интендант доложил мне, что в руки противника попало большинство складов целиком и полностью. Не удалось заранее распределить даже те небольшие партии зимнего обмундирования, которые поступили раньше. В котле снижены нормы выдачи довольствия. Но я не хочу пугать вас. Вы сами скоро во всем лично убедитесь.

— Кроме 384-й, были расформированы еще и другие дивизии, господин генерал?

— Да, 94-я пехотная дивизия, которая также была уничтожена во время бегства. 79-я пехотная дивизия понесла такие серьезные потери, что и она, вероятно, будет в ближайшие дни расформирована, как мне об этом говорил Паулюс. Командир 94-й пехотной дивизии должен вылететь из котла, чтобы собрать возвращающихся отпускников 6-й армии.

Передача боевых групп была произведена быстро, без всяких задержек.

После того как я сделал обзор обстановки и охарактеризовал состояние войск, мы выехали к командирам. Я воспользовался этой возможностью, чтобы проститься с ними и поблагодарить их за самоотверженные действия.

В Морозовске

На другой день автомобиль доставил меня в отдел обер-квартирмейстера 6-й армии в Морозовске. Здесь был размещен штаб 3-й румынской армии, которой моя боевая группа была последние дни подчинена. Когда я доложил о своем прибытии, командующий, генерал-полковник Думитреску, пригласил меня на обед. Там я встретил наряду с румынским начальником штаба и немецкого начальника штаба полковника Венка. Я узнал от него, что севернее Морозовска весь фронт пришел в движение. Подкреплениям, которые мы перебросили, с трудом удается закрыть образовавшиеся бреши.

Тяжелые переживания прошедших трех недель и серьезность сложившегося положения мешали завязать оживленную беседу сидевшим за столом офицерам. Лишь время

от времени соседи по столу обменивались словами. А вообще царило мрачное молчание. У всех на устах были невысказанные вопросы: какие новые тревожные известия придут в ближайшие часы? Долго ли мы еще будем находиться в Морозовске? Когда будет сформирована деблокирующая армия Холлидта?

После обеда я вернулся в отдел обер-квартирмейстера, надеясь, что до вылета в котел я еще свижусь с моими старыми товарищами и сослуживцами. К сожалению, я не застал моего друга полковника Зелле. Он тоже принял боевую группу на Чире, близ Суровикина. Немногие встреченные мною знакомые, видимо, жалели меня. Это меня сердило. Конечно, ничего приятного не было в обратном полете в котел. Но в сложной обстановке каждый офицер должен быть со своей частью. Ею была для меня 6-я армия, находившаяся в окружении.

Во второй половине дня я встретил нашего обер-квартирмейстера полковника Баадера. Всего несколько дней назад Паулюс командировал его из котла, чтобы он извне обеспечил лучшее и более систематическое снабжение армии. Полковник передал мне телеграмму генерал-майора Шмидта, в которой тот просил меня выслать в котел трех командиров полков. Это показалось мне несколько странным — ведь генерал-лейтенант фон Габленц рассказывал мне о расформировании двух пехотных дивизий. Разве там не хватало командиров?

Из осторожности я направил соответствующий запрос командованию армии. Ответ пришел незамедлительно: три командира полка должны вылететь в котел. Это было нетрудно сделать. В Морозовске находился офицерский резерв. Здесь отобрали трех старших офицеров; на другой день они должны были вылететь в Гумрак.

Когда это дело было решено, я мог поговорить с обер-квартирмейстером о некоторых проблемах снабжения.

— Каким образом, собственно, снабжается армия, Баадер?

— Воздушным путем. Здесь, в Морозовске, создана база снабжения. Каждый день — насколько позволяет погода — беспрерывно летят в котел машины с продовольствием, боеприпасами, горючим, медикаментами, перевязочным материалом. Они доставляют на обратном пути тяжелораненых. И вы также завтра приземлитесь на большом аэродроме в Питомнике. Там еще размещено

несколько истребителей, предназначенных для сопровождения транспортных самолетов.

— Это мне непонятно. В армии находится на довольствии около 330 тысяч человек. Разве все они могут быть снабжены воздушным путем?

— Теперь численность уже не столь велика, хотя в армию и вошли также попавшие в окружение три дивизии 4-й танковой армии и две румынские дивизии. Согласно вчерашним донесениям, в котле теперь состоит на довольствии только 270 тысяч человек. Но и для такого количества далеко не достаточно перебрасываемого по воздуху продовольствия. Армия получает лишь небольшую долю своей минимальной потребности. Прямо сказать, это большое свинство, и виноват в этом в первую очередь Геринг. Он, видимо, как всегда, прихвастнул, заверил Гитлера, что военно-воздушные силы полностью обеспечат снабжение армии материальными средствами. По нашим расчетам, для нормального снабжения армии нужно ежедневно по меньшей мере 700 тонн грузов. Для того чтобы в какой-то мере сохранялась боеспособность армии, надо перебрасывать не менее 500 тонн. Следовательно, ежедневно должны были бы летать не меньше 250 «юнкерсов-52» с грузоподъемностью в 2 тонны каждый. Ни разу не удавалось этого осуществить. В результате образовался все более нарастающий дефицит в продовольствии, боеприпасах, горючем *. Добавьте к этому, что из окруженных дивизий восемь лишились своих складов и тыловых частей. Для их снабжения у нас, конечно, тоже не хватает транспортных средств, между тем именно эти дивизии, у которых вряд ли имеется зимнее обмундирование, должны были занять новые южный и западный участки обороны, где не было ни окопов, ни убежищ. Армию ждет тяжелейшая катастрофа, масса людей погибнет от голода, замерзнет, если наземная связь с котлом не будет восстановлена в кратчайший срок.

— Скажите, Баадер, почему армия сразу, в первые же дни, не прорвала еще слабое кольцо окружения и не пробилась на юго-запад? Конечно, это не обошлось бы без жертв, но главные силы были бы спасены.

— Я знаю только одно. Командующий армией неоднократно просил разрешения на прорыв из окружения, но Гитлер каждый раз отклонял эти предложения. Паулюс вам, вероятно, об этом расскажет подробнее.

— Значит, вы считаете невозможным, чтобы армия длительное время снабжалась воздушным путем?

— Я снова повторяю, что такая мысль может возникнуть только в голове фантазера. Такого же мнения и мои сотрудники, а все они имеют богатый опыт в этой области, — ответил мне полковник.

— Могу я сообщить ваше мнение генералу Паулюсу?

— Разумеется.

Было уже за полночь, а я все еще метался по комнате, отведенной мне для ночлега.

При всем моем чувстве долга, которое я и тогда еще не потерял, мне было не по себе, когда я думал о том, что не пройдет и суток, как я попаду в это чертово пекло. Притом и вне котла наше положение было немногим лучше. Перед нашим расчлененным фронтом западнее Дона стояли сильные, хорошо вооруженные и снаряженные советские армии, готовые к дальнейшим боям. В течение ряда дней они атаковали наши боевые группы и 3-ю румынскую армию. Я не мог также считать, что для советского командования осталось незамеченным развертывание под Котельниковом нашей новой армии под командованием генерал-полковника Гота. Советское командование, наверное, сосредоточило крупные силы в степях между Доном и Волгой. А наш фронт на нижнем Чире? Как долго он еще продержится? 11-я танковая дивизия и 336-я пехотная дивизия были сильно измотаны и используют все силы для того, чтобы отбить атаки противника. От них нельзя ждать поддержки армии Гота *.

Но какая польза от всех этих размышлений? Ведь на другое утро должны были наконец выступить танки Гота. А вслед за ними должны последовать эшелоны с материальными средствами для 6-й армии.

Прежде чем лечь спать, я позвонил на аэродром в Морозовск. Комендант был у аппарата.

— Ну как, уже решено, в котором часу я завтра вылетаю? — спросил я.

— Первые три машины стартуют в 4 часа. На них летят двое из затребованных командиров полков. Вы отправитесь на одной из трех следующих машин, которые вылетят около 8 часов. Но обстановка может вынудить срочно изменить время вылета. Поэтому было бы целесообразно, чтобы вы прибыли к 7 часам.

Я обещал быть точным.

Я лечу в котел

На другой день, 12 декабря, был сильный мороз. Еще не рассеялись утренние сумерки, когда я в 7 часов прибыл на аэродром. С беспокойством ждал комендант возвращения машин, отправившихся в рейс в 4 часа утра. Наконец, когда уже рассвело, призмелилась одна из машин. Куда девались две другие?

Пилот сообщил, что вскоре после того как котел остался позади, все три самолета попали под сильный огонь зениток. Вероятно, два невозвратившихся Ю-52 были сбиты.

Плохое предзнаменование для меня и третьего полкового командира, который должен был лететь вместе со мной.

Распростившись с комендантом, мы поспешили к трем «хейнкель-III», готовым к старту. Через мешки и ящики с продовольствием я пробрался на место позади пилота, рядом с радистом. Сразу после старта машины резко набрали высоту. Вскоре высотомер показал 4000 метров. Только тогда мы полетели на восток.

Мы пересекли Дон значительно южнее Нижне-Чирской. Под нами сверкали в солнечном свете калмыцкие степи, над нами весело сияло безоблачное голубое небо. Я вспомнил мой первый полет летом, тоже при ясной погоде, когда я летел в Винницу. И тогда я высматривал в небе советских истребителей. Но тогда были в воздухе немецкие «мессершмитты». Теперь не было собственного прикрытия истребителями. Небо было открыто для советских «яков».

— Что я должен делать, если вражеские истребители нас атакуют? — прокричал я пилоту в самое ухо.

Он усмехнулся.

— Продолжайте сидеть спокойно, господин полковник, мы все сделаем сами, — ответил он, стараясь перекричать гул моторов.

Парень меня немного рассердил: как-никак у меня не было парашюта.

— А в случае попадания? — заорал я опять.

— Тогда нас спишут в расход, — ответил он на той же ноте, но с полнейшим спокойствием, как если бы речь шла о самых обыкновенных вещах. Он показал пальцем вниз:

— Вот там позиции Красной Армии.

В одном из селений я заметил машины.

— Танки, господин полковник.

Словно гид, сопровождающий путешественников, он комментировал все, что открывалось нашему взору. Облачка, похожие на клоки ваты — то ближе, то немного дальше, то над нами, то под нами, — свидетельствовали, что зенитки, открыли по нам огонь. Но моего чичероне это не смущало, он продолжал свою громогласную болтовню. Не хотел ли он помочь мне преодолеть мое плохое самочувствие и даже страх? Я восхищался этим молодым офицером, ведь он ежедневно по нескольку раз проделывал путь, на котором его подстерегала смерть. Но вот он повернул ко мне свое сияющее лицо:

— Дело сделано, господин полковник, под нами Питомник.

Поистине камень свалился у меня с сердца. Чертовски неприятное чувство — быть беспомощной мишенью для снарядов противника, не имея возможности укрыться, не говоря уже о том, чтобы обороняться.

Самолет пошел на снижение, сделал много кругов над аэродромом. Даже при первом взгляде вниз я сразу понял, что здесь происходит. Территория была усеяна разбитыми самолетами и машинами. Здесь «кондор», там «фоккевульф», в другом месте остатки нескольких «юнкерсов-52» и «хейнкелей-111». Работа красных бомбардировщиков и истребителей!

Обе другие машины приземлились почти одновременно с нашей. Мой пилот, который в дороге воплощал в себе само спокойствие, теперь настойчиво торопил с разгрузкой. Поспешно были выгружены предметы снабжения. Тут же появился «обратный груз»: раненые, выползавшие из земляных нор, ковылявшие к самолету или принесенные на носилках. Офицер и несколько солдат, видимо полевая жандармерия, сдерживали напор густой толпы. Вылететь мог только тот, кто имел свидетельство начальника санитарной службы армии.

«Тревога!» — пронзительный вой раздался в разгаре сумятицы. Советские бомбардировщики! В этот момент каждый думал об угрожавшей ему опасности и искал укрытия где только мог. Я попал прямо в убежище коменданта аэродрома. Почва заколебалась, толстые брусья тряслись, земля сыпалась меж бревнами деревянного

перекрытия прямо на стоявший перед нами стол. Несколько десятков разрывов, затем, видимо, все кончилось.

— У вас тут не слишком весело, — сказал я лейтенанту военно-воздушных сил из штаба коменданта аэродрома. — Часто вам наносят такие визиты?

— Мы привыкли, господин полковник. Иван редкий день не бомбит нас без передышки. Если нет потерь, это не так уж волнует.

Не успел летчик закончить фразу, как раздались крики о помощи: «Санитары, санитары!»

— Есть ли здесь врачи? — озабоченно спросил я.

— На самом краю аэродрома расположены большие палатки санитарной службы. По приказу командования армии все тяжелораненые транспортируются сюда, чтобы они могли вылететь на машинах, доставляющих предметы снабжения. Армейский врач генерал-майор медицинской службы профессор доктор Ренольди находится здесь; он отвечает за отправку раненых. Фактически он бессилен навести порядок, так как сюда добираются и многие легкораненые. Они прячутся в пустых окопах и бункерах. Как только приземлилась машина, они первыми оказываются на месте. Безжалостно отталкивают они тяжелораненых. Некоторым удается, несмотря на жандармов, проскользнуть в самолет. Часто мы вынуждены снова очищать самолет, чтобы освободить место для тяжелораненых. Нужна кисть Брегеля, прозванного живописцем ада, или сила слова Данте, чтобы описать страшные сцены, свидетелями которых мы здесь были последние десять дней.

Мы вышли из убежища. Наши три «хейнкеля-III» тем временем уже поднялись в воздух. Мне стало ясно, почему пилоты так торопились покинуть Питомник. Здесь на всем лежала печать гибели и разгрома.

Ко мне подошли два пожилых офицера. Оказалось, что это те два командира полка, которые утром в четыре часа вылетели из Морозовска. Они ждали меня в одном из убежищ. Из разговора с ними я выяснил, что это бывшие офицеры службы комплектования, которые в мирное время работали в управлении призывного участка или соответственно в штабных канцеляриях. Они запросили штаб армии, какое им дается назначение. Никто не мог им сказать, куда им явиться. Я велел соединить меня с Шмидтом, который отдал приказ об их вылете. Со свойственной

ему лаконичностью он отослал меня к адъютанту VIII армейского корпуса, от которого поступило требование. Но тот ответил на телефонный запрос, что в VIII корпусе все места заняты. Он никогда не требовал такого пополнения.

Это уж никуда не годилось. При таком опасном положении заставить двух пожилых офицеров вылететь в котел без всякой нужды... Что мне было делать? Вылететь обратно они могли только по приказу Шмидта. Я не был уполномочен давать им такое распоряжение, но хотел добиться у Паулюса приказа об их отправке. Поэтому я попросил офицеров подождать на аэродроме, пока будет принято решение.

Легковая машина доставила меня на командный пункт близ станции Гумрак. Месяц назад я много раз ездил по этой дороге. Тогда машины с грузами для снабжения войск день и ночь катили в Сталинград, указатели давали ясную ориентировку, полевая жандармерия регулировала движение. Теперь эта дорога предстала передо мной в совершенно другом виде. Вдоль дороги плелись люди с изможденными лицами, в повязках, пропитанных кровью, головы и ноги солдат были закутаны в лохмотья. Указатели дороги давно использовали для костров, полевые жандармы исчезли. Но зато вехами на пути по шоссе из Питомника в Сталинград служили разбитые машины, брошенные каски, противогазы и винтовки. Как призраки, выступали из тонкой снежной пелены скелеты лошадей. Мясо вырубили топорами голодные солдаты.

На командном пункте царило чрезвычайно нервное настроение. Я хотел сначала добиться разрешения на обратный вылет командиров полков и пошел к Шмидту. Он категорически отказал.

— В этом положении мы не можем позволить вылететь ни одному офицеру, даже если он тяжело ранен, — возразил он в ответ на мои доводы.

Я совершил тактическую ошибку, которую вряд ли можно было исправить. Генерал Паулюс удовлетворил бы мое ходатайство. Но по опыту я знал, что он неохотно отменяет распоряжения Шмидта. Тем не менее после краткого раздумья я решил просить командующего разрешить вылететь обратно трем командирам полков. Я пошел к Паулюсу и доложил ему о моей просьбе.

— Кто затребовал этих офицеров?

— Полковник генерального штаба Баадер в Морозовске передал мне телеграмму, подписанную Шмидтом, господин генерал. Все адъютанты корпусов заверяют, что они никаких заявок на полковых командиров не подавали. За короткий срок после моего прибытия я не мог установить, кто повинен в этой нелепости.

— Тогда пусть Шмидт даст приказ об обратном вылете.

— Поэтому я к нему сразу и обратился. Но Шмидт отказал. Я считаю, что это неправильно.

— Сегодня выступила деблокирующая армия Гота. Подождем, пока она с нами установит связь, тогда мы передадим всех троих обратно в резерв командования группы армий. Пусть они до того находятся в распоряжении штаба VIII армейского корпуса.

Так была решена участь этих пожилых офицеров. Они бесполезно торчали в штабе VIII корпуса и в конце концов вместе с тысячами людей погибли в котле.

Бункер в степи

Если не считать неприятных впечатлений в связи с прискорбным эпизодом из деятельности военной бюрократии, я радовался, что снова оказался вместе с Паулюсом. Он принял меня чрезвычайно сердечно. Уже при первом внимательном взгляде я мог заметить, как его измучило катастрофическое положение армии. Нервное подергивание лица, казалось, почти не прекращается. Он сгорбился еще больше. В его речах слышалось горькое разочарование. Он был недоволен собой и своими действиями. Только что вернувшись после поездки на западный участок котла, где шли особенно тяжелые бои, усталый и измученный, он только спросил меня, где я поселился. Когда я ему сказал, что до сих пор еще не получил никаких указаний от начальника штаба, он предложил мне сначала оглядеться и явиться к нему снова к 16 часам. Он добавил, что в ближайшие дни у меня будет много работы. За последние три недели не были подготовлены ни представления к наградам, ни приказы о повышении в чинах. Поэтому он меня и вызвал.

Я снова вышел на воздух. Немногие убежища штаба армии были расположены в открытой степи, наполовину над землей, наполовину под землей. Ни одного дерева,

ни одного куста, которые служили бы прикрытием. Стоянка всех машин находилась на расстоянии нескольких сот метров. Обер-лейтенант Циммерман рассказал мне, что здесь раньше был командный пункт 295-й пехотной дивизии. Вокруг были расположены другие бункера, вдоль и поперек соединенные дорогами для транспорта и тропинками. Найду ли я дорогу в этом лабиринте?

Сначала я должен был явиться к генерал-майору Шмидту. Его убежище было расположено рядом с бункером командующего.

— Разрешите спросить, господин генерал, где размещен мой отдел?

— Здесь у нас не было места для вас. Ваши писаря находятся примерно в километре отсюда. Обер-лейтенант Шатц вас туда проводит.

Вместе с ординарцем Шмидта я с трудом шел по глубокому снегу — 10 минут, 15 минут. Наконец мы оказались перед входом в землянку. Дым валил из полуоткрытой двери.

Войдя, я сначала вообще ничего не увидел. В убежище не было окон. Маленькая времянка дымила изо всех своих щелей. Только постепенно я разглядел фигуры обер-фельдфебеля Кюппера и обер-ефрейтора Аша. Оба обрадовались, увидев меня. Я задыхался от дыма, слезы текли из глаз, я закашлялся. Я не мог больше дышать и был вынужден вместе с обоими сотрудниками выйти на воздух.

— Здесь вы никак не сможете жить, господин полковник. Мы вдвоем с трудом помещаемся в норе размером в три квадратных метра. На маленьких столиках нельзя даже поставить пишущую машинку. Не может быть и речи о настоящей работе. Мы вынуждены открывать дверь, иначе ничего не видно, но тогда от холода коченеют и совсем не сгибаются пальцы.

— Ну-ну, — возразил я, — не надо сразу падать духом. Как-нибудь мы все это наладим.

Дым немного рассеялся, так что я мог внимательнее разглядеть убежище. Вдоль длинной стены были установлены деревянные нары, одна над другой, на них лежало несколько одеял. Еще одну кровать здесь нельзя было поставить. Земляной пол промерз. Когда я зажег сигарету, при свете спички засверкали на стенах кристаллики льда.

Нет, в этой норе действительно не могли поселиться три человека. Нам нужно было другое убежище. С этим согласился и генерал Шмидт, когда я ему все наглядно описал. Я должен был временно поселиться в бункере генерала Паулюса; для моих сотрудников освободили небольшое помещение в убежище оперативного отдела.

Между тем шел четвертый час дня, пора было идти к Паулюсу. Хотя за последние три-четыре дня я уже узнал от генерала фон Габленца и полковника Баадера кое-что о положении в котле, меня волновала уйма еще неясных вопросов. Но сначала задавал вопросы Паулюс. Его интересовало в первую очередь положение вне котла.

— Как же обстоит дело на нижнем Чире и севернее Морозовска? Какая задача была поставлена перед вашей боевой группой, Адам?

Я подробно рассказал о развитии событий с 22 ноября по 10 декабря и закончил следующим образом:

— Группа армий требовала от меня, чтобы я при всех обстоятельствах удержал плацдарм восточнее Верхне-Чирской, чтобы облегчить отход 6-й армии на запад или соответственно на юго-восток. Солдаты и офицеры боевой группы были весьма разочарованы, когда узнали, что армия заняла круговую оборону и не предприняла никаких мер для того, чтобы разорвать кольцо окружения. И я ежедневно ждал, что армия станет пробиваться на юго-запад. Последние дни солдаты часто спрашивали меня, зачем они здесь проливают потоки крови, если армия не прорывается из окружения.

Когда я заканчивал мой доклад, вошел начальник оперативного отдела. Полковник Эльхлепп крепко пожал мне руку.

— Счастье, что вы наконец здесь. Последние три недели я по необходимости занимался и вашими делами, но, признаться, с грехом пополам.

Паулюс прервал его:

— Адам, я еще не ответил на ваши вопросы. Попытаюсь последовательно изложить катастрофический ход событий после 22 ноября, тогда вам многое будет яснее.

Прорыв запрещен

После краткой паузы Паулюс продолжал:

— Вы знаете, что еще 21 ноября я предложил отвести армию за Дон. Прилетев в котел, я созвал совещание

командиров корпусов. В полном согласии с ними я 22 ноября и в последующие дни повторил свое обращение в Главное командование сухопутных сил с предложением прорываться из котла *. 24 ноября должен был последовать приказ о прорыве. Но из этого ничего не получилось. На совещании у Гитлера Геринг заявил, что он в состоянии снабжать 6-ю армию воздушным путем. После этого фюрер решил отклонить мое предложение. Вместо приказа о прорыве я получил вот такую радиограмму.

Командующий протянул мне лист бумаги. Я внимательно прочел следующий текст:

«6-я армия временно блокирована силами русских. Я намерен сосредоточить армию в районе севернее Сталинграда — Котлубань — высота 137 — высота 135 — Мариновка — Цыбенко — южная окраина. Армия может быть уверена, что я сделаю все необходимое, чтобы снабжать ее и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и убежден, что она выполнит свой долг.

Подп. Адольф Гитлер» [1]

Не говоря ни слова, я возвратил бумагу.

— Вы видите, Адам, я не мог поступать иначе. После получения радиограммы я снова собрал всех командиров корпусов, в том числе и командиров XI армейского и XIV танковых корпусов, которые тем временем уже переправились с одного берега Дона на другой и частью своих соединений заняли западный участок обороны. Каждый более или менее решительно выразил сомнения в возможности снабжать армию по воздуху. В конечном счете, однако, все согласились с моим предложением: при создавшихся условиях воздержаться от прорыва из окружения [2]. Только один человек настойчиво защищал противоположную точку зрения — генерал Зейдлиц.

— Я понимаю, что значит приказ Гитлера, господин генерал. Но я знаю, что и полковник Баадер, и высшие офицеры военно-воздушных сил с самого начала высказывали мнение, что снабжать армию в 330 тысяч человек по воздуху невозможно.

— Зейдлиц требовал, чтобы я действовал вопреки приказу фюрера. Для этого у меня не было никаких оснований. Зейдлиц сам дал нам наглядный пример того, что

получается, когда командиры действуют на свой страх и риск. Он без нашего ведома отвел назад 94-ю пехотную дивизию на северо-восточном участке котла. Противник разгадал маневр и тотчас же ударил по отходящим частям. Дивизия была полностью разгромлена, так что мы были вынуждены ее расформировать. Штабу дивизии я приказал вылететь за пределы котла. Наши действия только тогда могут увенчаться успехом, когда они согласуются с намерениями верховного командования.

Зазвонил телефон. Начиная с 12 декабря была установлена связь с группой армий «Дон» на коротких волнах. Вызывал Манштейн. Паулюс кивнул головой, отпуская нас. Тогда я не имел возможности узнать во всех подробностях о трагической судьбе 94-й пехотной дивизии. Спустя много месяцев, в плену, генерал фон Зейдлиц рассказал мне, что, давая 94-й пехотной дивизии приказ об отступлении, он был твердо убежден, что его действия находятся в соответствии с намеченным планом прорыва, предложенным самим командованием армии. Не вина Зейдлица, что через два-три дня Паулюс подчинился приказу Гитлера. Впрочем, и без того находившуюся под серьезной угрозой северо-восточную полосу обороны у Волги нельзя было удерживать силами крайне растянутой по фронту и весьма ослабленной 94-й дивизии. Благодаря маневру, проведенному по приказу Зейдлица, этот участок обороны сократился на 15 километров.

Паулюс, будучи образованным офицером генерального штаба, трезво оценивал обстановку. Он прекрасно сознавал, что армии угрожает смертельная опасность. Но мысль о том, чтобы нарушить полученный приказ, противоречила его военному воспитанию. С самого начала характерной чертой Паулюса — как и многих офицеров старшего поколения — был глубокий конфликт между ответственностью перед солдатами и военной дисциплиной. После тяжелой внутренней борьбы одержала победу военная дисциплина.

Генерал фон Зейдлиц возражает

Я проводил полковника Эльхлеппа в его убежище. Там мы продолжали беседу.

— Знаете, Адам, наш обер-квартирмейстер оказался совершенно прав. Подполковнику фон Куновски, который

сейчас замещает Баадера в котле, сразу же пришлось хлебнуть горя. Не было ни одного дня, когда бы самолеты доставили тоннаж грузов, минимально необходимых для снабжения армии. Надвигается голод. Если деблокирующий удар извне не будет успешным, то, по-моему, перспективы мрачные.

— Попав в этакую проклятую яму, не было ли правильней нарушить приказ Гитлера и прорываться?

— Нет.. Мы не знаем намерений и возможностей верховного командования. Шмидт и я поддержали решение Паулюса. И вы поступили бы точно так же, если бы были здесь.

Что я мог на это ответить? Мне было слишком трудно представить себя в таком положении, в какое был поставлен командующий армией. Я знал твердо лишь одно — что генерал Паулюс все решает только по зрелом размышлении.

Эльхлеп продолжал:

— Совещание с командирами корпусов под конец приняло остро драматический характер. Все резко выступили против Зейдлица. Генерал-полковник Гейтц угрожал, что он его расстреляет, если он и впредь будет призывать к неповиновению Гитлеру. Зейдлиц тогда представил Паулюсу докладную записку, которую мы в оригинале направили дальше командованию группы армий «Б». Если вы в ближайшие дни посетите LI армейский корпус, который расположен недалеко отсюда, то познакомитесь с этим меморандумом. При прорыве из котла под Демьянском в прошлом году Зейдлиц получил богатый опыт, который он переносит в наши условия. То, что он там пишет, не лишено интереса.

Начальника оперативного отдела вызвали к Шмидту. При всем беспокойстве, охватившем меня после этих рассказов, мне не терпелось приняться за срочную работу. Поэтому я поспешно отправился к себе. Кюппер уже кое-что для меня приготовил. Мне нужно было как можно быстрее получить представление о численности личного состава в дивизиях и в войсках, подчиненных непосредственно армии. Это было не так просто. Многие соединения были разрознены, в одном месте остатки какого-нибудь батальона были выведены, чтобы прикрыть брешь на западном или южном участке, в другом были созданы сводные части и брошены в бой. Часто офицер не знал

солдат своего подразделения. Зачастую солдат не знал, как зовут его офицера или даже его соседа. Об убитых и раненых сообщались только численные данные, без указания фамилий. Только когда выбывали старшие командиры, сообщались их имена. При таких обстоятельствах нужно было много труда для того, чтобы получить в какой-то степени реальную картину.

Достаточно ли сильна армия Гота?

К вечеру мы внесли кое-какой порядок в эту неразбериху. Около 19 часов меня позвали на ужин в убежище Паулюса. У командующего собрались начальник штаба, начальник оперативного отдела, квартирмейстер, начальник разведывательного отдела, старший офицер связи, личные адъютанты.

Сначала я должен был рассказать о том, что происходило вне котла. Потом разговор зашел о событиях в котле. В этой связи я узнал, что командование группы армий «Дон» только первые дни после создания группы посылало в котел высших офицеров, чтобы получить представление о фактическом положении в котле. В конце ноября на несколько часов прилетел в котел начальник штаба группы армий генерал-майор Шульц, а вскоре вслед за ним начальник оперативного отдела полковник Буссе. После этого контакт в основном поддерживался по радио. Паулюс не имел возможности лично переговорить с генерал-фельдмаршалом фон Манштейном. Это был, несомненно, большой дефект. Тем не менее в этот вечер в нашем кругу царило весьма приподнятое настроение. Ведь армия Гота начала удар с целью прорыва котла извне и к вечеру значительно продвинулась вперед!

— Если армия сохранит такой темп продвижения, самое позднее через неделю с ней будет установлена связь, — заметил один из молодых адъютантов.

Паулюс несколько охладил этот оптимизм.

— Если 4-я танковая армия сохранит такой темп... Хорошо, что вы сделали такую оговорку. Вам должно быть ясно, Циммерман, что пока Гот отбросил лишь передовое охранение войск Красной Армии. Борьба с основными силами еще только предстоит. Будем надеяться, что армия Гота обладает достаточной пробивной силой.

Мне припомнился разговор, который был у меня накануне в Морозовске с полковником Венком, немецким начальником штаба 3-й румынской армии.

— Если я не ошибаюсь, — вмешался я в беседу, — LVII танковый корпус, включающий 6-ю и 23-ю танковые дивизии, а также 15-ю авиаполевую, является ударным клином армии Гота. Румынские пехотные и кавалерийские дивизии следуют за ними для прикрытия флангов. Кроме 6-й танковой дивизии, которая полностью укомплектована и сейчас прибыла из Франции, во всех остальных дивизиях уже нет полной численности. Это относится прежде всего к румынским дивизиям, которые были 20 ноября в начале контрнаступления Красной Армии рассеяны и обращены в бегство.

— Это верно, — подтвердил Шмидт. — В ближайшие дни Гот должен получить еще и 17-ю танковую дивизию.

Паулюс задумался. Когда адъютанты ушли и остались только начальники отделов, он сказал:

— Я перестаю понимать верховное командование. Видимо, оно не извлекло никаких уроков из тяжелых поражений последних недель. Состав армии Гота—потрясающий пример того, как по-прежнему безответственно недооценивается сила Красной Армии. Адам рассказывал мне, что немногих прибывающих дивизий еле-еле хватает для того, чтобы прикрыть ежедневно возникающие бреши на участке Чира.

— По моему мнению, — добавил я, — наши войска не смогут удержаться на нижнем Чире. До сих пор русские прощупывали нас своими авангардами. Мы могли их отражать только при крайнем напряжении сил. В случае вражеского наступления крупными силами фронт на Чире быстро развалится. Но это создаст угрозу армии Гота с фланга. У нее уже не будет путей для отступления.

Паулюс кивнул.

— Будем верить, господа, что главное командование вовремя подбросит резервы.

Обратившись ко мне, Паулюс сказал:

— Командование армии уже представило группе армий «Дон» свои предложения относительно прорыва из котла. Эльхлепп вас ознакомит с ними.

С этими словами Паулюс поднялся с места. Мы простились с ним. Я проводил начальника оперативного отдела в его убежище, расположенное всего в нескольких шагах.

Была морозная зимняя ночь. Эльхлепп заметил скептически:

— Откровенно говоря, я не возлагаю больших надежд на операцию Гота.

— Вы же были здесь с самого начала, Эльхлепп, в непосредственном контакте с войсками. Для меня все еще непостижимо, почему армия тотчас же не пробивалась на юго-запад. Это ведь, безусловно, еще было возможно первые два-три дня.

— Мы этого именно и хотели. Вы не пережили здесь вместе с нами эти страшные дни. День за днем мы просили по радио разрешения на прорыв. Группа армий «Б» поддержала наше обращение. Гитлер и Главное командование сухопутных сил его отклонили. В конце концов группа армий «Б» поддержала приказ высшего командования. Это было настоящее соревнование в силе между армией и высшими инстанциями. Будучи слабее, мы проиграли. Главное командование сухопутных сил претендует на то, что оно может лучше оценить обстановку в котле, чем 6-я армия, которая в нем застряла. Гитлер точно определил, где должна проходить западная и южная линии обороны котла. В линии, обороны, обозначенной в приказе Гитлера, ни один окоп, ни одно селение, ни один рубеж нельзя оставить без его разрешения. Мы теперь лишь хорошо оплачиваемые унтер-офицеры.

В своей рабочей комнате полковник протянул мне папку с бумагами:

— Читайте.

То были упомянутые Паулюсом предложения армий. Содержание их сводилось к следующему:

1. Видимо, 4-я танковая армия не располагает достаточными силами для того, чтобы полностью разорвать кольцо вокруг Сталинграда. Если же она не достигнет своей цели, то шансы на прорыв значительно ухудшатся. Хотя бы по причинам, связанным со снабжением, 6-я армия не сможет долго оказывать сопротивление.

2. В данный момент нельзя предвидеть, как и когда стабилизируется наш прорванный фронт на Дону. Даже если наступление 4-й танковой армии будет удачным, армии Гота угрожает опасность оказаться отрезанной.

3. Основываясь на такой оценке обстановки, командование 6-й армии просит разрешить прорыв из котла на юго-запад, согласованный во времени с наступлением

4-й танковой армии, с которой она соединится юго-западнее Сталинграда. По своей боеспособности 6-я армия может справиться с этой задачей, захватив с собой раненых. Высшее командование получит в свое распоряжение резервы для развертывания нового фронта.

То была, на мой взгляд, верная, реалистическая оценка ситуации. Я сказал об этом Эльхлепну, но выразил сомнение: можно ли теперь еще осуществить пункт третий.

— Этот вопрос, конечно, трудно решить,—ответил начальник оперативного отдела. — Представляя наши предложения, мы хотели прежде всего добиться, чтобы там снова тщательно продумали все намеченные мероприятия. Я просто не могу поверить, что верховное командование по легкомыслию подвергает смертельному риску армию из 22 дивизий. Меня, однако, тревожит, что армия Гота не была усилена хотя бы одним батальоном, а мы по-прежнему должны здесь выжидать. Как солдат, я всегда буду соблюдать приказы высших командных инстанций. Но, кроме этого, я хотел бы и их понимать. Откровенно говоря, последнее время мне это иногда плохо удается. Я относился к Манштейну с величайшим доверием. Но разве это не просто смешно, когда фельдмаршал при таком отчаянном положении отделывается стереотипными ссылками на фюрера: фюрер то-то и то-то приказал! Но следовало ли ему действовать гораздо более согласованно со штабом нашей армии? Прочтите еще вот это.

«Сталинградская крепость»

Полковник показал мне несколько радиограмм из ставки Гитлера. По штампам можно было определить, что они поступили непосредственно после возникновения котла. Трудно было поверить тому, что там было написано: отныне 6-я армия именуется «Сталинградской крепостью».

Эльхлепп заметил озадаченное выражение моего лица.

— Что? Вы удивлены? Теперь вы по крайней мере знаете, где вы находитесь. В «Сталинградской крепости».

— Если бы я сам этого не прочел, я заподозрил бы, что вы меня хотели разыграть. «Сталинградская крепость».

Что говорят об этой бессмыслице Паулюс, Шмидт и другие генералы?

— То же, что и вы, — бессмыслица. Понятие «крепость» неприменимо даже к территории города. Ведь даже там нет единой сети коммуникаций. Там же нет ни бомбоубежищ, ни долговременных бронированных укреплений, ни подземных ходов, ни заграждений. Развалины домов и подвалы могут лишь служить укрытием от осколков снарядов или от непогоды. Не может быть и речи о создании каких-либо запасов на длительный срок. Впрочем, вы все это знаете по собственному опыту.

— А как обстоит дело на новых участках фронта — западном и южном, Эльхлепп?

— Тут уж наименование «крепость» звучит просто как издевательство. Там нет ни окопов, ни убежищ, одни норы, кое-где выкопанные ночью в совершенно промерзшей и покрытой снегом земле. Снежные ямы. Они служат нашим солдатам боевой позицией и местом отдыха, немного защищают их от пронизывающего степного ветра. Это все. Более сильная атака русских — и наши изголодавшиеся, полузамерзшие и переутомленные солдаты не удержат своих позиций. Все это, — заключил начальник оперативного отдела, — нечто такое, что мне трудно одобрить. Но в конце концов мы ведь солдаты и знаем, что такое приказ.

Уже было поздно. Я пожал Эльхлеппу на прощание руку. По дороге ледяной норд-ост хлестал мне в лицо, проник сквозь одежду. Вдали слышались разрывы снарядов. На шоссе Питомник — Сталинград громыхали машины. В воздухе раздавалось гуденье нескольких «юнкерсов-52» или «хейнкелей-111», доставивших нам, к сожалению, лишь ничтожную долю того, что было необходимо, чтобы жить и сражаться.

В эту мою первую ночь в котле, ночь на 13 декабря, я долго беспокойно ворочался на соломенном тюфяке и поднялся, когда еще было темно. Ординарцы уже готовили скудный завтрак. На этот раз было на ломоть хлеба больше обычного — ведь я привез из Морозовска несколько буханок. Я сидел за столом вместе с генералом Паулюсом. Перед каждым из нас стояла чашка горячего черного кофе. Медленно жевали мы три куска солдатского хлеба, которые нам причитались. Взгляд Паулюса был устремлен на оперативную карту, висевшую на стене.

Линия фронта в месте глубокого прорыва западнее Дона была обозначена в соответствии с мною сообщенными данными. От Котельникова были проведены три жирные синие стрелы в северном направлении.

— Получены новые известия относительно армии Гота, господин генерал? — спросил я.

— Как мне сообщил Шмидт по телефону, операция протекает в соответствии с планом. Со вчерашнего дня мы имеем коротковолновую связь с группой армий «Дон», так что можем получать более свежую информацию, чем раньше. Но пока я настроен еще не слишком оптимистически. Из вашего вчерашнего доклада видно, что обстановка вне котла серьезнее, чем я думал. Взгляните на карту. 8-й итальянской армии создана угроза и с фланга и с тыла. А для того чтобы обеспечить оборону на широком фронте в месте прорыва, фактически имеются лишь боевые группы. Если противник снова перейдет в наступление, произойдет катастрофа еще большая, чем сейчас.

— Я просто не могу себе представить, господин генерал, каким образом собираются стабилизовать положение на фронте. Имеются ли у нас вообще силы для того, чтобы формировать новые армии? Не запоздают ли все мероприятия Главного командования сухопутных сил? Удержат ли итальянцы свой участок фронта на Дону?

— Если 8-я итальянская армия будет отброшена, то и венгры будут вынуждены оставить свои позиции. Тогда возникнет угроза с тыла даже 2-й германской армии на воронежском фронте. Само по себе положение на участке по реке Чир можно было бы стабилизовать в том случае, если Главное командование сухопутных сил располагает оперативными и стратегическими резервами и уже двинуло их по направлению к угрожаемым участкам. На этот счет я не могу вам сказать ничего определенного. Впрочем, после печального опыта последних трех недель я отношусь скептически к компетентности высшего командования и его решениям.

— Еще один вопрос, если позволите, господин генерал. Эльхлепп показал мне радиограмму Гитлера, согласно которой Гот должен восстановить прежнюю линию фронта. Это означало бы, что мы должны здесь оставаться. При сложившемся вне котла неустойчивом положении такой приказ, на мой взгляд, был бы безумием.

— Приказ действительно таков. И все же мы подготовились к тому, чтобы быть в состоянии пробиваться навстречу Готу. Я надеюсь, что Главное командование сухопутных сил по крайней мере в последнюю минуту поймет, что единственный путь к спасению армии — это мое предложение оставить город и пробиваться на юго-запад.

Памятная записка генерала фон Зейдлица

Мои усилия получить правильное представление о численности наших дивизий и соединений мало к чему привели. Поэтому я решил посетить некоторых корпусных адъютантов, чтобы с ними обсудить, как нам хотя бы приблизительно установить боеспособность и численность различных войсковых частей. Я начал с размещенного вблизи штаба LI армейского корпуса. Корпус в основном был расположен в пределах города. Если не считать описанный выше разгром 94-й пехотной дивизии, этот корпус с начала контрнаступления понес наименьшие потери. Город стал самым спокойным боевым участком котла.

— Как настроение в штабе? — спросил я адъютанта.

— Плохое, — отвечал он. — Старик ругается как сапожник. Он в бешенстве, что Паулюс бездействует, хотя и видит, что 6-я армия медленно, но верно погибает. Зейдлиц считает безответственной болтовней обещание Геринга 22 дивизии снабжать по воздуху. Он-то уж это понимает после Демьянска. Может быть, вы хотели бы прочесть его памятную записку или вы с ней уже знакомы?

— Я слышал о памятной записке у нас в штабе. Есть у вас ее текст?

— Разумеется, господин полковник.

Адъютант подошел к своему сундуку с документами, вынул оттуда скоросшиватель и протянул мне. Я читал с возрастающим интересом. Точно, трезво, неопровержимо оценивал Зейдлиц катастрофическое положение со снабжением нашей армии, дальнейшее широкое наступление советских войск, мероприятия Главного командования сухопутных сил по деблокаде, которые могли бы лишь позднее дать эффект, и боеспособность войск. Все эти суровые факты вынуждали принимать решение. «Либо

6-я армия, заняв круговую оборону, защищается до тех пор, пока она не израсходует все боеприпасы, то есть останется безоружной... Либо, действуя наступательно, армия разрывает кольцо окружения», — таковы были заключительные выводы генерала. Его не пугала мысль о том, чтобы в случае необходимости действовать вопреки приказу Гитлера о круговой обороне, и он закончил свой меморандум следующими словами: «Если Главное командование сухопутных сил не отменит немедленно приказ о круговой обороне, то голос собственной совести велит нам выполнить свой долг перед армией и немецким народом, самим вернуть себе свободу действий, которой нас лишил изданный приказ, и использовать пока еще имеющуюся возможность нашим наступлением предотвратить катастрофу. Угрожает полное уничтожение двухсот тысяч солдат и всей материальной части. Другого выбора нет» [1].

Вот проявление гражданского мужества, смелости и готовности к самостоятельным действиям — так воспринял я тогда записку. Мне не приходило в голову, что у Зейдлица могла быть какая-либо иная цель, кроме стремления спасти армию для продолжения борьбы. На миг у меня даже явилась мысль: а что, если бы Зейдлиц, а не Паулюс был командующим 6-й армией? Я высоко ценил Паулюса. Но на этот раз я отдавал дань уважения Зейдлицу.

Я спросил адъютанта, какова судьба памятной записки.

— Она была в оригинале отправлена армией дальше через группу армий Главному командованию сухопутных сил, и — тут вы посмеетесь — на Зейдлица было возложено командование всем северным и восточным участками котла.

— Как реагировал Паулюс на такое сужение его власти как командующего?

— Этого я не могу вам сказать, господин полковник. Знаю только, что состоялось объяснение между Паулюсом и Зейдлицем.

Получив сведения о личном составе LI армейского корпуса, я поехал обратно в мой штаб. У меня не укладывалось в голове, как случилось, что Гитлер поручил фрондеру Зейдлицу командование самыми важными участками обороны в котле. Не хотел ли он таким образом приручить генерала из старой военной семьи? Но почему это было сделано без Паулюса?

Вероятно, Эльхлепп может ответить на эти вопросы. Сейчас же после возвращения я пошел к нему. Он встретил меня словами:

— Ну как, читали памятную записку Зейдлица? Что вы скажете по этому поводу?

— Я восхищен точностью и последовательностью суждений. Конечно, я был поражен, когда ознакомился с предложением действовать вопреки приказу фюрера.

— С этим выводом не согласны все мы — Паулюс, Шмидт, я и другие командиры корпусов. Это, по моему мнению, анархия. Я признаю, что обязанность и право командующего армией принимать самостоятельные решения. Но лишь в том случае, когда у него нет связи с вышестоящими командными инстанциями. Но у нас это не так. Верховное командование самым подробным образом информировано о нашем положении. Ведь нелепо предполагать, что Главное командование сухопутных сил намерено принести нас в жертву.

Ложь Геринга о снабжении по воздуху

— Паулюс мне вчера рассказывал, будто Гитлер хотел отдать приказ армии о прорыве. Потом под влиянием Геринга он принял другое решение. Ни Паулюс, ни Шмидт, ни вы, ни один из командиров корпусов — да и никто из нас — не верит, учитывая общую обстановку на фронтах, чтобы армию, и теперь еще насчитывающую 270 тысяч человек, авиация могла снабжать в течение месяца продовольствием, боеприпасами, горючим, медико-санитарными средствами. Это же утопия. Ведь это было невозможно и в начале окружения, когда красное кольцо вокруг 6-й армии еще не было плотным, советская противовоздушная оборона еще была малоэффективна; а теперь, когда зенитки и истребители противника действуют так активно, это совершенно исключено.

— Правильно, Адам. Паулюс это ясно понимал еще в первые дни окружения. Да и генерал-майор Пикерт, командир 9-й зенитной артиллерийской дивизии, считал иллюзией расчеты на то, что авиация обеспечит достаточное снабжение нашей армии. Поэтому по распоряжению командующего армией он 27 ноября вылетел в штаб группы

армий, чтобы полностью информировать фельдмаршала фон Манштейна об опасном положении в котле и обсудить с компетентными инстанциями военно-воздушных сил перспективы максимального и главное — бесперебойного снабжения нашей армии. Пикерту было поручено откровенно изложить наши сомнения в реальности снабжения по воздуху и подчеркнуть, что армию может спасти только прорыв при поддержке извне При этом уже нельзя терять времени.

— Кстати, еще один вопрос, Эльхлепп. Если нужно сохранить боеспособность армии, то сколько машин должно ежедневно вылетать в котел?

— Вы знаете, Адам, что нам нужно в день минимум 700 тонн грузов. Один «юнкерс-52» берет 2 тонны. Это, следовательно, означало бы, что ежедневно в Питомнике должны приземляться 350 «юнкерсов». Но грузоподъемность «хейнкеля-III» составляет только 1,5 тонны. Стало быть, если нет в распоряжении достаточного числа «юнкерсов-52», то уже нужно более 400 машин.

— Такой же ответ мне дал полковник Баадер. А сколько же машин фактически прибывало в последние дни? — спросил я.

— Только небольшая часть нужного количества, в лучшем случае одна четверть. Но позвольте мне все же продолжить мой рассказ. Несколько дней назад Пикерт возвратился. Он доложил Паулюсу о своей длительной беседе с генералом Фибигом, командиром VIII авиационного корпуса, которому Гитлер поручил снабжение по воздуху 6-й армии. Хотя корпус по приказу Гитлера освобожден от всех других боевых заданий, Фибиг вынужден заявить, что у него не хватает машин для того, чтобы доставлять в котел по воздуху требуемый тоннаж. Генерал сам оказался в неприятном положении. 11 декабря он прилетел в котел и обещал Паулюсу и Шмидту, что сделает все, что в человеческих силах, чтобы помочь тяжко бедствующей 6-й армии. Но дело не только в нехватке самолетов. Порой сильный мороз, поднявшаяся метель и густой туман почти парализуют воздушное сообщение. В результате до сих пор не было ни одного дня, когда бы удалось доставить хоть четверть нужного тоннажа. Вероятно, в ближайшие дни мы будем вынуждены еще уменьшить хлебный паек, который в конце ноября был установлен в размере 200 граммов на день.

— Я еще в Морозовске узнал, что многие дивизии во время бегства потеряли все свои склады продовольствия и даже полевые кухни и уже не первый день голодают.

— Так и есть. Поэтому Паулюс тотчас же после своего прибытия в котел приказал всем частям точно взять на учет запасы продовольствия, обмундирования, боеприпасов и горючего и доложить, сколько имеется в наличии. Квартирмейстерам и интендантам приказано позаботиться о равномерном распределении. Не знаю, все ли честно и правдиво доложили, каковы запасы. Мы не имели возможности проверить донесения.

— Следовательно, мы должны признать, что большинство солдат находящейся в котле армии уже много дней голодают. Чем меньше число прибывающих самолетов, тем быстрее растет ежесуточно недостача продовольствия. Где же выход, Эльхлепп?

— Выход заключается в бесперебойном, возможно большем снабжении по воздуху и в успехе наступления армии Гота.

— В реальность воздушного моста мы оба не верим. Мне представляется также весьма сомнительным, чтобы деблокирующей армии Гота удалось перебросить к нам наземный мост. Ваш оптимизм делает вам честь, дорогой мой. Но может быть, мы поддаемся гибельному самообману?

— Конечно, оба моих предположения еще находятся под большим вопросом. Но ведь и мы не сидим сложа руки. Хотя Гитлер приказал удерживать Сталинград, нами проведены все подготовительные мероприятия для того, чтобы суметь в самые ближайшие дни пробиться навстречу армии Гота. Мы не должны терять веру в успех.

Генштабист полковник Эльхлепп принадлежал к тем десяткам тысяч офицеров и солдат, которые искренне верили в авторитет начальства. В основе их послушания лежало доверие к верховному командованию, они были готовы рисковать своей жизнью ради него, будучи при этом твердо убеждены, что оно со своей стороны оправдывает доверие тем, что его поступки и решения проникнуты чувством высокой ответственности. Доверие в ответ на ответственность, ответственность в ответ на доверие — такова

была формула солдатского мышления и поведения. Большинство из нас было воспитано в этом духе, так мы жили и сражались. Но как же быть, если верховное руководство злоупотребляло нашим доверием, если оно по каким-то причинам, может быть даже по легкомыслию, пренебрегло лежащей на нем ответственностью?

Меня терзали сомнения. Эта естественная вера, непоколебимое доверие к командованию вермахта были во мне основательно подорваны. Формула «Доверие в ответ на ответственность, ответственность в ответ на доверие» показалась мне спорной, упрощенной, даже наивной в свете горького опыта последних недель. Не прав ли все же генерал фон Зейдлиц? Но пока что надо было разобраться в других делах.

— Еще один вопрос, Эльхлепп. Можем ли мы как должно заботиться о раненых и больных, особенно о тяжелораненых?

— К сожалению, нет. Как вы знаете, все крупные госпитали расположены к западу от Дона. Около города и в степи размещено лишь несколько небольших полевых госпиталей. Они давно переполнены, хотя мы каждую машину, летящую в обратный рейс, полностью загружаем тяжелоранеными. Но ведь дело не только в недостатке места, прежде всего не хватает перевязочного материала, наркотических средств, медикаментов, хирургических инструментов. Пополнение ничтожно. Врачи и медицинский персонал перегружены, все чаще и они валятся с ног. Начальник санитарной службы или квартирмейстер могут вам рассказать о подлинных трагедиях.

После беседы с начальником оперативного отдела я стал осведомленнее, но отнюдь не спокойнее. Я отправился к себе — в убежище командующего армией. Текущей почты было немного. Пока я давал распоряжения обер-фельдфебелю Кюпперу, открылась дверь и вошел Паулюс.

— Много дел, Адам?

— Да, господин генерал. Утверждено несколько представлений к Рыцарскому кресту и Немецкому кресту в золоте. Я их сейчас разошлю по корпусам.

— Рыцарский крест за проигранное сражение. Вам не кажется, что это смешно?

Паулюс усмехнулся и продолжал:

— Вы были сегодня утром в штабе LI корпуса. Есть какие-нибудь новости?

— Нет, господин генерал, или, собственно, все же есть. Я узнал кое-что новое. Корпусной адъютант рассказал мне, что все дивизии на северном и восточном участках котла подчинены генералу Зейдлицу. Я этого еще не знал.

Паулюс слегка кивнул головой и отвечал несколько обиженным тоном:

— Да, таково переданное по радио приказание Гитлера. Можете потом его у меня прочитать. Я сам не знаю, что это, собственно, должно означать. Возможно, Гитлер хочет проверить, действительно ли хватит у Зейдлица мужества нарушить приказ. Но возможно и другое — что Гитлер особенно высоко ценит Зейдлица.

— Это мне непонятно, господин генерал. Сначала Гитлер подчеркивает, что он вполне полагается на командующего армией. Днем позже он передает большинство дивизий под командование генерала Зейдлица. В этом есть тем большее противоречие, что именно Зейдлиц требовал, чтобы мы вернули себе свободу действий, отнятую приказом фюрера. Какова, собственно, сейчас точка зрения Зейдлица по этому вопросу?

— Я спросил его об этом в присутствии генерала Штрекера. Он мне ответил: «При данных обстоятельствах я должен подчиниться». Пойдемте, я покажу вам радиограмму Гитлера.

В своем рабочем помещении Паулюс вынул из папки лист бумаги и дал его мне. Я прочел следующие строки, под которыми значилась подпись «Адольф Гитлер»: «Прорыв из котла исключен. Снабжение по воздуху обеспечено. Под командованием генерала Гота сосредоточивается новая армия для прорыва котла извне. Все дивизии, действующие на волжском и северном участках фронта, передаются под командование генерала фон Зейдлица»[1]. Дополнительно было указано, что за генералом Паулюсом сохраняются права и власть, связанные с общим руководством войсками, находящимися в котле.

Позднее, оставшись один, я долго размышлял, сопоставляя Паулюса и Зейдлица. Два противоположных характера: Паулюс — добросовестный, все тщательно продумывающий генштабист, мыслитель, но нерешительный человек; Зейдлиц — значительно менее образованный

и менее знающий генерал, нежели Паулюс, однако человек решительный и смелый до безрассудства. Зейдлиц безоговорочно защищал свою точку зрения и даже в споре с Паулюсом оказался в конфликте с прочими генералами. Тем не менее он вынужден был замолчать, когда получил приказ Гитлера, узнал, что его отличили, предоставив более высокий командный пост. И генерал фон Зейдлиц повиновался, несмотря на свое особое мнение. В качестве первого адъютанта армии я часто имел возможность наблюдать, как продвижение по службе, повышение в звании или получение высокого ордена влияли на взгляды, по меньшей мере на поведение многих офицеров. И Зейдлиц тоже уступил. По таким же или аналогичным мотивам — это для меня так и осталось неясным.

Армия пожирает лошадей

Дни после 12 декабря были особенно волнующими. Штаб армии подготовлял прорыв. Операция Гота «Зимняя гроза» (так она была закодирована) провалилась. По сигналу «Удар грома» 6-я армия должна была разорвать кольцо изнутри и двинуться навстречу Готу. Имелось в виду, что всех раненых повезут на грузовиках. Если бы только снабжение было хоть немного более успешно! Вплоть до 12 декабря ежедневно доставлялось по воздуху не больше 100 тонн продовольствия, боеприпасов и горючего. После неустанных просьб армии о помощи объем снабжения несколько увеличился. Но и тогда он ни разу не приближался к цифре 300 тонн в день, а такова была минимальная потребность в одних лишь продовольственных грузах. Голод все сильней терзал тело и душу людей, попавших в окружение. В некоторых частях число солдат, обессилевших от голода, уже превышало число раненых. В каждом убежище, каждом окопе, в каждом дивизионном медицинском пункте лежали изможденные солдаты и офицеры, которые уже больше не могли встать на ноги. В этом бедственном положении армия забрала лошадей румынской кавалерийской дивизии, которые все равно уже были полумертвыми из-за недостатка корма. Начальник снабжения армии капитан Тенке разрешил забить 4000 лошадей. Пока имелись

мясо и кости лошадей, можно было хоть временно несколько улучшить продовольственное снабжение. Это дало немного, хотя бы потому, что с 15 декабря хлебный паек был снижен до 100 граммов. Два ломтика хлеба в день, жидкий суп из конины, несколько чашек горячего овощного чая или солодового кофе — и при таком питании солдаты должны были жить, драться, противостоять морозу, снегу и бурану.

Понятно, с каким волнением и надеждой четверть миллиона человек, запертых в котле, относились к продвижению армии Гота. После выступления 4-й танковой армии люди испытали чувство облегчения, на некоторое время к ним вернулась уверенность в себе, вновь пробудилась воля к борьбе. Снова имело смысл стойко держаться. Еще всего несколько дней — и удастся разорвать смертельное кольцо. Два-три дня царил настоящий подъем. Когда же затем день за днем проходили в бесплодном ожидании, людей охватило тяжкое разочарование и глубокое уныние.

Генерал Паулюс каждый день с утра выезжал в дивизии, находившиеся на самых опасных участках. Утро 16 декабря — на рассвете термометр показывал свыше 30 градусов мороза — Паулюс провел на западном участке, где шли упорные бои. Когда он к полудню вернулся обратно, я по выражению его лица понял, что у него тяжело на душе.

— Вы были сегодня в 44-й пехотной дивизии, господин генерал? Судя по вчерашнему вечернему донесению, она понесла большие потери. Русские снова атаковали? — спросил я.

— Вы знаете, на этом участке всегда неспокойно. Однако самое худшее, что не потери в боях — главная причина гибели людей. Командир дивизии и дивизионный врач доложили, что за последние дни учащаются случаи обморожения. Из-за недостатка зимнего обмундирования солдаты в их снежных норах беззащитны против ледяных степных ветров. Днем они не могут выйти из окопов и рвов даже за нуждой. Тот, кто все же делает такую попытку, чаще всего платится жизнью. А так как никто не может пошевелиться в этих норах, неизбежно обмораживание.

— Каким способом можно вообще эвакуировать с переднего края раненых и больных?

— Это почти неразрешимая проблема. Противник открывает огонь, как только замечает у нас движение. Лишь с наступлением темноты можно подобрать раненых, оказать помощь обмороженным. А это слишком часто приводит к тому, что медицинская помощь опаздывает.

Вчера я встретил здесь, в штабе, офицера связи из 44-й дивизии. Он рассказывал, что ночью с обеих сторон почти прекращаются боевые действия. У нас на позициях остается лишь слабое охранение. Могут ли отдыхающие части хотя бы в это время где-либо разместиться, господин генерал?

— Немногие селения в степи были подвергнуты сильному обстрелу, летом нами, а теперь противником. Между развалинами имеется несколько убежищ, большей частью оборудованных осенью нашими тыловыми частями. Они заняты частично штабами. Их, конечно, далеко не достаточно. Ночью туда все забираются и теснятся около очагов и печей. Дрова с трудом добывают в Сталинграде.

— Что же будет, если численность дивизий будет сокращаться в таком же темпе? Кто же тогда будет удерживать линию фронта?

— Все зависит от того, как скоро опять восстановим связь с нашими войсками по ту сторону кольца окружения. Но поразмыслите и вы, Адам, о том, какие предложения вы можете мне сделать.

Новая надежда на прорыв

Паулюс отправился к Шмидту. Я ушел к себе и стал изучать списки замещаемых должностей в дивизиях и войсках резерва командования. Танковые и артиллерийские части, потерявшие свою технику, были уже расформированы, а еще боеспособные офицеры и солдаты использованы в пехоте. Однако можно было бы выявить пригодных к бою среди солдат тыловой службы и высших войсковых штабов, работа которых постепенно сводилась к минимуму. Удалось бы набрать и среди наших дивизий здесь, в городе, офицеров и солдат для укрепления пехоты на угрожаемых участках фронта. Я решил при первом же удобном случае переговорить со Шмидтом. Пока я размышлял над всем этим, явился ординарец и передал, что

меня просят на совещание в комнату начальника штаба. Генерал Паулюс и Эльхлепп были уже там. Вслед за мной пришли начальник разведывательного отдела и исполняющий обязанности обер-квартирмейстера.

Генерал-майор Шмидт стоял перед картой обстановки. По знаку командующего он начал свой доклад.

— Я только что говорил с начальником штаба группы армий «Дон» генералом Шульцем по коротковолновой радиостанции. Он сообщил мне, что сегодня утром Красная Армия начала действия против правого фланга группы армий «Дон» и левого фланга группы армий «Б». Вероятно, противник намерен прорваться по направлению к Ростову. Сейчас положение еще неясно. LVII танковый корпус Гота ведет ожесточенные бои с крупными силами неприятеля и весьма медленно продвигается вперед. Его авангарды ведут бои на участке Верхне-Кумский, Водянский, Кругляков, то есть примерно в 50 километрах от нашего южного участка. Группа армий «Дон» снова предложила Главному командованию сухопутных сил разрешить 6-й армии прорыв из окружения. Следовательно, мы должны считать, что в этой крайней критической обстановке главное командование войдет наконец в наше положение. Прошу начальника оперативного отдела и квартирмейстера доложить о том, как идет подготовка.

Сначала голос начальника штаба чуть дрожал от волнения, но к концу речи Шмидт успокоился.

Начальник оперативного отдела в своем выступлении добавил к вышесказанному:

— Наши 40—50 еще боеспособных танков сосредоточены вблизи намеченного места прорыва. Запаса горючего хватит не меньше чем на 30 километров. Перед командиром танкового корпуса поставлена задача прорвать вражескую линию обороны и установить связь с LVII танковым корпусом. Участок прорыва должен быть обеспечен с флангов, чтобы 6-я армия могла выбраться из котла. Вывод наших дивизий подготовлен на всех участках.

Исполняющий обязанности обер-квартирмейстера подполковник фон Куновски доложил:

Капитан Тепке находится, как предусмотрено приказом, в Карповке. Он сосредоточил там автотранспорт грузоподъемностью 700 тонн и будет двигаться вслед за нашими атакующими танками. Его задача — получить доставленные армией Гота грузы и возможно быстрей

подвезти их к нашим наступающим дивизиям. VIII воздушный корпус получил приказ сбросить в образуемую брешь горючее и боеприпасы для наших танков, пробивающихся к югу. Дивизионная артиллерия и полевые кухни будут прицеплены к грузовикам. Необходимое количество машин наготове.

Шмидт добавил, что вся лишняя боевая техника должна быть подготовлена к уничтожению.

Во время этих докладов или сообщений Паулюс смотрел на карту. Теперь он повернулся к нам лицом.

— Надо надеяться, приказ придет очень скоро, в противном случае возникнет опасность, что мы уже не сможем его выполнить. День ото дня тают силы наших солдат, убывают боеприпасы, продукты, горючее и медикаменты. Сегодня горючего хватит только на 30 километров атаки, а через четыре-пять дней запас его может сократиться настолько, что мы больше не будем способны ни на какую атаку.

После этой серьезной хоть и не неожиданной оценки обстановки мы разошлись.

Конечно, приготовления в районе Карповки не могли укрыться от наших войск. Простой солдат был на этот счет необычайно чуток. Если медленное продвижение армии Гота породило известное уныние, то весть о готовящемся прорыве из котла, распространившаяся с быстротой ветра, вызвала новый подъем оптимизма. Солдаты готовы были забыть обо всех мытарствах и жертвах, принесенных ими в последние недели, только бы выбраться из этой мышеловки. Вырваться из котла — это значило получить регулярное и сытное питание, освобождение от фронтовой службы, покой и давно полагающийся вожделенный отпуск, свидание с женой и детьми, родителями, братьями и сестрами. Чего только не сулила обманчивая надежда предельно усталым, измученным, истощенным солдатам...

Наши писаря и ординарцы тоже сияли в предвкушении будущего счастья. Они уже не сидели так апатично и бесцельно за своими столами. Когда я 16 декабря зашел под вечер к своим писарям в их укрытие, обер-фельдфебель Кюппер, весело смеясь, встретил меня словами:

— Ну вот, господин полковник, дело-то у нас на мази. До чего ж мы рады, что выберемся опять на свет из этой проклятой норы. Ведь наши на родине понятия не имеют,

что тут у нас приключилось. Только вчера получил письмо от жены, так она, верно, в десятый раз не меньше, спрашивает, почему я не приезжаю в отпуск.

— Счастливец! А я, милый Кюппер, с 19 ноября не получаю писем от родных. Но теперь можно снова надеяться. Соберите всякую писанину, чтобы ее уничтожить. Обременять себя этим при прорыве нам не к чему.

— Будет сделано, господин полковник. Только что был у нас писарь из LI армейского корпуса. Как он рассказывает, генерал фон Зейдлиц подает нам пример: он сжег буквально все — обмундирование, белье, сапоги, фотоаппарат, книги, оставил только то, что на нем.

Я не мог удержаться от смеха. Таков именно и был Зейдлиц: пылкий и делавший все основательно, не любитель полумер.

Манштейн уклоняется

В эти дни наш штаб ожил: аппарат работал полным ходом — офицеры связи, телефонные разговоры, радиограммы, приказы, рапорты. Шмидт был особенно в форме. Паулюс почти ежедневно говорил по радио с фельдмаршалом фон Манштейном. Большую часть этих разговоров я слышал и застенографировал. Они мало чем отличаются друг от друга. Паулюс добивался ответа на свои вопросы: какова обстановка у места советского прорыва к западу от Дона? Когда можно рассчитывать на приход деблокирующих войск? Восстановлен ли на Чире сплошной устойчивый фронт? Приостановлено ли наступление противника? Скоро ли генерал Холлидт перейдет в контрнаступление?

Манштейн отвечал скупо, неконкретно, Паулюс сердился, что командующий группой армий «Дон», по-видимому, плохо информирован.

— Как я могу принимать здесь какие-либо решения, если я не знаю, что делается вокруг, не знаю, что Манштейн и главное командование предпринимают и планируют. Я вечно слышу только одно: «Держитесь!» Так мы и делаем вот уже месяц, причем погибаем. Похоже на то, что Гот вряд ли продвинется вперед. Части его LVII танкового корпуса перешли к обороне.

— Может быть, господин генерал, мы бы выручили Гота, если бы перешли в наступление и прорвались ему навстречу, тогда русские вынуждены были бы драться на два фронта и распылять свои силы?

— Это-то верно, Адам, но до сих пор Манштейн нам этого не разрешил. Он ведь должен санкционировать начало операции под кодовым названием «Удар грома». А он молчит и поныне. Гитлер и главное командование все еще хотят, чтобы мы удерживали город. И Манштейн боится дать приказ от своего имени, хотя и знает о нашем тяжелом положении. Тогда, сразу же после окружения, приказ держаться до конца, между прочим, мотивировался тем, что преждевременная сдача города повлечет за собой уничтожение группы «А» на Кавказе, которая застряла из-за осенних дождей и слякоти *. Пусть даже этот мотив был правильным до конца ноября, но ведь сейчас земля промерзла и на подступах к Кавказу. Тем не менее наш прорыв под запретом и сейчас. Как же я могу что-нибудь предпринимать, если я не знаю общей обстановки и Манштейн меня неправильно информирует?

Последние слова прозвучали как вопль отчаяния. Казалось, Паулюса раздавит бремя возложенной на него ответственности. «Надо надеяться, что он выдержит», — подумал я, выйдя от Паулюса.

17 декабря поздно вечером командование группы армий «Дон» сообщило, что 17-я танковая дивизия присоединилась к армии Гота и, наступая, переправилась через Аксай у Генераловского.

— Будем надеяться, господин генерал, что теперь Гот снова продвинется вперед, — заметил я, когда Паулюс меня информировал о случившемся.

— Мы крайне в этом заинтересованы. Если бы эта дивизия на пять дней раньше вступила в бой, успех был бы, по моему мнению, обеспечен. Между тем у командования Красной Армии оказалось достаточно времени для того, чтобы усилить свою оборону. Посмотрим, что нас ожидает завтра и послезавтра.

Как терзало нервы это ожидание! Как расслабляло! Это сказалось даже на столь деятельном генерал-майоре Шмидте. Когда я предложил отобрать из штабов и службы тыла солдат и офицеров для пехотных частей, он хоть и согласился, но все же предпочел ждать, пока будет принято решение о нашем выходе из окружения.

Ну а противник тоже медлил? Вряд ли можно было так думать. Он действовал, даже если здесь его действия сводились к налету одной «швейной машины», которая в эту минуту прострочила небо над нашим командным пунктом и сбросила бомбы. Одна из них упала поблизости от нашего убежища. Земля задрожала, оконные стекла лопнули.

Долго ли еще противник будет выжидать, прежде чем нанести нам сокрушительные удары? Когда все это кончится? И чем?

Группа армий «Дон» присылает майора

Утром 18 декабря с нами связался комендант аэродрома в Питомнике.

— Только что прибыл офицер разведывательного отдела группы армий «Дон» майор генерального штаба Эйсман. Он просит прислать за ним машину.

Тотчас же была отправлена одна из дежурных легковых машин, через час майора принял генерал Паулюс, а вслед за этим — генерал-майор Шмидт. Затем в убежище состоялась обстоятельная беседа между обоими генералами и представителем командования группы армий.

Я познакомился с Эйсманом — довольно поверхностно — во время совместного обеда. Это был очень молодой офицер, умный и сообразительный — таково было мое первое впечатление. С каким поручением он сюда явился? За столом об этом не было сказано ни слова. Я услышал только, что ему дан приказ в тот же день вылететь обратно в штаб группы армий «Дон» в Новочеркасске. «Молниеносный визит», — подумал я.

Эйсман пожелал после обеда еще переговорить с Эльхлеппом и фон Куновски. Я, как обычно, сопровождал Паулюса в его бункер. Командующий предложил мне пройти вместе с ним в его рабочий кабинет.

— Вы, наверное, спрашиваете себя, Адам, что означает этот короткий визит молодого офицера. Манштейн поручил ему ввести нас в курс всей обстановки. Армия Гота натолкнулась на сильного, численно превосходящего противника. Она не сможет продвинуться вперед. По мнению главного командования группы армий «Дон»,

сомнительно, чтобы Готу удалось с имеющимися в его распоряжении силами прорвать кольцо окружения. Манштейн считает также, что возможность увеличить снабжение по воздуху исключена. Поэтому 6-я армия должна быть готова к контрудару.

— Я полагаю, господин генерал, мы к этому вполне подготовились. Когда мы должны выступить? Наиболее серьезным представляется мне положение с горючим. При его наличном запасе немногие имеющиеся у нас танки с трудом пройдут в боевой обстановке 30 километров. Между тем передовые отряды Гота отдалены от нас более чем на 50 километров. Распорядилось ли по крайней мере командование группы армий, чтобы горючее и снаряжение было переброшено по воздуху? Представляет ли себе Манштейн, каковы силы наших солдат? Знает ли он, что большинство в полуголодном состоянии?

— Вы сами сказали, что наши солдаты изнурены и что большая часть наших дивизий расположена на расстоянии свыше 40 километров от намеченного места прорыва. Вспомните судьбу 94-й пехотной дивизии, которую Зейдлиц 23 ноября оттянул с Северного фронта. Точно так же противник обрушится и на наши измотанные и потрепанные войска и уничтожит их. Нет, при создавшихся условиях было бы безответственно давать приказ о прорыве из окружения. Я должен быть уверенным, что кольцо окружения будет прорвано извне или что Гот настолько к нам приблизился, что мы сможем в течение одного дня установить с ним связь. Создать предпосылки для прорыва и назначить время для начала прорыва может только Манштейн. До сих пор он в этом решающем вопросе все еще держится уклончиво. Я откровенно изложил Эйсману мою точку зрения и просил его столь же откровенно информировать Манштейна. Ведь положение в котле за последние недели решительно изменилось. Считать нашу армию боеспособной можно только условно.

— Я не понимаю, почему при нашем катастрофическом положении Манштейн посылает какого-то майора вместо того, чтобы самому вылететь в котел * или хотя бы прислать своего начальника штаба. Ведь нашему командованию, господин генерал, нужно обсудить положение с лицами, имеющими право принимать решение, с людьми, которые здесь вместе с вами могли бы принять ясное реше-

ние, чтобы таким образом избегнуть дальнейшего обострения ситуации.

— Вы совершенно правы. Командование группы армий должно принять решение. Манштейну известно положение внутри и вне котла. Он знает, какие силы еще находятся на подходе. Видимо, командующий группы армий «Дон» не решается на свой страх и риск действовать вопреки приказу Гитлера. Я много ждал от личной беседы с Манштейном в котле. Здесь он должен был бы занять определенную позицию. Шмидт тоже не может понять, почему Манштейн так третирует 6-ю армию и в эти грозные часы присылает к нам самого молодого офицера своего штаба. Значит, нам снова нужно ждать. По моему распоряжению Куновски передал Эйсману письменный доклад о катастрофическом недостатке продовольствия и медико-санитарных средств.

Манштейну должно быть ясно, что и остатки 6-й армии погибнут самым жалким образом, если сейчас, в последнюю минуту, не будут вне и внутри котла сосредоточены все силы, необходимые для деблокирования. Для десятков тысяч наших людей даже самая решительная помощь 6-й армии уже опоздала. Тем не менее я питаю весьма слабые надежды на то, что Манштейн сам решится отдать приказ об оставлении Сталинграда. Мы увидим, Адам, как за все, что здесь происходит, когда-нибудь ответственность возложат на меня одного. Кто станет учитывать, что приказы высших командных инстанций связали мне руки? Кто примет во внимание, что недостаточная осведомленность о положении вне котла парализует меня, когда надо принимать решение?

Что я мог ответить близкому к отчаянию Паулюсу, который день и ночь ломал себе голову над тем, как ему вывести армию из этого безвыходного положения? Я не находил слов. Мне было ясно, что не Паулюса сочтут главным виновником страданий 6-й армии, а тех, кто послал его вместе с его солдатами на гибель, а затем предал.

Однако кто же принадлежит к числу тех, кто предал? Гитлер? Кейтель, Иодль или генеральный штаб? В какой мере виновны Вейхс или Манштейн? Есть ли другие виновники? Тогда я не находил никакого ответа.

Вечером 18 декабря, как каждый день, начальники отделов собрались в убежище у Паулюса. Краткое

сообщение Шмидта об операции Гота лишь подтвердило то, что Эйсман передал утром. 17-я и 6-я танковые дивизии практически застряли.

Мне вручают Рыцарский крест

После этого мы принялись уничтожать наш скудный ужин. Настроение было подавленное. Тут вошел ординарец и пригласил Паулюса к аппарату по вызову фельдмаршала фон Манштейна. Мы насторожились. Не прибыл ли спасительный приказ? Эльхлепп сказал:

— Вот это был бы действительно быстрый ответный сигнал!

Мы не сводили глаз с двери. Шли минуты. Паулюс не появлялся. Постепенно в нас заговорил прежний скепсис. Если бы с Манштейном обсуждался вопрос о выходе из окружения, Паулюс непременно приказал бы позвать Шмидта.

Ну вот наконец! Командующий возвратился в помещение, сопровождаемый моим обер-фельдфебелем Кюпнером. Это было странно и не могло иметь ничего общего с приказом о выходе из окружения. Пока я размышлял, Паулюс подошел ко мне.

— Я должен всем вам, господа, сообщить приятное известие. Сегодня наш 1-й адъютант полковник Адам за его участие в организации обороны на реке Чир, за проявленные им при этом самоотверженность и мужество награжден Рыцарским крестом.

С этими словами генерал вручил мне высокую награду.

Я был так поражен, что не сразу ответил на сердечные поздравления Паулюса. Все бросились ко мне, жали мне руки. На короткое мгновение были забыты лишения и смерть. Мной овладела огромная радость, я искренне гордился, особенно когда командующий подчеркнул, что впервые, пожалуй, в германской военной истории адъютант армии награжден высшим орденом. Но не успел я почувствовать себя по-настоящему счастливым, как это чувство улетучилось. Чашу радости отравила горечь воспоминаний о сопровождавшихся огромными жертвами боях на нижнем Чире, о многих товарищах, тогда и позд-

нее отдавших свои жизни. В конце ноября командование группы армий потребовало от нас, чтобы мы обеспечили возможность отхода 6-й армии. Ради этой цели солдаты, отступавшие вплоть до Нижне-Чирской, беспрекословно заняли указанные им позиции. И я воспринимал как свой внутренний долг оказание помощи товарищам, находившимся в котле в столь тяжелом положении. Ради этого мы были готовы отдать все силы. Но жертвы и потери были напрасны. Здесь ничего не мог изменить и мой Рыцарский крест.

Но не только печальный итог событий прошедшего месяца, а гораздо больше сама страшная действительность была причиной того, что получение награды не вскружило мне голову. Поздно вечером 18 декабря Шмидт принес еще находившимся в убежище офицерам штаба новое печальное известие. Красная Армия продолжала с возрастающим успехом наступление, начатое 16 декабря. Фронт итальянской армии был окончательно прорван. Соединения этой армии в паническом бегстве оставили свои позиции и бежали на запад.

Начальник штаба закончил свою информацию так:

— Тем самым пробита широкая брешь на левом фланге немецких дивизий и сводных частей, ведущих бои на Верхнем Чире.

Прорыв уже достиг глубины 45 километров. Вероятно, группа армий будет вынуждена оттянуть назад весь левый фланг.

Что же получится из наступления Гота? Достаточно ли сил у его танковой армии для того, чтобы продолжать наступление и быстро вступить с нами во взаимодействие?

Паулюс, Шмидт и я стояли вместе перед оперативной картой; на ней не хватало многих данных. Мы плохо знали, какие наши части находились в месте прорыва, какова была их боевая мощь, где именно проходил фронт. Мы буквально ничего не знали о том, каковы силы противника и каково главное направление его прорыва. Командующий слушал в течение нескольких минут наши предложения, затем сказал:

— Все зависит от того, какие резервы может и хочет ввести в бой главное командование. Мы здесь, в котле, не можем этого определить. Хорошо, если оптимисты окажутся правы.

Мучительные вопросы

Заботам конца-края не видно.

Ясной морозной ночью я с начальником оперативного отдела еще несколько времени прохаживался возле наших блиндажей.

— Мне все это непонятно, Эльхлепп. Если я не ошибаюсь, вместе с 8-й итальянской армией был введен в бой и германский XXIX армейский корпус. Видимо, немецкие соединения тоже сдали свои позиции.

— Надо полагать. Вероятно, их увлекли за собой бежавшие без оглядки итальянцы.

— Как подумаешь, Эльхлепп, ведь мы с 1940 года стремительно шли от победы к победе. Теперь поражение следует за поражением. Ведь этому должны быть причины.

Я считаю главной причиной косную, негибкую тактику. Мы редко и всегда очень вяло реагируем на мероприятия противника, недооцениваем его самым безответственным образом.

— Чем больше я об этом думаю, тем больше меня угнетает мысль, что и мы, командование 6-й армии, проявляли в решающие моменты ограниченность и узколобость. Конечно, сегодня легко судить о прошлом. В дни, предшествовавшие 19—20 ноября, ни Паулюс, ни Шмидт, ни командиры корпусов, за исключением Зейдлица, ни вы, ни я не были готовы, вопреки приказам Гитлера и Главного командования сухопутных сил, пробиваться на юго-запад, чтобы избежать угрожающего окружения. А тогда еще не было поздно. Мы бы сохранили жизнь десяткам тысяч людей, а они между тем пали в битве, которую скорей надо бы назвать нашей агонией, поскольку у нас не было достаточно боеприпасов, горючего и продовольствия. И не следует ли отсюда, что и нас всех, занимающих командные посты в 6-й армии, назовут совиновниками происшедшего?

— Мою точку зрения вы знаете, Адам. Мы солдаты и обязаны повиноваться. Это остается в силе и тогда, когда мы не в состоянии понять правильность приказа и, быть может, сами должны лечь здесь костьми. С этим надо считаться каждому солдату и особенно каждому

кадровому офицеру, как мы с вами. Поживем — увидим. Дело еще может принять иной, благоприятный для нас оборот.

— Мы с вами достаточно давно знакомы, чтобы знать, что мы оба не трусы,— ответил я.— Если нам здесь придет конец, значит, нас постигнет такая участь, какой мы на фронте можем ждать ежеминутно. Я совершенно согласен с вами, что к этому нас обязывает наша профессия. Но, во-первых, речь идет не о нас двоих, но о 270 тысячах солдат. Во-вторых, я позволю себе повторить, что вряд ли, говоря обо всем, что сейчас происходит с нашими частями, можно сказать, что они сражаются, вернее сказать — они гибнут. Вы это знаете не хуже меня. Кто несет ответственность за эту медленную смерть? Только Гитлер и главное командование? Только ли Манштейн и его штаб? А на нас нет никакой вины? Разве как военачальники мы выполнили свой солдатский долг в отношении армии? Разве мы не бездействовали в тот момент, когда наша офицерская честь обязывала нас в интересах наших солдат действовать самостоятельно? Прошу вас, Эльхлепп, поймите меня правильно. Я далек от того, чтобы претендовать на роль судьи, оценивающего действия командования армии, не хочу и себя терзать. Мне самому трудно ответить на эти вопросы. Но я не могу также от них просто отмахнуться. Эти вопросы возникают, они сверлят мой мозг, и тем мучительней, чем быстрей ухудшается наше положение. Ваш оптимизм, мой дорогой, делает вам честь. И я считался оптимистом в кругу друзей. Однако сегодняшнее сообщение о разгроме 8-й итальянской армии почти совсем подорвало во мне веру.

— Перестаньте мудрствовать, Адам, проку от этого никакого. Пока мы еще не можем полностью оценить обстановку. Конечно, русские нанесли удар крупными силами. Бесспорно, южный участок фронта под угрозой. Но Главное командование сухопутных сил справится с создавшимся положением. Еще несколько дней — и мы протянем руку армии Гота. Мы выкарабкаемся из трясины. Мы снова выйдем на оперативный простор. Сегодня наши дивизии на южном участке котла донесли, что уже слышен гром пушек армии Гота.

Мы стояли у моего нового убежища. Из маленькой дымовой трубы вылетали искры. Видимо, мой помощник

еще усердно занимался топкой: когда я уходил в послеобеденные часы, на стенах поблескивал иней.

— Вы уже видели мою «виллу», Эльхлепп?

— Пока у меня не было случая.

— Зайдите на полчаса. В моем чемодане еще сохранился неприкосновенный запас — бутылка коньяку. Добрый глоток — хорошее средство от мучительных размышлений и холода.

Полковник спустился за мной по пяти ступенькам вниз, к входу в бункер. Я отворил дверь. Перед печкой сидел на корточках мой обер-лейтенант и помешивал пылающие угли. По сравнению с температурой снаружи в помещении царила приятная теплота. Стены, видимо, оттаяли.

Пока Эльхлепп разговаривал с моим сотрудником, я вытащил из ящика бутылку мартеля и откупорил ее. Для Эльхлеппа нашелся стакан, а мы двое воспользовались казенными алюминиевыми кружками. Стулья мы придвинули поближе к печке.

— За удачный исход битвы!

Эльхлепп поднял свой стакан. Мы поддержали его тост. Залпом выпили мы напиток, обжигающий горло. Какое это было наслаждение!

— А если исход не будет благоприятным, что тогда, Эльхлепп? Если не удастся локализовать прорыв на участке итальянцев? Разве тогда не придется быстро отвести назад введенную в бой армию, чтобы и она не попала в окружение? Ведь тогда мы обречены на катастрофу.

— Что вы сегодня все время каркаете! К чему это? Катастрофа означает смерть или плен или, вернее сказать, только смерть. Ведь плен равносилен смерти.

— Если судить по газетам и радиопередачам для солдат, то вы правы. Но, по правде говоря, я никогда не был убежден в том, что русские действительно пристреливают каждого, кто попадает в плен. Когда прошлой осенью мы стояли в Ржеве, было сброшено много листовок, подписанных немецкими военнопленными. Я сам видел несколько экземпляров у нашего начальника разведывательного отдела. Он сказал мне, что подписавшие действительно состояли в подразделениях, названных в листовках, и числились пропавшими без вести.

— Как бы то ни было, Адам, я ни в коем случае в плен не сдамся.

— Значит, по вашему мнению, армия, находящаяся в самом отчаянном положении, не имеющая ни малейших надежд на то, что она вырвется из окружения, должна дать противнику себя уничтожить? Чем отличается ваш тезис от призыва к массовому самоубийству? Я тоже боюсь плена. Но вправе ли мы взять на себя ответственность за то, что только под влиянием страха, быть может необоснованного, сотни тысяч людей принесут себя в жертву? Это же бессмысленно! Я полагаю, что борьба должна продолжаться, пока есть надежда на выход из окружения. Иначе стоит вопрос, если последняя надежда на это потеряна.

— Мой дорогой Адам, могу вас заверить, что я никогда не соглашусь на прекращение борьбы, ибо это равносильно плену. А плен — это смерть.

— Как вы собираетесь избежать плена, Эльхлепп?

— Я попрошу Паулюса разрешить мне пойти на фронт в качестве рядового солдата. Там я продам мою жизнь как можно дороже.

— Это безумие, Эльхлепп, это не что иное, как самоубийство. Подумайте о вашей жене и детях. Нет ничего бесчестного в том, что командир прекращает борьбу, если продолжать ее — значит бессмысленно жертвовать десятками тысяч человеческих жизней. По моему мнению, вы должны были бы снова все это основательно продумать.

Начальник оперативного отдела поднялся с места.

— Тут нечего продумывать, но я надеюсь, что все еще кончится благополучно.

После чего он простился со мной и моим обер-лейтенантом, безмолвно и растерянно слушавшим наш разговор.

Страдания раненых

До сих пор у меня почти не было удобного случая посетить войска на переднем крае. 19 декабря я собрался наверстать упущенное и лично убедиться, как там обстояли дела в действительности.

— Смотрите, не попадите к противнику, — сказал Паулюс, когда я доложил ему о поездке.

— Я нанес на свою карту точную линию фронта по последним сводкам, господин генерал. Я еду в 44-ю и 76-ю пехотные дивизии.

Мы отправились в 7 часов. Водителя я не знал; он и его легковая машина были прикомандированы к нашему штабу из какой-то дивизии. На пути через Гончары к Россошке я был свидетелем потрясающих сцен, изо дня в день разыгравшихся на батальонных пунктах медицинской помощи, эвакуационных пунктах и в полевых лазаретах. У одного из лазаретов я вышел из машины. Еще в сентябре я посетил дивизионный медицинский пункт под Гумраком. Впечатления о нем глубоко врезались в мою память. Однако то, что я увидел теперь в этом временном госпитале, было много страшнее, можно сказать, кошмарно.

Выбившиеся из сил санитары вытаскивали тяжелораненых из машин и доставляли их на носилках к санитарной палатке. Там они оставались лежать на пропитавшихся кровью грязных одеялах до тех пор, пока в операционной освобождалось место. Операционная находилась в одноэтажном доме метров пятнадцать длиной, над входом в который висел флаг Красного Креста. Чтобы попасть туда, мне пришлось протискиваться через толпу ожидавших очереди раненых. Один из них заговорил со мной:

— Помогите нам, господин полковник. Уже три дня мы ничего не ели. У большинства из нас обморожены руки и ноги. Там, впереди, все сборные и перевязочные пункты переполнены. Врачи отослали нас сюда.

С покрытого грязью и щетиной лица на меня смотрели усталые, лихорадочно блестевшие глаза. Руки солдата были обмотаны полосами из шерстяного одеяла. Я сказал ему, что прибыл поговорить с врачами. Затем я протиснулся в здание.

Через открытую дверь мне было видно помещение для раненых. Им уже была оказана помощь, и они ожидали эвакуации. Это было зловещее скопление белых повязок и грязной форменной одежды. Раненые валялись в тесноте на полу и были кое-как прикрыты шинелями или тряпьем. В соседней комнате находилась операционная. Когда я появился в дверях, из окружавшей операционный стол группы отделился человек и направился ко мне. Это был врач. С запавшими щеками, бледный, измучен-

ный, он стоял передо мной в покрытом пятнами крови халате, измазанном резиновом фартуке.

— Вместе с тремя другими врачами и 20 санитарами мы уже в течение трех недель работаем день и ночь без перерыва, — сказал он мне. — За это время пришлось дважды переводить наш лазарет. Один раз потому, что авиабомба разрушила половину дома; при этом погибло около тридцати раненых и девять наших людей. Другой раз потому, что русская артиллерия с таким же успехом влепила нам два снаряда. Теперь мы уже не можем двинуться с места, потому что потеряли все наши автомашины. Все места до последнего у нас заняты. Разумеется, мы оказываем помощь всем прибывающим. Мы даем им тарелку горячего супа или чашку чаю, меняем повязки и направляем в город. Там, в еще сохранившихся домах и в подвалах развалин, созданы вспомогательные лазареты, где у этих бедняг по крайней мере будет крыша над головой.

— Что вы делаете с тяжелоранеными, доктор? — спросил я.

— Их мы посылаем на дивизионных грузовиках к аэродрому Питомник. Начальник санитарной службы армии распоряжается их вылетом из котла, господин полковник. То, что мы делаем здесь, едва ли имеет что-либо общее с медициной. Просто беда. Если вы поедете вперед, то, к сожалению, увидите, что там еще хуже, чем у нас.

Так оно и было. На пути движения колонн стояли автомашины, переполненные тяжелоранеными. Они уже не шевелились, они замерзли. В баках кончилось горючее. Пока водитель, как правило единственный человек, способный ходить, после многочасовых поисков и выпрашивания горючего возвращался со своей канистрой, все было кончено. Лютый мороз гасил жизнь, еле теплившуюся в ослабевших телах. Никто не заботился об этой груде мертвецов. Постепенно ее милосердно окутывал белый снежный саван.

Всюду, где имелись дома, палатки или убежища, собирались легкораненые и больные. Небольшими группами они с трудом тащились пешком в город; редко кому выпадала удача попасть на попутную автомашину. Город, которого во время тяжелых летних и осенних боев избегал всякий, кто не был послан в него приказом,

превратился теперь в магнит. Все падеялись найти пристанище в одном из подвалов, получить от какого-либо санитарного отряда врачебную помощь, а то и тарелку супу.

Примерно так выглядела 130 лет назад разбитая армия Наполеона, когда она брела, отступая, на запад. Замотанные в одеяла и плащ-палатки, с мешковиной и портянками вместо сапог на обмороженных ногах, едва передвигая ноги, апатично брели на восток отмеченные печатью смерти солдаты 6-й армии. В них не осталось почти ничего солдатского. Это была павшая духом безоружная толпа. Чтобы спасти ее, нужны были немедленно медицинская помощь, продовольствие и теплые убежища. Каждый день промедления означал, что судьба многих была бесповоротно решена.

Адъютант 76-й пехотной дивизии дополнил мои собственные наблюдения подробным докладом о положении с личным составом.

— Убыль, особенно больными и совершенно обессилевшими людьми, уже несколько дней назад сделалась катастрофической. Нехватка людей в пехоте возрастает. Рапорты о болезни поступают обычно так поздно, что помочь уже нельзя.

— Чем объяснить это? Ведь до сих пор было как раз наоборот. Многие солдаты при малейшем недомогании заявляли о болезни, чтобы хоть на несколько дней выбраться из зоны боев, — заметил я.

— Это верно, господин полковник, но сейчас дело обстоит иначе. Многие избегают заявлять о болезни, так как боятся, что при отступлении их бросят. Я считаю, что большая часть фронтовиков-пехотинцев больна.

— Каково настроение в войсках?

— Трудно сказать, господин полковник. После того как кольцо окружения замкнулось, настроение было подавленным. Когда же стало известно, что Гот начал наступление, чтобы выручить нас, все снова стали бодриться и надеяться. Мы думали, что кольцо вокруг нас будет разбито быстро. С тех пор прошло восемь дней, и понятно, что все сильно разочарованы. Есть отдельные голоса, резко критикующие верховное командование, ругающие Гитлера, нацистскую партию и вообще войну. Даже некоторые офицеры не понимают смысла этого стоящего стольких жертв приказа держаться до конца и медленной гибели нашей армии.

— Однако до сих пор 76-я пехотная дивизия проявляла стойкость в любой обстановке, — перебил я дивизионного адъютанта. — Получается, что обрисованные вами явления противоречат поведению солдат в бою.

— Это верно, господин полковник. Если противник атакует, за оружие хватаются и те, кто еще несколько минут назад проклинал Гитлера. Они сражаются, во-первых, потому что панически боятся плена; во-вторых, потому что все ждут, что Гот прорвет кольцо окружения. Насколько близко удалось генерал-полковнику Готу подойти к нему?

— Как я узнал перед отъездом к вам, деблокирующая армия отражает сильные атаки противника. Она продвигается крайне медленно. Но мы надеемся, что через несколько дней дело наладится.

На пути к 44-й пехотной дивизии я вновь стал свидетелем ужасных сцен. Вскоре моя машина наполнилась ранеными. У одного из них была забинтована вся голова, только рот и глаза виднелись между пропитавшимися кровью бинтами. У другого простреленная рука была на перевязи. Третьего я подобрал потому, что он шел по полотну дороги, качаясь из стороны в сторону, и каждую минуту можно было ожидать, что он упадет и никогда больше не встанет. Трясясь от лихорадки, он сидел теперь между двумя другими ранеными на заднем сиденье моего легкового вездехода.

— Где вас высадить? — спросил я раненного в руку.

— Если это возможно, — он посмотрел на мои знаки различия, — господин полковник, у лазарета, где нас могли бы принять.

— Попробуем в Гумраке. Там настоящий лазарет. Посмотрим, не удастся ли взять еще двоих.

Мой водитель бросил на меня укоризненный взгляд, когда я подобрал еще двоих раненных в голову, которые, ожидая помощи, сидели в снегу на обочине. Они уместились на спинке заднего сиденья. Было уже довольно поздно, я отказался от посещения 44-й пехотной дивизии, тем более что и без того впечатлений было достаточно, и велел свернуть на восток. Медленно, мимо армейского командного пункта, мы добрались до Гумрака. Хотя и этот лазарет был переполнен, мне удалось поместить в него пятерых моих спутников.

Вместо приказа прорвать окружение — крепостные батальоны

Я прибыл на командный пункт позднее, чем предполагалось, и доложил Паулюсу о возвращении. Приказа на прорыв из окружения все еще не было.

— Главное командование группы армий «Дон», — сказал командующий армией, — хранит молчание. Единственный ответ, полученный на мой запрос, гласит: «Ожидать и начинать операцию «Удар грома» только по прямому приказу».

— Долго ли это будет тянуться, господин генерал? Как мне доложил сегодня адъютант 76-й пехотной дивизии, нехватка личного состава в пехоте уже так велика, что не удается создать сплошной фронт обороны.

— LI армейский корпус получил приказ отвести роты с городского участка фронта и передать их дивизиям, обороняющимся на западном и южном участках, — сказал Паулюс. — Посмотрите у Эльхлеппа план обороны. Кроме того, мы решили сформировать из солдат, унтерофицеров и офицеров штабов, тыловых служб, танковых полков и артиллерийских дивизионов сводные подразделения. Мы назовем их крепостными батальонами. Так как некоторые пехотные полки расформировали третьи батальоны, командиров, имеющих боевой опыт, достаточно. Внесите предложение о замещении офицерских должностей.

— Назначен ли уже ответственный за формирование этих крепостных батальонов, господин генерал?

— Еще нет, Адам. Кого вы предложили бы?

— Я думаю, командира 14-й танковой дивизии полковника Латтмана. У него работоспособный штаб, а дивизия состоит лишь из действующих разрозненно мелких боевых групп.

— Согласен. Латтман подходит для этой задачи. Шмидт тоже ценит его, он не будет возражать против вашего предложения.

Действительно, Шмидт тотчас же согласился, когда я вслед за тем доложил ему свое предложение.

— Да, Латтман — подходящий человек для сводных подразделений, — сказал Шмидт.

— Будет ли доволен он сам, господин генерал? Насколько я знаю настроение в войсках, ни у офицеров,

ни у солдат нет большой охоты играть роль «фронтовой пожарной команды» в таких наскоро собранных подразделениях.

Если бы дело было простое, Латтман нам не понадобился бы. Он справится с ним, — коротко заявил начальник штаба.

Мне было не по себе. «Крепостные батальоны»! Собственно, бессмыслица, если вспомнить, что многие из этих солдат не имели боевого опыта как пехотинцы. Большинство из них жили до сих пор, не зная трудностей, в каких-либо убежищах, у печки. Теперь их неожиданно выгоняли на ледяной холод, в бушующую метель. Будут ли они в состоянии сражаться?

Ордена и пропагандистские брошюры вместо хлеба

В своем блиндаже я занялся почтой, доставленной офицером связи. Содержание ее было обычным: внеочередные производства за храбрость в боях против врага, награждения Рыцарскими крестами и Немецкими крестами в золоте. Управление кадров сухопутных сил сообщало о высылке орденов: железных крестов I и II степени, а также соответствующего количества значков за участие в боях, Рыцарских и Немецких крестов. Кроме того, в пути находилось два ящика с хорватскими медалями. Почти невероятно: два ящика медалей, когда у нас в котле был один-единственный хорватский артиллерийский полк, подчиненный 100-й егерской дивизии. Этот полк в свое время был снабжен теми же самыми медалями в таком количестве, что больше никакой потребности в них не было.

Уже на следующий день прибыл самолет связи. Понадобилось четыре солдата, чтобы втащить огромные ящики в мой блиндаж. Ящики заняли так много места, что я едва мог повернуться. Обер-фельдфебель Кюппер открыл их топором. Они были доверху наполнены хорватскими военными медалями.

— Лучше всего, господин полковник, если мы перешлем ящики 100-й егерской дивизии, — сказал Кюппер.

— Это бессмысленно. Они не будут знать, что с ними делать. Я поговорю с генералом Паулюсом.

За ужином я рассказал о выпавшем на долю армии подарке. Мой рассказ вызвал не только общий смех, но и возмущение тем, что драгоценное место в самолете было использовано не для продовольствия.

— Я могу привести в связи с этим примеры, от которых волосы становятся дыбом, — заявил обер-квартирмейстер фон Куновски. — Последними самолетами доставлена дюжина ящиков с презервативами, 5 тонн конфет, 4 тонны майорана и перца, 200 тысяч брошюр отдела пропаганды вермахта. Хотел бы я, чтобы ответственные за это бюрократы провели дней восемь в котле. Тогда они больше не повторяли бы такого идиотства. Меня удивляет также, что полковник Баадер не помешал этому, хотя мы послали его туда именно с этой целью. Я немедленно заявил энергичный протест группе армий «Дон» и попросил в будущем лучше инструктировать и контролировать ответственных лиц на аэродромах.

— Хорошо, Куповски, — вмешался в разговор Паулюс. — Я тоже попрошу Манштейна позаботиться, чтобы в будущем такие безобразия не повторялись. Мне кажется, что Баадер потерял всякое влияние на наше снабжение. Надо подумать о том, чтобы направлять на базовые аэродромы более подходящих офицеров, которым наше положение знакомо по собственному опыту. Прошу вас, Шмидт и Куповски, подумать над этим и представить мне предложения.

Приказа об операции «Удар грома» нет

Прошло несколько дней, но ожидавшегося от Манштейна приказа о начале операции «Удар грома» все не было. Паулюс и Шмидт ежедневно говорили со штабом группы армий «Дон» по радио на микроволнах. Как и в прежние дни, я слушал и стенографировал большинство переговоров, которые вел Паулюс. Манштейн, как и прежде, избегал отвечать на вопросы, касавшиеся положения вне котла. Паулюс каждый раз злился *.

22 декабря связь с внешним миром прервалась. По-видимому, наши войска, оборонявшиеся по нижнему течению Чира, отошли к югу или западу.

Так день за днем проходили в бесполезных разговорах и бездействии. Командование 6-й армии ожидало спасп-

тельных приказов сверху. А в это время погибали в боях, замерзали, умирали от голода новые и новые тысячи солдат, все более слабела жизненная энергия тех, кому пока удалось остаться в живых. Паулюс и его штаб главную причину нараставшей катастрофы видели в упрямстве и недобросовестности Гитлера и вышестоящих командных инстанций. Несомненно, значительная часть вины падала на них. Однако не являлось ли само командование армии, послушно решившее держаться до конца, хорошо функционировавшим рычагом всего командного механизма, рассчитанного на уничтожение людей? Не превращалось ли оно благодаря этому в соучастника преступления?

Тогда такая постановка вопроса и тем более мысль о соучастии нам и в голову не приходила. Мы были продуктом прусского солдатского воспитания, привыкли повиноваться, подчиняться отданному приказу даже в том случае, если он оказывался бессмысленным, преступным, варварским по отношению к нашим войскам. Главное — в нас не была воспитана способность критического политического мышления. В сталинградской катастрофе мы видели тогда главным образом следствие определенных военных ошибок высшего командования. Нам не приходило в голову, что начатая гитлеровской Германией вторая мировая война в целом была преступлением не только по отношению к народам, на которые мы напали, но и по отношению к немецкой нации. Мы не понимали, что более глубокая причина нашего поражения на Волге заключалась не в отдельных стратегических или тактических ошибках немецкого командования, а в превосходстве советского государственного и общественного строя, острым мечом которого была Советская Армия. Правда, мы поражались выносливости и храбрости советских солдат как на подступах в Сталинграду, так и в самом городе, удивлялись точности проведения советских операций, но мы не понимали, что является их источником.

Рождество в окружении

Это было печальное рождество. 24 декабря, около 18 часов, по радио пришло сообщение, что Гот вынужден начать отход. Мы были поражены, как ударом. Когда

несколько позже мы собрались у Паулюса на ужин, он коротко упомянул о провалившемся деблокирующем наступлении Гота и крушении всего южного участка фронта. Он говорил о тяжелой угрозе, создавшейся для группы «А» на Кавказе, и о серьезности нашего собственного положения *. Несмотря ни на что, мы не должны терять надежду. Сказав немного о значении праздника рождества, Паулюс закончил следующими словами:

— Вот и мы собрались сегодня за столом, чтобы вспомнить наши семьи, которые в этот час мысленно вместе с нами.

Резкое противоречие между страшной действительностью войны и мирным рождественским праздником невозможно было устранить словами. В тот вечер каждый чувствовал это. Поэтому праздник был очень печальным; в бункере царила почти могильная тишина. Несколько горевших на столе свечей должны были заменить украшенную стеклянными шарами и мишурой елку. Около каждой тарелки лежали две сигареты и две-три шоколадные конфеты, которые генерал Паулюс взял из большой коробки, присланной ему из Румынии.

Почта из Германии не поступила. Не раздавали ни посылок, ни писем. Сильная снежная метель почти совершенно прервала авиасвязь. Я представил себе жену и дочь, как они еще за четырнадцать дней, а то и за три недели отнесли на почту адресованное мне любовно упакованное рождественское послание. Оно так и не дошло до меня. Я ничего не писал родным о нашем безнадежном положении; я знал, как до сих пор тяжело страдает моя жена после смерти нашего сына Гейнца. Несмотря на это, они, конечно, предчувствовали, что между Волгой и Доном надвигается катастрофа.

Вопреки обыкновению, в этот вечер мы расстались вскоре после ужина. Каждому хотелось остаться наедине со своими мыслями или же посидеть еще немного со своими ближайшими сотрудниками. Мои подчиненные ожидали меня в комнате, служившей канцелярией. Весело трещавший в печи огонь создавал некоторый уют. Я приготовил для каждого маленький подарок: несколько сигарет или сигару, пару галет или печений, завернутых в газетную бумагу. Адъютант группы армий полковник фон Вердер прислал мне две бутылки коньяку, которые я поставил на стол. Лучшим подарком была маленькая елочка,

которую один из унтер-офицеров извлек из полученной три дня назад посылки от жены. Обер-фельдфебель Кюппер пожертвовал несколько свечей из своих заботливо сохраняемых запасов.

Все выжидательно смотрели на меня. Что должен был сказать я этим четырем фронтовикам, которые находились вместе со мной уже более года и достаточно долго были солдатами, чтобы не поддаться обману? Все они были женаты, у всех были семьи. Я рассказал им, ничего не скрывая, о положении вне котла. Затем мы поговорили о наших домашних. За последние восемь дней четверо получили почту. Письма и фотографии пошли по рукам. За разговорами удалось забыть жуткую действительность.

Свечи догорели, бутылки выпиты до дна. Около полуночи я пошел в свое рабочее помещение, служившее мне также спальней. Мой водитель как раз сунул еще несколько щепок в трещавший огонь. Я снял сапоги и китель, потушил свет и лег на походную кровать. Мысли не давали мне покоя. Наконец я заснул.

Попытка найти забвение

Когда на следующее утро в первый день рождества, я пришел в канцелярию, мои сотрудники пили темную бурду, заменявшую кофе, и грызли галеты и печенье, подаренные мной накануне. Они поздравили меня с праздником. Первым пожал мне руку обер-фельдфебель Кюппер. Бледный, с впалыми щеками, он выглядел еще более худым и высоким, чем обычно. Его надежда снова увидеться с женой почти исчезла за ночь. Трое других выглядели немногим лучше. Я даже не пытался ободрить их. Ведь для этого мне пришлось бы лгать. Я решил задать им побольше работы, чтобы у них не оставалось слишком много времени для размышлений, и сказал Кюпперу:

— Когда позавтракаете, зайдите ко мне.

Забыться в работе казалось мне единственным выходом. У адъютанта было теперь не слишком много работы, но ее можно было выдумать.

— Кюппер, подготовьте данные, сколько солдат, унтер-офицеров и офицеров 6-й армии находились вне армии к моменту отмены отпусков 19 ноября, то есть сколько не смогло возвратиться в свои части по окончании

отпуска. Далее, сколько отпускников должно было возвращаться ежедневно.

— Сейчас подготовлю материал, господин полковник. Данные о том, сколько отпускников отправлялось ежедневно, мы можем взять из наших ежедневных приказов по армии. Только у IV армейского корпуса их придется запросить.

— Не торопитесь и представьте точные данные, — ответил я. В это время зазвонил телефон. Меня вызывал Шмидт.

— Вы знакомы с обстановкой, Адам, — сказал генерал. — Приходится считаться с тем, что в ближайшие дни атаки противника в западной и восточной частях котла усилятся. Сильно сократившийся боевой состав заставит нас уменьшить территорию котла. В настоящее время нет промежуточных позиций для частей, которым придется отходить. Чтобы срочно оборудовать их, нужно вызвать сюда начальника инженерной службы полковника Зелле. Немедленно пошлите в группу армий радиограмму с просьбой, чтобы он вылетел сюда.

— Это не сразу удастся сделать, господин генерал. — Я напомнил, что Зелле командует боевой группой на Чире.

— Все равно его надо срочно вызвать. На Чире хватает офицеров, которые могут заменить Зелле.

Зачем понадобилось вызывать Зелле почти на верную гибель? Провести рекогносцировку новых позиций мог бы любой командир саперного батальона. И кто станет окапываться в промерзшей, как камень, земле? Вот что пришло мне в голову. С другой стороны, я обрадовался, что снова увижу старого друга.

Я достаточно хорошо знал Шмидта, знал, что бесполезно пытаться отговорить его от принятого решения. Пришлось отправиться к начальнику связи и передать радиограмму. Затем я зашел к Паулюсу.

Обер-лейтенант Циммерман провел меня в блиндаж командующего. Паулюс готовился к составлению донесения группе армий «Дон».

Когда я вошел, генерал находился за письменным столом. Паулюс сердечно ответил на мое рождественское поздравление и предложил мне сесть. Наступила тишина. Что будет дальше, после того как шансы прорваться из окружения уменьшились? Этот вопрос не давал нам покоя.

— Держась до конца, 6-я армия выполняет на Волге историческую задачу, — процитировал Паулюс первую фразу приказа Гитлера и добавил: — У меня связаны руки во всех отношениях.

— Я понимаю вас, господин генерал, но какой смысл должен иметь теперь приказ держаться? Нам не удастся вырваться отсюда. Можем ли мы взять на себя ответственность за гибель целой армии!

— Вам известны приказы, Адам. Если мы не удержимся, рухнет южный фланг Восточного фронта. Я буду повинен, если группу армий «А» постигнет та же участь, что и нас.

— С тех пор как эти приказы были отданы, прошло шесть недель, — заметил я. — По моему мнению, они уже устарели.

— Это не совсем так, — ответил Паулюс, — Манштейн сообщил, что группа армий «А», как и прежде, удерживает свои позиции на Кавказе *.

— Это непонятно. Главное командование сухопутных сил имело шесть недель, чтобы отвести оттуда войска, сократить линию фронта. Тем самым были бы высвобождены танковые дивизии для поддержки наступления группы Гота.

— Нет смысла говорить на эту тему. Теперь слишком поздно. С нашей разбитой, измотанной армией нам не удалось бы выбраться отсюда при всем желании. Основная линия фронта находится за сотни километров от нас, и фронт придется, вероятно, отодвигать еще дальше. Предположим, что вместе со всеми командирами корпусов, дивизий и Шмидтом в конце ноября я приказал бы на свой риск и страх осуществить прорыв. Тогда Гитлер через своего офицера связи майора фон Цитцевица, у которого имеется своя радиостанция, немедленно узнал бы о нашем намерении и распорядился бы о соответствующих контрмерах.

Размышляя, Паулюс несколько секунд пристально смотрел на обшитую досками стену блиндажа. Затем он снова взглянул на меня и понял, что ему не удалось рассеять мои сомнения.

— Я не убедил вас, Адам. Догадываюсь, о чем вы думаете. Вы сравниваете мои действия с действиями

Рейхенау в прошлом году, когда он вопреки приказу Гитлера остановил наступление на Донец.

Я кивнул, и Паулюс продолжал:

— Возможно, что смельчак Рейхенау после 19 ноября пробился бы с 6-й армией на запад и потом заявил Гитлеру: «Теперь можете судить меня». Но знаете ли, Адам, я не Рейхенау.

Паулюс действительно разгадал мои мысли. Он говорил правду, когда охарактеризовал себя как привыкшего повиноваться генерала, точно взвешивающего свои поступки, слишком осторожного, нерешительного человека. Но эта самооценка не помогла разорвать тот роковой заколдованный круг, в котором безнадежно застряли в те горькие дни все мы, вместе взятые. Рейхенау ли, Паулюс ли — оба варианта означали продолжение войны.

Своевременно удавшийся прорыв 6-й армии возможно, отсрочил бы окончательное поражение гитлеровской Германии, но не предотвратил бы его. Такой успех ничего не изменил бы в империалистическом, антинациональном характере захватнической войны. По существу, он не спас бы 6-ю армию, так как десятки тысяч уцелевших на Волге были бы истреблены в последующих боях.

В конце декабря 1942 года все мы были еще далеки от такого понимания событий. Плохо ли, хорошо ли — мы продолжали действовать, как колесики сильно изуродованной немецкой военной машины.

Когда я вернулся в свой блиндаж, Кюппер подал составленный по моему указанию материал.

В начале контрнаступления Красной Армии 25 тысяч человек находились в отпуске. Ежедневно на фронт возвращалось около 1000 человек.

— Куда девают этих отпускников, господин полковник? Если бы они были здесь, нам удалось бы заткнуть брешь.

— Если допустить, что они не превратились бы в котле в мертвецов. Собственно говоря, генералу Пфейфферу следовало бы собрать их всех там, вне котла, и держать в распоряжении армии. Вместо этого по приказу командования группы армий всех возвращающихся суют в боевые группы.

— Удивительно, что ежедневно несколько отпускников все же прибывает в котел транспортными самолетами. Я телефонировал сегодня в некоторые дивизии, чтобы

получить точный цифровой материал для затребованных вами данных, — сказал Кюппер. — Один писарь сообщил мне, что, когда на фронт приходит поезд с отпускниками, через громкоговоритель объявляется, чтобы все солдаты и офицеры явились к коменданту вокзала. Несмотря на это, некоторые не подчиняются и отправляются на аэродром. Командиры самолетов берут их в качестве воздушных стрелков. Если бы эти ничего не подозревающие люди знали, что здесь происходит, они наверняка остались бы там.

— Я вполне понимаю их, Кюппер. Ими движет чувство товарищества. Оно заставляет многих возвращаться в свои части.

По случаю рождества меня посетил полковник Эльхлепп.

— Какие новости? — спросил он после того, как мы обменялись рукопожатием.

— Рассказывал ли вам Шмидт о своем вчерашнем телеграфном разговоре с генералом Шульцем из группы армий?

— Ничего не знаю. Было что-нибудь интересное?

— На Чирском фронте как будто ничего нового нет. Однако Шульц сказал, что 6-я танковая дивизия отозвана из армии Гота для обороны Морозовска. Командиры транспортных самолетов сообщают, что левый фланг группы армий «Дон» отошел на запад. До сих пор не удалось полностью остановить наступление русских. Мне кажется, что группа армий, как и раньше, оставляет нас в неведении относительно общей обстановки *.

— Во всяком случае, этим подтверждается, что мы в безвыходном положении. 6-я танковая дивизия была главной ударной силой Гота. Если с ней не удалось одолеть противника, без нее не удастся тем более. Ясно, что Готу придется отвести назад и оставшиеся у него две ослабленные танковые дивизии.

— Безусловно, — согласился Эльхлепп. — Манштейн еще 16-го, самое позднее 18 декабря понял, что надвигается новая катастрофа. Непонятно, почему он не дал разрешения на проведение операции «Удар грома». Приказ на прорыв удвоил бы силы наших солдат. Сейчас, когда время потеряно впустую, группа армий сообщает, что нам следует быть готовым к прорыву. Горючее и

продовольствие для этого будут доставлены по воздуху — однако лишь при условии благоприятной погоды.

— Это же чистое издевательство, Эльхлепп. Что, собственно, думают Манштейн и его штаб о положении 6-й армии? Ведь это не имеет больше ничего общего с военной необходимостью.

— Полностью согласен с вами. Паулюс как раз составляет новое донесение о тяжелом состоянии наших дивизий.

Командующий пишет новое донесение

На следующий день это донесение было отправлено в штаб группы армий «Дон». В нем говорилось приблизительно следующее.

Тяжелые потери, морозы и недостаточное снабжение сильно снизили в последнее время боеспособность дивизий. Поэтому:

1. Армия, как и до сих пор, сумеет отражать незначительные атаки противника и некоторое время держаться. Предпосылкой для этого являются улучшение снабжения и прибытие пополнения.

2. Если русские отведут крупные силы с участка фронта Гота и этими или другими войсками перейдут в наступление на крепость, мы не сможем сопротивляться длительное время.

3. Прорыв из окружения более неосуществим, если не будет образован коридор для вывода войск и армия пополнена людьми и обеспечена довольствием.

Поэтому прошу сообщить высшему командованию о необходимости принятия энергичных мер для быстрого деблокирования армии, если общая обстановка не вынуждает пожертвовать ею. Само собой разумеется, армия сделает все, чтобы держаться до последней возможности.

Кроме того, Паулюс передал по радио: сегодня доставлено по воздуху только 70 тонн. Хлеб кончается завтра, жиры — сегодня вечером, продукты для ужина в некоторых корпусах — завтра. Срочно необходимы решительные меры.

Итак, командующий 6-й армией отправил новое донесение. Собственно, которое по счету? Впрочем, следует сказать, что к 25 декабря, когда сильная 6-я танковая дивизия была отозвана Манштейном с участка Гота,

Паулюс едва ли мог на свою ответственность отдать приказ о прорыве из окружения. Для этого 6-я армия уже была слишком ослаблена, чтобы без существенной помощи извне прорвать стальное кольцо сильного, умно и упорно сражающегося противника и войти в соприкосновение с другими армиями группы «Дон»; ей не хватало тяжелого вооружения, танков, боеприпасов, горючего. Я думаю, Паулюса нельзя упрекнуть в том, что он не принял тогда решения на свой страх и риск. Однако как часто он — и все мы — послушно докладывали, повиновались, молчали, когда еще была возможность поставить вышестоящие командные инстанции перед свершившимся фактом и, осуществив прорыв, сохранить жизнь десяткам тысяч солдат, которые вскоре погибли от голода, морозов или были убиты. Вытекающая из этого факта совместная ответственность за гибель 6-й армии, не может быть снята с тех, кто занимал тогда в окруженных соединениях высокие командные посты. Перечисление мотивов и соображений, которыми они руководствовались, может объяснить, но не оправдать их действия. Мы оставались пленниками схемы «приказ — повиновение», даже когда приказ явно нарушал традиционное прусско-германское представление о солдатском долге и был аморальным. Еще более несостоятельными оказались мы при выборе подлинной альтернативы принесению в жертву 6-й армии по приказу германского империализма — альтернативы, которая состояла в своевременной капитуляции. Мы совершенно не понимали политической стороны событий и потому не смогли сделать такой выбор.

В последующие дни по приказу Паулюса все приготовления к прорыву из котла были отменены. Грузовые машины отправили в части, капитан Тёпке снова вернулся к исполнению обязанностей обер-квартирмейстера, однако вскоре он был командирован на базы транспортных самолетов вне котла.

Сообщения полковников Зелле и ван Хоовена

В конце декабря полковник Зелле прибыл в котел. Растерянно пожали мы друг другу руки. Затем я проводил его в блиндаж командующего. Выслушав рапорт

о прибытии, Паулюс велел рассказать, как обстоят дела за пределами котла.

— Хуже всяких опасений, господин генерал. Перед вылетом мне удалось в штабе группы армий, у своего друга полковника Буссе, взглянуть на оперативную карту. Тацинская с главными складами снабжения сдана 24 декабря. Аэродром взят красными танками сходу. Почти все самолеты стали добычей русских *. Это тяжело отразится на снабжении котла по воздуху. Под угрозой находится и Морозовск. К западу от участка 3-й румынской армии идут бои. Миллерово было уже занято противником, но сейчас, должно быть, мы снова овладели им. Чтобы остановить противника, спешно подводятся боевые группы и отдельные батальоны. По приказу Манштейна 6-я танковая дивизия отобрана у Гота. По этой причине, а также ввиду угрозы окружения Готу пришлось отступить. Группа армий «А» все еще на Кавказе. Штаб группы армий «Дон» из Новочеркасска переведен в Таганрог.

— Другими словами, Зелле, мы должны окончательно похоронить надежду на освобождение из окружения. Остается одно: сражаться дальше, чтобы связать как можно больше сил врага и облегчить Манштейну создание нового фронта.

Шмидт присутствовал при сообщении Зелле. Оно произвело на него значительно меньшее впечатление, чем на Паулюса. Начальник штаба отреагировал пустой репликой:

— Сражение будет продолжаться, мой дорогой.

Командующий и его начальник штаба решили вести 6-ю армию к гибели. Как долго сумеют наши испытывающие лишения, обреченные войска сдержать натиск превосходящих сил противника? Оправдана ли ради сомнительной цели гибель более чем 200 тысяч солдат?

Командование группы армий «Дон» сообщило по радио о назначении полковника ван Хоовена новым начальником связи армии.

Его предшественник, полковник Арнольд, после семи ранений выбыл из строя.

28 декабря 1942 года я впервые увидел своего нового товарища по работе. Высокий и стройный, с умным узким лицом, он отлично ориентировался в обстановке внутри котла и за его пределами.

— Скажите, Хоовен, — спросил я его, — откуда у вас данные, чтобы столь хорошо ориентироваться в обстановке?

— Я был командиром полка связи РГК *. Естественно, что я имел широкую возможность знакомиться с ходом событий на всех фронтах. Кроме того, 24 декабря генерал Фелльгибель в ставке фюрера лично ввел меня в курс моих новых обязанностей. 26 декабря я прилетел в группу армий «Дон» в Новочеркасск. Там я пополнил свои сведения новыми данными.

В последующих беседах с генералами Паулюсом и Шмидтом ван Хоовен полностью подтвердил оценку положения, изложенную нам Зелле. Хоовен обрисовал положение даже еще правильнее, так как его сведения основывались на донесениях и приказах, прошедших через его руки в ставке Гитлера. Оказалось, что Главное командование сухопутных сил верило в успех акции Гота даже еще 24 декабря. Генерал Фелльгибель, начальник связи сухопутных войск, попросил Хоовена передать привет Паулюсу и сказать ему, что он надеется вскоре лично увидеться с ним. Хоовен сначала тоже верил в скорое освобождение 6-й армии из котла. Однако его пребывание в группе армий «Дон» быстро развеяло эту иллюзию. В разговоре с Паулюсом он высказал мнение, что немедленный общий прорыв из окружения — это единственная возможность спасти по крайней мере часть 6-й армии, так как сил для ее освобождения извне больше нет **.

Когда я явился для доклада после полудня, Паулюс еще раз подтвердил мне свою точку зрения, уже доложенную им 26 декабря группе армий «Дон»:

— Предложение Хоовена прорвать кольцо окружения невыполнимо. Я не отрицаю, что он хорошо ориентирован во многом, но последние намерения Главного командования сухопутных сил и группы армий «Дон» не известны и ему.

Шмидт злился на ван Хоовена. Он упрекал его в пессимистической оценке обстановки, что парализует волю к борьбе и мешает держаться до конца. Действительно, в штабе много спорили по поводу высказываний нового начальника связи армии. В эти дни начали образовываться две группы. В то время как одна часть офицеров считала, что для окруженной армии спасения больше нет, другие продолжали верить в ее освобождение.

Генерал Хубе летит к Гитлеру

«Если бы фюрер знал, — говорили некоторые, — что здесь происходит в действительности, он, несомненно, принял бы решительные меры. Вероятно, он даже не видел наших донесений».

Этой точки зрения придерживались главным образом молодые офицеры из отдела Эльхлепна. Под его влиянием Паулюс и Шмидт подумывали даже, не стоит ли послать кого-либо для доклада лично Гитлеру. В это время я получил из управления кадров сухопутных войск радиограмму следующего содержания: «Направить генерала танковых войск Хубе в ставку фюрера для вручения ему мечей к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями».

— Вот это удобный случай, — сказал Паулюс, прочитав радиограмму. — Хубе должен сообщить Гитлеру без прикрас о нашем положении. Этого увешанного орденами генерала он выслушает. Шмидт, распорядитесь, чтобы срочно были подготовлены все необходимые материалы о продовольствии, боеприпасах, горючем, танках, орудиях и главное — о численности строевого состава и боеспособных войск, потерях от огня, обморожений и болезней, а также о раненых и трудностях с их медицинским обслуживанием.

Служба информации функционировала в военном механизме 6-й армии все еще сравнительно хорошо. Когда Хубе прибыл в штаб армии, точные данные уже были готовы. Кроме того, Паулюс и Шмидт дали Хубе устные инструкции и просили генерала танковых войск рассказать и о личных переживаниях, чтобы наконец добиться реалистической оценки Гитлером нашей ситуации.

В тот же день Хубе вылетел на самолете связи.

— Любопытно, удастся ли Хубе рассказать там все, или же Гитлер, как обычно, прервет его после первых же фраз, чтобы уклониться от неприятных сообщений, — сказал Паулюс.

В эти дни у меня побывало много офицеров, слонявшихся без дела, так как их части были разбиты. Некоторые из них просили нового назначения, большинство же домогалось разрешения улететь. Ежедневно один из них мог занять место в самолете группы армий «Дон» в качестве офицера связи. Я имел указание отбирать кандидатов

на основании врачебных заключений. Обычно речь шла о пожилых людях, которых врач считал не вполне пригодными к строевой службе. Каждый такой случай проверял и решал лично генерал Шмидт. Лишь тот, кто, сам находясь в котле, видел, как неумолимая смерть косила его товарищей, может представить себе, какие чувства охватывали этих офицеров связи, когда они получали приказ о вылете.

«Избежал смерти», — так говорил иной из тех, кто являлся ко мне с рапортом о предстоящем убытии. Однако некоторые из них все же погибли до конца войны.

Однажды ко мне пришел и тот лейпцигский художник-баталист, который появился у нас летом. Под мышкой он тащил рисунки, эскизы к батальным картинам. На его лице были следы лишений и страданий. Я показал рисунки Шмидту и предложил разрешить художнику улететь. Для нас он был лишь ненужным балластом, ибо в солдаты не годился. Однако это не тронуло Шмидта. Он отказался сделать исключение. Генерал Паулюс, которого я затем просил о положительном решении вопроса, не решился поправить своего начальника штаба. Так художник сделался бессмысленной жертвой того самого чудовища войны, которому он посвятил свои способности. Он покинул мой блиндаж в совершенно подавленном состоянии.

Мучительное прозрение

В дверях появился Кюпер:

— Почта из штаба корпуса, господин полковник, — доложил он.

— Давайте сюда.

Обер-фельдфебель указал на бумагу, лежавшую сверху. Это было подробное донесение VIII армейского корпуса об участившихся явлениях разложения в войсках. «После того как стал известен провал деблокирующего наступления, воля к сопротивлению сильно ослабла», — сообщал штаб корпуса. К документу прилагались рапорты о нарушениях дисциплины, оставлении позиций, уходе в Сталинград, неповиновении приказам и самострелах. Даже офицеры начали распускаться.

Я сейчас же ознакомил Паулюса и Шмидта с этим документом.

— Теперь приходится считаться с такими тенденциями. Командиры должны действовать решительно и восстановить порядок, — так реагировал всегда прямолинейный Шмидт на признаки разложения. Гейтц последовал требованию Шмидта. О его приказе по VIII армейскому корпусу я узнал от начальника нашего оперативного отдела. Я до сих пор помню, что каждый абзац начинался словами: «Будет расстрелян...» — и далее следовал перечень преступлений: «...кто без приказа оставит позиции, кто не выполнит приказа, кто установит связь с противником» — и так далее.

Паулюс был рассудительнее.

— Не следует забывать, что пережили эти солдаты за последние недели. Если бы они снова могли хоть раз сытно поесть и выспаться, они смотрели бы на все другими глазами, — сказал командующий.

— Разумеется, господин генерал, это тоже играет определенную роль, — заметил я. — Но, мне кажется, здесь имеет место нечто большее. В разговорах с молодыми солдатами и офицерами я всякий раз сталкиваюсь со следующим явлением: солдаты глубоко разочарованы. Они уже не верят, что сражаются за правое дело. В школе, дома, в гитлерюгенде, в НСДАП и вермахте им было привито чувство величия борьбы ради благородной цели. Они верили в фюрера, доверяли ему, жертвовали жизнью. Теперь они узнали, что их обманули, что на их доверие отвечают ложью. Это чрезвычайно мучительный процесс, во многих случаях неизбежно ведущий к ослаблению дисциплины.

— Если вы имеете в виду молодых людей, это в той или иной степени верно. Однако симптомы разложения есть и среди людей старшего возраста.

— Документ сообщает еще кое о чем. Указывается, будто каждую ночь из расположения противника немцы через мощную говорящую установку призывают наших солдат прекратить сопротивление, так как оно бесполезно. Гитлер якобы предал 6-ю армию. Он пожертвовал ею ради своего престижа, — доложил я Паулюсу.

— Это работа немецких коммунистов, эмигрировавших в Россию, — сказал командующий. — Из сброшенных листовок нам известны имена Ульбрихта, бывшего депу-

тата рейхстага от КПГ, и писателей Вейнерта и Бределя, тоже коммунистов. Пока я не придаю этой пропаганде слишком большого значения. Конечно, мы должны быть настороже, чтобы не проявлялось радикальных настроений. Пока достаточно, если мы будем указывать на то, что речь идет о вражеской пропаганде, цель которой — сломить нашу стойкость. В остальном нам следует и дальше поддерживать надежду на освобождение из окружения.

Поддерживать надежду на освобождение, в которое не верит сам командующий! Разве это не то же самое, что делали Гитлер и генеральный штаб? Ложь в ответ на доверие? Может ли командующий армией идти таким путем? Когда вокруг смерть и страдание, есть ли в этом что-либо общее с солдатским долгом и повиновением? Эти вопросы возникли не только у меня, но и у Паулюса. Однако они не привели ни к каким реальным последствиям. Верх одержало стремление держаться до конца.

В этом заключается соучастие в преступлении генерала Паулюса и всей военной верхушки 6-й армии — соучастие в преступлении с точки зрения исторической, военной и просто человеческой.

Повышения и награды

Верховное командование вермахта на свой лад поощрило Паулюса за его решение держаться стойко. В конце декабря пришла радиограмма управления кадров сухопутных сил. Оно предоставило командующему армией особые права, которыми до сих пор пользовалось только само это управление: повышать офицеров и генералов в звании до генерал-лейтенанта, награждать Немецким крестом в золоте и Рыцарским крестом.

Гитлер хотел облегчить нам гибель. Упрощенные условия награждения высшими военными орденами и внеочередные присвоения званий должны были содействовать задуманному им апофеозу 6-й армии. Наряду с этим был и другой аспект, тогда казавшийся мне важным. Повышение воинских званий означало повышение пенсий для вдов и сирот. Через армейские корпуса дивизии были поставлены в известность об увеличившихся шансах на это почетное право.

В последующее время работа в моем отделе опять пошла полным ходом.

31 декабря капитан Тёпке вылетел в группу армий «Дон», командный пункт которой передвинулся между тем из Новочеркасска в Таганрог, примерно на 200 километров к западу. Накануне в присутствии Шмидта Паулюс лично объяснил ему его задачи как уполномоченного армии по снабжению.

— Вы должны представиться фельдмаршалу фон Манштейну лично и сказать ему, что я обязал вас заботиться о целесообразной загрузке и полном использовании транспортных самолетов. Вы знаете, что здесь происходит. Возьмите с собой все материалы относительно продовольствия, боеприпасов, горючего, медикаментов и представьте их фельдмаршалу.

Шмидт добавил:

— Позаботьтесь, чтобы для нас использовались наконец все наличные машины. Группа армий должна прекратить посылку десятков «хейнкелей-111» на оставленную нами Тацинскую. Нашим солдатам грозит голодная смерть. Сообщите нам, когда можно будет ожидать улучшения снабжения.

Манштейн сделал капитана 1-м квартирмейстером по снабжению 6-й армии по воздуху. Тёпке энергично старался помочь окруженной армии. Однако заметного улучшения снабжения не последовало. Общая грузоподъемность самолетов была слишком мала. Советская зенитная артиллерия и зимняя погода резко сократили количество доставлявшихся по воздуху грузов. После потери Морозовска и Тацинской расстояния от исходных аэродромов до котла значительно увеличились.

Аэродромы в Шахтах, Новочеркасске, Ворошиловграде и Сальске находились в 350—400 километрах по прямой от Питомника. До Сталино и Таганрога было даже 450—500 километров.

В радиограмме по случаю Нового года Гитлер снова заверил, что каждый военнослужащий 6-й армии может вступить в новый год с твердой уверенностью, что фюрер не бросит на произвол судьбы героических борцов на Волге, и у Германии найдутся средства, чтобы освободить их из окружения.

Одновременно генерал танковых войск Паулюс был произведен в генерал-полковники.

«Верность за верность» — тогда эта радиограмма Гитлера, несмотря на все наши мучения, еще оказала известное воздействие, хотя к ней и отнеслись с большим сомнением, чем к подобному же сообщению шесть недель назад. В результате неоднократных разочарований, нечеловеческих лишений, безропотной гибели что-то в нас надломилось. Однако мы далеко еще не понимали сути происходящего. Да и трудно было вникнуть в нее. События неумолимо приближались к своему роковому финишу, и ничто не могло предотвратить его.

Слухи и горстка солдат

Наступил январь 1943 года. Первое утро нового года. Когда я проснулся, в нашей печке уже пылал огонь. Я сунул ноги в сапоги, надел китель и вышел в канцелярию.

Мои подчиненные выглядели уже не так, как год назад в Полтаве. Они сидели подавленные, равнодушные, безучастные. Молча они подали мне руки. Я тоже не мог подбодрить их, так как и сам переживал внутренний разлад.

Начальники отделов собрались у Шмидта, чтобы пойти к Паулюсу и поздравить его с Новым годом и производством в генерал-полковники. Я знал, что он ждал этого повышения. Теперь, когда оно пришло, это вызвало только вымученную улыбку.

Мы уже покинули блиндаж Паулюса, когда я вспомнил, что забыл прикрепить третью звезду на погоны командующего. Я вернулся, чтобы исправить упущение.

На мое извинение он сказал:

— Оставьте, Адам. Этим повышением Гитлер хочет только облегчить мне конец.

Обычно молчаливый генерал начал рассказывать о своих поездках в дивизии.

— Можете радоваться, что вам не приходится ездить каждый день на передовую. Когда вы несколько дней назад вернулись из 76-й пехотной дивизии, я понял, какое впечатление произвело на вас все, что вы увидели. С тех пор положение еще больше ухудшилось. Печать голодной смерти видна повсюду. На перевязочных пунктах врачи уверяли меня, что голод и морозы причиняют больше потерь, чем действия противника. Лазареты

и дивизионные медицинские пункты забиты тысячами раненых, полузамерзших и обессилевших, для помощи которым недостает самого необходимого. Воля к жизни потеряна. Все больше распространяется чувство безнадежности. Но за пределами котла для оценки положения находят только красивые слова.

— Все же я думаю, господин генерал-полковник, что после доклада Хубе Гитлеру кое-что изменится. Насколько я знаю Хубе, он будет говорить начистоту.

— Будем надеяться, что он так и сделает. Боюсь только, что теперь уже поздно. Во всяком случае, я по-прежнему связан приказом Гитлера держаться до последнего патрона.

— Слышали ли вы, господин генерал-полковник, дикие слухи, которые ходят по котлу? На западном участке нашего фронта солдаты поговаривают о дивизиях СС, которые якобы достигли Калача. Будто бы даже слышна артиллерийская канонада. Другие же говорят о парашютно-десантной дивизии, которая высадилась между Калачом и Карповкой.

— Я знаю об этих слухах и хотел бы знать, кто выдумывает такую чепуху. Один командир полка считает, что местом рождения этого вздора является аэродром Питомник. Быть может, он прав. Возможно, что пилоты транспортных машин непреднамеренно, а то даже и по указанию свыше выдумывают такие сказки, чтобы отвлечь нас от агонии.

— Не думаете ли вы предпринять что-либо против этой лавины слухов, господин генерал-полковник? Не следует ли нам наконец сказать солдатам всю правду?

— Конечно, следует. Но я хочу подождать возвращения Хубе.

В один из первых дней января мне позвонили от коменданта аэродрома, сообщили, что прибыли две большие транспортные машины с солдатами, и спросили, куда их направить.

Вот так штука! — подумал я удивленно. Что пользы нам в условиях смертельной опасности от горстки солдат? Не реакция ли это группы армий «Дон» на донесение командующего армией от 26 декабря? Ведь нам нужны не 40 и не 100 солдат, а полностью укомплектованные дивизии. И прежде всего нам необходимы продовольствие, боеприпасы, танки, горючее.

— Подождите, пожалуйста, 15—20 минут, — ответил я. — Мы проверим, какая из дивизий больше всего нуждается в пополнении.

Накануне был отдан приказ о расформировании 79-й пехотной дивизии. Оставшиеся от нее солдаты и офицеры были распределены почти исключительно по дивизиям, ведущим бои в городе, штаб дивизии был вывезен самолетом.

В последние дни наибольшие потери несла 44-я пехотная дивизия. Получив согласие генерала Шмидта, я информировал начальника тыла дивизии и поручил ему забрать вновь прибывших.

Паулюс назвал эти действия Манштейна пустым жестом. Он предложил командованию группы армий «Дон» посылать в котел не солдат и офицеров, а побольше продовольствия. В конце концов каждый лишний солдат уменьшал и без того крохотную порцию хлеба. После этого Манштейн запретил дальнейшую отправку пополнения самолетами. Перед тем как отпустить меня, Паулюс показал мне письмо, полученное от Манштейна.

Командующий группой армий, ссылаясь на повторные требования Паулюса разрешить 6-й армии прорыв из окружения, заявлял, что он им сочувствует. Однако вышестоящие инстанции могут-де правильнее оценить обстановку. Поэтому Паулюсу надлежит следовать полученным приказам. Тем самым, с другой стороны, с него снимается ответственность за происходящее.

— Не доказывает ли это, господин генерал-полковник, что Манштейн, от которого мы ожидали так много, полностью подчинился диктату Гитлера? — спросил я.

— Такое впечатление сложилось и у меня, Адам, — ответил Паулюс.

Этого можно было давно ожидать. Находясь вне котла, Манштейн должен был быстрее и значительно лучше понять чрезвычайную опасность, угрожавшую 6-й армии; безусловно, он и понимал ее, но безответственно придерживался поруганного и проданного Гитлером принципа: «Приказ — повиновение». Его ответственность за гибель 6-й армии со всех точек зрения — чисто военной, моральной и исторической — больше, чем вина Паулюса и некоторых других высших командиров этой армии.

Однако и командование 6-й армии руководствовалось тем же солдатским принципом бездумного повиновения

и тем самым участвовало в вынесении смертного приговора 6-й армии.

Мы все время жили надеждами на спасение, хотя неоднократно убеждались, что они нереальны. Слабую надежду возлагали мы на Хубе, и вдруг тягостное ожидание было прервано новым событием.

Сообщение Хубе и советское предложение

7 января 1943 года Верховное Главнокомандование Красной Армии сообщило по радио командующему 6-й армии о предстоящем прибытии трех парламентеров. Армия согласилась принять их. На следующий день с северного участка нашего фронта доложили: парламентеры приближаются к нашему переднему краю.

Одновременно советские громкоговорители начали передавать текст предложения о капитуляции. С самолетов с красными звездами были сброшены листовки. Несколько позже офицер LI армейского корпуса передал генерал-полковнику Паулюсу врученные парламентерами условия капитуляции.

Тогда же стало известно, что генерал Хубе приземлился в Питомнике. Мы с нетерпением ожидали его прибытия на командный пункт армии.

Украшенный дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту генерал прямо с аэродрома направился к Паулюсу. В присутствии Шмидта он доложил о своей беседе с Гитлером. Когда вслед за этим меня вызвали к командующему, Хубе уже отправился на свой командный пункт.

— Я познакомлю вас с доставленными генералом Хубе сведениями, чтобы вы были в курсе намерений Главного командования сухопутных сил, — сказал мне Паулюс. — Фюрер планирует новое деблокирующее наступление со значительно большими силами, чем имелись в распоряжении Гота. Для этого в тылах вновь создаваемого фронта на юге должны сосредоточиться танки. Часть из них скоро прибудет. Разумеется, переброска этих сил потребует известного времени. По-видимому, раньше середины февраля ожидать начала наступления не приходится. Гитлер обещал немедленно реорганизовать и значительно улучшить снабжение по воздуху. В этой части план вер-

ховного командования можно только приветствовать. Однако теперь следует большое «но»: эти мероприятия могут быть осуществлены лишь в том случае, если удастся создать новую линию обороны на юге и без больших потерь вывести с Кавказа группу армий «А». Поэтому 6-я армия должна продолжать сковывать как можно больше сил противника. Для нас это означает, следовательно, держаться безоговорочно. Гитлер согласился лишь с сокращением территории котла, если оно окажется необходимым.

— Разрешите задать несколько вопросов, господин генерал-полковник? Каково в настоящее время положение вне котла, на участке все расширяющегося прорыва противника? Где проходит линия фронта на юге? Какие силы имеются, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в результате поражения армий наших союзников?

— Эти же вопросы я задал Хубе. Однако он не смог дать удовлетворительного ответа. Ставка фюрера, как и группа армий «Дон», ограничивается некоторыми общими данными. Достоверно известно лишь, что группа армий «А» отходит в направлении на Ростов. Самое печальное для меня то, что армии и дальше придется терпеть лишения. Обещание улучшить снабжение я считаю более чем неопределенным. Но скажите сами, Адам, что я могу делать, как не выполнять приказ о продолжении сопротивления?*

— Чтобы продолжать сопротивление, нужно накормить армию. Кроме того, необходимо перебросить самолетами достаточно боеприпасов, горючего и медикаментов. Капитан Тёпке уже восемь дней как вылетел из котла. Я убежден, что он делает все, чтобы улучшить наше снабжение. Однако положение почти не изменилось. Чтобы продолжать сопротивление, у нас попросту нет необходимых условий. В конце концов перед нами противник. Летчики сообщают, что противовоздушная оборона русских за последние недели значительно усилилась. Количество сбитых самолетов растет, маршруты полетов удлиняются. Многие машины подбиты и требуют ремонта.

Простите, господин генерал-полковник, если новое обещание Гитлера улучшить снабжение по воздуху я назову не только неопределенным, но и более чем легкомысленным. Никакого доверия к этим вечно обнадеживающим обещаниям у меня не осталось.

Паулюс остолбенело посмотрел на меня.

— За последние дни вы сильно сдали, мой дорогой Адам. Куда девался ваш обычный оптимизм? Разумеется, армия сможет продержаться до названного Хубе срока освобождения только в том случае, если она в достаточном количестве и без перебоев будет получать все необходимое. Я не скрываю, что в этом отношении настроен скептически. Но, во-первых, я не знаю, какие авиатранспортные резервы имеются у верховного командования; во-вторых, я не отвечаю за выполнение этих обещаний; в-третьих, приказами вышестоящих инстанций я лишен свободы действий. Поэтому-то я и запросил решения Главного командования сухопутных сил по поводу предложения Красной Армии о капитуляции. Полагаю, что скоро получу ответ.

Капитуляция отклоняется

Обер-лейтенант Циммерман доложил, что командиры корпусов собрались в соседнем помещении. Я ушел в свой блиндаж.

Позднее начальник инженерной службы армии полковник Зелле, участвовавший в совещании, рассказал мне, как оно происходило. Все командиры корпусов уже знали текст предложения о капитуляции. Паулюс ознакомил их также с сообщением Хубе и попросил высказать свои соображения. Все единогласно высказались против капитуляции и заверили, что таково же мнение командиров дивизий. Между тем прибыл ответ Главного командования сухопутных сил. Он гласил: «Капитуляция исключается. Каждый лишний день, которым армия держится, помогает всему фронту и оттягивает от него русские дивизии» [1].

Паулюсу снова было отказано в свободе действий, о которой он просил. Группа армий «Дон» разделяла точку зрения главного командования.

Генерал-майор Шмидт сделал выводы, вытекавшие для армии из сообщения Хубе и отклонения капитуляции, приказал еще раз прочесать все штабы, тыловые службы и лазареты с целью формирования дополнительных сводных подразделений и укрепления фронта. Он приказал также оборудовать новые позиции на западном участке фронта, уже намеченные начальником инженерной служ-

бы Зелле. Парламентеров противника встречать огнем, добавил еще Шмидт.

— Начальник штаба снова одержал верх, — заключил Зелле свой рассказ. — Меня он сделал ответственным за сооружение новой оборонительной линии. Где я возьму людей для этой цели, об этом он мне, конечно, не сообщил. Читал ли ты сам листовку с предложением капитулировать?

— Нет, я не видел еще ни одного экземпляра, но содержание ультиматума знаю.

— Достань ее и прочитай целиком. В ней кое-что есть.

Едва полковник вышел, как появился Кюппер с листовкой в руке. Теперь и у меня был текст советского ультиматума. Он начинался обстоятельным анализом положения 6-й армии. Анализ полностью совпадал с моей собственной оценкой. Далее высказывалось предупреждение, что предстоят сильные морозы, холодные ветры и метели. Ввиду нашего безнадежного положения и бессмысленности дальнейшего сопротивления Верховное Главнокомандование Красной Армии во избежание напрасного кровопролития предлагало прекратить сопротивление всех германских окруженных войск и сдаться организованно.

«Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу — и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Послание заканчивалось следующими словами:

«Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 года в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 километра юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Крас-

ного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность» [1].

Послание было подписано представителями Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковником артиллерии Вороновым и командующим войсками Донского фронта генерал-лейтенантом Рокоссовским.

Я считал, что предложение о капитуляции было честным, что оставшимся в живых и сдавшимся в плен расстрел не угрожал. С другой стороны, тогда я не мог еще не поддаться аргументам Паулюса.

Теперь, оглядываясь назад, я должен сказать, что отклонение предложенной капитуляции было решенным делом уже тогда, как только командующий 6-й армией запросил решения Главного командования сухопутных сил. Учитывая состояние бессмысленно гибнувших дивизий и беззастенчивое вероломство Гитлера по отношению к 6-й армии, Паулюс обязан был в полном соответствии с обычным солдатским представлением о «верности за верность» решиться наконец на самостоятельные действия. Я считаю, что в случае своевременной капитуляции могло спастись и после войны вернуться к своим семьям намного больше 100 тысяч солдат и офицеров.

Аргумент, будто бы истекавшая кровью и голодавшая 6-я армия отвлекала крупные силы противника с южного крыла немецкого фронта, малоубедителен. Советское командование, несомненно, тоже знало, что 6-й армии прорыв запрещен приказами свыше и что ее боеспособность резко упала *. Это позволяло ему сделать выводы относительно необходимой степени концентрации советских войск на Волге.

Отклонение советского предложения о капитуляции от 8 января 1943 года является с точки зрения исторической, военной и человеческой огромной виной не только Верховного командования вермахта и командования группы армий «Дон», но и командования 6-й армии, командиров ее армейских корпусов и дивизий.

Помешательство на иллюзиях

Советский ультиматум стал известен войскам почти во всем районе действий армии. Это подтвердил мне начальник оперативного отдела полковник Эльхлепп.

— Предложение обсуждается как в штабах, так и в войсках, прикидывают «за» и «против». Однако еще большее волнение в умах вызвало известие о возвращении Хубе и о новых планах освобождения из окружения. Маятник настроения в последние 14 дней, все более отклонявшийся в сторону отчаяния и апатии, снова клонится в сторону надежды и бодрости.

— Представляют ли эти бедняги, — спросил я Эльхлеппа, — что еще предстоит им испытать до предусмотренного срока освобождения — середины февраля? Действительно ли вы верите, Эльхленп, что мы вырвемся и что наши войска выстоят еще шесть недель?

— Да, Адам, я верю этому, — не задумываясь ответил мой собеседник. — Могу вас заверить, что Паулюс попрежнему будет безусловно подчиняться приказам фюрера. Шмидт и я будем безоговорочно поддерживать его в этом отношении.

— Я не понимаю одного. Зачем же генерал-полковник требует свободы действий? Ведь в нынешней фазе ее можно понимать только как прекращение боевых действий, поскольку дальнейшее сопротивление сделалось бесполезным. Прорыв к главному фронту, удаленному на 400 километров, полностью отпадает для остатков нашей армии. В этом между нами нет расхождений. Вы говорите, что капитуляция исключается. Но что будет дальше? Боеспособность нашей армии стремительно падает, и скоро от нее ничего не останется.

— Тогда пусть мы погибнем как дисциплинированные солдаты. Я повторяю то, что говорил уже вам: никогда я не сдамся в русский плен.

— Считаете ли вы, что все солдаты и офицеры думают так же? Очень сомневаюсь в этом. Как мало у людей охоты рисковать жизнью ради более чем сомнительного сопротивления, показывает их весьма отрицательное отношение к «крепостным батальонам». Теперь мы собираемся снова прочесать тылы и сформировать новые батальоны. Но ведь они не имеют никакой ценности. Необстрелянные формирования тают, как снег под весенним солнцем.

— Вам следовало бы больше думать, как удовлетворить просьбы командиров соединений о помощи, Адам. Участок фронта 297-й пехотной дивизии занят совершенно незначительными силами. Нет ни малейших резервов, чтобы сдержать противника. Там на счету каждый чело-

век, которого мы им посылаем. Сейчас мы не можем сложить оружие. Мне кажется, Зелле и ван Хоовен заморочили вам голову. О капитуляции не может быть и речи. Все, что говорится в этом послании, — это коммунистическая пропаганда. Я не верю ни одному его слову. Нам остается сражаться до последнего патрона, — закончил Эльхлепп.

Против такого упрямства ничего нельзя было поделать. Деловая дискуссия исключалась.

После полудня 9 января Паулюс обратился к войскам с воззванием. Он отверг предложение о капитуляции как вражескую пропаганду, имевшую целью подорвать моральное состояние солдат. Ни один человек в армии, требовал командующий, не должен верить советским листовкам. Необходимо стойко отражать атаки противника, пока немецкие танковые соединения не начнут наступление и не войдут в соприкосновение с нами.

Уже не впервые обманчивая надежда на прорыв окружения извне и страх перед пленом вновь подстегнули волю к упорному сопротивлению. Даже раненые снова взялись за оружие. Все же одно событие вызвало недовольство в войсках, в том числе у генералов. Генерал Хубе не успел вернуться к своим обязанностям, как Главное командование сухопутных сил приказало, чтобы он немедленно вылетел из окружения. Ему поручалась реорганизация снабжения 6-й армии вне котла. Это было весьма парадоксально. Командиру танкового корпуса поручали задачу, которую лучше мог выполнить специалист-интендант. С этой же целью командование армии несколько недель назад направило в штаб группы армий обер-квартирмейстера полковника Баадера. Был ли вызов Хубе следствием посещения им ставки Гитлера? Почему улетел именно он? Примерно такие вопросы задавали мне генералы и офицеры, причем они не скрывали своего возмущения. Я же знал не больше, чем было сказано в приказе о его вылете.

В ночь на 10 января генерал Хубе улетел. По моему предложению, командование XIV танковым корпусом было возложено на генерал-лейтенанта Шлемера, командира 3-й моторизованной дивизии.

Имели место отдельные явные случаи, когда офицеры хотели ускользнуть из котла. Так, начальник оперативного отдела штаба 14-й танковой дивизии подполковник

Петцольд просил меня ходатайствовать перед Шмидтом о разрешении улететь.

— Что мне здесь делать? — говорил он. — Дивизия практически больше не существует. Ее остатки сведены в боевые группы. Командир дивизии полковник Латтман по приказу командования армии формирует сводные подразделения. Я совершенно не у дел.

Я предложил Петцольду лично доложить свою просьбу генерал-майору Шмидту, поскольку он, как штабной офицер, был подчинен непосредственно ему. Так он и сделал. Как и следовало ожидать, начальник штаба армии быстро выставил его за дверь. Однако подполковник еще не считал дело потерянным. Он попытался использовать другую уловку. На следующий же день он подал прошение о переводе в войска СС. Однако у Шмидта ему не повезло. Скомканное прошение было брошено в корзину.

Еще наглее, чем этот Петцольд, действовал квартирмейстер VIII армейского корпуса. Он знал, что разрешения на вылет ему не получить. Поэтому квартирмейстер отправился прямо в Питомник и притворился, будто по приказу штаба армии должен вылететь из котла для выяснения вопросов снабжения. Так ему удалось беспрепятственно занять место в готовой к взлету машине.

Когда Паулюс узнал об этом ловком трюке квартирмейстера, через командование группы армий «Дон» он привлек его к суду военного трибунала как дезертира. Как я узнал позднее, этот квартирмейстер был расстрелян.

Все же подобные случаи дезертирства среди офицеров были не часты. В массе своей офицеры серьезно восприняли приказ сражаться до последнего патрона, делили с солдатами голод и лишения, нужду и смерть. Однако то, что они считали нравственным долгом, верностью долгу и дисциплинированностью, ввиду преступной концепции ведения войны, безответственности и лживости высшего государственного и военного руководства было давно попрано и предано самым циничным образом. Сверхчеловеческое самопожертвование было результатом неоправданного доверия к руководству. Мы находились в плену милитаристской идеологии. В этом заключалась трагедия многих погибших под Сталинградом немецких солдат и офицеров. Высшие командиры 6-й армии также были повинны в этой трагедии.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 205

* По данным, приводимым Дёрром, 6-я армия получила следующее количество грузов:

	Тонны		*Тонны*
25—29 ноября	53,8	12—16 января	60
1—11 декабря	97,3	17—21 »	79
13—21 »	137,7	22—23 »	45
23 декабря—11 января	105,45	24 января—2 февраля	77,9

Всего за 70 дней 6-я армия получала по воздуху в среднем 94,16 тонны грузов в день. (Г. Дёрр, Поход на Сталинград, М., 1957, стр. 117.)

К стр. 206

* Свидетельство Адама о составе сил противника в районе нижнего течения реки Чир проливает дополнительный свет на возможности врага по деблокированию окруженных. Длительное время в советской историографии существовало ошибочное мнение, будто гитлеровское командование сумело сосредоточить две деблокирующие группировки — в районе Котельникова (4-я танковая армия) и в районе Тормосина. В действительности же, как это особенно наглядно подтверждается Адамом, очевидцем и участником событий именно на этом участке, вторая деблокирующая группировка в районе Тормосина так и не была создана.

К стр. 214

* Судя по донесению Паулюса в штаб группы армий «Б» от 22/XI 1942 года, он не ставил тогда столь безапелляционно вопрос об отходе. Основная мысль этого донесения сводится к утверждению возможности удерживать район Сталинграда. (См. Г. Дёрр, Поход на Сталинград, М., 1957, стр. 74.) Лишь в донесении от 23 ноября Паулюс высказался более определенно за выход своих войск из окружения.

[1] Архив автора.

[2] Следующие штабы, соединения, части и должностные лица были окружены в Сталинградском котле на Волге:

Из штаба 6-й армии

генерал-фельдмаршал Паулюс, командующий 6-й армией;

обер-лейтенант Циммерман, личный адъютант командующего (убит);

генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба 6-й армии;

обер-лейтенант Шатц, личный адъютант начальника штаба 6-й армии (убит);

полковник генерального штаба Эльхлепп, начальник оперативного отдела (убит);

капитан Бер, 1-й адъютант (улетел из котла);

капитан фон Зейдлиц, прикомандированный к оперативному отделу (убит);

подполковник генерального штаба Нимейер, начальник разведывательного отдела (убит);

капитан Маттик, адъютант (умер);

подполковник генерального штаба фон Куновски, квартирмейстер I (начальник тыла);

полковник Адам, 1-й адъютант;

обер-лейтенант Шлезингер, помощник 1-го адъютанта;

полковник Зелле, начальник инженерной службы армии (улетел из котла);

полковник ван Хоовен, начальник связи армии.

Армейские корпуса

IV армейский корпус:

генерал инженерных войск Иенеке, командир корпуса (улетел);

генерал артиллерии Пфеффер, командир корпуса;

полковник генерального штаба Кроше, начальник штаба.

VIII армейский корпус:

генерал-полковник Гейтц, командир корпуса;

полковник генерального штаба Шильдкнехт, начальник штаба.

XI армейский корпус:

генерал пехоты Штрекер, командир корпуса;

полковник генерального штаба Гроскурт, начальник штаба.

LI армейский корпус:

генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах, командир корпуса;

полковник генерального штаба Клаузиус, начальник штаба (убит).

XIV танковый корпус:

генерал пехоты Хубе, командир корпуса (улетел);

генерал-лейтенант Шлемер, командир корпуса;

полковник генерального штаба Мюллер, начальник штаба.

44-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Дебуа.
71-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант фон Гартман (убит);
генерал-майор Роске.
76-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Роденбург.
79-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант фон Шверин (улетел).
94-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Пфейффер (улетел).
100-я егерская дивизия:
генерал-лейтенант Занне.
113-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Сикст фон Арним.
295-я пехотная дивизия:
генерал-майор доктор Корфес.
297-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Пфеффер (в январе 1943 г. принял IV армейский корпус);
генерал-майор фон Дреббер.
305-я пехотная дивизия:
генерал-майор Штейнметц (улетел после ранения);
полковник Чиматис.
371-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Штемпель (убит).
376-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант Эдлер фон Даниэльс.
384-я пехотная дивизия:
генерал-лейтенант барон фон Габленц (улетел).
389-я пехотная дивизия:
генерал-майор Магнус.
3-я моторизованная дивизия:
генерал-лейтенант Шлемер (в январе 1943 г. принял XIV танковый корпус);
полковник фон Ханштейн.
29-я моторизованная дивизия:
генерал-лейтенант Лейзер.
60-я моторизованная дивизия:
генерал-майор Колерман (улетел).

14-я танковая дивизия:
генерал-майор Бесслер (смещен);
генерал-майор Латтман.
16-я танковая дивизия:
генерал-лейтенант Ангерн (убит).
24-я танковая дивизия:
генерал-майор фон Ленски.
9-я зенитно-артиллерийская дивизия:
генерал-майор Пикерт (улетел).
1-я румынская кавалерийская дивизия:
генерал-майор Братеску.
20-я румынская пехотная дивизия:
генерал-майор Димитриу.
100-й хорватский пехотный полк (приданный 100-й егерской дивизии).

Войска резерва главного командования

Минометная бригада (полковник Чёкель);
2-й минометный полк;
51-й минометный полк;
9-й зенитно-артиллерийский полк;
243-й и 245-й самоходно-артиллерийские дивизионы;
Саперные батальоны: 45, 294, 336, 501, 605, 672, 685, 912, 921, 925.
149 различных отдельных частей и подразделений (подразделения артиллерии РГК, строительные батальоны, полицейские части, части организации Тодта, подразделения полевой почты, команды аэродромного обслуживания, трофейные команды, истребительная авиационная группа, эскадрильи ближней разведки и другие).

(Архив автора)

К стр. 224

[1] Полный текст памятной записки гласил:

«Командир	Район расквартирования
LI армейского корпуса	25/II 1942, утро
№ 603/43 сов. секр.	Совершенно секретно

Господину командующему 6-й армией.

Получив приказ по армии от 24/II 1942 о продолжении сопротивления и сознавая всю серьезность настоящего момента, я чувствую себя обязанным еще раз изложить письменно мою оценку обстановки, которая подтверждается сообщениями за последние 24 часа.

Для армии есть только два выхода:

Прорыв на юго-запад в общем направлении на Котельниково (речь идет о Котельниковском. — *Ред. нем. изд.)* или гибель в ближайшие дни. Понимание этого основано на трезвой оценке фактического положения вещей:

I. Так как уже в начале сражения почти не оставалось запасов ни в какой области, положение со снабжением является определяющим для принятия решения.

Состояние снабжения LI A. K. на вечер 23/II см. в приложении. Цифры говорят сами за себя.

Даже небольшие оборонительные бои последних дней чувствительно сократили наличие боеприпасов. Если корпус подвергнется наступлению по всему фронту, с возможностью чего приходится считаться ежедневно, они будут полностью израсходованы в один, два или три дня. Едва ли можно предполагать, что положение с боеприпасами лучше в других корпусах армии, уже много дней ведущих бои крупного масштаба. Расчеты показывают, что достаточное снабжение по воздуху сомнительно даже для LI A. K., для армии же, следовательно, совершенно исключено. То, что может доставить 31 «юнкерс» (на 23/II) или лишь обещанные дополнительно 100 «юнкерсов», — капля в море. Возлагать на это надежды означает хвататься за соломинку. Непонятно, откуда может взяться требующееся для снабжения армии большое количество «юнкерсов». Если даже они имеются в наличии, их пришлось бы перебазировать со всей Европы и с Севера *.

Потребность этих самолетов в горючем, учитывая расстояния, которые пришлось бы преодолевать, была бы столь велика, что при существующей нехватке горючего возможность изыскать соответствующие ресурсы представляется крайне сомнительной, не говоря уже о последствиях такого перерасхода горючего для ведения войны в целом. Даже если ежедневно будет приземляться 500 машин вместо предполагаемых 130, то может быть доставлено не более 1000 тонн груза, что недостаточно для армии в 200 000 человек, ведущей бои крупного масштаба и не имеющей запасов. Не приходится ожидать больше, чем покрытия минимальной потребности в горючем, незначительной доли потребности в нескольких типах боеприпасов и, быть может, небольшой части потребности в продовольствии для людей. Лошади сдохнут через несколько дней все до единой. Поэтому тактическая маневрен-

* В книге: И. Випдер, Катастрофа на Волге, М., 1965, говорится вместо «Север» — «Северная Африка».

ность уменьшится еще больше, снабжение подразделений будет значительно затруднено, а с другой стороны, увеличится потребность в горючем.

Нельзя сомневаться в том, что основная масса русской всепогодной истребительной авиации будет брошена в атаку на прибывающие транспортные самолеты и на единственные пригодные для крупных операций посадочные площадки — Питомник и Песковатку. Значительные потери неизбежны, едва ли можно гарантировать непрерывное прикрытие истребителями протяженной трассы полетов и обеих площадок. Изменчивая погода также будет влиять на работу транспортной авиации. При доказанной таким образом невозможности достаточного снабжения армии по воздуху оно может лишь оттянуть на несколько дней — так, для боеприпасов примерно на 3—5 дней — полное израсходование армией предметов довольствия, но не предотвратить его. Можно растянуть наличное продовольствие, что до известной степени зависит от нас самих (в LI А. К. уже несколько дней назад отдан приказ сократить паёк наполовину). Что же касается возможности растянуть наличные горючее и боеприпасы, то это почти полностью зависит от противника.

II. Нетрудно оценить предполагаемые действия противника, перед которым открывается возможность одержать победу в классической по своим масштабам битве на уничтожение. Зная его активную тактику, не приходится сомневаться, что он будет продолжать свои атаки на окруженную 6-ю армию с не уменьшающейся силой. Следует признать, что он понимает необходимость уничтожить армию, прежде чем мероприятия немецкой стороны по деблокированию смогут стать эффективными. Как показал опыт, он не останавливается перед человеческими жертвами. Наши успехи в обороне, особенно 24/II, а также установленные на некоторых участках крупные потери противника не должны вводить нас в заблуждение.

Несомненно, противнику небезызвестны и наши трудности со снабжением. Чем настойчивее и сильнее он наступает, тем быстрее расходуем мы наши боеприпасы. Даже если все его атаки будут безуспешными, все же он добьется конечного успеха, поскольку наша армия израсходует боеприпасы и окажется безоружной. Оспаривать такие его соображения значило бы ошибаться в оценке действий противника. В истории войн это всегда приводило к поражениям. Это была бы игра ва-банк, которая закончилась бы катастрофой 6-й армии, что имело бы тяжелые последствия для будущего, быть может даже для конечного результата войны.

III. В оперативном отношении отсюда неопровержимо следует: при упорной круговой обороне 6-я армия может избежать поражения, если в ближайшие дни, скажем 5 дней, попытки выручить нас из котла станут настолько эффективными, что противник будет вынужден прекратить свои атаки.

Нет никаких признаков этого.

Если попытки *выручить* нас будут не столь эффективными, неизбежно наступит состояние безоружности, то есть 6-я армия будет уничтожена. Не видно, чтобы ОКХ осуществляло какие-либо мероприятия для освобождения 6-й армии. Прийти с Запада выручка может только в отдаленном будущем, так как наши части охранения находятся западнее верхнего Чира и на нижнем Чире, начиная примерно от Обливской; следовательно, сосредоточение деблокирующих сил должно осуществляться вдали от 6-й армии. Сосредоточение армии, достаточной для быстрого прорыва через Дон и одновременного прикрытия своего северного фланга с помощью имеющей достаточную пропускную способность железной дороги через Миллерово, потребует целые недели. К тому же в непогоду и в короткие дни нынешнего времени года для самих операций потребуется значительно больше времени, чем летом.

Начатое для выручки с юга сосредоточение двух танковых дивизий близ Котельниково и их наступление рассчитано по крайней мере на 10 дней. Виды на быстрый прорыв во многом зависят от необходимости прикрывать удлиняющиеся с каждым шагом фланги, особенно восточный фланг. Кроме того, неизвестно состояние дивизий, а также достаточно ли вообще двух танковых дивизий. На возможность ускорить сосредоточение деблокирующей группировки и использовать значительное число моторизованных транспортных колонн рассчитывать не приходится. Ни колонн, ни горючего, по-видимому, нет, иначе их ввели бы в действие еще раньше для обеспечения столь важного Сталинградского фронта в тот период, когда для этого требовалось меньше транспортных средств.

IV. Расчеты на то, что армия в соответствии с приказом ОКХ может удерживать круговую оборону до освобождения извне в течение периода, пока хватит материальных ресурсов, строятся на явно нереальных предпосылках. По этой причине приказ невыполним и неизбежно приведет к гибели армии. Если командование хочет сохранить ее, оно должно добиться немедленного изменения приказа или же действовать по собственной инициативе — принять другое решение. Мысль о том, чтобы сознательно по-

жертвовать армией, не может быть предметом какой-либо дискуссии, учитывая оперативные, политические и моральные последствия этого.

V. Сопоставление расчетов времени, необходимого для снабжения и для проведения операций с учетом вероятных действий противника, приводит к ясному заключению, что дальнейшие колебания, собственно, излишни. Однако можно указать и другие идущие в том же направлении доводы:

а) нестабильное до сих пор положение на западном участке круговой обороны;

б) невозможность долгое время отражать на северном участке массированное наступление противостоящих сил после того, как 16-я танковая дивизия, а затем 3-я пехотная дивизия (мот.) вынуждены были отойти хотя и на более короткую, но совершенно не оборудованную линию обороны;

в) напряженное положение на южном участке фронта;

г) уменьшившаяся боеспособность сильно разреженного волжского участка фронта, особенно когда на реке, как это вскоре должно произойти, образуется ледяной покров и она не будет больше служить препятствием наступающих;

д) вследствие недостатка у нас боеприпасов непрерывный беспрепятственный подвоз сил противника к его плацдарму на Волге, на фронте которого прежние атаки врага уже потребовали использования всех наших местных резервов;

е) состояние дивизий, обескровленных в результате наступления на Сталинград;

ж) армия тесно зажата в скудном степном районе, где почти нет годных жилых помещений и возможности укрытия, так что войска и материальная часть всюду подвержены влиянию непогоды и вражеским воздушным налетам;

з) угроза наступления холодов при почти полном отсутствии топлива в большей части нынешних линий обороны;

и) лишь незначительная поддержка авиацией ввиду недостаточного количества удобно расположенных исходных аэродромов. Наряду с этим отсутствие противовоздушной обороны, так как имеющиеся подразделения зенитной артиллерии пришлось полностью использовать для противотанковой обороны. Сравнение с прошлогодним Демянским котлом может привести к опасным ошибочным выводам. Там тяжелые для наступающих условия местности облегчали оборону, а расстояние до главного германского фронта было в несколько раз короче. Потребности окруженного корпуса в военных материалах были значительно меньшими, поскольку приходилось снабжать куда меньше боевых

средств, совершенно необходимых здесь, в голой степи (танков, тяжелой артиллерии, минометов и т. п.).

VI. Вывод ясен. Либо 6-я армия, заняв круговую оборону, защищается до тех пор, пока не израсходует все боеприпасы, то есть останется безоружной. Так как несомненно, что атаки противника на участках фронта, до сих пор оставшихся спокойными, будут продолжаться и, вероятно, усиливаться, и это состояние безоружности наступит раньше, чем мероприятия по деблокированию станут эффективными, такая пассивность означает конец армии. Либо же армия активными действиями должна разорвать кольцо окружения.

Это пока еще возможно, если армия, оголив северный и волжский участки фронта, то есть сократив линию фронта, высвободит ударные силы для наступления на южном участке фронта и, оставив Сталинград, будет прорываться в направлении наиболее слабого сопротивления, то есть в направлении на Котельниково. При таком решении придется бросить значительное количество материальной части, однако это даст возможность разбить южную дугу вражеского кольца, спасти от гибели и сохранить для продолжения операций значительную часть армии и ее вооружения. К тому же часть сил противника длительное время останется связанной, тогда как после уничтожения армии в круговой обороне всякое связывание вражеских сил прекратится. Для внешнего мира возможно будет изобразить события таким образом, чтобы это предотвратило тяжелый моральный ущерб: после полного разрушения советского военно-промышленного центра Сталинграда армия, разгромив вражескую группировку, была отведена от Волги.

Виды на успех прорыва тем более велики, что прежние бои неоднократно показывали незначительную стойкость вражеской пехоты на открытой местности, а на небольших речных рубежах восточнее Дона и на Аксайском рубеже еще стоят наши силы.

С учетом фактора времени прорыв должен быть начат и осуществлен без промедления. Любая задержка уменьшает его шансы, любая задержка ведет к сокращению количества бойцов и боеприпасов. Любая задержка увеличивает силы противника на фронте прорыва, дает ему возможность подтянуть больше сил прикрытия против группы Котельниково. Любая задержка уменьшает боеспособность войск в результате гибели лошадей и тем самым выхода из строя оружия на конной тяге.

Если Главное командование сухопутных сил не отменит немедленно приказ о круговой обороне, то голос собственной совести велит нам выполнить свой долг перед армией и немецким

народом, самим вернуть себе свободу действий, которой нас лишил изданный приказ, и использовать пока еще имеющуюся возможность нашим наступлением предотвратить катастрофу. Угрожает полное уничтожение двухсот тысяч солдат и всей материальной части. Другого выбора нет.

Подписал: «фон Зейдлиц, генерал артиллерии». (Цитируется по книге: Egbert Frankenberg, Meine Entscheidung, Deutscher Militärverlag, Berlin, 1963, S. 331 ff.)

К стр. 229

[1] Архив автора.

К стр. 236

* Группа армий «А» в конце декабря 1942 года получила приказ Гитлера об отходе. 31 декабря ее войска начали отход; особенно поспешно отступала 1-я танковая армия, действовавшая на левом фланге группы армий «А». К 10 января 1943 года она отошла на рубеж Дивное, Пятигорск, а к 22 января была на рубеже Белая Глина, Сальск. К этому моменту армии оставалось пройти 160—180 километров, чтобы отойти за Ростов. А в первых числах февраля большая часть войск 1-й танковой армии была уже за Ростовом. Эти данные показывают, что сопротивление 6-й армии в котле имело значение для кавказской группировки до середины января 1943 г.

К стр. 238

* Манштейн по этому поводу писал в своих мемуарах: «...я решил сам вылететь в котел, чтобы переговорить с Паулюсом. Однако вследствие настойчивых уговоров моего начальника штаба и начальника оперативного отдела я в конце концов отказался от этого полета. При таком состоянии погоды было вполне возможно, что мне пришлось бы задержаться в котле на два дня, а может быть, и больше. Но столь длительного отсутствия не допускали ни напряженная обстановка в других армиях, ни необходимость отстаивать взгляды группы армий в ОКХ...»

Маршал Советского Союза А. И. Еременко так оценивает линию поведения Манштейна: «Если принять во внимание, что 6-я армия была образована из двух армий, составляла больше половины войск группы армий «Дон» и, несомненно, находилась в наиболее критическом положении, то станет понятным, что отказ Манштейна встретиться с Паулюсом и лично выяснить обстановку объясняется, по-видимому, просто трусостью». (А. И. Еременко, «Против фальсификации истории второй мировой войны», М., 1959, стр. 89—90).

К стр. 252

* Под кодовым названием «Удар грома» был зашифрован второй этап операции «Зимняя гроза». По условному сигналу от Манштейна 6-я армия должна была частью сил нанести удар навстречу армии Гота, прорывая внутреннее кольцо окружения советских войск, и одновременно основными силами начать отход от рубежа к рубежу, оставляя Сталинград.

Как следует из достоверных источников, Манштейн был не против того, чтобы 6-я армия нанесла удар навстречу 4-й танковой армии, но он не разрешал Паулюсу одновременно с этим начать отход из Сталинграда.

К стр. 254

* 15 декабря в состав Сталинградского фронта была передана из резерва Ставки 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, которая первоначально предназначалась для ликвидации окруженных. 2-я гвардейская армия была выдвинута на рубеж реки Мышкова правее оборонявшейся здесь ранее 51-й армии генерал-майора Н. И. Труфанова. Эта армия тоже была усилена механизированными войсками. Попытки Гота после этого прорвать оборону советских войск на рубеже реки Мышкова остались безуспешными.

В оборонительных боях с 12 по 23 декабря войска Сталинградского фронта воспрепятствовали деблокирующей группировке врага выйти на соединение с окруженными. Противник добился лишь незначительного успеха, продвинувшись на направлении главного удара до 60 *км*. Уже к 23 декабря армия Гота понесла значительные потери, было уничтожено до 250 танков и до 60% моторизованной пехоты.

24 декабря войска двух упомянутых советских армий перешли в контрнаступление. За время с 24 по 31 декабря они продвинулись на 100—150 *км*, армия Гота поспешно отходила, потеряв убитыми и пленными 16 тыс. солдат и офицеров. Советские войска захватили 70 танков, 347 орудий и минометов, 20 самолетов и другое вооружение и имущество. В итоге расстояние, отделявшее окруженную группировку от внешнего кольца окружения, достигло 200—250 *км*. Советские войска заняли город Котельниково и получили возможность развивать наступление на Ростов.

К стр. 257

* См. примечание к стр. 238.

К стр. 259

* С 16 по 30 декабря Юго-Западный (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) и Воронежский (командующий генерал Ф. И. Голиков) фронты нанесли удар по 8-й итальянской армии, оперативной группе «Холидт» и остаткам 3-й румынской армии на среднем Дону. За период наступления было разгромлено 11 дивизий и 3 бригады. 8-я итальянская армия потерпела сокрушительное поражение. В плен было взято 60 тыс. ее солдат и офицеров, захвачено более 2 тыс. орудий, 178 танков, 368 самолетов. Войска фронтов продвинулись на 150—200 *км*, освободив более 1200 населенных пунктов и выйдя на линию Кантемировка, Миллерово, Тацинская, Морозовск.

К стр. 262

* Наиболее высокого темпа продвижения в ходе наступления советских войск на среднем Дону достиг 24-й танковый корпус генерал-майора В. М. Баданова, входивший в состав 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. За пять дней он продвинулся на 240 *км* и 24 декабря занял Тацинскую, перехватив важнейшую железнодорожную коммуникацию Лихая — Сталинград.

Вот как вспоминает об этом В. М. Баданов: «Утром 24 декабря был сильный туман. Появление корпуса для немцев было неожиданным. Личный состав аэродрома был в землянках. Артиллеристы... не были у орудий. Гарнизон противника мирно спал... Поселок Тацинская, аэродром и станция были очищены от противника к 16.00. В итоге дня на аэродроме было захвачено и уничтожено до 350 самолетов... захвачены огромные склады продовольствия и горюче-смазочных материалов, артсклады и в эшелонах оружие: пулеметы и автоматы» («Битва за Волгу», Сталинград, 1958, стр. 158—159).

Эпизод с захватом Тацинской примечателен еще и тем, что в последующем враг окружил советских танкистов и пытался их уничтожить. И вот в этом случае проявилось принципиально иное отношение советского командования к окруженным врагом войскам сравнительно с линией поведения гитлеровской ставки. Командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин, потребовав от командира окруженного корпуса удерживаться в Тацинской, оговорил, что в крайнем случае Баданов может принять иное решение. Этот приказ был одобрен ставкой с указанием предприн-

нять все меры, чтобы не допустить уничтожения врагом отважных танкистов. И действительно, было сделано все необходимое, чтобы корпус прорвал кольцо окружения и соединился с остальными войсками фронта.

(См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», М., 1961, т. 3, стр. 50.)

К стр. 263

* Резерва главного командования.

** Это свидетельство Адама опровергает попытки Манштейна снять с себя ответственность за гибель окруженных. Так, например, в своих мемуарах он утверждает, что Паулюс якобы еще 18 декабря, когда котел посетил майор Эйсман, категорически отверг предложение командования группы армий «Дон» о прорыве из котла. (E. von Manstein,Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 364.)

К стр. 273

* Иллюзии командования 6-й армии о возможности держаться до середины февраля, по-видимому, связаны с тем, что советские войска до начала января 1943 г. не наносили серьезных ударов по окруженным, поскольку основное внимание уделялось ликвидации попыток деблокирования и наступлению на среднем Дону.

К стр. 274

[1] Архив автора.

К стр. 276

[1] Русский текст ультиматума цитируется по книге «Великая победа на Волге» под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. М., 1966, стр. 445—446.

Советский ультиматум гласил:
«Командующему
окруженной под Сталинградом
6-й германской армией
генерал-полковнику Паулюсу
или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, а остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежно, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные».

(Далее следуют уже процитированные в книге абзацы ультиматума.)

* Это предположение Адама подтверждается советскими источниками. Так, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своих воспоминаниях сообщает, что перед началом операции по уничто-

жению окруженных к нему на командный пункт заехал К. К. Рокоссовский и другие члены Военного совета фронта, чтобы уточнить, сумеет ли 62-я армия удержать свои позиции, если окруженные сделают отчаянную попытку прорваться через скованную льдом Волгу. В. И. Чуйков сказал начальнику штаба фронта М. С. Малинину, что гитлеровцы в котле — это «затравленные зайцы», а войска Паулюса не армия, а «окруженный лагерь военнопленных». (См.: В. И. Чуйков, Начало пути, М., 1962, стр. 297.)

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ В ОДНОМ ВОЙНА ДОЛЖНА СОСЛУЖИТЬ ХОРОШУЮ СЛУЖБУ: МЫ ДОЛЖНЫ НАВСЕГДА ПОКОНЧИТЬ СО СВОИМ ПРОШЛЫМ, ПОКОНЧИТЬ С ВЕЧНО ЖАЖДУЩЕЙ ВОЙНЫ НЕМЕЦКОЙ РЕАКЦИЕЙ.

Национальный Комитет «Свободная Германия», статья 25 Манифеста.

Громовой ответ

Вокруг все гремело, земля сотрясалась. Сталь градом сыпалась на «крепость Сталинград», кромсала людей и животных, разносила вдребезги укрытия, автомашины, оружие и рвала телефонные провода. Связь между командованием армии и штабами еще поддерживалась несколькими радиопередатчиками, уцелевшими от разрывов снарядов, мин и залпов реактивных минометов. Таков был ответ Красной Армии на отказ капитулировать. Это началось 10 января 1943 года.

В блиндаже начальника оперативного отдела телефонист тщетно пытался установить связь с VIII армейским корпусом. В начале огненного шквала оттуда передали сведения о причиненных разрушениях. Затем корпус замолчал — связь оборвалась. Пока мы с тревогой ждали, чтобы устранили повреждение, артиллерийский огонь стих. Вероятно, теперь пошли в атаку танки и пехота

противника. Наконец VIII корпус ответил. Оттуда сообщили, что лавина советских танков с пехотой на броне прорвалась на нашем западном, а затем и южном участках фронта, немецкие оборонительные позиции попросту раздавлены. Солдаты дрались отчаянно, но все было напрасно. Им не удалось сдержать натиск, поскольку не хватает не только противотанкового оружия, но даже винтовочных патронов. Несмотря на приказ начальника штаба, не удалось вырыть окопы и бункеры в окаменевшей от мороза земле. Кто уцелел и не смог спастись бегством, захвачен в плен наступающими советскими войсками. Танковые клинья все глубже взламывали наш фронт. А у нас не было резервов.

Постепенно картина стала ясной. Главный удар приняли на себя дивизии VIII армейского и XIV танкового корпусов. Удар советских войск нацелен в сердце котла, на аэродром Питомник *. 44-я, 76-я пехотные и 29-я моторизованная дивизии сильно потрепаны. Еще не было известно, что от них уцелело.

Все время по радио и телефону поступали новые страшные вести. Старший адъютант едва успевал исправлять оперативные карты. В юго-западном углу котла тоже сгущались тучи. С конца ноября 1942 года там стояла 3-я моторизованная дивизия. Были потеряны населенные пункты Дмитриевка на западе, Ракотино и Цыбенко — на юге. Начальник оперативного отдела пристально смотрел на карту. Я вопросительно взглянул на полковника.

— Вы опасаетесь окружения 3-й моторизованной дивизии, Эльхлепп?

— Именно. До сих пор дивизия отбивала все атаки противника. Теперь же, после потери населенных пунктов Дмитриевка и Ракотино, оба ее фланга в опасности. Нам следует немедленно отвести дивизию с этого выдвинутого на юго-запад выступа.

Эльхлепп тут же приказал соединить себя с произведенным недавно в генерал-лейтенанты начальником штаба. Шмидт был уже в курсе дела, равно как и находившийся у него Паулюс. Дивизия получила приказ во избежание окружения отойти на новые оборонительные позиции восточнее линии Дмитриевка — Ракотино.

В этот роковой день 10 января офицеры связи и порученцы буквально заполнили армейский командный пункт,

Трудно было поверить, что эти замотанные в тряпье фигуры являются офицерами. Наружу выглядывали только глаза, рот и нос, ноги у большинства из них были обмотаны обрывками одеял. Одеты они были в потрепанные, потертые шинели. И лишь у немногих было зимнее обмундирование, и то преимущественно русского происхождения. Зачастую эти офицеры не могли расстегнуть окоченевшими руками пряжку полевой сумки, чтобы достать донесение. Лишь после одного-двух стаканов горячего чая они начинали бессвязно рассказывать об ужасных событиях последних часов, отчаянном сопротивлении немецких солдат, уничтоженных огнем противника батареях и взрывавшихся штабелях боеприпасов, о панике в тыловых частях и среди раненых. Кто мог передвигаться, тот, обезумев от страха, бежал в Сталинград.

Лейтенант одной из дивизий на юго-западном участке котла сообщил, что в течение последних дней два или три немецких коммуниста через громкоговорители призывали прекратить сопротивление и сдаваться в плен русским.

— Такую пропаганду мы слышали не в первый раз, — добавил он. — Меня они на это не поймают. Только теперь у коммунистов есть немецкий капитан и два оберлейтенанта. Если, конечно, это не обман.

— Все ли солдаты реагируют на призывы сдаваться в плен так же, как вы? — спросил я.

— Солдаты слушают передачи, однако тому, что в них говорится, не верят.

Страх перед пленом был еще так велик, что даже в безнадежном положении, когда каждая минута промедления могла стоить жизни, лишь немногие солдаты переходили на сторону Красной Армии. Многолетняя антисоветская пропаганда парализовала большинство немецких солдат и влияла на их поведение. Она привела к тому, что в одном только Сталинградском котле погибли десятки тысяч людей. Эти люди были бы спасены, если бы вняли разумному призыву и прекратили сопротивление.

Слепое повиновение продолжается

Генерал-полковник Паулюс немедленно доложил командованию группы армий «Дон» о чреватых тяжелыми последствиями прорывах на западном и южном участках

котла. Он добавил, что командование 6-й армии не видит серьезной возможности остановить продвижение противника. Несмотря на это, на угрожаемые участки были направлены наспех сформированные сводные подразделения. Хотя Паулюсу и Шмидту было ясно, что дальнейшее ослабление сражающихся в городе дивизий недопустимо, они сами же приказали LI армейскому корпусу передать как можно больше батальонов, рот и артиллерийских подразделений на западный и южный участки котла. Армейский механизм скрипел, но еще работал. Он подчинялся своим внутренним законам. Генерал-полковник Паулюс сознавал, какая смертельная опасность грозит его армии, он тяжело страдал от взваленной на его плечи ответственности. Но Паулюс, как и его ближайшее окружение, считал виновниками катастрофы только Гитлера, генеральный штаб и командование группы армий «Дон». Мы продолжали действовать, хотя наши сердца истекали кровью, а дух был надломлен. Многие заплатили за это своей жизнью.

Никогда не забуду разговора с Паулюсом вечером 10 января 1943 года. Эта беседа показывает, что нас раздирал тогда внутренний конфликт, и свидетельствует о том, что в конце концов все мы были тогда за продолжение войны и считали, что должны пожертвовать 6-й армией.

— Мой дорогой Адам, — начал командующий, — теперь, конечно, многие солдаты и офицеры спрашивают: почему Паулюс не принял предложения о капитуляции, почему он в этом безнадежном положении не действует вопреки приказу Гитлера? Вы знаете, что я не имею права действовать наперекор приказам верховного командования. Но не только это не позволяет мне капитулировать. Чем кончится война, если будут окружены и наши армии на Кавказе? А ведь такая опасность им угрожает. Пока мы боремся, мы сковываем здесь русские армии, которые им необходимы для крупной наступательной операции против группы армий «А» на Кавказе и против все еще нестабильного фронта от Воронежа до Черного моря. Мы должны держаться здесь до последнего, чтобы Восточный фронт мог стабилизоваться. Только если это удастся, можно будет надеяться, что война закончится для Германии благополучно.

— Позвольте сделать одно замечание, господин генерал-полковник, — вставил я. — Вероятно, на вашем месте и я едва ли решился бы на капитуляцию. Но допустим, что это случилось. Разве могли бы русские перебросить свои высвободившиеся здесь армии на фронт, отстоящий от нас более чем на 300 километров, раньше, чем через несколько недель?

— В этом вы, безусловно, заблуждаетесь. Русские — мастера импровизации, это они не раз доказывали в прошлом. То, что нам кажется невозможным, для них возможно. При нашем отчаянном положении на южном участке любое усиление вражеских сил может стать для нас роковым. Я могу оказаться виновником того, что будет проиграна война в целом. Чтобы предотвратить такую катастрофу, мы должны сражаться дальше.

Ни генерал-полковнику Паулюсу, ни полковнику Адаму не пришла тогда в голову мысль, что подлинным несчастьем было начало войны — войны, по своей сути и с самого начала являвшейся политическим, экономическим и военным преступлением, ибо она была направлена против исторического развития событий.

Уже первая мировая война показала, что в XX столетии невозможно осуществлять политику завоеваний и грабежа, которую в XIX веке еще практиковали некоторые империалистические государства. Уже тогда такая война являлась вызовом другим государствам, и они объединились против Германии, которая рвалась к мировому господству. Возмутитель спокойствия были наказан. Бесспорно, что развязанная гитлеровской Германией вторая мировая война была еще более преступной. Она неминуемо должна была закончиться поражением, так как народы, особенно народы великой социалистической державы — Советского Союза, — проявляли несгибаемую волю к сопротивлению.

Мы не задавались основополагающими вопросами о характере войны, ее историческом значении и морально-политических целях. Мы были далеки от понимания всех этих проблем. Воспитанные в националистическом и милитаристском духе, мы едва ли были способны ставить эти вопросы. В этом и заключалась подлинная причина нашего несчастья, и мы все дальше катились к пропасти, ибо, заблуждаясь, считали своим долгом держаться до конца.

Паника в Питомнике

10 января и в последующие дни одна ужасная весть следовала за другой. Все они говорили об одном. Сообщалось о новом прорыве кое-как заштопанной оборонительной линии, бегстве от русских танков. Наши солдаты бросали позиции без приказа. Выявилась несостоятельность командиров сводных подразделений. Повсюду началось разложение. Особенно тревожное сообщение пришло 12 января. Наш единственный аэродром Питомник захвачен русскими танками. Солдаты в панике бежали.

Начальник штаба неистовствовал. Как это могло случиться? По последним донесениям у нас складывалось впечатление, что аэродрому пока не угрожала непосредственная опасность. Может быть, это был только слух? Шмидт требовал полной ясности, ведь речь шла о безопасности армейского командного пункта.

Посланная туда разведывательная группа вскоре возвратилась. Оказалось, что наши войска — летчики, шоферы, санитары, раненые — удрали от разведки противника, тем временем снова отошедшей назад. На этот раз я мог понять припадок ярости у Шмидта.

Паулюс приказал усилить оборону аэродрома и срочно возобновить его эксплуатацию. Офицер штаба, ездивший в Питомник за почтой, рассказывал нам подробно о событиях в Питомнике:

— Паника началась неожиданно и переросла в невообразимый хаос. Кто-то крикнул: «Русские идут!» В мгновение ока здоровые, больные и раненые — все выскочили из палаток и блиндажей. Каждый пытался как можно скорее выбраться наружу. Кое-кто в панике был растоптан. Раненые цеплялись за товарищей, опирались на палки или винтовки и ковыляли так на ледяном ветру по направлению к Сталинграду. Обессилев в пути, они тут же падали, и никто не обращал на них внимания. Через несколько часов это были трупы. Ожесточенная борьба завязалась из-за мест на автомашинах. Наземный персонал аэродрома, санитары и легкораненые первыми бросились к уцелевшим легковым автомашинам на краю аэродрома Питомник, завели моторы и устремились на шоссе, ведущее в город. Вскоре целые гроздья людей висели на крыльях, подножках и даже радиаторах. Машины чуть не разваливались под такой тяжестью. Некоторые

остановились из-за нехватки горючего или неисправности моторов. Их обгоняли не останавливаясь. Те, кто еще был способен передвигаться, удирали, остальные взывали о помощи. Но это длилось недолго. Мороз делал свое дело, и вопли стихали. Действовал лишь один девиз: «Спасайся кто может!»

Но как можно было спастись в разбитом городе, в котором нас непрерывно атаковали русские? Речь шла не о спасении, а о самообмане подстегиваемых страхом, оборванных, полумертвых людей, сломленных физически и нравственно в битве на уничтожение.

Скоро, правда, стало известно, что Питомник снова в наших руках. И хотя выяснилось, что аэродром атаковала лишь разведка противника, немногие больные и раненые возвратились назад. Слишком глубоко овладел страх нашими солдатами. Большинство же летчиков и санитаров лишь к вечеру вернулось в Питомник.

Фантастические планы выхода из окружения

В штабе армии и особенно в штабе LI армейского корпуса возникали различные планы: нельзя ли сократить территорию котла и тем самым сконцентрировать силы, создать известный резерв?

Паулюс отверг этот план, объяснив, что это означало бы добровольную сдачу жизненно необходимого аэродрома.

Нельзя ли все-таки прекратить сопротивление? — вопрошали другие. Нет, только не это. Это было бы равнозначно пленению и создало бы угрозу нашим сражающимся вне котла армиям, заявил Паулюс.

Быть может, следовало бы без артиллерийской подготовки небольшими группами пробиваться из котла? Это предложение исходило из штаба Зейдлица. Смысл предложения сводился к следующему: расположенные по берегу Волги дивизии ночью попытаются прорваться по замерзшей реке на юг за линии противника. Там они соединятся с немецкими войсками, ведущими бои между Доном и Волгой и тоже продвигающимися на юг.

План Зейдлица предусматривал соединение 6-й армии с немецкими войсками за пределами котла. Мы предполагали

что отступающая армия Гота еще ведет бои южнее Цимлянской.

Шмидт считал, что такая операция по прорыву дорого обойдется 6-й армии. Тем не менее он согласился с ней.

Это выглядело весьма странно. До сих пор Шмидт упрямо требовал безусловного повиновения приказам Гитлера. Теперь, когда прорыв безнадежен, он собирается ослушаться приказа.

Однако и этот план не был реализован. Правда, его одобрили некоторые дивизии, солдаты которых уже много недель находились в городе и физически не были еще окончательно измотаны. Все другие дивизии отклонили план как иллюзорный, так как не считали возможным вести наступление силами полуголодных, больных солдат.

Все это еще раз показало, что командование армии блуждало в потемках, а в вышестоящих штабах царила полная неразбериха. Никто из нас не знал, где находятся немецкие войска на южном участке советско-германского фронта. Начальник разведывательного отдела штаба армии утверждал, что они отошли на 400 километров к западу, но мы ему не верили. Это означало бы, что немецкая армия откатилась на исходные позиции лета 1942 года. Но ведь тогда вся наша прошлогодняя борьба была напрасной! Мы не хотели этому верить. «Ибо, — заключали мы с едкой иронией моргенштерновского Пальмштрёма *, — не может быть того, чего быть не должно».

Манштейн, хорошо знавший настроения в 6-й армии, старался держать Паулюса в неведении о положении на фронтах.

Генерал-майор Пиккерт покидает свою дивизию

Хотя 6-я армия был глубоко разочарована в Манштейне, который в трудные дни бросил ее на произвол судьбы, Паулюс и Шмидт в этой отчаянной ситуации предприняли еще одну попытку побудить его к каким-либо действиям. Они уполномочили командира 9-й зенитной дивизии генерал-майора Пиккерта вылететь в штаб группы армий «Дон» и подробно доложить фельдмаршалу фон Манштейну о катастрофическом положении окруженной армии. В последние дни к нам прибыло еще меньше транспорт-

ных самолетов, чем обычно. Голод царил в котле. Пиккерт должен был добиться наконец у Манштейна улучшения снабжения по воздуху, чтобы хоть немного облегчить тяжелое положение 6-й армии.

По сути дела, этот шаг армейского командования был таким же самообманом, как и некоторые прежние его действия. Зато он имел другое, неожиданное последствие: генерал Пиккерт не вернулся в котел. Перед вылетом он заверил своего начальника оперативного отдела, а представляясь по случаю убытия, и генерал-полковника Паулюса, что прилетит назад тотчас же по выполнении задания. Однако мы ждали его напрасно. Вскоре от Пиккерта поступила радиограмма: «Прошлой ночью кружился над Питомником, попытка приземлиться не удалась, вынужден возвратиться».

В ту же ночь другие самолеты приземлились в Питомнике. Мы были возмущены. Однако против господина Пиккерта тогда ничего предпринято не было.

Немцы по другую сторону фронта

Я сидел в своем блиндаже и перелистывал бумаги, которые принес мне обер-фельдфебель Кюппер. Среди них были листовки противника. Я небрежно отодвинул их в сторону.

Мои мысли витали между Германией и фронтом. Если бы мои родные дома знали, что происходит здесь, в степи между Волгой и Доном, если бы они видели эти запавшие, отмеченные печатью голода, почерневшие от грязи и мороза лица... Но оперативные сводки главного командования звучали все еще обнадеживающе. Ни одного слова об ужасах этой битвы на уничтожение!

Уже несколько недель я не видел газет, не получал известий от жены и дочери. Как они беспокоятся обо мне! Что будет с ними, когда они получат ужасное известие о нашей гибели?

Автоматически я протянул руку к листовкам. Сначала я почти машинально перебрал их, затем начал читать. Имена подписавшихся Вальтера Ульбрихта, Эриха Вейнерта и Вилли Бределя были мне мало знакомы. Я знал только, что это коммунисты-эмигранты. Тогда это не

служило для меня хорошей рекомендацией. Но то, что они писали, было не лишено смысла. Их язык был прост и убедителен, и они удивительно хорошо были осведомлены о нашем положении. Им было известно, что мы страшимся плена и что мы верим обещаниям Гитлера вызволить нас из котла.

Во всех листовках указывалось, что Гитлер и Главное командование сухопутных сил лгут и обманывают нас, обещая спасти из смертельных тисков окружения; у них нет больше возможности сделать это. Верховное командование вермахта спекулирует на том, что мы не в состоянии составить правильное представление об общей военной обстановке.

В одной из листовок содержались точные данные о понесенных нами в последних боях потерях в материальной части. В других речь шла о том, что Гитлер предал немецкий народ, что умирать бессмысленно, а дальнейшее сопротивление безнадежно. В одном месте говорилось примерно следующее: здесь, у нас, находятся немецкие военнопленные. Немедленно прекращайте сопротивление! Это единственный выход, чтобы спасти себе жизнь.

Я перебирал листовки. Рассуждая трезво, я вынужден был признать, что иногда и сам приходил к тем же выводам. Последние обещания Гитлера, Главного командования сухопутных войск и Манштейна — разве они не были пустыми? Ничего, решительно ничего не выполнено из того, что нам обещали в напыщенных выражениях...

Однако можно ли доверять этим немцам, которые обращаются к нам из лагеря противника? Разве это не коммунисты, предавшие свое отечество? Конечно, с военной точки зрения они правы; это говорил мне мой опыт, мой рассудок. Но, как солдат и офицер, я отклонял эту пропаганду, потому что она подрывала боевой дух немецких войск.

Мое внимание привлекла другая листовка. Паулюс утверждал, что смысл нашего дальнейшего сопротивления состоит в том, чтобы дать возможность группе армий «А» на Кавказе избежать угрожавшего ей окружения. В листовке же говорилось, что эта группа армий находится уже в районе Ростова. Не был ли Паулюс введен в заблуждение? Не умышленно ли Манштейн держит в неведении командующего 6-й армии? Это было бы слишком!

Я не видел выхода из лабиринта, в который завело меня чтение листовок. Наконец в одной из листовок я прочитал имена трех офицеров, которые якобы еще в 1941 году попали в советский плен: капитана д-ра Хадермана, обер-лейтенанта Харизиуса и обер-лейтенанта Рейера. Я был озадачен. Доктор Хадерман, очевидно, являлся резервистом. Я вспомнил гессенский городок Шлюхтерн. Там, будучи школьником, я познакомился с гимназистом по фамилии Хадерман. Позднее он стал филологом. Однако фамилия еще ни о чем не говорит. Будто бы эти три офицера обращались по ночам к нашим солдатам через мощную говорящую установку. Таким образом, подтверждалось то, что рассказывал мне 10 января лейтенант с южного участка котла.

Черт побери! Кому же верить? Лучше бы Кюппер избавил меня от этих вещей. Я позвал его.

— Зачем вы положили мне на стол эти листовки?

— Я думал, господин полковник, что они заинтересуют вас, — ответил он.

— Вы ведь тоже прочитали их, Кюппер. Каково же ваше мнение? Можете говорить откровенно, — добавил я, заметив, что Кюппер медлит с ответом.

— Так точно, господин полковник, мы прочитали листовки. По рассказам связных, приказ сдавать все найденные листовки выполняется только формально. Хотя едва ли у кого хватит смелости перейти на сторону Красной Армии, постепенно одерживает верх мнение, что русские не расстреливают военнопленных. Связной IV армейского корпуса говорил, что вчера ночью из русских окопов к ним обращался через громкоговоритель солдат 371-й пехотной дивизии, которого знают многие.

— Говорят ли солдаты штаба между собой об этих листовках, Кюппер?

— Как раз в эти дни по поводу листовок много споров. Одни относятся к ним отрицательно, другие раздумывают над тем, что там написано, а то даже и защищают эти утверждения. Во всяком случае, почти никто не верит, что в плену расстреливают.

Кюппер ушел. Делать мне было, в сущности, нечего, и я погрузился в глубокое раздумье. Задумчивым или, вернее, встревоженным был и Паулюс, который некоторое время спустя вызвал меня к себе. Обер-лейтенант

Циммерман дал понять, что, по-видимому, у генерал-полковника возникла потребность поговорить со мной.

Когда я вошел, Паулюс сидел за письменным столом, подперев голову, правой рукой поглаживая лоб. Я уже знал эту его привычку. Почти всегда в это время его лицо особенно сильно подергивалось.

Что случилось? — подумал я. Перед Паулюсом лежала какая-то бумага. Молча он протянул ее мне.

Это была листовка, адресованная непосредственно Паулюсу и подписанная Вальтером Ульбрихтом, депутатом германского рейхстага. Внимательно прочитал я ее, слово за словом. Ясными, логическими аргументами Ульбрихт доказывал, что Паулюс, подчиняясь приказам Гитлера, действует не в интересах Германии и немецкого народа. Его обязанность — прекратить бесполезное сопротивление. Я вопросительно посмотрел на командующего армией и возвратил ему листовку.

— Конечно, — задумчиво сказал Паулюс, — автор этого послания, если смотреть с его колокольни, прав. Все события он рассматривает как политик. Как человек штатский, он не может понять, что значит для солдата повиновение, не понять ему и тех соображений, которыми я руководствовался, приняв решение.

— Перед тем как вы, господин генерал-полковник, позвали меня, я прочитал аналогичные листовки Ульбрихта, Вейнерта и Бределя. Их язык непривычен нам. Во мне все противится их взглядам, но во многом они правы.

— Скажем так, Адам: они видят все в ином свете, чем мы. Я ни в коем случае не отказываю этим людям в добрых намерениях. Но для меня это подрыв солдатской дисциплины, и с этим я согласиться не могу. До чего мы дойдем, если во время войны солдаты будут выступать против правительства собственной страны!

— Я и сам еще не разобрался, что к чему, господин генерал-полковник. Но я все чаще задаюсь вопросом: какой смысл гнать на смерть десятки тысяч людей? Стоит ли придерживаться традиционного представления о солдатском долге в условиях, когда наше доверие к высшему командованию им же самим было не один раз предано гнусным образом? Имеются ли еще и теперь серьезные основания, которые с военной точки зрения оправдывали бы нашу гибель? Я позволю себе предположить, господин

генерал-полковник, что вы знакомы с содержанием всех листовок. В одной из них говорится, что кавказская группа армий ведет бои уже в районе Ростова. В этом случае опасность ее окружения прошла. Тогда зачем эти страшные человеческие жертвы 6-й армии?

— Я читал эти листовки, но не могу поверить этим утверждениям. Ко всему, что связано с пропагандой, мы должны относиться как можно более критически.

— А если это все же правда? Если мы сознательно или бессознательно введены в заблуждение нашим высшим командованием?

— Я не могу полностью принять ваши аргументы. Ведь от Пиккерта Манштейн знает, в каком отчаянном положении мы находимся. Я просто не могу себе представить, что его не трогают страдания и гибель нашей армии и что от нас требуют напрасных жертв. Нам приказано обороняться здесь, и из чувства ответственности перед группой армий «А» на Кавказе я не могу действовать иначе.

Так и этот наш разговор закончился ничем. Мы размышляли и дискутировали. Однако мы сами заставляли себя топтаться в заколдованном круге. Мы не были способны отбросить бессмысленные и даже преступные приказы и подняться до подлинной ответственности перед нашим народом. И поэтому даже взволнованные обращения немецких антифашистов нам тогда не помогли.

Дорога смерти

Генерал-лейтенант Шмидт вызвал меня к себе.

— Произведите рекогносцировку нового командного пункта, Адам. Мы собираемся использовать командный пункт 71-й пехотной дивизии, которая переходит в город южнее реки Царица. Насколько я знаю, мы сумеем разместиться в убежищах, расположенных в балке близ поселка Сталинградский. Немедленно займитесь их распределением. У Сталинградского шоссе, где отходит дорога к балке, вас будет ждать адъютант 71-й пехотной дивизии.

Вернувшись в свой блиндаж, я по телефону договорился с начальником тыла дивизии о том, когда я прибуду к нему. 13 января в 9 часов моя автомашина стояла

готовой к отъезду. До шоссе было всего несколько сот метров. Вереница раненых продолжала двигаться по направлению к городу. Уже через километр моя легковая машина-вездеход была переполнена ими. Двое раненых стояли даже на подножках.

— Поезжайте медленнее, — приказал я водителю, опасавшемуся за целость осей и рессор. Я решил сделать небольшой крюк в Сталинград и сдать там раненых в лазарет. Хотя машина уже была сильно перегружена, сразу же за Гумраком мы взяли еще одного. Я увидел его еще издали: он стоял, умоляюще протянув замотанные в тряпье руки. Когда мы медленно подъехали ближе, я увидел на детском лице выражение отчаяния. По его щекам текли слезы. Я вспомнил сына и велел остановиться. Несчастный, ковыляя, подошел к машине.

— Пожалуйста, возьмите меня в Сталинград! — попросил он. Мы потеснились, и раненый сел на переднее сиденье. Юноше не было еще и 19 лет. Уже несколько часов с обмороженными руками и ногами сидел он на дороге, и никто не сжалился над ним. Он не знал, как благодарить меня, и все время пытался пожать мне руку. Ему казалось, что в Сталинграде он найдет спасение.

Я высадил раненых у лазарета в западной части города, замолвив за них слово дежурному врачу. Юношу нам пришлось почти нести на руках. На прощанье он хотел подарить мне кусок сухой колбасы.

— Это мама прислала, я все хранил колбасу, — сказал он простодушно.

Конечно, я отказался от подарка, сказав, что ему это нужнее, чем мне.

По обочинам шоссе лежало много трупов — так закончили свой путь раненые и больные. Они прилегли на минутку, чтобы набраться сил, от усталости они заснули и замерзли. Мертвые лежали и на дороге. Никто не заботился о том, чтобы предать их земле. Танки и легковые машины проезжали по замерзшим трупам и сплющивали их. Водители и пешеходы натыкались на них и бесчувственно и тупо брели, спотыкаясь, дальше. Это шоссе прозвали «дорогой смерти».

Названию этому отвечали и сотни всевозможных разбитых грузовиков, легковых и специальных автомашин, разбитых и опрокинутых авиабомбами, с вывалившимся грузом и искромсанными трупами людей. То

и дело попадались искореженные танки и орудия, иногда сгоревший самолет и, наконец, бесчисленное множество вполне исправных автомашин, которым не хватало лишь горючего.

Мой вездеход остановился. В него сел поджидавший меня адъютант 71-й пехотной дивизии. После всего, что я видел, разговаривать не хотелось.

«Гартманнштадт»

Мы свернули в глубокую балку, по дну которой между крутыми склонами проходила дорога. Здесь был сооружен настоящий поселок из бункеров. По фамилии командира дивизии генерал-лейтенанта фон Гартманна он был назван «Гартманнштадт». Блиндажи были расположены по крутому левому откосу в три этажа, соединенные между собой лестницами. Лестницы и переходы были ограждены перилами. Кухню и кладовую также вырыли в откосе.

Во время Западной кампании 71-я пехотная дивизия взяла северные форты Вердена — Во и Дуомон. Ее прозвали «везучей». В качестве опознавательного знака на ее автомашинах был изображен лист клевера. Теперь, однако, счастье бесповоротно покинуло дивизию. Генерал-лейтенанта фон Гартманна я нашел в весьма удрученном настроении.

— В каком ужасном положении мы находимся, — сказал он мне, — я не вижу выхода. От моей дивизии, которой я всегда так гордился, почти ничего не осталось. Я не перенесу этого.

Я тоже был чрезвычайно удручен и рассказал ему о своей страшной поездке по «дороге смерти».

— Вы правы. Эти ужасные картины могут хоть кого лишить рассудка.

Из дальнейших разговоров я узнал, что генерал также потерял в этой войне единственного сына. «Пал за отечество» — до сих пор мы верили этому или по крайней мере нас убеждали в этом. После горьких переживаний последних месяцев такое толкование стало казаться нам крайне сомнительным. Но еще тяжелее было признать, что наши сыновья погибли напрасно.

Когда я попрощался, у меня было такое чувство, будто фон Гартманна терзают сомнения еще больше, чем меня, и он окончательно потерял душевное равновесие.

Затем начальник тыла и адъютант показали мне хорошо оборудованные блиндажи. В каждом стояла обмурованная печка. Было достаточно кроватей, столов и стульев. На окнах висели гардины и приспособления для затемнения. Все помещения освещались электричеством. Насколько примитивным по сравнению с этим был наш старый командный пункт.

Штаб дивизии собирался выехать уже на следующий день. Следовательно, команде квартирьеров нужно было немедленно принять все помещения. Я распределил отдельные блиндажи между подразделениями нашего штаба и отправился на командный пункт армии.

Информировав Шмидта о результатах своей рекогносцировочной поездки, я спросил его, когда мы передвинем командный пункт.

— Это зависит от изменения обстановки и от того, когда будет установлен коммутатор. Пока Питомник в наших руках, мы останемся здесь, — ответил он.

Затем я сообщил Паулюсу о «Гартманнштадте», а также о страшных картинах, которые видел по дороге.

— Это действительно ужасно, — сказал он. — Если бы я был уверен, что группа армий «А» находится в безопасности, я положил бы этому конец. Поскольку же это остается неподтвержденным, мы должны сражаться, пока возможно.

— Разве наши войска еще могут воевать, господин генерал-полковник? Ведь западный участок котла был прорван при первом же ударе.

— Его мы кое-как заштопали. Питомник еще в наших руках. И кто же охотно пойдет в плен? Солдаты все еще надеются на спасение и знать ничего не хотят о капитуляции. Это укрепляет меня в моих действиях.

Задание капитана Бера

Действительно, большинством солдат владели страх и надежда. В штабе армии никто, пожалуй, не думал больше об освобождении. Однако ни у кого не хватало

духу сказать войскам правду. Нетрудно было предвидеть, что мы не сможем долго удерживать Питомник. Поэтому Шмидт приказал вывезти самолетом журналы боевых действий нашего штаба, отделов разведки, оперативного, тыла, кадров начсостава, начальника инженерной службы и начальника связи, чтобы они не попали в руки врага. Это было поручено старшему адъютанту группы управления штаба капитану Беру, молодцеватому офицеру, награжденному Рыцарским крестом. Сначала он должен был еще раз обрисовать фельдмаршалу фон Манштейну агонию 6-й армии, а затем лететь дальше, чтобы доложить Главному командованию сухопутных сил и лично Гитлеру, как бесславно гибнет, умирая от голода, 6-я армия. Командование армии исходило из того, что на Гитлера может произвести больше впечатления награжденный орденами офицер, чем генерал. Бер больше не вернулся в котел. Теперь мне известно, что этому помешали нарочно, чтобы безнадежное положение 6-й армии оставалось ей неизвестным. Лично зная капитана, я не сомневаюсь, что он не стеснялся говорить напрямик и у Манштейна, и у Гитлера. Но количество транспортных самолетов не увеличилось. Армия продолжала таять. Полевые кухни все чаще оставались холодными, потому что нечего было варить. То и дело и без того скудный ужин отменялся. Фронт придвинулся к Питомнику. Истребители Красной Армии кружили над аэродромом и сбивали много наших «юнкерсов-52» и «хейнкелей-111», подходивших без прикрытия. Те, которым удавалось приземлиться, уничтожались на земле советскими бомбардировщиками или низко летящими «швейными машинами». Не помогло и то, что Шмидт радировал откомандированному капитану Тёпке: «Если и теперь количество самолетов не будет увеличено, поднимите скандал».

Аэродром Гумрак

14 января утром команда квартирмейстеров штаба армии приняла командный пункт 71-й пехотной дивизии. На следующий день Питомник был потерян окончательно. Наземному персоналу еле удалось отойти на запасный аэродром Гумрак, который наскоро был подготовлен за

два предыдущих дня. Командир VIII армейского корпуса генерал-полковник Гейтц тоже вынужден был поспешно оставить свой командный пункт на краю аэродрома Питомник. Он появился со своим штабом в нашем расположении близ Гумрака. Штаб XIV танкового корпуса, до сих пор находившийся между Питомником и Ново-Алексеевским, также отошел в район Гумрака.

В эти дни полковники Латтман и д-р Корфес были произведены в генерал-майоры. Латтману, танковая дивизия которого была полностью уничтожена, было поручено командование 389-й пехотной дивизией, после того как ее бывший командир генерал-майор Магнус оказался в этой ситуации совершенно не соответствующим своей должности. Быть может, Магнус думал, что Шмидт позволит ему улететь. Но этот расчет оказался ошибочным.

К середине января котел значительно сузился. Новый фронт на юге и на западе проходил вдоль окружной железной дороги. Он был занят потрепанными остатками 44, 76, 297 и 376-й пехотных, 3-й и 29-й моторизованных дивизий, 14-й танковой дивизии и так называемыми крепостными батальонами. Теперь командный пункт армии у Гумрака находился под непосредственной угрозой. Нам приходилось опасаться, что новая оборонительная линия долго не выдержит. К тому же на занятые нами блиндажи претендовали штабы и войска, которые вели бои. Поэтому 16 января утром штаб армии переместился в «Гартманнштадт». Снова сжигались документы и боевое имущество. На новый командный пункт было взято только самое необходимое. Мы ехали по шоссе в немногих уцелевших автомашинах, маленькими группами, мимо тащившейся в город вереницы изголодавшихся, больных и раненых солдат, похожих на привидения.

На вокзале в Гумраке мы попали в плотную толпу раненых. Подгоняемые страхом, они покинули лазарет на аэродроме и тоже устремились на восток. Остались лишь тяжелораненые и безнадежно больные, эвакуация которых из-за недостатка транспортных средств была невозможна. Надежды вылечить их все равно не было. Паулюс приказал главным врачам оставлять лазареты наступающему противнику. Русские нашли и штабель окоченевших трупов немецких солдат, которые несколько недель назад были навалены за этим домом смерти один

на другой, как бревна. У санитаров не было сил вырыть в затвердевшей, как сталь, земле ямы для мертвых. Не было и боеприпасов, чтобы взорвать землю и похоронить в ней погибших.

Транспортные самолеты не прибыли

Аэродром Гумрак не мог заменить Питомника ни в малейшей степени. Он находился под артиллерийским обстрелом, взлетно-посадочная полоса его была искорежена снарядами и авиабомбами. Тяжелые транспортные машины могли садиться только с величайшим риском. Сначала командование «люфтваффе» вообще отказывалось посылать туда самолеты, поскольку за последние дни от русской зенитной артиллерии, истребителей и бомбардировок, а также из-за аварий при посадке немецкая авиация потеряла десятки самолетов[1]. После утраты Питомника прошло два дня, минул и третий, но ни один самолет не приземлился, хотя с нашей стороны было сделано все, чтобы привести в порядок аэродром Гумрак, и штаб группы армий «Дон» получил донесение об этом. Очевидно, он не сумел заставить командование «люфтваффе» направлять самолеты в Гумрак. Паулюс обратился с радиограммой непосредственно к Гитлеру: «Мой фюрер, вашим приказам о снабжении армии не подчиняются. Аэродром Гумрак с 15 января годен для посадки. Площадка безупречна для посадки ночью. Наземная организация имеется, необходимо срочное вмешательство, грозит величайшая опасность»[2].

На созванном командующим армией оперативном совещании Шмидт напропалую ругал командование «люфтваффе». Обер-квартирмейстер был в отчаянии. Именно к нему сходились требования измученных голодом частей, сливаясь в громкий вопль ужаса: «Не дайте нам погибнуть столь жалким образом! Хлеба!»

Генерал-полковник решил еще раз обратиться к Манштейну. Через два часа после отправления радиограммы Гитлеру была послана радиограмма командующему группой армий «Дон»:

«Возражения «люфтваффе» считаем предлогом; авиационными специалистами, а именно аэродромной

службой, посадка признана возможной. Посадочная полоса значительно расширена. Аэродромная служба и ее оборудование, как и прежде в Питомнике, действуют здесь безупречно. Командующий запросил вмешательства непосредственно фюрера, так как постоянная проволочка со стороны «люфтваффе» уже стоила жизни многим солдатам» [1].

Командование армии полагало, что оно сделало таким образом все возможное, чтобы совладать со страшным бедствием. Ответ не поступил. Транспортные самолеты не прилетали.

Паулюс снова радировал группе армий «Дон»:

«До сих пор ни одного самолета. Армия просит дать приказ о вылете» [2].

Все было напрасно. Никакого ответа не поступило ни от Гитлера, ни от Манштейна. Зато все более настойчивыми и громкими становились требования войск к командованию армии: «Количество потерь от голода растет с часу на час. Срочно требуются по крайней мере минимальные продовольственные пайки. Имеются случаи самоубийства вследствие безысходности и отчаяния».

Кому же лететь?

Командующий армией сделал еще одну попытку облегчить тяжелую участь солдат. Он потребовал от Манштейна, чтобы был прислан генерал «люфтваффе», с которым можно было бы на месте обсудить возможности посадки самолетов в котле.

Найдется ли генерал, который так мало ценит свою жизнь? — задал я себе вопрос, услышав об этой попытке. Мой скептицизм оказался оправданным. 16 января утром вместо затребованного генерала на нашем командном пункте появился майор авиации. Это был явный показатель того, как котировалась 6-я армия у вышестоящих начальников. Меня охватила ярость в связи с этим новым свидетельством измены вышестоящих командных инстанций элементарнейшим принципам солдатской порядочности.

В мой блиндаж вошел капитан фон Зейдлиц, дальний родственник командира LI корпуса. Как кандидат в слу-

шатели Академии генерального штаба, он был командирован для отбытия войсковой практики в штаб нашей армии в качестве адъютанта. По поручению начальника штаба он сообщил мне, что все специалисты, в том числе командиры танков, воентехники и кандидаты в слушатели академии, должны немедленно вылететь из окружения.

— Главное командование сухопутных сил приказало это и майору фон Цитцевицу, офицеру связи Гитлера при нашем штабе, — доложил капитан Зейдлиц. — Генерал-лейтенант Шмидт просит вас вызвать офицеров, которых это касается, из армейских корпусов и дивизий, если возможно по телефону. Мы надеемся, что сегодня ночью наконец прибудет несколько транспортных машин.

— А что же будет с тяжелоранеными? — спросил я. — Начальник санитарной службы армии сообщил мне, что они доставлены в Гумрак. Все блиндажи там переполнены.

— Начальнику санитарной службы дано указание немедленно приостановить эвакуацию тяжелораненых, — ответил Зейдлиц.

Я онемел. В каждой современной армии раненным в боях солдатам и офицерам отдается предпочтение во всем. Здесь же из окружения вывозились те, кто представлял особую ценность для продолжения войны, остальные же хладнокровно обрекались на гибель. Это можно было считать лишним доказательством того, что высшее командование уже списало 6-ю армию. Однако и командование нашей армии, по-видимому, изменило свое отношение к вопросу о вылете из котла. До сих пор Шмидт бесцеремонно отклонял любое ходатайство подобного рода. Почему же теперь он не возражал против приказа Главного командования сухопутных сил? На одно мгновение у меня появилась мысль: не стоит ли за новым приказом сам начальник штаба? Ведь и офицеры генерального штаба — специалисты. Правда, в приказе они упомянуты не были. Однако такой приказ мог появиться по мере обострения обстановки. Такое предположение показалось мне настолько низким, что я попытался выбросить его из головы. Я обратился к капитану.

— Позвольте поздравить вас, дорогой Зейдлиц. Наверняка вы принадлежите к тем, кто первым покинет эту гибельную ловушку. Уложили ли вы уже свои вещи?

— Из этого, кажется, ничего не выйдет, господин полковник. Шмидт сказал мне сегодня утром, что после вылета капитана Бера я здесь незаменим. Откровенно говоря, я не понимаю такой мотивировки. Уже несколько дней, как мне нечего делать. Время от времени меня посылают в одну из дивизий для ознакомления с обстановкой. Но уже давно известно, что обстановка повсюду одинаково тяжелая, а разложение усиливается. Вчера я был на западной окраине аэродрома Гумрак. Он охраняется слабыми сводными подразделениями. Противотанкового оружия и артиллерии у них почти нет. А если кое-где имеется оружие, то нет боеприпасов.

— Несмотря на это, когда русские наступают, полумертвые солдаты оказывают сопротивление. Что же, собственно, происходит в их головах? — спросил я.

— Это особый вопрос. Многие, съежившись, апатично сидят в своих норах и едва отвечают, когда к ним обращаются. Другие ругаются на чем свет стоит, кричат, что их обманули и предали. Однако по сигналу тревоги они немедленно хватают винтовки или автоматы, бегут к пулеметам или противотанковым пушкам.

— Вероятно, страх перед пленом все же сильнее озлобления и разочарования в связи с неудачами, которые нас здесь преследуют.

— Для большинства это, безусловно, так, господин полковник. Однако за последние дни в ряде мест мелкие боевые группы капитулировали вместе со своими офицерами. Восемь недель назад это было почти немыслимо. Сказывается воздействие вражеской пропаганды.

Капитан фон Зейдлиц откланялся. Когда я, стоя в дверях бункера, прощался с ним, то увидел внизу, в балке, майора авиации, которого сопровождал Эльхлеп. Из укрытия вышла автомашина. Майор сел в нее и, козырнув, удалился в сторону аэродрома Гумрак.

— Долгим этот визит не был. Любопытно, что из него получится, — сказал я.

— Мне тоже хотелось бы это знать, господин полковник, — ответил Зейдлиц и направился к бункеру начальника штаба.

Полковник Эльхлеп вошел ко мне.

— Господин летчик только извинялся. Шмидт набросился на него с ругательствами и резко сказал, что его аргументы нас не интересуют. 6-я армия ждет продоволь-

ствия, боеприпасов, медикаментов и горючего. Возмутительно, что нас оставили на произвол судьбы. Паулюс был возбужден, присоединился к мнению начальника штаба и заявил, что «люфтваффе» не выполнила своего обещания. Поведение вышестоящих инстанций по отношению к 6-й армии — это вероломство, которое ничем оправдать нельзя.

— Таким образом, этот майор получил взбучку, предназначавшуюся для генералов, — заметил я. — Предположим, что он передаст все это дословно. Думаете ли вы, Эльхлепп, что наше снабжение от этого улучшится? Слышите, как рвутся снаряды? Фронт уже придвинулся чертовски близко к нашему командному пункту. Сколько дней мы еще продержимся? Мы занимаемся самообманом. При трезвой оценке обстановки нам следовало бы капитулировать. Тогда по крайней мере тысячи солдат были бы спасены. Дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла. Главное командование сухопутных сил списало нас в расход. Улетят еще несколько специалистов, остальные пусть околевают.

— С меня тоже довольно, Адам. Однако офицер не может капитулировать перед большевиками. Он сражается до последнего патрона, а затем умирает.

— Это громкие слова, Эльхлепп. Продолжать бесполезное сопротивление безответственно и даже аморально. В этом смысле я буду стараться и впредь воздействовать на генерал-полковника Паулюса.

— Никто не может запретить вам этого, — ответил мне Эльхлепп. — Однако вы ничего не добьетесь. Для Паулюса повиновение — высший воинский закон.

Мой друг полковник Зелле

В последующие дни ко мне прибывали специалисты, главным образом из танковых и моторизованных дивизий. Все они сияли от радости. В результате протестов командования армии по ночам снова садилось несколько самолетов с продовольствием и боеприпасами. Они забирали специалистов в группу армий «Дон».

Я искренне радовался вылету из котла полковника Зелле. Еще в октябре 1942 года наш врач советовал ему срочно пройти курс санаторного лечения. Разрешение

уже было дано, как вдруг началось большое контрнаступление Красной Армии. Зелле сразу же заявил тогда, что не может оставить войска. В начале декабря на Чире он принял боевую группу, а позднее получил от Шмидта бесполезный приказ вернуться в котел. Хотя здоровье у него было слабое и он с трудом держался на ногах, он ни разу не пытался улететь из котла. Несколько дней назад я попросил его сфотографировать меня. Мне хотелось с очередным офицером связи отослать фотопленку и камеру жене и дочери. Потом мы откровенно поговорили. Зелле, старый член нацистской партии, награжденный золотым значком, сказал мне, что не раз советовал Паулюсу действовать вопреки приказам Гитлера и поступать так, как подсказывает ему совесть, ответственность за армию. Однако в военных вопросах Паулюс придерживается точки зрения Шмидта. Он, Зелле, считает это роковым. Генерал-полковник вместе со своим начальником штаба несут таким образом ответственность за бессмысленную гибель 6-й армии. Затем в приступе гнева против Гитлера и Геринга полковник инженерных войск сорвал с кителя золотой партийный значок, бросил на смерзшийся снег и растоптал его.

Хотя эта сцена, собственно говоря, была только жестом без каких-либо дальнейших последствий, она все же произвела на меня впечатление, поскольку явилась выражением решительного протеста, в то время как Паулюс, Шмидт, Эльхлепп и другие требовали безусловного подчинения аморальным приказам. Не исключено, что начальник нашего штаба не внес бы Зелле в список отлетающих из котла, если бы узнал о нашем разговоре. Шмидт, однако, сообщил мне 22 января, что Зелле покинет котел. Я хотел первым сообщить моему другу эту радостную весть. На мой звонок ответил порученец Зелле.

— У тебя ли полковник Зелле? — спросил я.

— Соединяю с господином полковником.

— Что нового, Адам?

— Сегодня или завтра ты вылетишь из котла в качестве офицера связи.

На другом конце провода наступило молчание. Видимо, от радостной неожиданности мой друг потерял дар речи.

— Ты еще у телефона, Зелле?

Наконец я снова услышал его голос.

— Надеюсь, это не злая шутка? — сказал он.

— Мой дорогой Зелле, в данном случае она была бы неуместна. Несколько минут назад я узнал об этом от Шмидта. Сердечно поздравляю тебя и радуюсь, что отсюда выберется тот, кто не будет трепаться о нашей героической борьбе. Я надеюсь, на родине ты будешь рассказывать только правду.

— В этом ты можешь быть уверен, — последовал решительный ответ.

— Не забудь зайти ко мне перед отлетом.

В этот момент ко мне вошел капитан фон Зейдлиц.

— Простите, пожалуйста, господин полковник. Генерал-лейтенант Шмидт просит вас сейчас же определить запасную посадочную площадку для наших транспортных самолетов. Гумрак находится под сильным артиллерийским огнем.

Нельзя было терять ни секунды. С несколькими солдатами я отправился в путь. Вскоре мы обозначили колышками новую площадку в нескольких минутах ходьбы от нашего командного пункта.

В моем блиндаже меня ждал полковник Зелле. Он уже попрощался с Паулюсом и Шмидтом и рассказал мне о беседе с ними. Я твердо запомнил его слова.

— Силы Паулюса действительно на исходе, — сказал Зелле. — Прощаясь со мной, Паулюс сказал: «Отправляйтесь с богом и внесите свою скромную лепту в то, чтобы командование вермахтом снова спустилось с пебес на землю». Он выразил свои мысли весьма иносказательно, но в устах Паулюса это был все же уничтожающий приговор, ведь верно? Можешь представить, как тяжело мне было говорить с ним. Я еще раз посмотрел в глаза Паулюсу. Со словами: «Пусть могильный крест 6-й армии не станет надгробным памятником для всей Германии!» — я простился с ним.

— В последние дни Паулюс неописуемо страдает. Он мучительно размышляет, ищет выхода, но не может не повиноваться приказам Гитлера и Манштейна. А каково твое впечатление о Шмидте? — спросил я Зелле.

— Я не видел его несколько дней и был поражен, как он изменился. Это уже не прежний убежденный в победе, самоуверенный начальник штаба. Человек, который до сих пор строго осуждал всякое негативное высказывание, теперь резко критиковал высшее командование. На

прощание он сказал мне: «Расскажите всюду, где вы найдете возможным, что высшее командование предало и бросило на произвол судьбы 6-ю армию». Очень жаль, что он не понял этого раньше, он мог бы избавить 6-ю армию от многих несчастий.

Как для Зелле, так и для меня прощание было нелегким. Мы вместе пережили тяжкие дни и знали, что можем положиться друг на друга. Было мало надежды, что мы когда-либо увидимся снова.

Как только полковник инженерных войск ушел, адъютант IV армейского корпуса сообщил по телефону, что командир корпуса генерал инженерных войск Иенеке во время воздушного налета противника ранен в голову и плечо. По долгу службы я тотчас же радировал об этом в штаб группы армий «Доп». Через несколько часов из управления кадров сухопутных сил последовало указание отправить раненого генерала на первой же машине, которая совершит посадку в котле. В это время русские уже заняли наш последний аэродром Гумрак. Самолеты получили указание садиться в поселке Сталинградский, хотя там и не было произведено трассировки посадочной полосы. Отсюда генерал Иенеке вместе с полковником Зелле 23 января вылетел из окружения.

Это был один из последних самолетов, отправившихся из котла. Большинство пилотов, поскольку им вообще удавалось прорвать зенитный заградительный пояс противника, сбрасывали контейнеры с продовольствием. Если контейнеры падали у нас, на них мгновенно набрасывались голодающие солдаты. Игнорируя приказ командования, согласно которому о всех контейнерах с продовольствием следовало докладывать и сдавать их в созданный для этого пункт, они большей частью делили продукты между собой. Можно ли было ставить им это в вину? Целыми неделями они почти ничего не ели. Зверский голод приводил их на грань исступления и сметал все заповеди дисциплины и порядочности; они забывали даже о своих беспомощных раненых товарищах.

Чего хочет генерал-лейтенант Шмидт?

23 января командиры корпусов собрались у Паулюса для разбора обстановки. Вместо раненого генерала Иенеке

командиром IV армейского корпуса был назначен командир 297-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Пфеффер, произведенный одновременно в генералы артиллерии. Обсуждался главный вопрос: как действовать дальше? Генералы фон Зейдлиц и Пфеффер ратовали за прекращение военных действий, тогда как Гейтц, Штрекер и Шлёмер настаивали на продолжении сопротивления.

После этого генерал-полковник Паулюс обратился с этим же вопросом к Шмидту, Эльхлеппу и мне. Я указал на то, что, продолжая бессмысленное сопротивление, армия погибнет, и предложил капитулировать. При этом я взглянул на Шмидта. Как он будет реагировать на это? Я уже приготовился к взрыву бешенства. Однако Шмидт оставался спокойным; казалось, он одобряет мое предложение. Только Эльхлепп, как всегда, решительно возражал. Командующий проявлял нерешительность. Как и раньше, он не мог перешагнуть через собственную тень. Он решил еще раз подробно доложить по радио высшему командованию о положении в котле и просить разрешения капитулировать.

Вечером 23 января на временном аэродроме, находившемся от нас в нескольких сотнях метров, приземлились два «хейнкеля-Ш». Вслед за этим генерал-лейтенант Шмидт пригласил меня в свой блиндаж. Он напомнил содержание беседы, которую мы вели после полудня у Паулюса, и не стал скрывать, что весьма разочарован поведением высшего командования.

«Чего же он хочет? — думал я про себя. — Ведь все это известно мне так же хорошо, как и ему!» Но Шмидт тут же разъяснил, чего он хочет.

— До сих пор, — сказал он, — ни Хубе, ни другие офицеры не сумели добиться улучшения нашего положения, хотя все они получили задание доложить лично Гитлеру или хотя бы Манштейну о катастрофическом положении армии. У меня сложилось впечатление, что никто из них не решился сказать фюреру чистую правду. Мне давно следовало бы самому вылететь в ставку для доклада.

Я насторожился. Шмидт продолжал:

— Катастрофическое положение вынуждает нас предпринять последний шаг, чтобы добиться наконец свободы действий. Я хотел просить вас предложить командующему

послать меня на самолете в ставку для доклада Гитлеру. Можете быть уверены, что я без промедления вернусь в котел.

Я остолбенел. Этот злой дух армии, до сих пор приказывавший держаться до последнего, грозивший предавать суду военного трибунала каждого, кто заговаривал о капитуляции, намерен теперь дезертировать. Иначе нельзя было расценить его слова, даже с учетом тех оговорок, которые он сделал. Любой солдат штаба знал, что, вероятно, уже на следующий день ни один самолет не сможет приземлиться в котле.

Я ответил Шмидту лаконично:

— Рекомендую, господин генерал, лично доложить вашу настоятельную просьбу командующему.

Злобно, но все-таки сдерживаясь он посмотрел мне вслед, когда я молча покинул его блиндаж.

Об этом интермеццо я коротко информировал начальника оперативного отдела полковника Эльхлеппа. В волнении он вскочил со стула.

— Какая низость! Вы должны немедленно сказать об этом командующему.

— Я сейчас иду к нему и хотел заручиться вашей поддержкой.

Паулюс выслушал мое сообщение с негодованием, разочарованный в своем начальнике штаба, который все время требовал сражаться до последнего патрона.

— Пригласите его ко мне. Теперь я знаю, как с ним быть.

Раздался стул в дверь, и вошел Шмидт. Вероятно, он рассчитывал найти Паулюса одного, и притом неподготовленного. Он повторил Паулюсу почти дословно то, что сказал мне, пытаясь аргументировать необходимость своего вылета.

Командующий ответил — вопреки своему обыкновению — сразу же, и притом ясно и недвусмысленно:

— Вы остаетесь здесь! Вы знаете так же хорошо, как и я, что конец может наступить в любой момент. Никто не поможет нам. Полагаю, дальнейший разговор излишен.

Шмидт молчал... Паулюс поручил ему составить подробную характеристику обстановки и проект требования Гитлеру на разрешение капитулировать. Шмидт беззвучно удалился. Пилоты обоих «хейнкелей» получили разрешение на вылет.

Задержанные ранее по приказанию Шмидта, они несколько часов прождали в бункере для порученцев.

Уже через несколько минут их машины поднялись в ясное морозное ночное небо. Совершив еще один круг над нашим командным пунктом, они исчезли в западном направлении.

План полковника Эльхлеппа

В моем блиндаже меня ждал Эльхлепп. Вопрос напрашивался сам собой: что делать, когда наступит конец?

— Вы уже не раз говорили, Эльхлепп, что никогда не сдадитесь в плен. Скоро, однако, вам придется принимать решение.

— Мое решение остается неизменным, — сказал Эльхлепп. — Старшие офицеры не сдаются. Если дело дойдет до этого, я пойду на передовую и буду стрелять до предпоследнего патрона. Последнюю пулю я приберегу для себя.

— Следовательно, вы намерены покончить самоубийством. Разве солдатская честь заключается в этом? Это не выход. Паулюс говорил мне, что некоторые генералы требовали, чтобы он издал приказ, запрещающий генералам и старшим офицерам сдаваться в плен. Каждый должен последнюю пулю приберечь для себя. Командующий отклонил это неумеренное требование как трусливое уклонение от ответственности. Он считает — и я поддержал его в этом, — что в нашем катастрофическом положении офицер остается с войсками и должен разделить их судьбу.

— Не отрицаю, что офицер должен мужественно держаться до конца. Однако потом он вправе использовать свое оружие против самого себя, ибо ему уже некем будет командовать.

Было видно, что Эльхлеппа не удастся отговорить от его решения покончить жизнь самоубийством. Я напомнил ему о жене и детях.

— Хотелось бы увидеть их. Поэтому я намерен посвятить вас в план, лучше сказать, планы, составленные некоторыми офицерами.

Я догадывался, в чем дело. Уже давно Эльхлепп намекал на намерение отдельных групп офицеров пробиться на запад. До сих пор я не принимал этого всерьез. Но этой ночью Эльхлепп подробно рассказал о своих замыслах.

— Пришло время, Адам, посвятить вас в наши планы. Я считаю, что пройдет не более недели, как котел будет раздавлен. В ближайшие дни вместе с подполковником Нимейером, обер-лейтенантом Циммерманом, подполковником Хейтцманом из 9-й зенитной дивизии и еще одним молодым офицером-зенитчиком мы доберемся до передовой. Там мы спрячемся, переждем, пока наступающие русские пройдут дальше, а затем двинемся вслед за ними на юго-запад. Уже разработан точный маршрут. О нашем плане мы поставили в известность генерала Хубе и попросили его сбросить в определенных точках контейнеры с продовольствием. Я отметил соответствующие места на карте, которую один из наших офицеров связи уже увез отсюда.

— Но ведь это же чепуха, Эльхлепп. Даже если здесь вам удастся перейти линию фронта, вы все равно никогда не доберетесь до цели. Подумайте только: все южное крыло нашего фронта отступает и уже откатилось на 400 километров на запад. Вам придется в течение нескольких недель пробираться по территории, занятой противником. Это безнадежная затея.

— Мы хорошо подготовились. Рюкзаки набиты шерстяными и меховыми вещами, перевязочными материалами и медикаментами. Мы сэкономили за несколько дней галеты и несколько банок консервов, так что первое время у нас есть чем питаться.

— Подумали ли вы и о том, что это дезертирство, Эльхлепп, бегство от ответственности? Ваш план противоречит вашему собственному требованию держаться до последнего.

— Мы хотим не дезертировать, а просить Паулюса освободить нас от наших должностей и осуществим наш замысел лишь в том случае, если командующий согласится с ним. Кстати, полковник Клаузиус, начальник штаба LI армейского корпуса, вместе со своим адъютантом хочет выбраться из котла на лыжах. Мы рассчитываем встретиться в пути. Отдельные группы из 71-й и 371-й пехотных дивизий хотят отправиться вниз по Волге

на юг, чтобы вблизи Терека присоединиться к 1-й танковой армии.

— Не обижайтесь на меня, но ведь это опасные фантазии. Вы же знаете, что 1-я танковая армия находится уже, вероятно, в районе Ростова. Сказали ли вы об этом вашим единомышленникам? И думаете ли вы всерьез, что противник так плохо будет охранять свой тыл, что сразу же не захватит таких сумасшедших беглецов, как вы? Образумьтесь, Эльхлепп!

— Разговоры на эту тему бесполезны, мое решение бесповоротно. — С этими словами Эльхлепп покинул мой блиндаж.

Наш предпоследний командный пункт

Рано утром 24 января по приказанию Паулюса Гитлеру было передано по радио донесение:

«На основании донесений корпусов и личных докладов их командиров, с которыми еще поддерживается связь, армия докладывает обстановку. Войска без боеприпасов и продовольствия, имеется контакт только с частями шести дивизий. Явления разложения на южном, северном и западном участках котла. Единое управление войсками далее невозможно. На восточном участке небольшие изменения. 18 тысяч раненых без малейшей помощи перевязочными материалами и медикаментами. 44-я, 76-я, 100-я, 305-я, 389-я пехотные дивизии уничтожены. Вследствие сильных атак фронт во многих местах прорван. Опорные пункты и укрытия только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Поражение неизбежно. Чтобы спасти еще оставшихся в живых, армия просит немедленного разрешения капитулировать» [1].

Ответ пришел незамедлительно и был кратким. В радиограмме Гитлера говорилось примерно следующее. Капитуляция исключается. 6-я армия выполняет свою историческую миссию, сражаясь до последнего патрона, чтобы сделать возможным создание новой линии обороны на южном крыле фронта.

Я открыто заявил Паулюсу, что рассматриваю этот приказ как преступный и что вследствие этого он не может считаться обязательным. Генерал-лейтенант Шмидт,

который «размяк» лишь временно и, видимо, не из-за беспокойства о судьбах армии, по-прежнему требовал держаться до последнего. Он добился своего. Паулюс и теперь остался послушным солдатом и тем облегчил Гитлеру его преступные действия в отношении 6-й армии.

Около 9 часов до нас донеслась стрельба из винтовок и пулеметов, взрывы ручных гранат. За ночь фронт придвинулся непосредственно к балке. Все штабные находились у своих блиндажей, водители заняли места в машинах. Выберемся ли мы еще целыми из нашего расположения? 71-я пехотная дивизия подготовила для нас новый командный пункт на юге Сталинграда в подвалах бывшей больницы. Уже зазвучал резкий голос Шмидта:

— Подготовиться к перемещению командного пункта!

Мы быстро уничтожили оставшиеся штабные документы и все лишнее личное имущество. Я оставил себе два одеяла, портфель с бельем и несессер. Надо было бежать. Пули уже свистели над балкой. От разрывов снарядов оконные стекла лопались, и осколки стекла летели внутрь блиндажей.

Когда восемь дней назад мы заняли этот командный пункт, по поручению начальника штаба я произвел рекогносцировку оборонительной линии перед балкой. Но кто мог драться на этой линии? Горстка солдат из штаба? Русские сами диктовали нам, что делать. Под прикрытием темноты они придвинулись к командному пункту на расстояние нескольких сотен метров. Наша «оборонительная линия» была уже в их руках. Шмидт отдал приказ: «По машинам!» Все торопливо заняли места, моторы взревели. Мы удрали из балки. Нам вслед неслось: «Ура!» Это красноармейцы атаковали овраг с противоположной стороны. Еще несколько минут промедления — и штаб армии уже 24 января попал бы в плен. Оглядываясь назад, я могу сказать, что это было бы только хорошо для нас и для всей армии, это приблизило бы развязку и сохранило бы многим жизнь. Но тогда нами владел страх.

Водители изо всех сил гнали машины; когда мы добрались до окраины Сталинграда, скорость пришлось сбавить, чтобы проскочить между развалинами.

Мы медленно продвигались вперед, объезжая воронки от бомб, горы щебня и камня, остатки стен, печных труб

и бетонных скелетов зданий. То, что не разрушили снаряды, было разобрано немецкими войсками для оборудования позиций, строительства блиндажей и на топливо.

На мосту через Царицу нас ожидал офицер 71-й пехотной дивизии. Он провел нас к подвалу, где должен был разместиться штаб. Подготовка помещения была несложным делом: ведь почти все наше имущество мы оставили в балке. Будет ли это нашей последней «главной квартирой»? Так с гордостью называли мы прежде место расположения штаба армии. Теперь, в каменной норе, это звучало как насмешка. Единственный, кто, по-видимому, безразлично к этому отнесся, был генерал-лейтенант Шмидт. Он приказал мне организовать круговую оборону наших руин. При этом надо было обозначить и посадочную площадку для самолета «физелер-шторх». По поводу этого приказа Паулюс недоуменно пожал плечами.

— Что за чепуха! Откуда прилетит «шторх»? Но раз Шмидт отдал приказ, выполняйте, особенно если это доставляет удовольствие начальнику штаба.

Эльхлеп ругался по поводу новой причуды Шмидта, но почти не интересовался нашими делами.

У меня создалось впечатление, что Шмидт еще не потерял надежду выбраться из окружения. Возможно, он связался со своим другом генералом Хубе по радио или переслал ему письмо с летчиками, которые улетели в ночь с 23 на 24 января.

Примерно в ста метрах от нашего подвала была ровная площадка, казавшаяся пригодной для посадки «шторха». Перед вечером генерал-лейтенант Шмидт поручил мне обозначить ее сигнальными фонарями, так как ожидал, что ночью прибудут два самолета. Видимо, он рассчитывал, что их приведут на буксире, ибо сами «шторхи» не в состоянии были покрыть столь большое расстояние.

Был ли Шмидт действительно столь наивен и верил, что «шторх» может произвести посадку на нашей площадке, а генерал-полковник Паулюс разрешит ему улететь? Требовать от солдат и офицеров армии сражаться до последнего человека, а самому пытаться спасти свою собственную жизнь — так вел себя офицер, на котором лежит немалая доля вины за гибель 6-й армии.

Наступило утро. Ожидания начальника штаба оказались напрасными. Его денщик рассказал мне, что всю

ночь Шмидт не смыкал глаз. Самолеты, правда, пролетали над весьма уменьшившимся в размерах котлом *. Однако это были транспортные машины, которые наугад сбрасывали контейнеры с продовольствием. Летчики уже потеряли ориентиры и не могли определить, где немецкие, а где советские войска. «Физелер-шторх» так и не прилетел.

Генерал фон Гартманн ищет смерти

Моя деятельность в качестве адъютанта 6-й армии пришла к концу. У меня остались лишь карандаш и блокнот, печать, примерно дюжина Рыцарских крестов и столько же Немецких крестов. Сидеть без дела в подвале было не по мне. Поэтому я взял на себя функции офицера связи и для начала поехал в штаб 71-й пехотной дивизии, находившийся в нескольких кварталах южнее нашего подвала. Командный пункт дивизии время от времени обстреливался артиллерией противника. Накануне здесь прямым попаданием был убит прикомандированный для стажировки к штабу армии кандидат в слушатели Академии генерального штаба капитан фон Зейдлиц. Как раз когда я прибыл к генералу фон Гартманну, несколько снарядов снова разорвалось возле дома, где располагался штаб. Среди других был убит и личный адъютант нашего начальника штаба обер-лейтенант Шатц. Он приехал со мной на вездеходе, и его разорвало снарядом как раз в ту минуту, когда он отдавал распоряжения водителю машины.

Склонившись над картой Сталинграда, генерал объяснил мне, как используются оставшиеся у него силы. Голос Гартманна звучал спокойно и хладнокровно:

— Я намерен самое позднее завтра пойти к моим пехотинцам на передовую. В их рядах и среди них встречу я смерть. Плен для генерала — бесчестье.

— Я придерживаюсь другого мнения, господин генерал. Множество наших уцелевших солдат попадет в плен. В создавшейся чрезвычайной ситуации капитуляция и плен — не бесчестье. Нам давно следовало бы сделать этот шаг. Я считаю, что наш долг — разделить с солдатами горечь плена. Мы должны откровенно сказать это вой-

скам, а не подавать им пример самоубийством. Позвольте в эти последние часы говорить прямо. И вы, господин генерал, должны правильно ставить вопрос об ответственности перед нашими солдатами. И перед вашей женой и вашей дочерью, которые уже оплакивают сына и брата. Не самоубийством мы должны кончать, а проявить в этот час волю к жизни.

Мои слова не подействовали на генерала. Он сказал мне:

— Я знаю, что вы желаете мне добра, Адам. Однако я пойду своим путем. — И он попрощался со мной.

Генерал-полковник Паулюс был потрясен, когда я сообщил ему о своем разговоре с Гартманном. Он велел немедленно соединить его с ним по телефону. Однако и ему не удалось переубедить командира дивизии.

— В последние часы я хочу быть со своими солдатами, и я иду к ним, — так отвечал он на все уговоры Паулюса. И Гартманн ушел *.

Затем я посетил полковника Роске, который со своим штабом находился севернее Царицы в подвальном этаже универмага. Верхние этажи здания были разрушены. Однако в складских помещениях под землей было много места, так что здесь мог удобно разместиться и штаб армии. Роске согласился подготовить часть подвала для нас.

В ходе беседы с Роске я установил, что и он хочет избежать плена. Для этого он составил план выхода из окружения. Во дворе универмага он показал мне трофейный советский грузовик. Полностью заправленный и загруженный бочками с бензином, он стоял готовый к отъезду. Роске изложил мне свой план:

— В штабе дивизии есть трое надежных «хиви» **, посвященных в мой замысел. Как только враг проникнет сюда, мы смешаемся с опьяненными победой войсками и в возникшей неразберихе покинем двор на грузовике. Это пройдет совершенно незамеченным. Каждый подумает, что мы везем горючее. Как только мы окажемся за городом, мы без остановки двинемся на запад, пока не доберемся до своих. Присоединяйтесь, Адам. Мы спрячемся за бочками.

— Ах, дорогой Роске, да вы с ума сошли! Не думаете ли вы, что я могу принять ваши россказни всерьез? Вы не сумеете выехать даже со двора. Неужели вы считаете

противника глупым? А ваши солдаты, которые до сих пор верили в вас и воевали вместе с вами? Вы хотите оставить их на произвол судьбы? Этому я не могу поверить. Бросьте все эти выдумки.

Мое импульсивное нравоучение, по-видимому, произвело впечатление на Роске. Сначала он посмотрел на меня с удивлением, потом задумался.

— Спасибо за ваши слова, — сказал он мне. — Вероятно, вы правы. Командир должен оставаться со своими солдатами. Я еще раз серьезно обдумаю свои шаги.

Мы с Роске вернулись в подвал. Я был уверен, что Паулюс и Шмидт согласятся сменить наше убежище. Поэтому мы сразу же наметили отдельные помещения для нашего штаба.

Обратный путь в штаб армии проходил под артиллерийским и минометным огнем противника. Усеянные обломками улицы были почти пустынны. Все живое укрылось в подвалах и руинах. Лишь кое-где ковыляли или ползли одиночные замотанные фигуры — изголодавшиеся, обмороженные или раненые солдаты, искавшие свою часть или лазарет, спрятавшийся в подвале. Во что превратилась наша гордая 6-я армия? И по какой причине она погибает в таких ужасных условиях, здесь, на Волге, за 2000 километров от родины?

Я так углубился в свои мысли, что не заметил, как переехал мост через Царицу и свернул с главной улицы. Оказалось, что мы уже у нашего командного пункта.

Несостоятельность командования армии

Паулюс и Шмидт согласились перевести штаб армии в подвал универмага. Шмидт сказал, что переезд будет произведен в зависимости от изменения обстановки.

Когда я остался наедине с генерал-полковником, он рассказал мне, что у него снова был Зейдлиц. Он в присутствии Шмидта подробно рассказал, что в войсках повсюду царит разложение. Зейдлиц потребовал приказа о капитуляции, так как возникает опасность, что иначе командиры будут действовать на свой страх и риск.

— Конечно, он прав, господин генерал-полковник, — заметил я. — Все произошло так, как Зейдлиц предсказывал в своей памятной записке от 25 ноября прошлого

года. Пора покончить с этим бессмысленным сопротивлением. Продолжать его просто недопустимо.

Но Паулюс смалодушничал и на этот раз, хотя между приказом, запрещающим капитуляцию, и велением совести лежала глубокая пропасть. Последовать велению совести он не решился.

— Поймите, Адам, что я не могу действовать иначе,— сказал мне Паулюс.

Понять этого я теперь уже не мог, однако всякие разговоры по этому поводу были бы излишни.

Неспособность командования армии к самостоятельным действиям вызвала в войсках разочарование, и некоторые соединения пытались действовать сами. Так, в одном из приказов IV армейского корпуса говорилось примерно следующее: учитывая большое число раненых, не следует переносить боевые действия в глубь города. Необходимо удерживать нынешний передний край обороны. Там, где дальнейшее сопротивление не имеет смысла, оно может быть прекращено, и об этом можно дать знать противнику.

Практически этот приказ открывал путь к частичной капитуляции, то есть противоречил точке зрения армейского командования. Все же оно ничего не предприняло против приказа.

Чистым издевательством над гибнущей армией была радиограмма Управления кадров сухопутных сил, в которой говорилось, что с ее получением награждение Железным крестом II степени разрешается производить командирам рот, а I степени — командирам батальонов. Какая рота, какой батальон имели еще командиров? И кому у врат царства смерти нужны были эти кресты?

В штабе армии стало известно, что перед фронтом 297-й, 371-й и 71-й пехотных дивизий в южной части города появились советские парламентеры, предложившие капитулировать в целях предотвращения дальнейшего кровопролития. Всем сдающимся частям они гарантировали питание, а раненым — медицинскую помощь.

Командиры, не обращая внимания на приказ Шмидта, вели переговоры с парламентерами, однако отправили их обратно, ничего не решив. Паулюс и Шмидт приняли это сообщение к сведению, не сказав ни слова.

297-я и 371-я пехотные дивизии подчинялись IV армейскому корпусу. Мне было любопытно, использовали ли

они открывшуюся им приказом по корпусу возможность сложить оружие. Пока об этом не удавалось узнать никаких подробностей.

Группа Эльхлеппа закончила свои приготовления. Начальник оперативного отдела просил Паулюса и Шмидта освободить его и его товарищей от служебных обязанностей. Согласие было дано. Вскоре, тепло попрощавшись, группа отправилась в путь. Они хотели попытаться спрятаться от наступающих красноармейцев в районе 297-й пехотной дивизии.

На место Эльхлеппа к штабу армии был прикомандирован начальник оперативного отдела 71-й пехотной дивизии подполковник генерального штаба фон Белов. В общем и целом нас осталось всего 20 офицеров и солдат вместо прежних 60. Эта горстка продолжала таять. В припадке отчаяния денщик полковника Эльхлеппа, пожилой человек и отец семейства, покончил с собой. Он не мог перенести, что полковник бросил его на произвол судьбы. Расстроенный, он молча сидел среди своих товарищей. Никто не обратил внимания на то, что он покинул подвальное помещение. Затем наверху раздался взрыв ручной гранаты. Мы нашли его мертвым в луже крови.

Из частей, с которыми у нас еще была связь, приходили такие же донесения. Количество самоубийств росло. Кое-где угрожала вспыхнуть настоящая эпидемия самоубийств. Налагали на себя руки главным образом молодые офицеры и солдаты.

Генерал-майор фон Дреббер пишет из плена

Поздним вечером 25 января мы получили донесение, что 297-я пехотная дивизия капитулировала вместе со своим командиром генерал-майором фон Дреббером. Распад всей армии начался.

26 января утром я сидел с Паулюсом у маленького стола перед подвальным окном, когда вошел посыльный и передал командующему письмо. «Отправитель генерал-майор фон Дреббер», — с удивлением прочитал командующий. Письмо было вскрыто не сразу. На улице, прямо против нашего окна, взорвалась авиабомба. Стекла раз-

летелись, осколки стекла и металла пронеслись над нашими головами, в помещение ворвались пороховые газы. От воздушной волны вылетела дверь.

Прежде всего я подумал о Паулюсе. Когда дым рассеялся, я увидел на его голове кровь. Однако ничего страшного не случилось.

У меня тоже кожа на голове была содрана в нескольких местах. Вызванный санитар наложил легкие повязки. Нам повезло еще раз.

Наконец Паулюс вскрыл письмо. Он с интересом углубился в его содержание.

— Это почти невероятно, — сказал Паулюс. — Дреббер пишет, что он и его солдаты были хорошо приняты офицерами и солдатами Красной Армии. С ними обращаются корректно. Все мы будто бы жертвы лживой геббельсовской пропаганды. Дреббер призывает прекратить бесполезное сопротивление и капитулировать всей армией.

В этот момент вошел Шмидт. Когда он узнал, что происходит, лицо его омрачилось.

— Никогда, — вопил он, — фон Дреббер не написал бы такое добровольно, его принудили к этому. Мы не капитулируем! Чтобы иметь возможность лучше влиять на дивизии, мы сегодня же до полудня переедем в помещение универмага.

С тех пор, как лопнула надежда на прилет «шторха», на котором он собирался удрать, Шмидт снова стал прежним Шмидтом.

В тот же день поступило донесение, что генерал фон Гартманн убит. Стоя во весь рост на железнодорожной насыпи, он вел огонь по противнику из винтовки. Пуля попала в голову, он был убит наповал. Командиром 71-й пехотной дивизии был назначен полковник Роске.

Еще одна тяжелая весть настигла нас в тот же день, 26 января.

— Генерал Штемпель, командир 371-й пехотной дивизии, покончил с собой, — доложил его адъютант.

Сын генерала, лейтенант, находившийся в его же штабе, учился в дрезденской гимназии в одном классе с моим мальчиком. Отец попрощался с сыном, сказав ему, что решил застрелиться, так как не может пережить позора. Молодой Штемпель с группой единомышленников хотел было добраться вниз по Волге до группы армий «А», но попал в плен.

Таким образом, выбыли из строя все командиры дивизий IV армейского корпуса.

26 января Шмидт случайно узнал, что Зейдлиц предоставил командирам полков и батальонов право капитулировать по своему усмотрению. Рассвирепев, он потребовал, чтобы Паулюс отстранил Зейдлица от командования и подчинил три его дивизии (100-ю, 71-ю и 295-ю пехотные дивизии) генерал-полковнику Гейтцу, командиру VIII армейского корпуса. К несчастью, командующий, захваченный требованием Шмидта врасплох, дал на это свое согласие.

Я был вне себя от того, что Паулюс в такой час решился на столь строгое наказание генерала, который в принципе с самого начала правильнее оценивал обстановку, чем командование армии. Потом Паулюс понял, что он слишком поторопился, однако не решился взять назад данное Шмидту согласие.

Генерал-полковник был в неописуемом состоянии. Как службист, он был совершенно беспомощен в сложившейся ситуации, а главное — не мог собраться с силами, чтобы освободиться от влияния бессовестного Шмидта. Правда, мне казалось, что он как будто понимал, что смалодушничал в решающий момент. Однако это понимание еще больше угнетало его и делало более пассивным. Физические и моральные силы Паулюса были на исходе.

Трагедия раненых

Штаб нашей армии состоял теперь только из командующего, начальника штаба, начальника оперативного отдела, начальника связи армии, 1-го адъютанта, а также нескольких офицеров для поручений. 26 января около полудня мы выехали на двух легковых и одной грузовой машинах к нашей последней «главной квартире». На улицах возле разрушенной больницы уже шла стрельба из винтовок и автоматов. Офицер 371-й пехотной дивизии доложил: «Приближаются танки противника».

Улицы были оживленнее, чем когда я проезжал по ним накануне. Раненые и больные тащились к комендатуре центральной части города. Согласно приказу по армии, там было их место сбора. Однако этой комендатуре

туры уже не существовало. На ее месте был лазарет, битком набитый ранеными и больными. Те, кто не смог поместиться в здании, искали укрытия в близлежащих подвалах, переполненных до отказа.

Когда мы укрылись в универмаге, во всей занятой нами части города уже не осталось ни одного подвала, не забитого до предела. Начальник санитарной службы 71-й пехотной дивизии доложил Паулюсу, что медицинскую помощь оказывают лишь небольшой части раненых и больных. Большинство лазаретных и больничных помещений не имели освещения. В лучшем случае у врачей и санитаров, возившихся в каком-нибудь углу, было еще несколько свечей или окопных фонарей. Никто не знал, сколько десятков или сотен людей лежали на голом полу, тесно прижавшись друг к другу. Если кто-либо долго не шевелился, то его сосед кричал: «Здесь мертвый!» Случалось, однако, что это оставалось незамеченным, так как умерли и лежавшие рядом. Без медикаментов, перевязочных материалов и анестезирующих средств врачи были почти бессильны. Зачастую все санитарное имущество было потеряно при отступлении — то ли в результате того, что автомашины стали из-за отсутствия горючего, то ли из-за того, что их разбомбили. К тому же сами врачи и санитары едва держались на ногах. Однако они делали все, что было в человеческих силах, причем им помогали священники. Когда превращенное в лазарет здание комендатуры загорелось от попадания артиллерийского снаряда, разыгрались невообразимые сцены. Сотни солдат были растоптаны в свалке, погибли в огне, были погребены под обрушившимися развалинами.

Сыпной тиф

В последние дни появилась еще одна коварная опасность, преследовавшая уцелевших солдат 6-й армии вплоть до лагерей военнопленных и скосившая десятки тысяч человек: сыпной тиф. Сначала не замечали, что некоторые солдаты казались крайне усталыми, впадали в оцепенение, их знобило, болели руки и ноги, они бредили в жару и в конце концов умирали. Были болезни с такими же симптомами, например волынская лихорадка *.

Однако сыпной тиф был несравненно опаснее. Его возбудитель, переносимый платяными вшами, в течение одной-трех недель в 80 процентах случаев приводил к смерти. Заражено же было более 90 процентов армии. Ведь в промерзших снежных норах или темных подвалах было невозможно обирать быстро размножавшихся вшей. Почти каждый, кто в конце января или начале февраля 1943 года брел в плен, нес в себе зародыш смертельной заразы. Лишь очень немногим была сделана предохранительная прививка, лишь очень немногие выдерживали в полуголодном состоянии мучившую их целыми днями высокую температуру — более 41 градуса. Несмотря на самоотверженную деятельность советских врачей и медсестер, смерть от сыпного тифа пожинала в лагерях для военнопленных обильную жатву. Она продолжала мрачную игру германского милитаризма с 6-й армией, оставив в живых лишь несколько тысяч человек. Вина за это падает на те же силы, которые погнали 6-ю армию к Волге и приказали ей держаться там в нечеловеческих условиях, пока наконец люди не погибали.

Последнее пристанище: универмаг

В универмаге я ютился в подвале вместе с Паулюсом. В другом подвале напротив нас нашел пристанище Шмидт со своим начальником оперативного отдела. В двух-трех других помещениях располагались остальные работники штаба армии.

Вероятно, это был большой универмаг, подумал я, обходя здание. Через огромный подвал вел широкий, как улица, проход, по которому со двора могли въезжать грузовые автомашины. С обеих сторон находились складские помещения с большими окнами. Теперь перед окнами громоздились мешки с песком. В проходе стояли наши автомашины, защищенные от осколков и прямых попаданий толстыми стенами и перекрытиями. Верхние этажи были разрушены. Весь дом, вплоть до первого этажа, сгорел дотла. Каким-то чудом уцелела каменная лестница, которая вела на чердак. Казалось, что она свободно висит между этажами, но по ней еще можно было подниматься. С высоты третьего этажа хорошо обозревалась

большая площадь. Напротив находились руины театра, а на востоке, между развалинами, блестела лента Волги. Справа от театра виднелась Царица — небольшой приток Волги с высокими крутыми берегами.

Штаб армии находился в районе действий 71-й пехотной дивизии. Полковник Роске, назначенный после смерти генерала фон Гартманна ее командиром, 27 января был произведен в генералы. Солдаты дивизии были в значительно лучшем состоянии, чем солдаты на западном и южном участках котла. С начала окружения у них почти всегда были хорошо оборудованные позиции и отапливаемые убежища и, как это ни удивительно, по-видимому, достаточное питание.

Вскоре, обходя подвал, я наткнулся на ряд дверей, на которых болтались тяжелые висячие замки. Сопровождавшему меня унтер-офицеру я приказал открыть двери. Он неохотно выполнил мое приказание. Причина стала ясна, когда двери были открыты и я увидел, что в помещениях спрятано довольно большое количество продовольствия. Очевидно, интенданты, а также ответственные за снабжение командиры дали в ноябре неправильные сведения о запасах. Это было свинство! Если и другие дивизии северного и сталинградского участков котла — хотя бы и в отдельных случаях —поступали так же, легко можно было высчитать, какое количество продовольствия утаено от дивизий, которые вели тяжелые бои на западном и южном участках. Роске признал, что он, не проверив, положился на данные, представленные офицерами интендантской службы.

Генералы требуют капитуляции

26 января наступавшие с запада советские подразделения соединились на Мамаевом кургане с подразделениями продвигавшейся с берега Волги 62-й советской армии. Холм, из-за которого осенью шли ожесточенные бои, был окончательно взят Красной Армией. Теперь котел был рассечен на две части *. С северной частью котла телефонная связь оборвалась. VIII и XI армейские корпуса оказались предоставленными самим себе.

Наступавшие со всех сторон советские войска с каждым

часом все больше сжимали рассеченные части котла. Несколько генералов, оставшихся без войск, находились в здании бывшей городской тюрьмы севернее Царицы, и среди них фон Зейдлиц, Пфеффер, Шлёмер, Дебуа, Лейзер, Эдлер фон Даниэльс и полковники Штейдле и Больё. Этих старших офицеров свел вместе случай. С самого начала они пережили ужасы битвы, медленную агонию армии и смерть своих солдат. Они не могли больше считать оправданным продолжение борьбы. Совесть повелевала им хотя бы в последнюю минуту предотвратить гибель уцелевших остатков армии. 27 января генерал Шлёмер позвонил мне по телефону. Он хотел говорить с генералом-полковником. Я попросил его минуту подождать, пока позову Паулюса.

Разговор был коротким. Шлёмер обрисовал положение и состояние войск, совершенно обессилевших и неспособных сопротивляться, и попросил разрешения капитулировать. Командующий напомнил ему свой приказ сопротивляться до последнего и положил трубку.

Через полчаса в подвал, где я находился вместе с Паулюсом, вошел генерал-лейтенант Шмидт. Волнуясь, он сообщил о телефонном разговоре с полковником Мюллером, начальником штаба XIV танкового корпуса.

— Господин генерал-полковник, — доложил он Паулюсу, — XIV танковый корпус намерен капитулировать. Мюллер говорит, будто силы на исходе и у них нет больше боеприпасов. Я ответил ему, что мы в курсе дела, однако приказ «Продолжать сопротивление, капитуляция исключена» не отменен. Все же я рекомендовал бы вам, господин генерал-полковник, лично посетить этих генералов и поговорить с ними.

Паулюс согласился. Поездка к городской тюрьме под артиллерийским огнем противника была рискованным делом, однако она прошла благополучно.

Возвратившись, Паулюс рассказал мне, что все находившиеся там офицеры жаловались на Шмидта. На обоснованные запросы и представления они получали от него только резкие ответы. Они ссылались на то, что их дивизии совершенно разбиты. Боевые группы уже устанавливают контакты с русскими и капитулируют самостоятельно. Никто не знает, что делается на участке соседа. Многие подразделения были атакованы противником с фланга и с тыла и уничтожены. Чтобы покончить с не-

нужным кровопролитием, они просили отдать приказ о капитуляции всей армии.

— Что же вы ответили им, господин генерал-полковник? — спросил я.

— Я еще раз напомнил генералам о приказе Гитлера. Важен каждый день, каждый час, которые позволяют сковывать крупные силы противника, — ответил Паулюс.

Крупные силы противника...

— Вы действительно верите, господин генерал-полковник, что Советы продолжают держать в районе города все те армии, которые здесь сражались в конце ноября? Ведь размер котла значительно сократился. Чтобы нанести нам смертельный удар, достаточно и части прежних войск. Противнику прекрасно известно наше положение. Его метод борьбы свидетельствует о том, что русские не хотят жертвовать напрасно ни одним человеком.

— Разумеется, скорей всего они отвели часть своих сил. Но ведь факт, что здесь еще немало войск. Впрочем, генералы и полковники придерживаются другого мнения. «Гитлер — преступник» — это было еще одним из наиболее мягких выражений. Покидая подвал городской тюрьмы, я слышал, как кто-то бросил мне вслед: «Как обманывали нас, так обманут и немецкий народ. Ни в газетах, ни по радио не сообщат об ужасах, которые мы переживаем столько недель. Геббельс постарается изобразить нашу гибель как славный подвиг».

Неисчислимые жертвы

Обо всем этом Паулюс знал. И все же он продолжал повиноваться. Новая радиограмма Главного командования сухопутных сил укрепила его намерение держаться и дальше. В ней говорилось, что в случае, если котел будет разрезан, каждая его часть будет подчинена лично Гитлеру.

28 января «северный котел» был в свою очередь разрезан на две части. Армия доложила вечером главному командованию примерно следующее.

Глубокий прорыв врага вдоль железнодорожной линии Гумрак — Сталинград разрезает фронт армии: в «северном котле» — XI армейский корпус; в «центральном котле» — VIII и II армейские корпуса; в «южном котле» —

остальные части и штаб армии. XIV танковый корпус и IV корпус остались без войск, армия пытается образовать новый оборонительный фронт на северной окраине и западных подступах. Армия предполагает, что окончательно ее сопротивление будет сломлено до 1 февраля.

С наступлением темноты я сидел один в нашем подвале. Паулюс пошел к Шмидту. Артиллерийский обстрел днем был так силен, что мы едва могли выходить во двор. Еще и теперь всюду слышался гул боя.

Я лег на топчан. Там, снаружи, продолжалась безжалостная борьба. Каждый час требовал новых жертв. Никто не считал их. Уже несколько дней я не мог получить конкретные данные о потерях. Донесения были слишком общими: 76-я пехотная дивизия 27 января — весьма тяжелые потери; 44-я пехотная дивизия разгромлена окончательно; 371-я, 305-я, 376-я пехотные дивизии истреблены; 3-я моторизованная дивизия еще располагает слабыми группами; с 29-й моторизованной дивизией связи нет.

Сколько солдат еще оставалось в живых? Сколько штыков было еще в нашем распоряжении? Сколько раненых и больных было в котле? Врачи, с которыми я встречался в последние дни, называли цифру 40—50 тысяч. Есть ли еще боеприпасы? Имеется ли еще продовольствие? Обеспечивается ли помощь раненым и больным? На последние вопросы, как правило, приходилось отвечать отрицательно.

29 января поступило сообщение, что генерал-лейтенант Шлёмер и другие генералы приняли парламентеров и вели с ними переговоры о капитуляции. Шмидт грозил военным трибуналом. Одновременно в универмаге появился полковник Штейдле. Он хотел говорить лично с генерал-полковником Паулюсом. Он принимал участие в тяжелых отступательных боях на западном берегу Дона, участвовал в создании новой обороны на южном участке котла и потерял там в тяжелых оборонительных боях 376-й пехотной дивизии почти весь свой полк. Солдаты уважали его как храброго и справедливого командира. Паулюс ценил его за надежность и честность.

Еще 27 января Штейдле в беседе с командующим высказал мнение, что ответственность перед солдатами и перед немецким народом требует немедленного прекращения сопротивления. Теперь он пришел, чтобы уговорить Паулюса отдать приказ о капитуляции. При этом он

попал сначала к Шмидту, который, вероятно, догадывался, в чем дело. Шмидт наотрез отказался выполнить просьбу полковника содействовать его встрече с Паулюсом и потребовал, чтобы тот немедленно возвратился в свою часть. Штейдле вынужден был покинуть универмаг, ничего не добившись.

Не ведет ли генерал-лейтенант Шмидт двойную игру

В последние дни Шмидт развил оживленную деятельность и в другом направлении. Так, он вызвал к себе полковника фон Больё, командира пехотного полка 3-й моторизованной дивизии. Полковник в двадцатых годах пробыл длительное время в Советском Союзе, владел русским языком, знал страну и людей и — как он подчеркивал — Красную Армию. Я сам часто встречал Больё после начала вторжения в Россию. С удивлением я поздоровался с ним, увидев, что он выходит от начальника штаба.

— Шмидт попросил меня рассказать ему о Красной Армии, — сказал мне Больё. — Особенно интересовался он вопросом, чего можно ждать от ее солдат и офицеров. Я и не знал, что ваш начальник штаба может быть таким любезным.

Неоднократно вызывался к Шмидту и переводчик LI армейского корпуса, прикомандированный к штабу армии. Это был белый эмигрант, бывший помещик и прапорщик царской армии. С ним Шмидт тоже беседовал о Советской стране и ее людях, о солдатах и офицерах Красной Армии.

Какую цель преследовал начальник штаба этими разговорами? Зондировал почву для плена? Вел двойную игру? Только что он отдал Роске приказ организовать круговую оборону универмага, а сам готовился к сдаче в плен?

Поздним вечером 29 января в темноте подвала кто-то тронул меня за рукав. Сначала я подумал, что это один из раненых, которые в последние дни и здесь искали убежища. Луч карманного фонаря осветил лицо ординарца Шмидта. Генерал был сейчас у Роске и обсуждал мероприятия по обороне командного пункта. Обер-ефрейтор провел меня в жилое помещение Шмидта, показал на

стоявший в углу маленький чемодан и открыл его. Я наклонился и, пораженный, взглянул на солдата. Тот сказал усмехаясь:

— Всем подчиненным он приказывает: «Держаться до последнего, капитуляция исключена», а сам уже готов сдаться в плен.

Я поблагодарил его за столь интересное сообщение и возвратился к себе. Так вот в чем дело! Шмидт считает, что требование драться до последнего человека на него не распространяется. Паулюс был возмущен, когда я рассказал ему о случившемся.

— Никогда не подумал бы, что это возможно, — воскликнул Паулюс. — Человек, который до сих пор распространяет слухи о расстрелах пленных, предусмотрительно собирает информацию о том, какое обращение ждет его со стороны Красной Армии. Сам он рассчитывает попасть в плен, а другим ничего не говорит об этом.

— Я никогда не питал к Шмидту дружеских чувств, однако я считал, что он по-своему последователен. И только в последние дни он показал свое истинное лицо. Слово не согласуется у него с делом. Жаль, что вы следовали его советам, господин генерал-полковник.

— Теперь поздно говорить об этом, — ответил Паулюс. — Конец близок. Быть может, другой начальник штаба помог бы мне принять более правильное решение. Но лучше оставим это.

Самоубийство или плен?

Да, конец был близок. Сплошной линии обороны больше не существовало. Имелись лишь отдельные опорные пункты, оборонявшиеся боевыми группами. Один из таких опорных пунктов был напротив универмага, в направлении реки Царицы, которая была уже форсирована Красной Армией. Его обороняла боевая группа полковника Людвига, в которую в качестве резерва армии были сведены еще сохранившиеся остатки 14-й танковой дивизии.

Боевая группа закрепилась в развалинах какого-то магазина. Окопные проемы первого и второго этажей были забаррикадированы кирпичами и мешками с песком. Там проходил теперь передний край. Находившийся напротив

театр имени Горького уже был занят Красной Армией. Таким образом, полковник Людвиг удерживал последнюю оборонительную линию перед последней «главной квартирой». Советские войска уже обстреливали универмаг. К западу от нас, всего в нескольких кварталах, стояли танки с красными звездами на броне. Действительно, конец приближался.

Надо было решать: самоубийство или плен? До сих пор Паулюс был против самоубийства, теперь же он начал колебаться. После долгих размышлений он сказал с огорчением:

— Несомненно, Гитлер ожидает, что я покончу с собой. Что вы думаете об этом, Адам?

Я был возмущен.

— До сих пор мы пытались препятствовать самоубийствам в армии. И мы правильно поступили. Вы тоже должны разделить судьбу своих солдат. Если в наш подвал будет прямое попадание, все мы погибнем. Однако я считал бы позорным и трусливым кончить жизнь самоубийством.

Казалось, будто мои слова освободили Паулюса от тяжелого груза. По сути дела, он придерживался той же точки зрения, что и я, но хотел на моих аргументах перепроверить свои выводы. Это было в его манере.

Фальшивый фимиам

Теперь молчальник заговорил.

Он начал рассказывать о том, что он пережил и видел в ставке фюрера. В качестве заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил, заместителя Гальдера, Паулюс неоднократно бывал свидетелем припадков ярости у Гитлера. Во время своих докладов генерал-полковник Гальдер большей частью не успевал сказать и первых фраз, как Гитлер, не сдерживаясь, перебивал его и говорил дальше сам. Паулюс рассказывал также, что безумная мания величия Гитлера питалась тем, что окружавшие его лица, в первую очередь генерал Кейтель, подхалимски превозносили его. По мере того как из этих рассказов отчетливо и беспощадно проступала роль Гитлера, становилось все более непонятным и даже непроститель-

ным, что Паулюс, так близко знавший Гитлера, продолжал оказывать ему повиновение. Это еще раз резко бросилось в глаза, когда 30 января 1943 года, в десятую годовщину взятия власти Гитлером, Шмидт составил в адрес Гитлера две радиограммы, а Паулюс подписал их без изменений. Первая гласила:

«6-я армия, верная присяге Германии, сознавая свою высокую и важную задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и отечество.

Паулюс» [1].

Вторая радиограмма содержала поздравление к 30 января:

«По случаю годовщины взятия вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении, тогда Германия победит.

Хайль, мой фюрер,
Паулюс, генерал-полковник» [2].

Разве это не было падругательством над жестокой судьбой 6-й армии? Командование армии не могло бы оказать имперскому министру пропаганды Йозефу Геббельсу большей услуги. Эти радиограммы давали возможность превозносить ничем не оправданную гибель армии. Гитлер ответил без промедления:

«Мой генерал-полковник Паулюс!

Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной. Заповедь Клаузевица будет выполнена. Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и принесет тягчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами

Ваш Адольф Гитлер» [3].

Таким же фальшивым пафосом была проникнута речь Геринга по случаю 30 января 1943 года, которую я цитировал в начале этой книги. Обращаясь к еще живым солдатам в сжатом до предела кольце и к их охваченным страхом близким на родине, он цинично воскликнул: «В конце концов, как ни жестоко это звучит, солдату все равно, где сражаться и умирать, в Сталинграде ли, под Ржевом или в пустынях Африки, или на севере, за полярным кругом, в Норвегии» [1].

Когда я услышал голос разжиревшего маршала авиации, меня охватило чувство гадливости и злость на окружавший Гитлера сброд, который после своего бесстыдного предательства теперь заставлял нас, еще живых, слушать панихиду по самим себе.

Полковник Людвиг ведет переговоры с противником

Перед вечером разъяренный Шмидт пришел к Паулюсу.

— Только что мне доложили, — сказал он, — что полковник Людвиг ведет переговоры с русскими. Я вызвал его для доклада.

Моей первой мыслью было: бедный Людвиг, нелегко тебе придется. Когда начальник штаба ушел, я высказал свои опасения генерал-полковнику. Однако Паулюс успокоил меня:

— Я не потерплю, чтобы Людвиг был наказан из-за своих самовольных действий.

За Людвигом был послан офицер в стальной каске, с автоматом. Это было весьма похоже на наказание, а также полностью отвечало применявшейся до сих пор Шмидтом формуле: кто самовольно установит связь с врагом, тот будет расстрелян.

Как позднее рассказывал мне Людвиг, он ждал, что начальник штаба привлечет его к ответственности. Однако вышло иначе. Шмидт спросил сначала, как обеспечен южный участок котла, за который отвечал Людвиг. Затем он все же попросил его сесть. Последовал ожидавшийся Людвигом вопрос, прямой и холодный: «Я только что слышал, что вы вели сегодня переговоры с русскими; правда ли это?»

Полковник доложил, как и почему дошло до переговоров. Он обосновывал свой шаг, ссылаясь на потерю войсками боеспособности и на наличие десятков тысяч лишенных помощи раненых и больных. Докладывая, он все время внимательно наблюдал за Шмидтом. Однако тот не прерывал его ни единым словом и только расхаживал взад и вперед по своему подвалу. Через несколько минут после того, как Людвиг кончил, он неожиданно остановился перед ним.

— Вы запросто, ни с того ни с сего общаетесь с русскими, ведете переговоры о капитуляции, а мы в штабе армии остаемся в стороне.

Людвиг сначала не понял. Он был готов ко всему, но не к этому. Генерал, упрямо приказывавший держаться, неожиданно проявил интерес к капитуляции. Хотел ли он теперь спасти свою жизнь, после того как многие недели отличался точнейшим повиновением приказам Гитлера и Манштейна и тем самым содействовал гибели 6-й армии?

— Если дело только в этом, господин генерал, — ответил Людвиг, — то думаю, я могу обещать вам, что завтра утром, примерно около 9 часов, здесь, перед подвалом, появится парламентер.

— Хорошо, Людвиг, займитесь этим, а теперь спокойной ночи.

Никогда в жизни полковник Людвиг не был так озадачен, как этим примечательным разговором со Шмидтом. А тот после своей беседы с полковником пришел к Паулюсу, однако ничего не рассказал о ходе разговора, а только доложил, что поручил Людвигу посредничать в переговорах о капитуляции штаба армии.

Этот факт дорисовывал последний штрих в образе генерал-лейтенанта Шмидта. Еще накануне он грозил расстрелом; теперь он был готов сдаться в плен. Его жизнь была ему, очевидно, слишком дорога, чтобы у него могло появиться желание сражаться с винтовкой в руках. Конечно, противоречие в поведении генералов и старших штабных офицеров, которые требовали от солдат сражаться до последнего патрона, а сами сдавались в плен без борьбы, было свойственно не только Шмидту. Но у него оно проявлялось особенно резко, поскольку никто другой не выступал так фанатично и непреклонно против всякой

разумной мысли, как этот злой дух армии. Таким образом, он проявил свою несостоятельность не только как военный специалист, но и в чисто человеческом отношении.

Танк с красными звездами перед универмагом

После того как начальник штаба ушел, появился генерал-майор Роске. Он коротко доложил Паулюсу:

— Дивизии больше не в состоянии оказывать сопротивление. Русские танки приближаются к универмагу. Это конец.

— Благодарю вас, Роске, за все. Передайте мою благодарность своим офицерам и солдатам. Шмидт уже просил Людвига начать переговоры с Красной Армией.

Я бросил в огонь еще остававшиеся бумаги, а также десяток Рыцарских и Немецких крестов. Расстаться с печатью я еще не решился и спрятал ее вместе со штемпельной подушечкой в портфель. Затем я пошел к своему помощнику обер-лейтенанту Шлезингеру и к писарям, ориентировал их в обстановке и проверил, все ли здесь уничтожено.

Час или более я просидел затем напротив командующего армией в нашем тесном помещении. Между нами мерцала свеча. Царило молчание. Каждый был занят своими мыслями. Наконец я заговорил.

— Господин генерал-полковник, теперь вам следует поспать, иначе вы не выдержите следующего дня. Он будет стоить вам остатков наших первов.

Было уже за полночь, когда Паулюс растянулся на своем матраце. Я заглянул на минуту к Роске. «Что нового?» — спросил я, входя. Роске был занят уничтожением последних ненужных вещей. Он попросил меня сесть, предложил сигарету и закурил сам.

— Совсем близко, в переулке, — сказал Роске, — стоит красный танк. Его орудие нацелено на наши развалины. Я сообщил об этом Шмидту. Он сказал, что надо во что бы то ни стало помешать этому, чтобы танк открыл огонь, так как для всех нас это означало бы верную гибель.

Поэтому переводчик с белым флагом должен пойти к командиру танка и начать переговоры о капитуляции. «Я сам, — сказал он, — позабочусь об этом».

Когда началась трагедия на Волге?

Следовательно, через несколько часов все будет кончено. Я тихо проскользнул на свое ложе; Паулюс дышал глубоко и ровно. Спать я не мог. Напрасно пытался я сосредоточиться, обуздать свои беспокойные мысли. Я думал о Паулюсе, который спал на своей койке возле меня. Когда-то он считался способным генштабистом и ему предсказывали великолепную карьеру. И вот куда завела его судьба... Судьба? Судьба ли приговорила его и его четвертьмиллионную армию к гибели? В какой степени в этой гибели были повинны его личные качества — военная и человеческая слабость? Не следует ли искать причину нашего несчастья значительно глубже, не привели ли нас к гибели события, которые начались задолго до битвы на Волге? Я вспоминал некоторые замечания, которые Паулюс иногда высказывал о своей деятельности в качестве заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил, когда он непосредственно участвовал в разработке плана войны против Советского Союза. Не лучше ли было не начинать Восточную кампанию, да и всю войну вообще? Какой целью с военной точки зрения можно оправдать потоки пролитой крови, горы развалин, страдания? Война против Советской России необходима из превентивных соображений, говорили нам, она необходима, чтобы отразить угрозу большевизма. Собственно, я никогда полностью не верил этому аргументу. То, чему я лично был свидетелем 22 июня 1941 года и в последующие недели, никак не подтверждало того, что Красная Армия была приведена в боевую готовность для агрессивной войны; скорее, можно было прийти к выводу, что она не только не была готова к войне, но даже не была достаточно подготовлена к обороне. За полтора года пребывания на Восточном фронте у меня сложилось впечатление, что в бывшей царской России, безнадежная отсталость которой была известна мне по первой мировой войне, теперь действовали силы, стремившиеся создать нечто

повое, великое, но еще далеко не совладавшие с трудностями. Не было ли, собственно говоря, логичным предположить, что хозяева Кремля сначала займутся освоением гигантских возможностей своей огромной страны вместо того, чтобы тешиться сомнительной мыслью напасть на Германию? А что, если это верно, если эта война с нашей стороны служит вовсе не оборонительным целям, если она вообще не была необходимой?

Ужасно! Тогда вся эта кровь и вся грязь этой войны падет на нас.

Можно ли жить дальше с таким ужасным бременем? Получу ли я когда-либо ясный ответ на вопрос о смысле гибели нашей армии и оправданна ли вообще эта война?

Во имя чего я жил?

Это был заколдованный круг. В тот ночной час я искал ясного ответа на роившиеся в моей голове вопросы. Но я не находил ответа, и передо мной возникали все новые вопросы, все новые неясности. Казалось, что за четыре десятилетия своей сознательной жизни я слишком редко задумывался над происходящим, слишком многое представлялось мне излишне ясным и беспроблемным, слишком многие события я воспринимал на веру, не понимая истинной закулисной стороны явлений.

Чем, собственно, была моя жизнь, во имя чего я жил?

Я вспомнил крестьянский дом моих родителей в Эйхене, близ Ханау на Майне, гордость, но также и обузу моего трудолюбивого отца и слишком рано умершей матери. Всю свою любовь и заботу она отдавала обоим сыновьям — моему старшему брату и мне. Родители делали все, чтобы наше детство было счастливым. Они — а также их родители — внушили нам известные жизненные принципы и нормы. Мой отец был крепко привязан к своей родной земле. Это был дельный крестьянин, ценимый и уважаемый в деревне. Слово «Германия» звучало в его устах всегда торжественно и гордо. Еще больше относилось это к моему дедушке с материнской стороны. Более 25 лет он в качестве бургомистра возглавлял общину Эйхен.

Он являлся членом провинциального ландтага в Касселе и обожал старого рейхсканцлера Бисмарка. Вильгельм фон Бисмарк в качестве ландрата * Ханау был в течение нескольких лет его непосредственным начальником по иерархической линии.

В такой атмосфере воспитывались мы с братом, нам прививали любовь к фатерланду и верность кайзеру. Таковы были принципы, усвоенные нами в отчем доме, в школе, а позднее в учительской семинарии. Из них выросли взгляды и идеалы, значительно повлиявшие на мою жизнь. Например, с 1910 по 1913 год у меня был учитель географии, который на каждом уроке допускал враждебные выпады по адресу Англии. Он и некоторые другие тогдашние учителя постарались, чтобы весьма нескромный призыв Гейбеля **:

И по немецкому образцу
Пусть будет построен весь мир

пустил в нас, молодых людях, глубокие корни, сделался источником немецкой заносчивости, немецкого национализма и шовинизма. Любовь к Германии, любовь к фатерланду у моего деда, у моего отца, у меня и у большинства людей моего поколения соединялась с чувством немецкого превосходства, с немецким притязанием на ведущую роль в мире, завоевать и охранять которую было нашим «законным правом», нашей «священной обязанностью». Поэтому первую мировую войну мы считали чем-то закономерным. Я не находил в ней ничего предосудительного. Как и десятки тысяч других немцев, я с восторгом отправился в поход, чтобы — как нас уверяли — защитить трон и алтарь.

Я возвратился домой, обозленный и разочарованный тем, что Германия проиграла войну. Негодуя на несправедливость судьбы, я пытался забыться в учебе и преподавательской деятельности. Однако вскоре интерес к профессии учителя пропал. Я преподавал в школе в Лангензельбольде близ Ханау на Майне. В моей памяти всплывала то светловолосая, то темная, то совсем черная детская головка. Как горели от усердия лица моих учеников, когда мы раскапывали курган, основывали скромный краеведческий музей или мерялись силами в спорте или в играх... Теперь старшие из моих тогдашних учеников

уже давно носят военную форму. Кто из них погиб или ранен? Этого я не знал. Ведь после моего назначения преподавателем математики в военно-ремесленную школу * в 1929 году и затем зачисления в качестве капитана в вермахт в 1934 году я почти не общался с людьми моего прежнего круга.

Из людей, с которыми я встречался в те годы, мне особенно запомнился плотник Редер. Он был коммунист, собственно, единственный знакомый мне тогда коммунист. В школе учились двое его сыновей. Отец охотно со знанием дела помогал как ремесленник выполнению наших школьных планов. У меня установились с ним добрые отношения. Если же он начинал говорить о политике, я попросту отмахивался. Она не интересовала меня. Он часто говорил мне: «Гитлер — это война!», я отвечал высокомерной улыбкой.

Когда первая мировая война окончилась в 1918 году поражением Германии, я был разочарован и тем, что провалилась моя офицерская карьера. Желание быть офицером не оставляло меня и во времена Веймарской республики. В 1934 году, во второй год гитлеровского господства, оно исполнилось. Я почти забыл коммуниста Редера и гордился успехами, которые Гитлер одерживал непрерывно. Он ввел всеобщую воинскую повинность, создал «люфтваффе», подводный флот, занял Рейнскую область, возвратил Саар, провел аншлюс Австрии, занял Судетскую область, образовал протекторат Богемия — Моравия.

Разве эти успехи не подтверждали нашего права и наших притязаний на руководящую роль? И все это без войны! К тому же он ликвидировал безработицу, строил автострады. Все же Гитлер — гениальный фюрер, думал я тогда. Если бы мой дед был жив, он тоже превозносил бы Гитлера выше Бисмарка. Конечно, не все мне импонировало — аресты коммунистов и некоторых других. Говорили, что их изолируют в лагерях. По-человечески жаль, говорил я себе, думая о Редере. Но зачем они противодействуют развитию, которое, несомненно, сделало Германию более сильной и могущественной! «Хрустальная ночь» ** и другие преследования евреев действовали на меня отталкивающе. Но в конце концов не я же нес за них ответственность. И, кроме того, нельзя же забывать о больших успехах, которые национал-социализм принес немецкому народу, — так пытался я облегчить свою совесть.

Правда, в моем сердце сидела маленькая заноза; но что она значила в сравнении со счастливой цепью деяний, казавшейся бесконечной!

Счастье или несчастье Германии?

Затем наступило 1 сентября 1939 года. Война против Польши. Я чувствовал тогда, что в гитлеровской политике наступил новый, более серьезный период. В этом коммунист Редер был прав. Однако польская кампания закончилась всего через 18 дней, была одержана большая победа. Франция и Англия вмешиваться не стали. Через полгода после Польши были заняты Дания и Норвегия. Затем Франция, считавшаяся сильнейшей военной державой на континенте, была раздавлена за шесть недель, ее принудили к капитуляции, с «позором Версаля» было покончено. Англичане — как мы говорили — научились бегать под Дюнкерком: были сброшены в море. Снова грандиозная победа — до сих пор крупнейшая в феерическом взлете Третьего рейха. К сожалению, от меня и моей жены он потребовал тяжелой жертвы. 16 мая 1940 года погиб наш сын Гейнц. Это был страшный удар, и нас жгла боль утраты. Это было уже много больше, чем «неприятные дела» нацистов. Это была моя собственная плоть и кровь, мой единственный сын, моя надежда. Моя жена так и не оправилась от этой потери. И мое сердце обливалось кровью, когда я думал о погибшем сыне. Но как солдат, я всегда был готов приносить жертвы, как я полагал, для Германии, для моего отечества. Поэтому я превозмог себя, считая, что эта жертва принесена ради великого дела.

Снова раздались фанфары победы, оповещая об успехах в подводной войне, в Африке и на Балканах. Несмотря на некоторые небольшие неудачи, казалось, что немецкая цепь удач удлинилась еще на несколько крупных звеньев.

И вот наступило 22 июня 1941 года. Немецкий вермахт, поддерживаемый румынскими и финскими армиями, выступил против Советского Союза на фронте протяженностью в 2000 километров. Мир затаил дыхание. Мне, перешедшему в этот день с XXIII армейским корпусом

советскую границу в направлении на Ковно, было как-то не по себе. Это была война на два фронта, которой всегда опасались. И мы сами втянулись в войну на два фронта, напав на противника, о котором многое нам не было известно. Однако поначалу все шло как по маслу. Ежедневно гремели фанфары победы. Цепь счастья удлинилась еще на несколько новых полновесных звеньев. Затем произошло то, чего не бывало все восемь лет гитлеровского господства: рядом с цепью счастья возникла цепь несчастья. И она началась сразу же массивными звеньями, образованными немецкими поражениями под Москвой и Ленинградом, под Калинином, Орлом, Курском, Харьковом, Сталино и на Керченском полуострове зимой 1941—1942 года. Однако эти звенья выглядели не такими уж большими по сравнению с теми, которые прибавили поражения зимой 1942—1943 года, особенно гибель 6-й армии.

Меня охватил чудовищный страх. Кто остановит это роковое развитие? Что будет с Германией, если война будет и дальше в этом же темпе приближаться к немецким границам? Как долго смогут выдержать другие фронты? Что, если уничтожение 6-й армии — это начало гибели Германии?

Эти мучительные вопросы преследовали меня в путаных видениях беспокойного сна.

«Русские пришли!»

31 января 1943 года, 7 часов утра.

Медленно наступил тусклый рассвет. Паулюс еще спал. Прошло довольно много времени, пока я выбрался из лабиринта мучивших меня мыслей и кошмарных сновидений. Все же я хоть немного поспал. Только я хотел тихо встать, как в дверь постучали. Паулюс проснулся. Вошел начальник штаба. Он подал генерал-полковнику лист бумаги и сказал: — Поздравляю вас с производством в фельдмаршалы. Это последняя радиограмма, она пришла рано утром.

— Должно быть, это — приглашение к самоубийству. Но я не доставлю им этого удовольствия, — сказал Паулюс, прочитав бумагу.

Шмидт продолжал:

— Одновременно я должен доложить, что русские пришли. — Сказав это, Шмидт сделал шаг назад и открыл дверь. Вошел советский генерал с переводчиком и объявил нас военнопленными. Я положил перед ним на стол наши пистолеты.

— Подготовьтесь к отъезду, — заявил советский генерал. — Я заберу вас отсюда около 9 часов. Вы поедете на своей машине.

Затем генерал и переводчик покинули помещение.

Хорошо, что у меня еще была печать. Я выполнил свою последнюю служебную обязанность — вписал в солдатскую книжку Паулюса производство в генерал-фельдмаршалы, скрепил это печатью, которую тут же бросил в горящую печь.

Потом я пошел к Роске; мне хотелось знать о событиях, происшедших ночью. Он сообщил мне следующее:

— Несколько часов назад я уже рассказал вам, что Шмидт приказал переводчику пойти с белым флагом к командиру советского танка. После того как вы ушли, я вместе с переводчиком отправился наверх. Перед въездом во двор стоял советский танк, тем временем он придвинулся еще ближе. Входной люк был открыт, и из него выглядывал молодой офицер. Наш переводчик помахал белым флагом и подошел к танку. Я слышал, что он заговорил с русским. После он поведал мне, что сказал советскому офицеру следующее: «Прекратите огонь! У меня есть для вас чрезвычайно важное дело. Повышение и орден вам обеспечены. Вы можете пойти со мной и взять в плен командующего и весь штаб 6-й армии».

Советский офицер по радио связался со своим командиром. Появилось еще два русских офицера и несколько солдат. Они подошли к въезду во двор, где я их встретил. Мы прошли в подвал через боковой вход, который находился рядом с помещением Шмидта. До сих пор он был закрыт мешками с песком, но Шмидт приказал открыть его.

Переговоры велись у меня. Я предложил привлечь к ним командующего. Но Шмидт отклонил это. Очевидно, он хотел в последний раз документально зафиксировать, что в армии все делалось по его воле.

Начальник штаба поручил вести переговоры мне. Сам он намеревался вмешиваться лишь тогда, когда это, с его

точки зрения, будет необходимо. Между тем прибыл советский генерал с несколькими офицерами. После приветствия по всей форме он сообщил мне условия капитуляции *. При этом он не отвечал ни на один вопрос или представление с моей стороны. Когда я собирался согласиться, в разговор вмешался Шмидт, до сих пор державшийся в стороне. Он хотел выяснить несколько неясных вопросов. Вы, Адам, были бы ошеломлены, как и я, услышав, что спросил Шмидт. Он задал русским следующие вопросы:

Во-первых, может ли фельдмаршал сохранить личного ординарца?

Во-вторых, может ли он взять с собой принадлежащие ему продукты питания?

В-третьих, нельзя ли приставить к фельдмаршалу на время его пути в плен сопроводительную команду Красной Армии для его личной охраны?

Откровенно говоря, мне было стыдно. В последние недели я часто видел Паулюса и говорил с ним. Я не могу представить себе, чтобы он дал Шмидту такого рода поручение.

— В последние дни я был всегда вместе с ним, — заметил я, — и знаю его помыслы. Я тоже считаю, что это исключено. Если бы такого рода вещи вообще занимали его, он сказал бы об этом мне, а не начальнику штаба. Чего же хотел достичь Шмидт этими требованиями? Может быть, он боится наших собственных солдат? Ведь кое-что о его упрямом поведении просочилось и в войска. Сдается, совесть у него не чиста. Как же реагировал советский генерал на эти вопросы?

— У меня было впечатление, что он так же был поражен ими, как и я. Вместо ответа он спросил, где же, собственно, находится Паулюс. На это Шмидт ответил, улыбаясь:

— Фельдмаршал не желает быть втянутым в переговоры, он хочет, чтобы с ним обращались, как с частным лицом.

Это была явная чепуха; такая формулировка противоречила только что предъявленным в отношении Паулюса требованиям.

— Хорошее же впечатление составилось у советского генерала о немецких генералах. Я считаю это низостью со стороны Шмидта, с помощью которой он, возможно,

хотел добиться преимуществ для себя. Паулюс никогда не уполномочивал Шмидта добиваться для него особых привилегий.

Генерал-майор Роске закончил свое сообщение:

— В 5 часов 45 минут была передана последняя радиограмма: «У дверей русский, все уничтожаем!» Через несколько минут радиостанция была разбита.

Глубоко удрученный, возвратился я в свой подвал. По дороге я решил ничего не говорить Паулюсу. Хотелось избавить его от лишних волнений. Он совершенно безучастно сидел за столом. Когда наступила минута отъезда, он поднялся.

— Подготовьте все к отъезду штаба, Адам, велите приготовить две легковые и одну грузовую машины.

Большой въезд в подвал был закрыт и охранялся часовым Красной Армии. Дежурный офицер разрешил мне с водителем пройти во двор, где стояли автомашины.

Пораженный, я остановился.

Советские и немецкие солдаты, еще несколько часов назад стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом, держа оружие в руках или на ремне. Но как потрясающе разнился их внешний облик!

Немецкие солдаты — ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, худые, как скелеты, истощенные до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии — сытые, полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Я вспомнил о цепях счастья и несчастья, которые не давали мне покоя прошлой ночью.

Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным—это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. Наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам, этим полутрупам, свой кусок хлеба, папиросы и махорку.

Ровно в 9 часов прибыл начальник штаба советской 64-й армии *, чтобы забрать командующего разбитой немецкой 6-й армии и его штаб.

Мы сели в стоявшие наготове немецкие автомашины. В первой машине заняли места Паулюс и Шмидт, советский генерал сел рядом с водителем. Во второй ехал я в сопровождении старшего лейтенанта Красной Армии.

В грузовой машине следовали остальные офицеры и солдаты штаба.

Шум боя стих. «Южный котел» перестал существовать. «Центральный котел» под командованием Гейтца, произведенного в один из последних дней в генерал-полковники, капитулировал тоже 31 января 1943 года.

Паулюс по-прежнему считал себя связанным приказом Гитлера и не считал себя вправе приказать командирам других котлов капитулировать, так как Гитлер подчинил их лично себе. Для войск «северного котла» ад длился еще двое суток. Несмотря на настойчивые представления генералов Латтмана и фон Ленски, командир «северного котла» генерал-полковник Штрекер не соглашался прекратить сопротивление. Утром 2 февраля 1943 года оба генерала сами отдали приказ о капитуляции *.

Битва на Волге закончилась [1].

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 298

* Ликвидация окруженной группировки, отклонившей ультиматум о капитуляции, потребовала осуществления специальной фронтовой операции, получившей условное наименование «Кольцо», проводившейся силами Донского фронта (командующий генерал К. К. Рокоссовский, представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов) и начавшейся 10 января 1943 года. Главный удар наносился с запада на восток двумя армиями (21-й — командующий генерал-майор И. М. Чистяков и 65-й — командующий генерал-лейтенант П. И. Батов), что позволяло наступать вдоль оврагов, ведущих к Волге, на тех направлениях, где оборона противника была значительно слабее. Особое внимание было уделено артиллерийской поддержке наступления; танков наступающие соединения имели сравнительно немного, так как их использование было более целесообразным на участке Южного, Юго-Западного и Воронежского фронтов, переходивших в общее стратегическое наступление на южном крыле советско-германского фронта.

К стр. 304

* Христиан Моргенштерн (1871—1914) — немецкий лирический поэт, автор оригинальных гротескно-комических стихотворений. Пальмштрем — персонаж цикла таких стихотворений. Адам приводит слова из стихотворения «Невозможный факт».

К стр. 315

[1] Архив автора.
[2] То же.

К стр. 316

[1] Архив автора.
[2] То же.

К стр. 327

[1] Архив автора.

К стр. 330

* С 22 по 25 января войска Донского фронта вновь добились существенного продвижения. В результате территория, занятая окруженными, значительно сократилась. Линия фронта по кольцу окружения теперь составила не более 75 километров, а площадь котла равнялась примерно 100 квадратным километрам. Протяженность удерживаемого врагом плацдарма составляла с севера на юг 20 километров, а с запада на восток (в самой его узкой части между 21-й и 62-й армиями) — 3,5 километра. Внешний фронт к этому времени проходил по линии Старобельск, реке Северный Донец, западнее Сальска, т. е. в 270—400 километрах от окруженной группировки.

Общие потери 6-й армии с 10 по 25 января составили убитыми, ранеными и пленными свыше 100 тыс. человек. На 25 января в кольце оставалось до 110 тыс. человек.

К стр. 331

* Гибель генерала Гартманна подробно описывает в своих воспоминаниях Гельмут Вельц, бывший майор вермахта, участвовавший в битве на Волге в качестве командира саперного батальона, в плену активный участник движения «Свободная Германия», в дальнейшем бургомистр Дрездена и затем директор одного из химических заводов ГДР. Он считает поступок Гартманна своеобразным протестом против действий Гитлера и командования 6-й армии. (См.: Г. Вельц, Солдаты, которых предали. М., 1965, стр. 265—266.)

** «Хиви» — сокращенное от немецкого Hilfswillige («добровольный помощник»). Так называли в гитлеровской армии нестроевых служащих из местного населения — предателей родины.

К стр. 337

* Волынская лихорадка — инфекционная болезнь, переносчиками которой являются вши. Имела широкое распространение в гитлеровской армии.

К стр. 339

* Рано утром 26 января без артиллерийской подготовки 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии 21-й армии, поддержанные

танками, перешли в наступление. Навстречу им наносила удар 13-я гвардейская стрелковая дивизия 62-й армии. Противник сопротивлялся упорно, но, не выдержав удара, бросая тяжелое оружие, вынужден был поспешно отойти частью сил в южную, а частью сил — в северную половину города. В результате упомянутые дивизии 21-й армии у поселка Красный Октябрь, а затем на западных скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й дивизиями 62-й армии.

К стр. 346

[1] Архив автора.
[2] То же.
[3] То же.

К стр. 347

[1] Архив автора.

К стр. 352

* Ландрат — окружной начальник в Германии.

** Гейбель Эмануэль (1815—1884) — немецкий поэт, воспевавший прусско-германское государство. Цитируется по книге: Emanuel Geibels Werke, Leipzig, 1915. Стихотворение «Deutschlands Beruf».

К стр. 353

* Военно-ремесленные школы обучали старослужащих солдат рейхсвера гражданским профессиям.

** «Хрустальная ночь» — 9 ноября 1938 года гитлеровские фашисты организовали в Берлине и других городах еврейские погромы, явившиеся началом массовых убийств евреев. Получила свое название по осколкам разбитых витрин магазинов, принадлежавших евреям.

К стр. 357

* 30 января левофланговые части 64-й армии вышли в центральную часть города. 38-я мотострелковая бригада этой армии, наступавшая на площадь Павших борцов в направлении универмага, захватила в плен солдат и офицеров противника. Из их опроса было установлено, что на подступах к универмагу все

развалины зданий укреплены и превращены в опорные пункты. Это насторожило командира бригады полковника И. Д. Бурмакова, и он решил в ночь на 31 января блокировать здание универмага. В течение ночи бригада во взаимодействии с 329-м инженерным батальоном со всех сторон блокировала универмаг.

Первым из советских офицеров, кто вел переговоры с представителями штаба Паулюса, был начальник оперативного отделения штаба 38-й бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко, который и отдал приказание подразделениям бригады, окружившим универмаг, прекратить огонь. Вместе с лейтенантом А. И. Межирко и несколькими автоматчиками он спустился в подвал универмага. За ним сюда пришли заместители командиров мотострелковых батальонов бригады капитаны Л. П. Морозов, Н. Ф. Гриценко, Н. Е. Рыбак, а затем заместитель командира бригады подполковник Л. А. Винокур и другие.

Тем временем Ф. М. Ильченко, добившись предварительной договоренности о капитуляции штаба 6-й армии, доложил об этом командиру бригады, а тот — командарму 64-й М. С. Шумилову, который направил делегацию для окончательного решения вопроса о капитуляции во главе с начальником штаба армии генерал-майором И. А. Ласкиным. Он и был советским генералом, который предъявил ультиматум о немедленном прекращении сопротивления и о полной капитуляции войск в «южном котле» и завершил все формальности, связанные с пленением штаба Паулюса.

К стр. 358

* Из этого сообщения Адама можно понять, что с прибытием начальника штаба 64-й армии И. А. Ласкина плененные Паулюс, Шмидт и Адам были сразу же увезены в штаб армии. В действительности И. А. Ласкин вел переговоры о капитуляции. На командный пункт М. С. Шумилова пленные были доставлены в 12.00 часов 31 января.

К стр. 359

* О конце «северного котла» рассказывается в статье бывшего командира 24-й танковой дивизии генерал-майора Арно фон Ленски «Сталинград — конец и пробуждение». (См.: «Военно-исторический журнал» № 3, 1962, стр. 85—90.)

[1] В битве на Волге в советский плен попали следующие генералы:

Генерал-фельдмаршал Паулюс, командующий 6-й армией.

Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба 6-й армии.

Бригадный генерал медицинской службы д-р Рейнольди, штаб 6-й армии.

Генерал-полковник Гейтц, командир VIII армейского корпуса.

Генерал-полковник Штрекер, командир XI армейского корпуса.

Генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах, командир LI армейского корпуса:

Генерал артиллерии Пфеффер, командир IV армейского корпуса.

Генерал-лейтенант Шлёмер, командир XIV танкового корпуса.

Генерал-майор Вассоль, начальник артиллерии II армейского корпуса.

Генерал-майор Вульц, начальник артиллерии IV армейского корпуса.

Генерал-лейтенант Дебуа, командир 44-й пехотной дивизии.

Генерал-майор Роске, командир 71-й пехотной дивизии.

Генерал-лейтенант Роденбург, командир 76-й пехотной дивизии.

Генерал-лейтенант Занне, командир 100-й егерской дивизии.

Генерал-лейтенант Сикст фон Арним, командир 113-й пехотной дивизии.

Генерал-майор д-р Корфес, командир 295-й пехотной дивизии.

Генерал-майор фон Дреббер, командир 297-й пехотной дивизии.

Генерал-лейтенант Эдлер фон Даниэльс, командир 376-й пехотной дивизии.

Генерал-майор Магнус, командир 389-й пехотной дивизии.

Генерал-лейтенант Лейзер, командир 29-й (моторизованной) пехотной дивизии.

Генерал-майор Латтман, командир 14-й танковой дивизии.

Генерал-майор фон Ленски, командир 24-й танковой дивизии.

Генерал-майор Братеску, командир 1-й румынской кавалерийской дивизии.

Генерал-майор Димитриу, командир 20-й румынской пехотной дивизии. (Архив автора.)

К НОВЫМ БЕРЕГАМ

В ИЮЛЕ 1943 ГОДА ПО ИНИЦИАТИВЕ ЦК КПГ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВИЛЬГЕЛЬМА ПИКА И ВАЛЬТЕРА УЛЬБРИХТА, АНТИФАШИСТСКИ НАСТРОЕННЫЕ РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ВОЕННОПЛЕННЫЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ ФАШИСТСКОГО ВЕРМАХТА ВМЕСТЕ С ДЕПУТАТАМИ РЕЙХСТАГА ОТ КПГ, ПРОФСОЮЗНЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ И ПРОГРЕССИВНЫМИ НЕМЕЦКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ СОЗДАЛИ ПОД МОСКВОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ».

Из «Очерка истории немецкого рабочего движения».

Колонна побежденных

В голове и в хвосте нашей небольшой колонны следовало по одному советскому грузовику с автоматчиками. Автомашины медленно двигались вплотную одна за другой мимо занесенных снегом, иногда еще дымившихся развалин бывших жилых кварталов, административных зданий, школ, больниц, театров и фабрик. Оледеневшее шоссе и его обочины были завалены различным немецким военным имуществом, подчас еще вполне годным. По дороге большими и маленькими группами в сопровождении красноармейцев тащились в плен остатки 6-й армии. Многие солдаты, обессиленные и истощенные, поддерживали друг друга. Часто двое обессилевших от голода тащили раненого.

Вероятно, эти отмеченные печатью смерти, позорно обманутые солдаты посылали немало проклятий вслед командующему 6-й армией и сопровождающим его лицам, которые проследовали в автомашинах.

В течение последних ужасных недель окружения Паулюс, пожалуй, начал понимать, какую огромную ответственность он взял на себя, беспрекословно

повинуясь Гитлеру и генеральному штабу. Однако это лишь усилило его разочарование и, кроме того, позволило его значительно более энергичному начальнику штаба Шмидту бессмысленно посылать на смерть остатки армии. Теперь было уже поздно ссылаться на оговорки. В тот день, 31 января 1943 года, мне уже было ясно, что вопрос о виновности за гибель 6-й армии возник перед Паулюсом и его штабом, перед всеми генералами и высшими командирами, которые капитулировали лишь тогда, когда советские войска появились непосредственно перед штабом Паулюса. Нельзя было допустить до таких страданий, какие мы наблюдали через стекла наших автомашин. Принятие предложения Красной Армии о капитуляции от 8 января 1943 года избавило бы десятки тысяч людей от трех с половиной недель голода и морозов. Состояние их здоровья к моменту пленения было бы значительно лучшим. Сыпной тиф не смог бы распространиться так широко. Я чувствовал, что мы являемся соучастниками страшного преступления. Его вдохновителем были Гитлер вместе с верховным командованием вермахта и генеральным штабом, а также Манштейн и его оперативный отдел в группе армий «Дон». Тогда я еще не подозревал, что существовали более глубокие корни вины, что эти лица выступали как представители и орудия в руках пагубных и самых черных в германской истории реакционных сил. Вообще я настолько физически и морально ослабел, был настолько внутренне опустошен и утомлен, что вряд ли мог ясно мыслить.

Я как бы освободился от ужасного кошмара, когда автомашины выехали за пределы города и двинулись по открытой степи в южном направлении. Теперь мы поехали быстрее. Вскоре слева показалась Волга. После короткой остановки у нескольких, по-видимому новых, домов, где, вероятно, был расположен какой-то высокий штаб, поездка продолжалась параллельно реке. Два часа спустя мы прибыли в Бекетовку.

Встреча с победителями

Мы остановились перед одним из деревянных домов. Мой взгляд упал на украшенные искусной резьбой наличники окон и резные фронтоны. Сопровождавший нас

советский генерал предложил нам войти в дом. После того как в передней мы сняли шинели и фуражки, нас провели в большую комнату. Что же будет теперь? Паулюс протянул руку Шмидту и мне, как бы желая попрощаться. Все же геббельсовская пропаганда засела в нас глубже, чем мы думали сами.

Один из советских генералов занял место на торцовой стороне столов, расставленных в виде буквы «Т». Как вскоре выяснилось, это был М. С. Шумилов, командующий 64-й армией. Около него сели генерал, который нас привез — это был начальник штаба армии генерал-майор И. А. Ласкин, — и переводчик в чине майора. Нам указали на стулья, стоявшие вдоль длинной стороны. Незадолго до этого Шмидт шепнул мне:

— Следует отказываться давать любые показания, кроме наших персональных данных.

Это предостережение показалось мне излишним и бестактным.

Шумилов обратился к нашему командующему, назвав его «фон Паулюс», на что тот заметил:

— Я не дворянин.

Советский генерал взглянул на него с недоверием. Когда же Паулюсу был задан вопрос о его чине и он ответил «генерал-фельдмаршал», это недоверие еще более усилилось. Тогда Паулюс вынул из нагрудного кармана свою солдатскую книжку и протянул ее советскому командующему армией. Тот быстро посоветовался с переводчиком и ответил коротким «хорошо».

В ходе дальнейшей беседы генерал Шумилов предложил Паулюсу отдать приказ о капитуляции также «северному котлу». Паулюс отказался, сославшись на то, что этот котел подчинен непосредственно Гитлеру.

Что же теперь произойдет, подумал я. Ведь наша пропаганда всегда утверждала, что русские подвергают пыткам каждого, кто не подчиняется их требованиям. Я со страхом смотрел на советского командующего армией. Шумилов продолжал говорить спокойно и деловито. Ничего не произошло. Пока я пришел к этому весьма поразительному заключению, генерал поднялся. Майор перевел его последние слова:

— Скажите фельдмаршалу, что я прошу его сейчас перекусить, а затем он поедет в штаб фронта.

Неужели это серьезно? Советские солдаты помогли нам надеть шинели. Возбужденные, мы направились к выходу, где нас ожидал Шумилов в высокой меховой шапке на голове. Он пошел через улицу, сделав нам знак следовать за ним. Неужели это конец? Я оглянулся. Экзекуционной команды не было. Может быть, она там, за деревянным домом, к которому шел генерал?

Ничего подобного. Шумилов открыл дверь в сени, где хозяйничала пожилая женщина. На табуретках стояли тазы с горячей водой и лежали куски настоящего мыла, которого мы уже давно не видели. Молодая девушка подала каждому белое полотенце. Умывание было просто блаженством. В течение многих дней мы лишь кое-как оттирали грязь с лица и рук, пользуясь талым снегом.

После этого нас попросили пройти в соседнюю комнату. Там стоял стол со множеством разных блюд. Когда по приглашению Шумилова я сел за стол вместе с Паулюсом и Шмидтом, мне стало стыдно. Какой же ложью о кровожадных большевиках нас пичкали! И мы были такими простаками, что верили этому! Я подумал о нескольких генералах Красной Армии, которые проходили через штаб нашей армии как военнопленные. Ими интересовался только начальник разведотдела, ответственный за сведения о противнике. Мы, офицеры штаба, считали ниже своего достоинства сказать им хотя бы слово. Перед отправкой в тыл им давали порцию пищи из походной кухни.

Судя по всему, на Шмидта не произвело никакого впечатления рыцарское поведение советского командующего армией, одержавшего победу. Он тихо шепнул мне:

— Ничего не принимать, если они предложат нам выпить: нас могут отравить.

Эта опека была отвратительна и возмутительна. Я дал это понять Шмидту гневными взглядами. Если бы его слова понял и генерал Шумилов! Он как раз в это время заметил:

— Мне было бы намного приятнее, если бы мы познакомились при других обстоятельствах, если бы я мог приветствовать вас здесь как гостей, а не как военнопленных.

Налили водку, всем из одной бутылки. Генерал попросил нас выпить с ним за победоносную Красную Армию. В ответ на это мы продолжали сидеть неподвижно. После

того как переводчик тихо сказал ему несколько слов, Шумилов улыбнулся:

— Я не хотел вас обидеть. Выпьем за обоих отважных противников, которые боролись в Сталинграде!

Теперь Паулюс, Шмидт и я тоже подняли рюмки. Вскоре водка, выпитая на пустой желудок, начала действовать. У меня слегка закружилась голова. Однако это прекратилось, когда я маленькими кусочками съел бутерброд. Паулюс и Шмидт тоже принялись за еду.

С генералом Шумиловым мы просидели больше часа. Я жадно впитывал в себя все, что видел и слышал. Майор говорил на превосходном немецком языке. Впервые я услышал, что советские люди хорошо отличали гитлеровскую систему от немецкого народа. Советские офицеры заверили нас, что, несмотря на все случившееся, советские люди не потеряли веры в немецких рабочих и немецких ученых. Правда, они разочарованы тем, что многие немцы позволили Гитлеру использовать их в своих целях. Паулюс попросил позаботиться о раненых, больных и полумертвых от голода немецких солдатах, что советский командующий армией и обещал ему сделать в пределах возможного, как нечто само собой разумеющееся.

— У вас есть еще какое-нибудь пожелание, господин фельдмаршал? — спросил Шумилов, когда подошло время отъезда. Паулюс немного подумал:

— Я хотел бы просить вас, — сказал он, — оставить при мне моего адъютанта полковника Адама.

Генерал Шумилов отдал распоряжение одному из офицеров, который тотчас же вышел из комнаты. Вскоре после этого он встал и проводил нас к машинам, готовым следовать дальше. Он попрощался с каждым из нас пожатием руки, сказав при этом Паулюсу:

— Ваше пожелание будет выполнено.

Когда автомашины тронулись, он стоял у дороги, отдавая честь. Это был действительно рыцарский противник.

В деревне близ советского штаба фронта

В качестве ближайшего пункта следования генерал Шумилов назвал штаб фронта, что примерно соответствовало нашему штабу группы армий. Автомашины, громыхая, ехали по полям боев между Волгой и Доном. Ночная

темнота скрывала места трагических событий; ледяной холод проникал в автомашины. Скрючившись, я сидел в углу заднего сиденья, рядом со мной переводчик нашего штаба, передо мной — двое советских офицеров. Я мог ориентироваться по звездному небу. Мы ехали в северном направлении. Вскоре машины остановились. Блеснули карманные фонари. Контроль. Сопровождавшие нас офицеры ответили на заданные им вопросы. Все ясно. Автомашины двинулись дальше. В эту ночь мы останавливались так несколько раз и вновь ехали дальше. Шоссе было перекрыто шлагбаумами. Невольно я вспомнил о планах побега наших офицеров из окружения. При таком строгом контроле никому, пожалуй, выбраться не удалось.

Наша небольшая колонна снова остановилась. Я услышал свое имя. Какой-то офицер подошел к нашей автомашине и предложил мне выйти и следовать за ним. Его тон был не особенно любезным. Я пошел вслед за ним со стесненным сердцем. Мне дали понять, чтобы я сел в небольшой легковой вездеход в голове колонны. Едва успел я втиснуться между двумя офицерами на заднем сиденье, как мы быстро поехали дальше. Другие машины вскоре исчезли из виду. Несмотря на хороший прием у генерала Шумилова, я все же испытывал неприятное чувство. Я снова вздохнул свободнее только тогда, когда на следующей остановке нас догнало несколько машин и в одной из них я увидел Паулюса.

С 15 часов мы ехали при сильном морозе, наполовину окоченев, сидя почти неподвижно в машинах. Близилась полночь, когда мне разрешили выйти из автомашины у маленького деревянного дома. Выбираясь с негнущимися суставами из машины, я увидел, что Паулюс и Шмидт тоже вышли. Вслед за советским офицером мы все вместе подошли к дому, который охранялся стоявшими на каждом углу часовыми с автоматами на ремне.

Дверь открылась изнутри. Первое, что я почувствовал, входя, было блаженное тепло. Молодой старший лейтенант приветствовал нас на немецком языке. Он объяснил Паулюсу и Шмидту, что они должны разместиться в большой комнате с двумя кроватями, столом и несколькими стульями. Моя кровать находилась в первой комнате, напротив дверцы обмурованной печи, которая глубоко вдавалась в отведенную обоим генералам комнату.

В приятном тепле наши окоченевшие от мороза руки и ноги начали медленно отходить. В комнату вошел старший офицер, который предложил Паулюсу и Шмидту следовать за ним в штаб фронта, где их ждали генералы Рокоссовский и Воронов. Тем временем старший лейтенант рассказывал о своем родном городе Москве, где он учился в архитектурном институте. Я узнал о Кремле, метро и театрах. Когда я выразил удивление его хорошим знанием немецкого языка, то услышал ответ, который впоследствии часто получал в аналогичной форме:

— У нас многие учат немецкий язык, язык Маркса и Энгельса. Я советовал бы вам учить в плену русский язык.

Вскоре после 2 часов ночи машина привезла Паулюса и Шмидта обратно. От них я узнал, что эта беседа началась с тех же формальностями и вопросами, как и в штабе 64-й армии. Как и в Бекетовке, Паулюс попросил командующего советским фронтом оказать возможно большую помощь оставшимся в живых немецким солдатам и офицерам. Советский генерал ответил:

— Разумеется, продовольствие для 90 тысяч добавочных едоков не появится в один день. Но мы сделаем для них все, что в человеческих силах.

Мы буквально падали от усталости и быстро легли. На следующее утро я проснулся только тогда, когда старший лейтенант сильно потряс меня за плечо.

Утром 1 февраля нам было позволено немного погулять перед домом в сопровождении старшего лейтенанта. Мы не знали названия населенного пункта, в котором находились. На наш вопрос старший лейтенант только пожал плечами. Да это и не имело значения. Куда важнее было то, что в последующие дни сюда прибыли все оставшиеся в живых генералы 6-й армии. Правда, наш домик стоял в некотором отдалении и сначала мы не встречались с ними. Все же мы ежедневно видели их из нашего домика, когда они гуляли.

Среди событий первых дней плена, необычного спокойствия и регулярного питания постепенно исчезали отупение и скованность, которые овладели мною в последние дни окружения. Тем сильнее я чувствовал бремя заключения. Здесь, в этой деревне, у нас не было ни газет, ни книг. Мы часами сидели у стола, занятые каждый

своими мыслями. Вид из окна на ровный, монотонный снежный ландшафт также не мог рассеять наше мрачное настроение. Силы Паулюса были на исходе.

Поездка с неизвестной целью

5 или 6 февраля 1943 года нас перевели в другое место. Но лишь на два-три дня; затем снова последовал приказ готовиться к отъезду. Грузовики доставили всех пленных генералов 6-й армии к железнодорожной линии, проходившей неподалеку от населенного пункта. На открытом участке, около будки обходчика, остановился поезд, в середине которого находился свободный вагон. Мы немало удивились, войдя в приготовленные для сна купе: простыни, одеяла, покрытые белыми наволочками подушки.

В роли переводчика выступала пожилая женщина. Комендант поезда через нее приветствовал Паулюса и информировал о положении на фронте. Мы узнали также, что в других вагонах находились офицеры нашей армии, с которыми, правда, мы не могли общаться.

Куда же мы едем? Мы не решались спросить. Ночью я некоторое время стоял в неосвещенном купе у окна. Большие и мелкие поселки проносились мимо. В них не видно было разрушений. Только многочисленные военные эшелоны, направлявшиеся к фронту, напоминали о войне. Из-за них наш поезд двигался медленно и часто стоял на запасных путях.

В генеральском вагоне оживление начиналось рано. Много времени занимали умывание и бритье, затем проводница приносила в купе горячий чай. Мы со Шмидтом завтракали в купе Паулюса.

Когда я снова подошел к окну, моему взору предстал изменившийся ландшафт. Покрытая грязно-серым снегом однообразная степь исчезла.

По обе стороны железной дороги далеко раскинулись большие леса в роскошном зимнем одеянии; часто встречались населенные пункты, на вокзалах царило деловое оживление. Женщины предлагали продукты — хлеб, птицу, молоко, масло и многое другое, что необходимо для длительного путешествия. Шла оживленная торговля

с солдатами из воинских эшелонов и пассажирами из проезжающих поездов. Каждая остановка на станциях использовалась для того, чтобы принести в чайнике горячую воду из специальных кипятильников. К сожалению, я не мог расшифровать названий населенных пунктов на вокзалах, потому что еще не знал русского алфавита.

Иногда во время остановок к нашему поезду пытались подойти любопытные штатские. Однако охранявшие нас солдаты держали их на почтительном расстоянии. Правда, я замечал иногда мрачный взгляд, который тот или иной советский гражданин бросал на тех, кто опустошил его страну и многим принес смерть. Но оскорбительных выходок против нас не было.

Я уже не помню, как долго мы ехали, пожалуй двое или трое суток. Однажды утром мы остановились у вокзала, и нам предложили собрать вещи.

Лагерь военнопленных в Красногорске

— Еще короткая поездка автобусом, и вы у цели, — сказал фельдмаршалу комендант поезда.

Так оно и оказалось. Мы проехали через какой-то город. При этом почти ничего не было видно. Это был небольшой провинциальный городок, какие мы видели в ходе военных действий.

Через несколько минут наш автобус остановился перед высокими закрытыми деревянными воротами. Справа от ворот стоял маленький деревянный домик. В обе стороны тянулся высокий забор с колючей проволокой. Мы находились у лагеря военнопленных в Красногорске под Москвой.

Начиналась настоящая лагерная жизнь.

Из караульного домика вышли комендант лагеря и дежурный офицер. Они предложили нам следовать за несколькими солдатами охраны. Справа показались три длинных барака. Слева вдоль лагерной улицы тянулся небольшой барак; как мы вскоре узнали, это была кухня. Дальше, по эту же сторону улицы, находились бревенчатый дом и один жилой барак. За ними виднелись несколько землянок.

Прибытие «сталинградских генералов» было, конечно, сенсацией для «старых» немецких военнопленных. Полные любопытства, они стояли перед кухней в фартуках и белых колпаках или выглядывали из окон бараков. В лагере, по-видимому, было не очень много народу.

На третьем бараке справа от дороги виднелась надпись «Амбулатория». Однако оказалось, что это здание имеет еще и другой вход. Мы вошли через него и в просторной комнате стали ждать, что будет дальше. Тем временем я смог немного осмотреться. На двери висел плакат на немецком языке. Под заголовком «Из приказа народного комиссара обороны» я прочел: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство германское остаются».

Эти же слова я слышал еще 31 января 1943 года во время встречи с генералом Шумиловым. Тогда они произвели на меня большое впечатление. Теперь же мне казалось, что это просто «пропаганда», впрочем, то же самое думали и генералы. Может быть, на меня повлияло многодневное пребывание вместе с ними; ведь большинство из них держалось надменно и замкнуто. Во всяком случае, в последующие месяцы и годы эти слова постоянно звучали в моих ушах.

После душа и дезинсекции нас распределили по баракам. Паулюс, Шмидт и я получили комнату в бревенчатом доме. Здесь в большой комнате жили шесть румынских генералов, в меньшей — три итальянских. Кроме того, в лагере жили также пленные офицеры и рядовые. В амбулатории, руководимой советской женщиной-врачом, работали пленные немецкие врачи.

Сначала жизнь в качестве военнопленных таила в себе своего рода напряжение и ожидание. С некоторым волнением мы ждали чего-то неизвестного, неопределенного. Однако это чувство быстро исчезло благодаря размеренной жизни и привычке: подъем, трехразовое питание, прогулки, послеобеденный и ночной сон — таков был распорядок. Рано утром и поздно вечером по помещениям проходил дежурный офицер. Один раз в неделю мы шли в баню. Вообще гигиене и чистоте придавалось большое значение, слово «грязно» было одним из первых русских выражений, которому я научился от советской фельдшерицы, следившей за абсолютной чистотой в помещениях. Даже генералы серьезно относились к этой молодой жен-

щине, когда она входила в комнаты и осматривала критическим взглядом пол, постели и окна.

В первые дни и недели разговоры велись преимущественно об обстоятельствах лагерных будней, об отдельных эпизодах битвы в окружении на Волге, о прежних событиях из личной жизни и о близких на родине. Сначала каждый старался твердо стать на ноги и привыкнуть к жизни в плену. Пока избегали разговоров на более глубокие темы: о причинах катастрофы на Волге, о ее влиянии на дальнейший ход войны, о нашей вине и соучастии в преступлениях Гитлера. Потому ли, что все мы еще испытывали своего рода умственный паралич, находились в состоянии шока, вызванного ужасами пережитого, или потому, что кое-кто сознательно избегал этого или же связывал со Сталинградом возможность трагического поражения Германии в войне против ненавистного ему большевизма.

Лагерная библиотека

Однако жизнь продолжалась, и война еще шла. Человек, обладающий хоть крупицей здравого смысла, не мог после ада битвы на уничтожение думать только о еде и предаваться воспоминаниям. Ему был необходим новый смысл жизни, новая точка опоры и настоящая надежда. Они должны были явиться результатом беспощадного, честного осмысливания личной жизни и того пути нашего народа, который привел нас к гибели. Следовало заняться изучением Советского государства, его общественного строя и его целей, прежде всего источников его мощи и силы, которые мы, очевидно, недооценили. В этой попытке осмысливания книга стала моим хорошим помощником.

В лагере имелась богатая библиотека с художественной и политической литературой на немецком языке. Ею заведовал немецкий унтер-офицер Бейер. Пользоваться ею никого не заставляли. Никому не давалось ни малейших указаний при выборе книг.

После того как наша жизнь снова вошла в колею и обычная пища для разговоров иссякла, я пошел в библиотеку посмотреть, что там есть. Вероятно, целую четверть часа я перелистывал каталоги, а затем попросил

для Паулюса и Шмидта несколько романов и книг немецких классиков. Почти все военнопленные читали тогда только беллетристику.

Однажды, когда я уже сделался усердным читателем библиотеки, библиотекарь предложил мне несколько лежавших на столе брошюр. Это были пропагандистские материалы, направленные против Гитлера. Я знал, что офицеры почти не читают их, однако все же взял несколько брошюрок в руки, прочитал названия и небольшие отрывки. Их язык мне не понравился. Он прямо кишел словами «фашизм», «империализм», «милитаризм», «реваншизм». Мне показалось, что многие положения были лишены доказательств. Брошюры не представляли для меня интереса, и я не взял их с собой. Иначе обстояло дело с книгой в голубом переплете под названием «Страна социализма сегодня и завтра». Она содержала доклад ЦК на XVIII съезде ВКП(б) от 10 марта 1939 года.

Книга захватила меня, потому что я впервые узнал из нее о структуре общества, об экономике и культуре в Советском Союзе. Мне приходили на ум сравнения с Украиной, отсталость которой я видел во время первой мировой войны, будучи молодым лейтенантом, адъютантом немецкой пехотной бригады. Я решил узнать больше о жизни Советского Союза, вообще о социализме. Напрашивалась также мысль заняться произведениями Маркса и Энгельса, потому что именно в них заключаются теоретические основы социализма. В школе я слышал их имена в связи с революцией 1848 года. В остальном я знал только, что Карл Маркс написал толстую книгу о капитале. Итак, я попросил в лагерной библиотеке дать мне «Капитал». Я читал, но смысла не понимал. Там встречались понятия, которых я не слыхал никогда в жизни. Для успешного изучения этой работы мне не хватало не только подготовки, но и желания. Разочарованный, я вернул книгу. С произведениями Фридриха Энгельса дело у меня пошло легче. Его исторические, особенно военно-исторические сочинения я читал с большим интересом.

Гитлер и открытки Красного Креста

Тогда я был еще далек от новой, твердой идейной точки зрения. Однако с первого же дня пребывания в плену я не относился к неисправимым, закоренелым

последователям Гитлера. Я возмущался тем, что офицеры и генералы моего круга, в Сталинграде проклинавшие Гитлера и его систему, теперь как бы все забыли. Когда я однажды услышал, как два офицера приветствовали друг друга на лагерной улице громким и демонстративным «Хайль Гитлер!», то в первый момент был склонен подумать, что разум их помрачился. Однако вскоре я вынужден был убедиться, что многие генералы и офицеры, несмотря на поражение на Волге, остались фанатичными сторонниками гитлеровской войны. К ним относились генерал-полковник Гейтц и генерал-лейтенант Артур Шмидт, бывший начальник штаба 6-й армии. Некоторые столкновения, которые происходили у нас с ним за время совместной жизни, объяснялись его решительно положительным отношением к войне.

Моя ненависть к Гитлеру и его правительству получила новую пищу, когда я узнал, что фюрер запретил передавать нашим близким открытки Красного Креста, посланные на родину. Как счастлив я был, когда в марте 1943 года, как и другим пленным в лагере, мне выдали первую открытку. Значит, через несколько недель моя жена и дочь смогут избавиться от страшной тревоги. Говорили, что мы сможем писать каждый месяц. Действительно, в апреле мы получили по второй открытке для отправки домой.

Затем прошел слух, который меня испугал: в речи по радио Гитлер объявил немецкому народу, что все «сталинградцы» погибли.

Мы обратились за разъяснением к коменданту лагеря и посещавшим наш лагерь немецким антифашистам. С обеих сторон мы получили подтверждение того, что Гитлер снова предал военнослужащих 6-й армии.

В Суздальский монастырь

Уже два месяца мы жили в Красногорске. Однажды после обеда в нашем блокгаузе появился советский дежурный офицер с переводчиком и передал нам приказ начальника лагеря: «Собраться. Генералы и полковник Адам переводятся в другой лагерь. Тотчас же получить сухой паек».

Это было 25 апреля, в теплый весенний день. Через полчаса мы были готовы. Однако приказ об отправлении задерживался. День клонился к закату, когда мы с вещами собрались у ворот лагеря. Нас вызвали поименно, а затем у ворот мы сели в автобус. Паулюс сел в легковую автомашину. Конвой разместился на двух грузовиках. Затем мы двинулись по направлению к Москве.

Было темно, когда мы подъехали к окраине. Справа от шоссе высились многоэтажные жилые дома; некоторые из них были выстроены только наполовину. Большинство из них было еще в строительных лесах. Переводчик сказал мне, что с началом войны работы пришлось прекратить.

Мы пересекли Москву с запада на восток ночью. Широкие улицы были затемнены и почти пустынны. В одном месте переводчик указал на большое здание — Белорусский вокзал.

Наконец темная масса домов осталась позади. На проселочной дороге нас трясло так сильно, что сон долго не приходил. Наконец усталость все же взяла свое. Разговор постепенно смолк. Я тоже клевал носом, пока меня не разбудил громкий храп сзади. Я посмотрел на часы. Минула полночь. В полусне я заметил, что мы проехали несколько крупных населенных пунктов, затем город. Начинался день. Я совершенно проснулся.

— Где мы находимся? — спросил я переводчика.

— Во Владимире, — ответил он сонно, что не помешало мне спросить дальше, долго ли нам еще ехать.

— Это вы увидите сами, — ответил он потягиваясь.

Наши машины быстро приближались к небольшому городу. Издалека в лучах раннего солнца виднелись сверкающие медные купола многочисленных башен. Это был Суздаль, древняя резиденция князей. Через открытые массивные ворота крепостной стены с амбразурами и сторожевыми башнями мы подъехали к большому комплексу зданий, центром которого являлась пятиглавая церковь и стоящая перед ней колокольня. По сторонам горбились длинные строения в один, самое большее два этажа. Они служили для размещения пленных офицеров.

Комендант, полковник Новиков, бравый офицер со звонким командирским голосом, занялся нашим размещением. Мне была отведена комната вместе со Шмидтом.

Как и в Красногорске, здесь, в Суздале, первые дни мы старались привыкнуть к изменившейся обстановке. Суздаль давал материал для некоторых интересных наблюдений. Раньше это была столица Суздальского княжества, одного из трех русских княжеств наряду с Новгородским и Киевским. Его сходство с крепостью объясняется тем, что ему постоянно угрожало нападение татар. До свержения царизма огромные поместья, принадлежавшие монастырю-крепости, являлись одним из экономических бастионов церкви, тесно связанной с царем. Затем Суздаль как государственный и церковный центр потерял свое прежнее значение. Он стал сонным провинциальным городком. Теперь в его стенах находились пленные румынские, венгерские, итальянские и немецкие офицеры.

Здесь, в Суздальском лагере, я увидел знаменитые белые ночи в июне и июле. До полуночи было так светло, что во дворе можно было еще читать. Ранние утренние часы и время незадолго до захода солнца были прямотаки волшебными. Природа, постройки, залитые лучами солнца, сверкали такими великолепными красками, каких я не видал раньше и никогда больше не встречал потом.

Диспут о германской истории

Пребывание в Суздале произвело на меня неизгладимое впечатление еще и по другой причине. В один из теплых летних вечеров 1943 года я встретился с советским профессором Арнольдом. Он прибыл в Суздаль из Москвы и был готов побеседовать с генералами и офицерами. Ведь у большинства из нас было достаточно вопросов и проблем. После первых же его слов я заметил, что передо мной был умственно высокоразвитый человек, опытный, любезный собеседник, прекрасно владеющий немецким языком. Наша беседа очень быстро потеряла характер ни к чему не обязывающей болтовни; мы прямо-таки разгорячились, когда речь зашла о некоторых событиях в германской истории за последние 150 лет. История вообще всегда очень интересовала меня, и не только с профессиональной точки зрения, как бывшего учителя. Я изучал произведения Трейчке, Зибеля, Ранке и многих других. Я гордился своим знанием

истории и воображал, что обладаю твердой исторической концепцией.

В качестве роковой черты германской истории профессор Арнольд приводил тот факт, что в решающие поворотные моменты — в 1813, 1848, 1870/71, 1918 и 1933 годах — побеждал не народ, не демократические, а антидемократические силы. Народ боролся, приносил жертвы, однако всякий раз обманным путем его лишали политических плодов борьбы. Даже более того, как никакой другой народ, он позволял использовать себя для ведения войн, служивших не национальным интересам, а эгоистичным, захватническим и властолюбивым целям правящих кругов.

— Пожалуйста, поймите меня правильно, — говорил профессор Арнольд. — Я далек от того, чтобы отрицать наличие у немецкого народа великих гуманистических традиций, оспаривать его значительный вклад в духовную сокровищницу человечества. Именно мы, советские люди, чрезвычайно ценим великих представителей немецкого духа — Гете и Шиллера, Канта и Гегеля, Баха и Бетховена, Кеплера и Эйнштейна, не говоря уже о Марксе и Энгельсе, учение которых стало действительностью в нашей стране. Но подумайте о Бисмарке, прусском юнкере, который безгранично презирал демократию и мнение народа!

— Простите, — перебил я его, — но Бисмарк выковал немецкое единство, он был создателем империи.

— Конечно, Бисмарк проявил понимание исторической необходимости, которая уже давно поставила единство Германии на повестку дня. Но подумайте, пожалуйста, как и какие силы основали германскую империю в 1871 году. Когда Бисмарк в 1862 году стал прусским министром-президентом, он заявил, что вопросы эпохи должны решаться не с помощью либеральных идей, а железом и кровью. Империя сложилась в результате трех войн. Она была провозглашена в зеркальном зале Версальского дворца, и не немецким народом, а немецкими князьями. Не буржуазия, руководившая уже тогда экономикой, а князья имели политическую власть в империи. Однако они, в конце концов, были ответственны только перед богом.

— Я не понимаю вашей критики политики Бисмарка. Ведь он выступал за добрососедские отношения с Рос-

сией и заключил германо-русский «договор перестраховки».

— Оставим в стороне вопрос о том, действительно ли Бисмарк желал «добрососедских» отношений с Россией, — подхватил Арнольд мое возражение. — Если отвлечься от мотивов его русской политики, которая кажется мне больше продиктованной страхом, чем дружбой, то следует признать, что в его внешней политике были определенные реалистические черты. Как государственный деятель, Бисмарк был в этом отношении гораздо более прозорливым, чем охваченный манией величия Гитлер. Если бы Гитлер поучился в этом пункте у Бисмарка, то и вы и мы были бы избавлены от многих страданий. Несмотря на это, Гитлер позаимствовал много отрицательного у бисмарковской политики: ненависть к демократии, рабочему движению и социализму, стремление к власти, воинствующий национализм, социальную демагогию. Прямая линия связывает эру Бисмарка с шовинизмом Вильгельма II и с безграничными захватническими планами Гитлера, в осуществлении которых и вам, господин Адам, пришлось принимать участие.

— Вы говорите странные вещи о германской истории, профессор Арнольд. В конце концов, я тоже изучал историю и, мне кажется, кое-что в ней понимаю. Для меня Бисмарк — это выдающийся государственный деятель своего времени. Может быть, ваша критика отчасти объясняется завистью? Пусть Гитлер даже совершил тяжелые ошибки, но, как немец, я не могу считать плохим все, что было сделано в Германии в течение последних десяти лет.

— Безусловно, не все было плохо в Германии в последние десять лет. Ведь были немцы, которые боролись против Гитлера, подвергая опасности свою жизнь и часто жертвуя ею. Однако очень плохо было то, что гитлеровская Германия напала на другие народы и втянула их в войну. Теперь вы пожинаете горькие плоды.

Мы расстались, не придя к единому мнению. Однако я начинал понимать, что мы исходили из различных принципиальных позиций. Профессор Арнольд рассматривал историческое развитие и исторические события строго с точки зрения народных масс. В рабочих, крестьянах, интеллигенции, ремесленных и других трудящихся слоях народа он видел истинные движущие силы

истории. Одновременно он дал критерий оценки исторических процессов и исторических действий отдельных лиц, в том числе действий немецких генералов и офицеров, то есть и моих действий. Профессор сказал, что в этой войне мы сражались за неправое дело, что мы вели несправедливую войну. Право, мораль, исторический прогресс были не на нашей стороне, когда мы за 2000 километров от границы Германии пытались нанести Советскому Союзу смертельный удар. Право, мораль и исторический прогресс были и есть на стороне советского народа и его Красной Армии, которые защищают свою родину и свой общественный строй, созданный в результате тяжелых жертв и лишений.

Слова советского профессора засели у меня в душе, как заноза. Я попытался ее вытащить, но заноза не поддавалась, она вонзалась еще глубже. Затронутые вопросы волновали меня днем и ночью. Я сердился на себя за то, что разговаривал с Арнольдом столь надменно, и решил в будущем не отметать попросту аргументы собеседника, а изучать его точку зрения по существу. При резко отрицательной позиции не может выявиться правильное мнение. Аргументы противника следует, наоборот, основательно и критически продумывать.

«Вспомните, полковник Адам!»

После нашего диспута профессор Арнольд попросил разрешения, если я этого желаю, продолжить наш разговор через несколько дней в моей комнате. Действительно, однажды после обеда он вошел ко мне. Шмидт был как раз в саду. Я попросил профессора простить мою недавнюю резкость.

— Не беспокойтесь из-за этого, — ответил он улыбаясь. — Всем зрелым людям нелегко отойти от мыслей и взглядов, которые они приобрели в течение многих лет. Но подумайте, из каких источников вы черпали! Особенно Трейчке никогда не был историографом народа, он был историографом Гогенцоллернов, монархистом до мозга костей. Главное — чтобы вы не настаивали на неправильных взглядах, это лишь принесло бы новые несчастья лично вам и немецкому народу.

Затем мы обратились к вопросам второй мировой войны. Когда-то я искренне верил в цель Гитлера — «новый порядок» в Европе. Искренне убежденный, я шел в поход против Франции; ведь речь шла о том, чтобы смыть «позор Версаля». Я искренне участвовал и в походе на Восток, хотя и с некоторым внутренним недовольством, потому что Советский Союз казался мне державой со многими неизвестными. Только в котле во время битвы на Волге я начал испытывать более серьезные сомнения. Правда, они касались не столько вопроса о справедливом или несправедливом характере войны, сколько стратегической концепции Гитлера, которая не только привела к войне на два фронта, но и вызвала враждебное отношение к немцам почти во всем мире.

Мой собеседник указал на договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, который был заключен 23 августа 1939 года сроком на десять лет и дополнен торговым договором между Советским Союзом и Германией от 11 февраля 1940 года. Арнольд процитировал открывок из текста пакта о ненападении:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

3. Правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем во взаимном контакте для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем, в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликтов [1].

— Социалистический Советский Союз точно соблюдал этот договор, а гитлеровская Германия позорно нарушила его и напала на нас, — добавил профессор. — Вы считаете это справедливым?

Я мог бы ответить словами о превентивной войне. Однако я никогда по-настоящему не верил в эти слова, а в последние месяцы пришел к убеждению, что Гитлер использовал их только как пропагандистскую фразу,

чтобы оправдать нарушение договора, чтобы морально оправдать войну против Советской России. Я промолчал, поскольку твердо решил выслушивать аргументы собеседника, а не отклонять их категорически. Вероятно, Арнольд воспринял мое молчание как молчаливое возражение.

— При вашем интересе к истории вы, конечно, читали «Майн кампф» Гитлера, — продолжал он после небольшой паузы более резко, чем прежде. — Вспомните то место, где он говорит: мы останавливаем германский поход на юг и переходим к политике жизненного пространства на востоке. На хорошем немецком языке это означает: мы отнимем у славянских народов их земли и их полезные ископаемые, мы превратим их в наш рабочий скот. Возьмите полные ненависти тирады и потоки грязи, которыми обливали коммунизм на нюрнбергских съездах нацистской партии! Подумайте о практике ограбления и прежде всего обращения с людьми, которую вы вряд ли не заметили, участвуя в действиях германской армии на Востоке! Или вспомните речь Геббельса, произнесенную летом 1942 года, когда имперский министр пропаганды перед всем миром раскрыл грабительский характер войны, заявив, что речь идет о том, чтобы «набить себе брюхо», что дело заключается не в каких-либо идеалах, а в пшенице, угле, руде и нефти. Вспомните, полковник Адам!

Да, я вспомнил. И я хотел в этом признаться. Но неужели все, к чему мы стремились и во что мы верили, было дурным и фальшивым? То, во имя чего мы были готовы пожертвовать жизнью, во имя чего были пролиты реки крови и слез?

Я как раз собирался поговорить с профессором Арнольдом об этих сомнениях, когда в комнату вошел Шмидт. Он, вероятно, слышал последние слова и тотчас же вмешался в разговор. Как это раньше часто бывало в окружении, он хотел без возражений определить ход разговора. В своей заносчивости он потерял всякую меру и своими рассуждениями чуть было не обидел советского профессора. Арнольд улыбнулся, с сожалением пожал плечами, поднялся, слегка кивнул Шмидту и вышел из комнаты. Я проводил его до ворот и извинился за неприятное происшествие. Мы простились, обменявшись сердечным рукопожатием.

К сожалению, позднее мне не удалось больше побеседовать с профессором Арнольдом, поскольку вскоре он покинул Суздаль. Он помог мне при первых моих шагах по каменистому, трудному пути, выдвинув проблемы, заставив разум и чувства выйти из определенной, привычной, но неправильно проложенной колеи. Выходка Шмидта давала основание предположить, что процесс разъяснения был связан с острыми спорами в наших собственных рядах. Очевидно, в первую очередь речь шла о разногласиях среди самих немцев. Предметом дискуссии стала также признававшаяся мной в течение десятилетий военная субординация, которая точно подразделяла всех по воинским званиям, дисциплинарным правам и обязанности повиноваться, начиная от верховного главнокомандующего через генерал-фельдмаршалов, генералов, штабс-офицеров, капитанов и лейтенантов и кончая последним солдатом. Речь шла не о месте внутри военной иерархии, вставал вопрос о том, каким целям служил объективно каждый в отдельности; являлся ли он и далее инструментом несправедливой, аморальной захватнической войны, оставался ли он упорным последователем руководства, не останавливавшегося перед преступлением, или он отрекался от него, выступал против него. Вследствие такой постановки вопроса, вероятно, должно было произойти разделение на фашистов и антифашистов, что мне до сих пор не было достаточно ясно из опыта жизни в лагерях в Красногорске и Суздале и из поверхностного ознакомления с различными пропагандистскими брошюрами в лагерной библиотеке. Согласно этому выводу, как мне тогда казалось, поведение Шмидта следовало расценить как позицию фашиста. А к кому же относился я, Вильгельм Адам, произведенный в полковники и награжденный Рыцарским крестом?

Этот вопрос оставался открытым. Прошли еще месяцы, прежде чем я окончательно выяснил этот вопрос.

Вильгельм Пик

Однажды — это было в июне 1943 года — полковник Новиков сообщил мне через переводчика, что фельдмаршала хочет посетить какой-то немец. Едва я успел преду-

предить об этом Паулюса, начальник лагеря и переводчик уже поднялись по лестнице в нашу комнату. С ними был пожилой человек с белыми как снег волосами.

Со словами: «Это господин Вильгельм Пик, он хочет поговорить с вами, господин фельдмаршал», — полковник представил посетителя. Вильгельм Пик добавил, что он является депутатом германского рейхстага и хотел бы побеседовать с фальдмаршалом о судьбах немецкого народа. Когда я хотел попрощаться, он сказал улыбаясь:

— Оставайтесь. То, что я хочу сказать, вы можете спокойно слушать, это относится в такой же степени и к вам.

С некоторой сдержанностью Паулюс предложил гостю сесть у стола перед окном. Я сел сбоку, около Новикова и переводчика.

Значит, это и был коммунист Вильгельм Пик. До сих пор я ни разу его не видел. Лишь смутно я припомнил его имя из периода до 1933 года. У него достойный вид, думал я, наблюдая за ним теперь. В его глазах светилась доброта и понимание. Чего же хотел он от Паулюса? Фельдмаршал молча смотрел на него. Очевидно, он не хотел облегчать посетителю начало разговора, а был намерен выждать. Тогда разговор начал Вильгельм Пик.

— Я хотел узнать о вашем самочувствии, господин фельмаршал. Вероятно, вы удивлены, что я, коммунист, который вынужден был эмигрировать, пришел к вам. Однако мне действительно хочется поговорить с вами.

Это звучало так естественно, так сердечно, что и голос Паулюса стал теплее.

— Благодарю вас за участие, господин Пик. Как вы видите, я хорошо устроен. Состояние моего здоровья в течение последних недель значительно улучшилось. Полковник Новиков заботится о нас. У нас есть немецкие и русские врачи. Питание хорошее и достаточное. Как военнопленный, я не могу ожидать большего.

— Вы, господин фельдмаршал, и многие другие немцы избежали бы плена, если бы не следовали за неким Гитлером, — ответил Пик.

— Вы забываете, господин Пик, что я солдат. Как солдат, я обязан выполнять приказы вышестоящих начальников. Политикой я никогда не занимался.

— Господин фельдмаршал, вы умный и образованный офицер. Вы должны были понять, что Гитлер ввел в за-

блуждение и обманул наш народ. Или вы действительно считали, что Советский Союз намеревался напасть на Германию?

Паулюс явно пришел в волнение.

— Я не мог себе представить, господин Пик, что глава государства обманывает свой народ и свою армию. Как и миллионы людей, я верил словам Гитлера. Я верил в них, когда генеральный штаб получил задание разработать план нападения на Советский Союз; я питал доверие к верховному командованию даже тогда, когда сталинградская катастрофа уже началась.

Это признание в обманутом доверии далось Паулюсу нелегко. Я видел по его лицу, какая борьба происходила у него в душе. Вильгельм Пик тоже оживился.

— Вы были командующим армией, господин фельдмаршал. Ваша военная карьера и положение позволяли вам глубоко заглянуть в ход войны, в методы руководства и военные цели Гитлера. Это должно было послужить для вас основой духовной независимости и понимания своей ответственности. Именно вы должны были более критически смотреть на развитие событий. Вам были доверены жизни сотен тысяч немецких солдат. Почему вы так долго сражались на Волге в безвыходном положении? Почему вы больше верили лживым обещаниям Гитлера, чем своей совести и пониманию? Почему вы отклонили почетные условия капитуляции, предложенные Красной Армией? Гитлер — это преступник, который никогда не представлял интересы нашего народа. Мы, коммунисты, с самого начала поняли это и сказали народу. Вы и ваши генералы должны были понять это самое позднее в сталинградском котле и действовать в соответствии с этим, господин фельдмаршал.

— Я уже сказал, что мы, солдаты, никогда не занимались политикой, да и не должны были заниматься, — уклончиво ответил Паулюс. — Наш принцип таков: немецкий солдат должен быть аполитичным. Я остался верен этому девизу. Гитлер был для нас не только главой государства, он являлся также верховным главнокомандующим вооруженными силами, приказам которого мы обязаны были беспрекословно подчиняться. Я не знал ни положения за пределами котла, ни планов и возможностей главного командования сухопутных войск. Поэтому я не мог просто положить всему конец.

Разговор приобрел драматическую остроту. У стола сидели два человека с диаметрально противоположным мировоззрением. Здесь фельдмаршал, аполитичный, «только солдат», для которого слепое повиновение приказу начальника являлось нравственным законом. Там — коммунистический вождь рабочего движения, действия которого определялись духовным суверенитетом и высшей ответственностью по отношению к народу.

— Почти все офицеры утверждают так же, как и вы, господин фельдмаршал, — возразил Вильгельм Пик, — что они были аполитичными и хотели бы такими оставаться. Однако что значит аполитичный? Неужели вы не понимаете, что вы играли немалую роль в политике? К сожалению, это была отрицательная роль. Вы были послушным инструментом в руках губителей нашего народа, цели которых не были ни национальными, ни социалистическими. Их целью была захватническая война, грабительская война! И именно вы, генералы и офицеры вермахта, послушно служили их преступной политике.

Ясно, никого не щадя, председатель КПГ доказывал, что мы служили неправому делу, губительному для нашего народа. В конце концов, мы содействовали Гитлеру и являлись совиновниками всего того бесправия, ущерба и страданий, которые в результате гитлеровской войны выпали на долю других народов.

— Как в период 1914—1918 годов, — продолжал он с сожалением, — так и в этой войне расплачиваться должен наш одаренный, трудолюбивый немецкий народ, наши трудящиеся, прежде всего рабочие и крестьяне. Вдумайтесь совершенно спокойно, в чьих интересах ведется эта война! Подумайте о катастрофе 6-й армии! Вам придется заглянуть далеко в историю, чтобы найти пример таких же страданий и горя нашего народа. Поверьте мне, вся эта развязанная Германией война является преступлением. Она служит на пользу горстке немецких монополистов и милитаристов, которые из крови и костей немецких солдат, из бедствий народов, подвергшихся нападению, извлекают гигантские прибыли. И если несколько марок достанется населению и солдатам, они являются частицей награбленного, платой за соучастие. Моя партия предупреждала еще перед 1933 годом: «Гитлер — это война». К сожалению, мы не смогли помешать приходу фашистов к власти и тем несчастьям, которые они принесли. Одна-

ко мы можем и должны помешать тому, чтобы Гитлер вверг немецкий народ в национальную катастрофу. Мы, коммунисты, боремся за это вместе со всеми, кто ненавидит фашистских преступников и любит немецкий народ.

Затем Вильгельм Пик выразил желание поговорить с фельдмаршалом наедине. Позже я узнал от Паулюса, что председатель КПГ изложил планы создания Национального немецкого комитета, который должен был самым широким образом организовывать и направлять борьбу против гитлеровского режима и за скорейшее окончание войны. Предполагалось, что в национальном комитете эмигрировавшие вожди рабочего движения и писатели будут тесно сотрудничать с пленными офицерами и солдатами. Ради германской нации все различия во взглядах должны отойти на второй план. Перед лицом созданной Гитлером чудовищной угрозы существованию немецкого народа на первом месте стоят не разделяющие, а объединяющие моменты. Они оба, коммунист и фельдмаршал, являются немцами. Их глубоко волнуют судьбы родины. Они должны вместе пресечь пагубные действия Гитлера. Пик призвал Паулюса открыто выступить против Гитлера и принять участие в работе будущего комитета.

Фельдмаршала ужаснули такие предложения точно так же, как и меня, когда я услыхал о них. В то время предложение Пика казалось нам столь неслыханным, что мы старались отмахнуться от него. С другой стороны, мы были вынуждены в значительной степени согласиться с этим коммунистом в его оценке обстановки и характера войны. Прежде всего на нас произвела впечатление личность Пика, простота и убедительность его речи, его горячий патриотизм. Он не принадлежал к «безродной братии», как говорили нацисты и как это представлялось в нашем сознании.

Оглядываясь назад на эти июньские дни 1943 года, я хочу сказать, что разговор с Вильгельмом Пиком дал Паулюсу и мне сильные импульсы для переоценки наших взглядов. Эта беседа побудила нас к тому, чтобы выйти за рамки традиционного военного мышления, представлений об офицерской чести, солдатского послушания и поставить вопрос о политических взаимосвязях. Она впервые ясно показала нам необходимость активного сопротивления Гитлеру и продолжению войны.

В Суздале Пик пробыл более недели. Он и сопровождавший его поэт Иоганнес Р. Бехер часто беседовали с генералами и офицерами, в том числе с фон Зейдлицем, Латтманом, Корфесом, фон Ленски. На общем собрании военнопленных лагеря, в котором не участвовали генералы, Пик констатировал, что Германия уже не сможет выиграть войну. Заключать мир с Гитлером союзники не будут. Поэтому для спасения Германии существует только один путь: свергнуть Гитлера и немедленно прекратить войну. За это борется коммунистическая партия, и не только она одна. Она призывает всех честных немцев на родине, на фронте и в плену вести эту борьбу вместе с ней. Не должно быть никаких политических, мировоззренческих или профессиональных различий, которые препятствовали бы жизненно важному лозунгу единения всех противников Гитлера.

Лишь немногие военнопленные лагеря в Суздале одобряли тогда такие речи и беседы. Однако дальнейшее развитие показало, что лозунг Коммунистической партии Германии означал действительную альтернативу катастрофической политике гитлеровского режима. Коммунисты проявили решающую инициативу в создании немецкого антифашистского боевого фронта. И для немецких пленных офицеров и генералов, по крайней мере для некоторых из них, идеи, с которыми они познакомились в июне 1943 года, не пропали даром.

Трещины во «фронте генералов»

Наше пребывание в Суздале длилось примерно столько же, сколько и в Красногорске. Через два месяца, то есть в начале июля 1943 года, снова последовал приказ: «Генералам собираться в путь!»

Под вечер мы распрощались с полковником Новиковым. Снабженные провиантом, мы сели в автобус, обрадованные тем, что будем вне колючей проволоки. Для фельдмаршала Паулюса была приготовлена легковая автомашина.

После многочасовой поездки светлой теплой летней ночью мы снова остановились перед воротами лагеря — уже в третий раз за полгода пребывания в плену. Мы

прибыли в Войково, лагерь для пленных генералов. Начальником лагеря был пожилой полковник, говоривший по-немецки; к сожалению, я забыл его фамилию. Его заместителем был еще довольно молодой подполковник Пузырев. Врачом в лагере был доктор Мотов.

Ядром лагеря Войково являлся большой каменный помещичий дом. Напротив него находились второе здание, первый этаж которого также был из камня, и одноэтажная хозяйственная постройка. Самым красивым были большой парк со старыми деревьями и липовая аллея, которая вела через парк мимо жилых зданий, служивших ранее домами отдыха железнодорожников города Иваново.

Как и в Суздале, здесь, в лагере, был сначала 31 генерал: 22 немецких, 6 румынских и 3 итальянских. Мы жили вместе с фельдмаршалом в двух комнатах, генералам были предоставлены комнаты на одного, двух и нескольких человек. Мы были обрадованы хорошо обставленными столовой и залом для культурных мероприятий.

Здесь также имелась богатая лагерная библиотека. Некоторые генералы постепенно преодолели антипатию к политическим книгам. Кое-кто начал пересматривать свои взгляды. Внешне как будто бы проявлялось единодушие, но при ближайшем рассмотрении во «фронте» генералов все же можно было обнаружить увеличивающиеся трещины. Существовали противоположные мнения о целях войны Германии, о НСДАП и о Советском Союзе. Иногда различные точки зрения остро сталкивались. В первые недели после нашего прибытия в Войково обозначились три группы генералов. К первой из них относились те, кто искал новых путей и обсуждал, как избавить немецкий народ от проводившейся Гитлером катастрофической политики. Пожалуй, дальше всех зашли Латтман и д-р Корфес. Вторая группа внутренне порвала с Гитлером и его системой. Но она еще колебалась, делала много оговорок, не видела нового пути. К ней в то время я мог бы отнести фон Зейдлица, фон Лески, Вульца и себя самого. К третьей группе относились неисправимые, которые отчаянно держались за старое. Ею руководили генералы Гейтц, Роденбург, Шмидт, Спикт фон Арним. Они придерживались правила: до тех пор, пока мы живем вместе, мы позаботимся о том, чтобы все держались твердо.

Наконец, были генералы, позицию которых вообще трудно было определить. Они обычно не участвовали в спорах. В то время фельдмаршал Паулюс старался держаться в стороне от всех дискуссий. Он хотел успокоить страсти, укротить все чаще поднимавшиеся волны.

Уже в первые дни после нашего прибытия в Войково Шмидт был переведен в другой лагерь. Группа Гейтца, Роденбурга, Сикста фон Арнима сожалела об этом. Однако, кроме Роденбурга, у Шмидта не было настоящих друзей среди генералов. Поэтому его отъезд не очень затронул оставшихся.

При генеральском лагере, как называли Войково, была рабочая рота, состоявшая поровну из немецких, румынских и итальянских пленных. Она поставляла кухонный и обслуживающий персонал, а также ординарцев для генералов. Среди пленных немецких солдат было много таких, которые не только отреклись от Гитлера, но и высказывали мнение, что нужно открыто выступить против Гитлера и его войны. Эти солдаты организовали лагерную антифашистскую группу. Они не только привлекли на свою сторону большинство своих товарищей, но и призвали генералов к борьбе против Гитлера и его системы. Это наделало много шума. Как смеют солдаты так разговаривать с генералами! Генерал-полковник Гейтц больше всех неистовствовал и ругал этих коммунистов, как он их называл. Однако антифашисты не дали себя запугать. Будучи рабочими, крестьянами или ремесленниками в солдатских мундирах, они поняли гораздо быстрее, чем мы, что гитлеровская война не принесла немецкому народу ничего, кроме лишений и страданий, в то время как некоторые дельцы получали гигантские прибыли.

Дискуссия о Национальном комитете «Свободная Германия»

В середине июля по нашим рядам прокатилась буря негодования, вызванная новой газетой на немецком языке, которая распространялась в лагере, — газетой «Фрейес Дейчланд». Там было написано черным по белому, что 12 и 13 июля 1943 года в Красногорске под Москвой немецкими эмигрантами и военнопленными немецкими офицерами и солдатами, преимущественно из числа

сражавшихся под Сталинградом, был основан Национальный комитет «Свободная Германия». Несколько экземпляров газеты, которые мы получили, переходили из рук в руки. Основной интерес был вызван не содержанием манифеста к германской армии и германскому народу, а именами тех, кто его подписал. Каждый из нас находил имена офицеров и солдат, которых он знал, которых он когда-то ценил. Как могли они пойти вместе с коммунистами? Этого было достаточно, чтобы всех их предать проклятию. Одновременно было с удовлетворением констатировано, что речь шла почти исключительно о молодых офицерах, которые «легкомысленно нарушили свою присягу». Больше всех были взбудоражены генералы. Я тоже не был исключением. Могло показаться, что в оценке этого шага действительно имелось единодушие. Однако умы постепенно успокоились. Многие из нас начали более трезво смотреть на случившееся. Мы изучили содержание манифеста Национального комитета «Свободная Германия» к германской армии и немецкому народу. Чем больше я углублялся в него, тем больше вынужден был говорить себе, что подписавшие воззвание решились на этот необычный шаг вследствие сознания своей ответственности перед немецким народом и глубокой заботы о его будущем. Они исходили из того, что Гитлер вел Германию к гибели. Так, в манифесте говорилось:

«Никогда внешний враг не ввергал нас, немцев, в пучину бедствий так, как это сделал Гитлер.

Факты свидетельствуют неумолимо: война проиграна. Ценой неслыханных жертв и лишений Германия может еще на некоторое время затянуть войну. Продолжение безнадежной войны было бы, однако, равносильно гибели нации.

Но Германия не должна умереть! Быть или не быть нашему отечеству — так стоит сейчас вопрос.

Если немецкий народ вовремя обретет в себе мужество и докажет делом, что он хочет быть свободным народом и что он преисполнен решимости освободить Германию от Гитлера, то он завоюет себе право самому решать свою судьбу и другие народы будут считаться с ним. Это единственный путь к спасению самого существования, свободы и чести германской нации.

Немецкий народ нуждается в немедленном мире и жаждет его. Но с Гитлером мира никто не заключит.

Никто с ним и переговоров не станет вести. Поэтому образование подлинно национального немецкого правительства является неотложнейшей задачей нашего народа» [1].

Каждый вечер фон Ленски, Вульц, Роске и я ходили гулять по улице лагеря. Мы дискутировали о положении на фронтах, а также по поводу Национального комитета. В оценке военной ситуации мы были полностью согласны с манифестом и сообщениями, печатавшимися в газете «Фрейес Дейчланд». За полгода, прошедших со времени поражения на Волге, были потеряны Ливия и Тунис и главное — была проиграна битва под Курском. Семнадцать немецких танковых дивизий, усиленных 60-тонными танками «тигр» и 70-тонными самоходными артиллерийскими установками «фердинанд», повели наступление на участке фронта в 70 километров. Значит, одна танковая дивизия приходилась на четыре километра фронта! Еще никогда вермахт не сосредоточивал на ограниченном пространстве столько наступательной мощи! Однако немецкое летнее наступление 1943 года было сорвано Красной Армией за несколько дней. В ходе контрнаступления советские войска 4 августа освободили города Орел и Белгород и продолжали продвигаться дальше на запад *. Сколько понадобится времени, чтобы они достигли Харькова, даже Киева? Мы знали, что Германия не располагала резервами, которые можно было бы противопоставить наступавшим армиям противника. В манифесте совершенно правильно говорилось:

«Войска Англии и Америки стоят у ворот Европы. Близится день, когда на Германию обрушатся удары одновременно со всех сторон. Ослабленная германская армия, теснимая превосходящими силами противника, не сможет долго выдержать. Час ее крушения приближается!» [2]

Война безнадежно проиграна

В лагере были и такие генералы, которые думали, что война еще может закончиться «вничью», потому что немецкие армии достаточно сильны, чтобы отразить вторжение на западе. В этом случае Советский Союз был бы предоставлен сам себе и вынужден пойти на какой-либо ком-

промисс с гитлеровской Германией. Считалось также возможным соглашение с западными державами за счет Советского Союза. Оба мнения исходили из группы неисправимых. Уже в августе — сентябре 1943 года я считал такие предположения ошибочными, поскольку здесь желаемое явно выдавалось за действительное. Затем Тегеранская конференция в декабре 1943 года и события 1944 года полностью разбили такие «надежды».

После серьезного анализа я пришел к выводу, что война безнадежно проиграна. Из разговора с профессором Арнольдом у меня сложилось мнение, что Германия начала войну без всякой необходимости и тем самым взвалила на себя огромную вину. На основании своего горького опыта я считал, что Гитлер и его клика способны без колебаний совершить в отношении всего немецкого народа такое же преступление, какое они совершили по отношению к 6-й армии. Я полностью соглашался с лозунгами, которыми заканчивался манифест Национального комитета «Свободная Германия»:

«За народ и отечество! Против Гитлера и его преступной войны! За немедленный мир!

За спасение немецкого народа!

За свободную и независимую Германию!» [1]

Побольше гражданского мужества, господин полковник!

Итак, казалось бы, что уже тогда я должен был присоединиться к Национальному комитету «Свободная Германия» и активно участвовать в его работе. Я не сделал этого, потому что многого еще не решил. Так, меня чрезвычайно сильно беспокоил вопрос, имеют ли право военнопленные, находящиеся в лагере противника, действовать против верховного политического и военного руководства всей страны. Не увеличат ли они тем самым хаос, не будут ли способствовать разложению немецкого фронта, не подвергнут ли они опасности жизнь многих еще борющихся товарищей? Присяга и традиционное понимание офицерской чести мешали мне сделать этот шаг. Существенную роль играло мое отношение к фельдмаршалу Паулюсу, которого я уважал как человека и с мнением

которого я считался. Неужели я должен был нанести ему удар в спину? Я не чувствовал себя лично связанным ни с кем из тех, кто подписал манифест, я вообще не знал почти никого из них. Несмотря на глубокое впечатление, которое произвел на меня Вильгельм Пик, когда он приезжал в Суздаль, во мне все еще оставалось предубеждение против коммунистов в Национальном комитете.

Таковы были примерно мысли и проблемы, волновавшие меня в первые недели после создания Национального комитета. В сущности, я стоял перед лицом такого же конфликта, как и в период битвы в котле на Волге: должен ли я последовать голосу совести и активно противодействовать катастрофическому развитию событий? Или же я должен следовать военной присяге, обесцененной самим Гитлером, и тем самым быть соучастником катастрофы, грозящей моему народу? После сталинградского ада я должен был бы теперь выступить против главной и самой большой опасности для Германии — против Гитлера и его войны. Однако для этого, кроме понимания всех этих вопросов, нужно было иметь большое гражданское мужество. У меня оно было, но недостаточно для того, чтобы уже тогда, не считаясь с мнением других, на свою ответственность вступить в Национальный комитет «Свободная Германия».

Так блуждали мои мысли. Каждый вечер я спорил с близкими мне генералами. Я раздумывал и читал. Однако пока я не пришел к определенному решению.

Догадки о судьбе четырех генералов

Была середина августа. Я гулял в парке. Здесь я встретил Роске.

— Я искал вас, Адам. Вы уже знаете, что Зейдлиц, Латтман и Корфес покидают нас сегодня?

— Покидают? А что говорит по этому поводу Паулюс?

— Я еще не видел его. Да ведь лучше всего, если вы сами спросите его.

Фельдмаршал уже знал эту новость.

— Я предполагаю, — сказал он, — что дело связано с Национальным комитетом. Памятная записка Зейдлица и его позиции в окружении, вероятно, были известны не только многим нашим солдатам и офицерам, но и рус-

ским, а также, возможно, немецким эмигрантам. Но я убежден, что он и дальше останется верным нам. Потомок такой старинной солдатской семьи никогда не выступит в плену против главы своего государства.

В дверь постучали. Вошли генерал-полковники Гейтц и Штрекер.

— Нужно оказать на них давление, — без обиняков потребовал Гейтц. — Особенно на Зейдлица, так как он уже в котле призывал пренебречь приказами Гитлера.

Паулюс согласился с предложением. Правда, он не испытывал недоверия к Зейдлицу, но не считал беседу излишней.

Для этого был использован удобный случай. 22 августа Зейдлицу исполнялось 55 лет. Я сделал для него резной барельеф с изображением одной из сторожевых башен Суздальского монастыря. Паулюс собирался вручить Зейдлицу этот подарок от имени всех генералов, в том числе румынских и итальянских. Теперь по предложению Гейтца и Штрекера он решил передать Зейдлицу эту вещицу еще до его отъезда и сказать несколько предостерегающих слов.

Зейдлиц обрадовался подарку. Он сказал, что барельеф получился очень хорошо, и заверил Паулюса в том, что остающиеся могут на него положиться.

— Пусть эта башня, — закончил он, — будет для меня башней верности.

Генералы фон Зейдлиц, Латтман и д-р Корфес уехали. Среди нас начались догадки, куда они могли попасть, что они делают. Дистанцировались ли они и дальше от Национального комитета «Свободная Германия»? Такие же вопросы возникли, когда примерно через 14 дней лагерь покинул генерал-лейтенант Эдлер фон Даниэльс.

Тем временем к нам прибыли трое новых офицеров — полковники Бойе, Шильдкнехт и Петцольд. Они приехали из лагеря вблизи Москвы и были ожесточенными противниками Национального комитета. Они придерживались мнения: если бы было действительно необходимо свергнуть Гитлера, то это было бы задачей немецкого народа на родине и солдат на фронте.

— Если мы, военнопленные, выступим против Гитлера, то это будет изменой, — доказывали они.

Разумеется, это лило воду на мельницу генералов типа Гейтца, призывавших держаться до конца, которые

тогда оказывали еще сильное влияние на мышление всей группы генералов. Они пытались дискредитировать цели Национального комитета, утверждая, что призывать к таким действиям из безопасного плена — это дешевая уловка. В то время Паулюс тоже выдвигал аналогичные возражения, которые он сформулировал следующим образом: «Не создастся ли впечатление, что эти шаги предпринимаются под давлением русских? Геббельсу будет нетрудно объявить деятельность Национального комитета «Свободная Германия» коллаборационизмом или ударом кинжала в спину».

22 августа мысленно мы были с Зейдлицем. Где он, как проводит свой день рождения? Хотя в прошлом отношения между Паулюсом и Зейдлицем иногда омрачались отдельными столкновениями, все же фельдмаршал чувствовал себя тесно связанным с генералом, происходившим из старинного рода кавалеристов. Держаться вместе в это тяжелое время, в любом положении проявлять корпоративный дух — таков был девиз Паулюса. Не допускать того, чтобы кто-либо отделился, чтобы во «фронте» генералов была пробита брешь. Паулюс рассчитывал на сословное высокомерие, распространенное среди пожилых офицеров. «Зейдлиц сдержит свое обещание», — неоднократно говорил он генерал-полковнику Гейтцу, который, как бывший председатель имперского военного трибунала, видел в Зейдлице со времени его протестов в котле потенциального государственного преступника.

Боязнь новой «легенды об ударе кинжалом в спину»

Да, пробиваться к новым берегам было очень сложно, долго, трудно. Генерал-фельдмаршал напомнил нам об «ударе кинжалом в спину». Сам он сказал это не из личной ненависти к людям в Национальном комитете, а в силу своего воспитания. Легенда об ударе кинжалом в спину, выдуманная в Германии действительными виновниками первой мировой войны для поношения Ноябрьской революции и в целях подготовки реваншистской войны, занимала одно из центральных мест в более чем скромном идейно-политическом стандартном оснащении

работника генерального штаба в Веймарской республике. Старый генералитет, обладавший в лице президента Гинденбурга и в верхах рейхсвера решающими позициями власти, не был заинтересован в истине. Он хотел, чтобы забыли, что первая мировая война была проиграна в результате военного и экономического истощения Германии, и перевалил вину на «измену в тылу». Так, например, изучая раньше историю, я ни разу не встречал текста протокола совещания в главной ставке 14 августа 1918 года, когда статс-секретарь иностранных дел в присутствии кайзера, Гинденбурга, Людендорфа и других высоких особ из окружения Вильгельма II констатировал следующее:

«Начальник штаба действующей армии охарактеризовал военную ситуацию таким образом, что мы не можем больше надеяться сломить боевую волю наших врагов с помощью военных действий и что наше верховное командование должно поставить перед собой цель постепенно парализовать боевую волю врага путем стратегического отступления. Политическое руководство соглашается с этим мнением величайших полководцев, которых создала эта война, и делает из него политический вывод, что нам не удастся сломить боевую волю противника политическими средствами и поэтому мы вынуждены в дальнейшем считаться с этим военным положением при проведении нашей политики» [1].

Эти слова показывают коротко и ясно, что еще за три месяца до Ноябрьской революции Германия была уже не в состоянии выиграть войну ни военными, ни политическими средствами. Чтобы скрыть этот факт, в Третьей империи была официально санкционирована легенда «об ударе кинжалом в спину». Она вошла в книги по истории и распространилась в кругах профессоров. «Ноябрьские преступники» стали синонимом «национальной» измены и подвергались величайшему презрению.

Пришлось преодолеть все это нагромождение систематически вдалбливавшихся воззрений и оценок, прежде чем стало ясно, каким путем идти. Конечно, имелся великий исторический пример Штейна, Арндта, Клаузевица, Бойена, которые из России через головы продажных властителей обратились к совести немецкого народа и призвали к освободительной борьбе. Имелась Таурогенская конвенция от 30 декабря 1812 года, согласно которой

прусский генерал фон Йорк, не спросив своего короля, договорился с русским генералом фон Дибичем прекратить все военные действия между прусским корпусом и русскими соединениями.

В манифесте Национального комитета указывалось на эти исторические примеры. Действительно, в то время речь шла, по существу, о таких же проблемах и таких же конфликтах, какие стояли перед нами в 1943 году. Деятели 1812—1813 годов ради своего народа и отечества отказались повиноваться своему главе государства и действовали на свою ответственность, согласно со своей совестью и исторической необходимостью. Группа упрямцев в Войкове не хотела принимать это во внимание: «Эти люди не были военнопленными. Кстати, они заключили союз с царем, а не с «красными»». В последнем аргументе заключалась суть дела. Вечные завоеватели и милитаристы среди генералов не хотели иметь ничего общего с коммунистами. Они ненавидели их из принципа, они ненавидели их в силу своей классовой принадлежности. Они даже не собирались всерьез поинтересоваться тем, как коммунисты трактуют понятия нации, отечества, государства, войны.

В конце концов, все это тоже относилось к «корпоративному духу» и к «офицерской чести», которые провозгласил фельдмаршал Паулюс, опутанный сетью консервативного воспитания. Я, полковник среди генералов, запутался в этой неразберихе. Мне очень медленно удавалось освобождаться из нее.

Мнимая победа над делегацией Зейдлица

Однажды вечером, в первых числах сентября 1943 года, я читал в своей комнате. Внезапно кто-то просунул голову в дверь и попросил меня поскорее спуститься. На ходу я набросил китель. Внизу, около лестницы, я наткнулся на группу генералов, среди которых находились — я не поверил своим глазам — фон Зейдлиц и Латтман. Итак, они вернулись в Войково, промелькнуло у меня в голове. Но где же Корфес? Его не было, но зато я увидел полковника Штейдле и незнакомого мне до сих пор майора-летчика, которого Штейдле представил мне как фон Франкенберга.

Оба генерала и Штейдле сердечно поздоровались со мной, однако у меня было впечатление, что вся группа стоящих вокруг, в том числе генерал-полковник Штрекер, находилась в состоянии растерянности, даже в расстроенных чувствах. Генерал фон Зейдлиц попросил меня доложить о нем фельдмаршалу Паулюсу, что я тотчас же сделал.

Разговор Паулюса с Зейдлицем длился недолго. Когда по приглашению ординарца я вошел в комнату, фельдмаршал возбужденно ходил взад и вперед большими шагами.

— Что, снова произошла стычка? — спросил я.

— Нет, не это, но за несколько дней своего отсутствия Зейдлиц совершенно изменился. Он говорит о новых решениях, которые окрепли в нем во время бесед со сражавшимися под Сталинградом, а также и с недавно попавшими в плен офицерами, с немецкими эмигрантами и видными советскими генералами. Он говорил, что следует основать Союз немецких офицеров. Я не смог его раскусить. В заключение он попросил созвать всех генералов, чтобы подробно изложить перед ними то, что он рассказал мне лишь в общих чертах. Я хочу выполнить эту его просьбу. Обойдите лично всех генералов, я прошу их быть в столовой через полчаса.

Генералы бывшей 6-й армии собрались точно в назначенное время. Генерал фон Зейдлиц сидел на обычном месте, которое полагалось ему, согласно субординации, как бывшему командиру корпуса. Паулюс предоставил ему слово. Казалось, что это собрание, на котором преобладали отделанные красным и золотым генеральские мундиры, было наэлектризовано до предела, что каждое мгновение может произойти опасный взрыв. Особенно сердитые взгляды бросал вокруг себя генерал-полковник Гейтц. Казалось, он хотел пронзить имп полковника Штейдле и майора фон Франкенберга.

Генерал фон Зейдлиц начал с военного положения, которое для Германии со времени битвы на Волге быстро ухудшалось. Он указал на то, что рано или поздно американцы и англичане высадятся в Европе, и сделал вывод, что Германия не может выиграть войну. Я обратил внимание на то, что при этих словах по собранию прошел гул, и почувствовал, что Зейдлиц, говоривший свободно, теперь несколько сбился. Было видно, что он торопился

закончить свое выступление. Когда он призвал к сопротивлению Гитлеру, его речь была прервана многочисленными репликами присутствующих: «Неслыханно!», «Довольно!» Он сел, разочарованный, в то время как вокруг него разразилась буря негодования; на него посыпались даже личные оскорбления. Некоторые генералы направились к двери и хотели покинуть помещение.

Все это время Паулюс оставался спокойным и хладнокровным. Несколькими успокаивающими «Позвольте, господа!» ему удалось прекратить шум и добиться того, чтобы слово взял генерал-майор Латтман. Он также напомнил о поражениях немцев на фронте и о воздушной войне против Германии. Затем он затронул некоторые события на Волге. Генералы и войска в высшей степени доверяли верховному главнокомандующему. Но он принес их в жертву своему властолюбию, обрек на мучительную гибель лживыми, иллюзорными обещаниями. Я знал, что раньше Латтман был убежденным сторонником нацизма. Теперь в своем выступлении он сводил счеты со своим собственным жизненным путем, стремился пересмотреть свои взгляды. Он говорил очень эмоционально:

— Жестокая власть Гитлера, которая привела нас и наших родных к трагедии под Сталинградом, ввергнет весь немецкий народ в гигантскую сталинградскую катастрофу, если мы не встанем на ее пути. Поэтому генералы тоже должны покончить со своей сдержанностью и объединиться с единомышленниками для борьбы против Гитлера.

В отличие от Зейдлица Латтман смог закончить свою короткую речь без помех. Однако выражение лиц у генералов было по-прежнему мрачным. Когда затем полковник Штейдле обосновал необходимость создания Союза немецких офицеров, в цели которого входило свержение Гитлера, заключение перемирия, планомерный отход вермахта на границы рейха и отказ от всех завоеваний, начался настоящий шабаш ведьм. О том, чтобы договориться, нечего было и думать. Генерал-полковник Гейтц даже угрожал полковнику Штейдле пощечинами. Он накричал и на майора фон Франкенберга. Наряду с Гейтцем больше всех шумели Роденбург, Сикст фон Арним, Штрекер и Пфеффер. Группу вокруг Зейдлица называли предателями. Не удостоив их больше взглядом, генералы, ругаясь, вышли из зала.

Паулюсу был очень неприятен этот скандал. Кухонный персонал и ординарцы слушали все из буфета. Неужели им и руководству лагеря следовало показывать такой спектакль?

— То, что произошло сейчас в столовой, было более чем недостойным, — сказал он озабоченно, когда мы вернулись в свою комнату.

Дверь тут же открылась, и вошли Гейтц, Роденбург, Сикст фон Арним и Штрекер.

— Мы не желаем больше разговаривать с Зейдлицем и его спутниками, — сказал один из них.

— Мы не позволим поучать себя молодым людям вроде Латтмана, Штейдле и тем более этого Франкенберга, — добавил Гейтц, — но мы хотели бы продолжить наш разговор не в вашей комнате, а в парке.

Генералы и Паулюс вышли из комнаты. Я остался один и задумался об уроке «корпоративного духа» и «офицерской чести», который я получил сегодня вечером. Через четверть часа появился наш ординарец ефрейтор Эрвин Шульте.

— Господин фельдмаршал просит вас сойти вниз, — сказал он.

Несмотря на вечернее время, лагерь был похож на растревоженный пчелиный улей. Все было в движении. Генералы, жестикулируя, ходили взад и вперед по лагерной улице. Паулюс сделал несколько шагов мне навстречу.

— Генералы предлагают провести завтра после завтрака внутреннее совещание на лестнице в глубине парка. Все должны собраться там незаметно.

За этим происшествием последовала беспокойная ночь. На следующее утро я встал раньше обычного. Все генералы пунктуально собрались на завтрак. Царило предгрозовое настроение. Мы быстро поели.

Все постарались незаметно собраться в условленном месте в парке. После короткого, взволнованного обмена мнениями Сикст фон Арним сделал следующий вывод:

1. Мы отклоняем любое дальнейшее общение с Зейдлицем и его единомышленниками. Никто не будет с ними разговаривать. Тот, к кому они обратятся, не ответит им.

2. Связь Паулюса с Зейдлицем будет поддерживаться через полковника Адама.

3. Руководству лагеря будет представлено письмо, в котором мы выразим протест против пребывания группы Зейдлица в лагере и против дальнейшей вербовки в пользу Союза немецких офицеров или Национального комитета «Свободная Германия».

4. Подготовка письма поручается генерал-лейтенанту Сиксту фон Арниму.

5. Письмо будет подписано всеми офицерами лагеря.

Действительно, письмо было подписано всеми генералами. Я тоже поставил под ним свою подпись.

От фельдмаршала я получил неприятное задание вручить письмо лично коменданту лагеря. Я попросил дежурного офицера доложить обо мне и был тотчас же принят. Советский полковник молча взял бумагу. Я вышел.

Уже по дороге к начальнику лагеря у меня появилась мысль, что наше заявление, собственно говоря, является чистой провокацией. По Паулюсу тоже было заметно, что последние события были ему крайне неприятны. Непосредственно после скандального собрания он несколько минут спокойно беседовал с майором фон Франкенбергом. Мы знали, что члены группы Зейдлица имели короткие, но деловые беседы с отдельными генералами, например фон Ленски, Шлёмером и фон Дреббером. И вот теперь эта коллективная анафема, эта попытка объявить вне закона генерала фон Зейдлица и его спутников.

— Я все время раздумываю, господин фельдмаршал, — обратился я к Паулюсу, — правильно ли мы сделали, вручив письмо. Ведь Зейдлиц заверил вас и всех нас, что он приехал по собственному побуждению, следуя лишь своей совести и своей глубокой озабоченности судьбой Германии. Никто не поручал ему этого. А мы, военнопленные, обращаемся столь вызывающим образом к советским властям.

— Вы правы, Адам, я тоже еще раз все продумал. Мы действовали слишком поспешно.

— Интересно знать, как реагировал бы начальник немецкого лагеря, если бы советские военнопленные офицеры предъявили бы такие агрессивные требования?

— Подождем, что будет дальше, — сказал Паулюс, утомленный неприятными спорами.

Ничего не произошло. Вероятно, это свидетельство высокомерия и упрямства гитлеровских генералов было подшито к делу с улыбкой сожаления.

К чести Паулюса и наиболее порядочных из генералов следует сказать, что позднее фельдмаршалу удалось объявить недействительным этот недостойный документ. Каждому в отдельности было предоставлено право решать, какую политическую позицию он займет.

Генерал фон Зейдлиц и его спутники вновь уехали спустя два дня. Им не удалось склонить генералов в пользу создаваемого Союза немецких офицеров. Даже катастрофа на Волге не смогла оторвать этих «полководцев» от Гитлера. Они все еще преклонялись перед преступным верховным главнокомандующим и обвиняли в предательстве тех, кто хотел помешать новым преступлениям. Однако было бы неправильным рассматривать попытку этой инициативной группы Союза немецких офицеров как провал. Единодушие, «корпоративный дух» были лишь внешними. Именно полный ненависти истерический способ ведения спора закоренелыми упрямцами вызвал затем у трезво мыслящих генералов и у меня самого новые сомнения. Кого я, собственно, должен был ненавидеть? Гитлера и тех, кто, толкнув на гибель 6-ю армию, собирается теперь повести на бойню весь немецкий народ? Или же тех, кто требует свержения Гитлера, чтобы жила Германия?

Мой «прямой путь»

Я всегда воображал, что иду своим прямым путем. Я никогда не уклонялся, а безоговорочно применял свои силы там, где считал нужным. Другим я также где мог оказывал товарищескую помощь. Происходя из простой крестьянской семьи, я сделал свою военную карьеру не благодаря связям или интригам, а благодаря усердию, точности, исполнительности, старательности. Мне кажется, я всегда хорошо относился к подчиненным солдатам и офицерам и никогда не был трусом, даже если борьба шла не на жизнь, а на смерть. Без сомнения, все это относилось к моему «прямому пути».

Со времени ожесточенной битвы на берегу Волги и особенно в результате бесед в плену с такими людьми, как профессор Арнольд, Вильгельм Пик, подполковник Пузырев, не в последнюю очередь также в результате чтения литературы, размышлений и рассуждений во мне

росло понимание того, что мой «прямой путь» в одном существенном пункте был самообманом. Я ошибся в действительной цели этого пути, в ответах на вопросы «зачем?» и «куда?». Как солдат, я слепо повиновался приказу. Но верховным главнокомандующим был Адольф Гитлер. В его руках находилась такая огромная власть, какой не имел ни один глава германского государства со времен кайзера Вильгельма II. Он добился такой власти путем насилия, бросая в концентрационные лагеря сотни тысяч политических противников национал-социализма — коммунистов, социал-демократов, либералов, христиан, — хладнокровно уничтожая их или посылая на эшафот. Большинство населения было обработано в нужном духе с помощью изощренной национальной и социальной демагогии и участия в ложном экономическом расцвете, достигнутом в значительной мере за счет вооружений. Пушки, танки, бомбардировщики, истребители, подводные лодки, линейные корабли вырастали как из-под земли. Росли сухопутная армия, военно-воздушные силы и военно-морской флот. Гитлер вел себя все более заносчиво, угрожающе и грубо.

Германия распространила во всем мире атмосферу страха и ужаса. Еще никогда другие народы не боялись Furor Teutonicus * так, как в первые десять лет Третьей империи. Когда гитлеровская Германия сочла себя достаточно сильной, она напала на соседние страны, захватила их, использовала до последней возможности, присоединила к себе. Затем наступил перелом. Он начался с поражений вермахта в Советском Союзе зимой 1941/42 года, завершился уничтожением 6-й армии на Волге и поражением под Курском летом 1943 года.

Прошло уже полгода с того времени, когда в последнюю ночь в котле, в ночь с 30 на 31 января 1943 года, я размышлял над вопросами: «Когда началась сталинградская трагедия?», «Чем была моя жизнь?», «Счастье или несчастье Германии?». Теперь я многое видел яснее. Прежде всего мне стало ясно, что беззастенчивая гитлеровская политика силы и войны могла стать возможной лишь потому, что генералы «верно» служили Гитлеру, слепо подчинялись, активно помогали ему. Гитлер использовал мой «прямой путь» в целях ведения беспощадной захватнической войны, которая теперь обратилась против немецкого народа как ужасная Немезида.

Гитлер и его режим уничтожили все этические и правовые основы взаимоотношений между государственным руководством и народом, между командованием вермахта и вермахтом. Если Гейтц, Шмидт, фон Арним и другие генералы все еще сохраняли ему «верность», то тем самым они брали на себя тяжелую вину не только за несчастье, которое уже случилось, но и за все, что еще принесет с собой Молох войны.

Мой «прямой путь» вынуждал меня отойти от генералов, которые недавно устроили такой недостойный спектакль в своем неистовстве, направленном против попытки переоценки и переориентации, перешли всякие границы, от генералов, которые в своем упрямстве готовы были скорее обратить в развалины весь мир, чем честно разобраться в происходящем.

Я стыдился post festum *, что под влиянием «корпоративного духа» поставил свою подпись под коллективным приговором, предающим анафеме сторонников Союза немецких офицеров. Этого со мной больше не произойдет. Я решил более основательно, чем до сих пор, заняться изучением деятельности и целей Национального комитета «Свободная Германия» и будущего Союза немецких офицеров.

Советские цели войны

К сожалению, мое здоровье было подорвано, и несколько недель я лечился в связи с расстройством кровообращения. В порядке терапии я мог бы делать легкую работу, подумал я. Для штабс-офицера или генерала это было вовсе не так просто. СССР придерживался Женевской конвенции 1929 года, согласно которой эти офицеры освобождались от физической работы. Советский лагерный врач д-р Мотов, однако, подхватил мою мысль и распорядился, чтобы в парке мне выделили кусок земли, которую я стал обрабатывать совместно с несколькими генералами. Врач достал семян. Вскоре я смог разнообразить нашу еду салатом, морковью, огурцами и зеленью. Работа в саду способствовала тому, что впоследствии я вновь обрел физическое равновесие, которое было сильно нарушено нагрузкой и лишениями во время великой битвы. В результате трогательной заботы лагерного врача д-ра Мотова кризисное состояние здоровья удалось преодолеть.

Но я не превратился духовно в «только огородника». Этому мешали глубокие внутренние конфликты. Я остался усердным читателем лагерной библиотеки. В то время на меня произвело большое впечатление произведение Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Поднятая целина» Шолохова, «Хлеб» Алексея Толстого, «Энергия» Гладкова помогли мне понять глубокие изменения, в результате которых на развалинах старой царской России был создан социалистический Советский Союз. Эти книги ответили мне на некоторые вопросы, с которыми я столкнулся во время наступления 6-й армии в прошлом году: при виде научной лаборатории в степной деревне, огромных заводов в Сталинграде, сражающихся рабочих тракторного завода. Прежде всего они ответили на вопрос, который я часто задавал себе: что придает советскому солдату столько мужества, стойкости и боевого духа — качеств, которые безмерно удивляли нас? Как я постепенно понял, этому способствовало сознание советского человека, что он защищает свое отечество, ведет справедливую борьбу против врага, который вероломно напал на Советскую страну 22 июня 1941 года без объявления войны, чтобы присоединить ее к себе, свергнув социалистический государственный и общественный строй.

По всем этим проблемам я нашел в подполковнике Пузыреве охотного собеседника и терпеливого наставника. От него я услышал, что советского солдата и офицера, вообще каждого советского гражданина, воспитывают политически сознательным человеком. Он должен знать правду о том, что происходит во всем мире.

— Каждому красноармейцу, — говорил Пузырев, — известны, например, военные цели Советского Союза. Красная Армия сражается, чтобы изгнать немецких захватчиков из нашей страны и освободить Советский Союз. Наша освободительная борьба сливается с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Наша война приведет к уничтожению гитлеровской клики. Однако мы, советские люди, делаем различие между гитлеровской системой и немецким народом. Гитлер исчезнет и должен исчезнуть, но мы надеемся, что сможем снова жить в дружбе с немецким народом. Теперь вы понимаете, полковник Адам, в чем состоит наша политика?

Я молча кивнул.

— Но каковы же военные цели гитлеровского вермахта? Он хочет не только отнять нашу землю и наши богатства, он уничтожает сотни тысяч женщин, детей и стариков. Советских людей заклеймили как недочеловеков, как людей низшей расы. Вспомните приказ о комиссарах! Подумайте о том, что в Советском Союзе, в Польше и других странах фашистами организованы массовые убийства, что миллионы наших сограждан угнаны на принудительные работы в Германию! Разве перед лицом таких преступлений фашизма не ясно, где действительно следует искать недочеловеков?

— Это ужасно, подполковник Пузырев. Как сможем мы, немцы, когда-нибудь избавиться от этой грязи, от нашей вины?

— Вы можете это сделать, и вы лично, полковник Адам. Но вы должны мыслить не только по-иному, а и переосмыслить все, и притом радикально. Вы должны бороться за то, чтобы как можно скорее было покончено с этим грязным эпизодом в истории немецкого народа и была построена новая, лучшая Германия. Я думаю, вы должны начать с того, чтобы научиться самостоятельно политически мыслить и действовать, а не равняться на старших по званию и не ждать приказов.

— Это легче сказать, чем сделать. Знаете ли вы, что в кайзеровской армии, так же как в рейхсвере и в вермахте, солдат был и остается аполитичным? Любая политическая деятельность ему запрещена.

— Я это знаю. Многие немцы говорят: политика портит характер. При этом они опираются на высказывание великого Гете: политическая песня — скверная песня. Но я думаю, что в этом случае Гете толкуют очень односторонне. Может быть, вы подумаете о роли политики в вашей жизни и особенно в битве под Сталинградом? Результаты фашистской политики вы болезненно ощутили на собственной шкуре.

Не было ли парадоксом, что я брал подобные уроки у офицера армии противника? Я признаю открыто, что до сих пор благодарен советскому офицеру и всем, кто ставил передо мной проблемы и помогал мне по-новому все понять и осмыслить. Без них путь к новым берегам был бы для меня куда более длительным и болезненным. В результате таких разговоров и чтения политической

литературы я постепенно понял, что цепь немецких поражений в Советском Союзе была в первую очередь не следствием стратегических и тактических ошибок германского военного командования — хотя ошибок было очень много, — а закономерным результатом превосходящей советской стратегии и боевого духа Красной Армии, а также патриотизма и воли советского народа к обороне, которая не в последней степени проявилась в резком увеличении производства оружия, боеприпасов и предметов снабжения для фронта. С зимы 1941/42 года, когда Советский Союз начал преодолевать момент внезапности германского нападения, эти факторы стали действовать все сильнее. Начиная с 1942 года силы Советского Союза были полностью отмобилизованы. Первыми крупными результатами этого были германское поражение на Волге и разгром на южном крыле фронта в 1942—1943 годах.

Союз немецких офицеров создан

Лагерь Войково вновь забурлил, когда пришло известие о создании Союза немецких офицеров. 11 и 12 сентября 1943 года в Лупёве под Москвой собралось более ста делегатов от пяти офицерских лагерей, а также члены Национального комитета «Свободная Германия» и гости. Тяжелые поражения немцев на всех фронтах явились последним толчком для группы старших офицеров, которые начали действовать в духе движения «Свободная Германия». Инициатива Коммунистической партии Германии и ее Центрального Комитета, а также Национального комитета путем создания собственной организации облегчить офицерам присоединение к движению «Свободная Германия» и тем самым придать этому движению более широкую основу нашла благодатную почву.

После посещения генералов фон Зейдлица и Латтмана, полковника Штейдле и майора фон Франкенберга в Войкове были к этому готовы. В результате предания их анафеме все было определено окончательно. Теперь стало известно, что генерал фон Зейдлиц был избран председателем Союза немецких офицеров, генерал Эдлер фон Даниэльс, а также полковники Штейдле и ван Хоо-

вен — вице-председателями. Генерал-майоры и д-р Корфес и Латтман вошли в президиум союза. Чтобы обеспечить постоянное сотрудничество между Национальным комитетом и президиумом Союза немецких офицеров, несколькими днями позже генерал фон Зейдлиц был кооптирован в вице-председатели Национального комитета. Кроме того, состав Национального комитета «Свободная Германия» был расширен путем введения в него фон Даниэльса, Латтмана, д-ра Корфеса и нескольких других офицеров.

Когда мы узнали обо всем этом из газеты «Фрейес Дейчланд», задающая в Войкове тон группа снова подняла крик. Она опять подвергла остракизму Зейдлица, Даниэльса, Корфеса и Латтмана. Старик Пфеффер сердито воскликнул:

— Тем самым они окончательно отделились от нас. Мы не хотим больше иметь с ними ничего общего и будем их бойкотировать, где бы мы их ни встретили.

Паулюс, фон Ленски, Вульц и я не присоединились к этому вою. Паулюс дал понять, что лично он не согласен с предложенным Пфеффером бойкотом.

Союз немецких офицеров в своем документе «Задачи и цели» исходил из того, что глубокое сознание долга и чувство ответственности перед нашим народом должны побудить каждого офицера приложить все силы, чтобы спасти Германию от грозящей катастрофы. В соответствии с анализом Национального комитета Союз немецких офицеров заявлял:

«Война стала бессмысленной и безнадежной. Дальнейшее продолжение ее — исключительно в интересах Гитлера и его режима. Вот почему национал-социалистское правительство, действующее против блага народа и нации, никогда само не вступит на путь, который один только способен привести к миру.

Это сознание побуждает нас вступить на путь борьбы против губительного режима Гитлера, за создание правительства, опирающегося на доверие народа и располагающего достаточными силами. Таким образом, и с нашей стороны было бы сделано все, что сможет обеспечить нашей родине мир и счастливое будущее» [1].

Оставшиеся в живых военнослужащие 6-й немецкой армии приняли специальное Обращение к немецким генералам и офицерам, к народу и армии:

ван Хоовена и Штейдле, а также генерала фон Зейдлица были проникнуты честным стремлением спасти Германию, пока еще не поздно.

Лозунг: отход к имперским границам

Несколько дней спустя Национальный комитет и руководство Союза немецких офицеров опубликовали свои требования: «Организованный отвод армии к границам рейха под командованием сознающих свою ответственность руководителей вопреки приказу Гитлера!»[1] Это означало, что вопреки приказу Гитлера вермахт должен был под командованием своих генералов организованно отойти к границам рейха и тем самым продемонстрировать, что он отмежевывается от захватнических планов Гитлера и как крупнейшая в Германии вооруженная сила намерен смести Гитлера и установить мир.

Национальный комитет и Союз немецких офицеров постоянно повторяли это требование с сентября 1943 до начала 1944 года через мощные говорящие установки, листовки, личные письма, радиопередачи и газету «Фрейес Дейчланд». Так, в одной из листовок, изданных в октябре 1943 года, говорилось:

«Национальный комитет приходит к следующему выводу: у армии нет другого пути спасения, кроме организованного отхода на границы рейха. Однако такой организованный отход невозможен без смещения Гитлера как верховного главнокомандующего. Вермахт вышел в поход как гитлеровская армия, он возвратится назад без и против Гитлера или не возвратится вообще.

Поэтому руководство Национального комитета «Свободная Германия» обращается

к генералам: требуйте смещения Гитлера, могильщика рейха и вермахта, как верховного главнокомандующего! Организованно отводите войска назад! Предотвращайте опасность того, что ваши солдаты вскоре бросятся обратно на родину самовольно и деморализованно!

к офицерам и солдатам: требуйте немедленного отвода армии! Исполнитесь сознания, что вы будете носителями оружия свободы нашей новой Германии!»[2]

Претворение в жизнь этого лозунга предоставило бы Германии с политической и военной точек зрения большие возможности. Национальная катастрофа была бы предотвращена, миллионы жизней сохранены, не были бы разрушены немецкие города. Мир получил бы доказательство того, что в самой Германии имелись мощные силы, которые покончили — хотя и поздно — с режимом и политикой Гитлера. Исходные позиции для мирного договора и строительства новой Германии были бы несравнимо более благоприятными, чем после дальнейших пятнадцати месяцев войны.

Напрасно! Правда, Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров были услышаны на германском фронте и частично в Германии. Безусловно, их слова предостережения вызвали раздумья, предохранили некоторых солдат и офицеров в безвыходном положении от смерти, опровергли хвастливые военные сводки фашистского генерала от пропаганды Дитмара и измышления Геббельса о том, что Советская Армия не берет пленных. Однако большого успеха достигнуто не было. Немецкий генералитет так же хорошо, как и руководство Национального комитета, понимал неотвратимость военного поражения Германии. Однако он следовал приказам Гитлера, будь то из фанатизма или от недостатка гражданского мужества.

Недостаток гражданского мужества, политическая неграмотность и другие наслоения прошлого в то время мешали и мне следовать своей совести и активно присоединиться к Союзу немецких офицеров. Так же как и генерал-майоры фон Ленски и Вульц, с которыми я подружился, я был согласен с целями Национального комитета. Но у нас имелись возражения против пути, по которому он шел; мы оказались в замкнутом кругу. Тем временем в начале сентября генерал-лейтенант Шлёмер покинул лагерь Вёйково.

Для большинства из нас это не было неожиданностью. В плену Шлёмер был всегда неразлучен с фон Даниэльсом. Мы называли их Макс и Мориц. Вероятно, оба генерала уже давно договорились о том, чтобы присоединиться к движению «Свободная Германия» и вступить в Союз немецких офицеров. Генерал Шлёмер, кстати как и генерал фон Дреббер, в качестве гостя присутствовал на учредительном собрании союза.

Другие генералы едут в Лунёво

В начале осени стояла холодная и неприветливая погода. Лишь изредка удавалось посидеть на скамейке в парке. Ежедневные прогулки стали короче. Работа в саду в этом году также закончилась. Для того чтобы скоротать время, я вырезывал из дерева шахматные фигуры, портсигары, курительные трубки и другие вещи, доставлявшие маленькую радость то одному, то другому. Из картона сигаретных коробок были сделаны карты, так что в долгие вечера мы могли сыграть в скат или в «допелькопф» *. Многие дневные часы посвящались книгам, художественной и политической литературе, а также изучению русского языка, в чем нам любезно помогал советский лагерный переводчик.

Однако мучившие вопросы не получали своего разрешения. Что стало с нашей родиной, с нашими близкими? Пожалуй, ничто не соответствовало так моему тогдашнему настроению, как строки Генриха Гейне:

> Как вспомню к ночи край родной,
> Покоя нет душе больной... [1]

В эти месяцы нас покинул генерал Ганс Вульц, бывший начальник артиллерии IV армейского корпуса. Он решился порвать с фальшивым сообществом генералов в Войкове, призывавших держаться до конца. Он уехал в Лунёво, местонахождение Национального комитета «Свободная Германия». Неожиданно в путь собрались генералы Роске и Роденбург. Что касается Роске, то я полагал, что он также решил вступить в Союз немецких офицеров. Во всяком случае, в беседах в узком кругу он занимал деловую, благоразумную позицию. Действительно, он установил связь с Национальным комитетом, однако вскоре заболел и вернулся в Войково. Он также подтвердил, что Роденбург вступил в Союз немецких офицеров и сотрудничает в Лунёве с Зейдлицем. В лагере это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Роденбург, бастион «продолжателей войны», — член Союза немецких офицеров! Неужели он действительно переборол себя?

Позднее генерал-лейтенант Роденбург был разоблачен как сообщник оберштурмбанфюрера СС Губера, который попал в плен на Волге как обер-лейтенант батальона

самоходных орудий. Губеру удалось из лагеря Елабуга попасть в число работников Национального комитета. Летом 1944 года Роденбург и Губер хотели уговорить капитана Штольца и лейтенанта д-ра Вилимцига, прикомандированных к фронтовому уполномоченному Национального комитета, перебежать на сторону вермахта. Они должны были сообщить гестапо подробности о деятельности, составе и местонахождении Национального комитета. Хорошо законспирированный план, который в случае его удачи мог дискредитировать Национальный комитет в глазах Советского правительства, удалось разоблачить в самом начале. Главная вина за эту попытку диверсии пала на генерала Роденбурга. Он был исключен из Союза немецких офицеров.

Совершенно неожиданно группа неисправимых генералов потеряла своего предводителя. Генерал-полковник Гейтц, закаленный солдат со здоровым аппетитом, который каждый день проходил в лагере пять километров, часть из них бегом, заболел. После временного улучшения его состояние ухудшилось. Он совершенно исхудал. Были вызваны профессора из Иванова и из Москвы. Они установили рак. Генерал-полковник был переведен в одну из московских больниц, однако спасти его не удалось, поскольку болезнь уже зашла слишком далеко. Вскоре он умер.

Мой друг Арно фон Ленски

Весной 1944 года мой друг Арно фон Ленски вступил в Союз немецких офицеров. Все, и особенно я, считали его благородным человеком. Всегда открытый и приветливый с каждым, кто действительно испытывал угрызения совести, он был откровенен и прям в своем суждении о тех, кто надменно держался за старое, фальшивое, губительное и избегал честной дискуссии. Генерал-майору фон Ленски, бывшему кавалерийскому офицеру, происходившему из старинного аристократического офицерского рода и крепко связанному с прусско-германской армией, было особенно трудно освободиться от укоренившихся традиционных взглядов, сделать шаг, неслыханно революционный для его кругов. Однако то, что он его

сделал, выявило его духовную сущность, его большую искренность и способность критически мыслить. Арно фон Ленски был моим лучшим товарищем в тяжелых духовно-нравственных конфликтах того времени, человеком, на чье участие и сочувствие я мог рассчитывать в любой трудной ситуации.

Со времени основания Национального комитета и Союза немецких офицеров мы оба следили за постоянно ухудшавшимся военным положением Германии. 6 ноября 1943 года Киев, столица Украины, был освобожден советскими войсками. Еще раньше, 3 сентября, безоговорочно капитулировала Италия. 26 ноября 1943 года в Москве состоялся салют по поводу освобождения Гомеля. В январе 1944 года Красная Армия прорвала германский фронт под Ленинградом, Новгородом, у озера Ильмень и на реке Волхов — везде на большую ширину и глубину.

Вальтер Ульбрихт сравнивает с 1918 годом

В конце января 1944 года Национальный комитет «Свободная Германия» на пленарном заседании подробно проанализировал положение на фронтах. Вместе с фон Ленски мы изучали выступления членов комитета и его решение. Прежде всего мне стало ясно проницательное сравнение Вальтера Ульбрихта с положением в 1918 году, знакомое мне еще по его статье, опубликованной в октябре 1943 года в газете «Фрейес Дейчланд».

«Каково положение германской армии к началу зимы? — спрашивал он. — У Гитлера нет больше почти никаких резервов... К тому же германский военно-воздушный флот так ослаблен, что не в состоянии защитить даже немецкие промышленные районы. Без сомнения, ситуация Германии и германской армии более тяжелая, чем в 1918 году» [1].

Затем он процитировал, что писал тогдашний начальник штаба действующей армии генерал-фельдмаршал фон Гинденбург в своей книге «Из моей жизни»:

«Все меньше становилась численность германских войск, все больше становились бреши в оборонительных позициях» [2].

«У нас уже больше нет новых сил, как у врага. Вместо Северной Америки у нас усталые союзники, которые определенно идут к падению.

Сколько еще времени наш фронт сможет выдержать эту ужасную тяжесть? Передо мной вопрос, самый тяжкий из всех вопросов: «Когда мы придем к концу?»» [1].

Тогда Гинденбург не видел больше возможности выиграть войну. Однако он знал также, что союзники не согласились вести переговоры с кайзером Вильгельмом II и тогдашним правительством войны. Совместно с Людендорфом он потребовал немедленного создания нового правительства; об этом он писал в своей книге следующее: «Все эти вопросы обуревают меня и заставляют принять решение — найти конец. Разумеется, конец с честью. Никто не скажет, чтобы это было слишком рано» [2].

Однако в 1918 году правительство, верное кайзеру, вышло в отставку не сразу. Тем временем военная катастрофа становилась все более очевидной. Вальтер Ульбрихт констатировал, что Гинденбург, до мозга костей преданный кайзеру, все же имел мужество наглядно показать своему верховному главнокомандующему, что военная политика обанкротилась, и потребовать создания нового правительства, с которым противники Германии были бы готовы вести переговоры. Такое же требование давно стоит перед военачальниками Гитлера, которые имеют в руках власть, чтобы свергнуть гитлеровское правительство в соответствии с волей народа и армии.

Вальтер Ульбрихт заканчивал свою статью следующими словами:

«Чем сплоченнее и смелее народ и армии будут действовать в духе Национального комитета «Свободная Германия», тем скорее станет возможным устранить гитлеровское правительство и добиться мира на основе свободы и национальной независимости немецкого народа» [3].

Лозунг: переход на сторону Национального комитета

Так же как фон Ленски и даже Паулюс, с которым я беседовал о проведенном Ульбрихтом сравнении 1944 года с 1918, я не мог оставаться глухим к этой аргументации. Мы были болезненно разочарованы тем, что не замечалось

никакого значительного отклика, никаких серьезных выводов со стороны хотя бы одного военачальника или какого-либо старшего офицера вермахта. Казалось, они намеревались служить Гитлеру до полной катастрофы армии и народа. Этот факт отразился и на движении «Свободная Германия». Верный Гитлеру генералитет явно не думал о том, чтобы принудить его к отставке и добиться перемирия путем организованного отвода вермахта на границы рейха. Поэтому нельзя было поддерживать дальше прежний лозунг. Чтобы дать возможность многим солдатам и офицерам спасти жизнь, чтобы способствовать скорейшему окончанию войны, безнадежно проигранной, но требовавшей ежедневно все новых потоков крови и огромных материальных жертв, в январе 1944 года Национальный комитет выдвинул новый лозунг: «Прекращение боевых действий и переход на сторону Национального комитета «Свободная Германия»» [1].

В первый момент я был потрясен, прочитав об этом изменении тактики Национального комитета. Разве она не означала ликвидацию фронта, призыв к разложению, организации хаоса?

Снова дни и ночи я раздумывал над этими вопросами и обсуждал их с фон Ленски и Паулюсом, однако затем пришел к выводу, что этот лозунг Национального комитета при настоящем положении вещей указывал немецким солдатам и офицерам на фронте единственно возможный, подходящий выход. Ведь хаос и разложение вермахта начались уже давно. В этом был повинен не Национальный комитет, а исключительно Гитлер и его генералы, призывавшие держаться до конца. Тот, кто, находясь на Восточном фронте, хотел спастись, должен был стать на путь, указанный движением «Свободная Германия».

Тегеранская конференция

Меня занимал еще и другой вопрос. В декабре 1943 года лидеры Советского Союза, США и Великобритании встретились в Тегеране. Они недвусмысленно заявили:

«Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым

столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу...

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим» [1].

Решимость союзников бороться до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии вновь привела в ярость консервативную группу в Войкове. По понятным причинам она попыталась спять ответственность за это решение с германского фашизма и переложить ее на Национальный комитет. Но кто же, собственно, вел войну?

Гитлеровский вермахт или Национальный комитет «Свободная Германия»?

Кто объявил о ее тотальном характере — Геббельс или Вейнерт?

В результате тупоумной, исполненной ненависти болтовни большинства неисправимых генералов в Войкове последние остатки традиционных связей между ними и генералом фон Ленски, мною и несколькими другими ищущими постепенно прервались. Конечно, нам было тоже нелегко смотреть в глаза суровой действительности. Но могли ли мы ожидать чего-либо иного после всего того, что произошло? И мы не имели никакого права требовать гарантий.

Однако лично я был твердо убежден, что безоговорочная капитуляция означала не уничтожение или порабощение германского народа, а устранение раз и навсегда гитлеровского государства, гитлеровского вермахта, гитлеровской политики.

Снова в Красногорске

После отъезда фон Ленски из Войкова Паулюс сказал мне:

— Интересно, как поступите вы. Собственно, можно было ожидать, что вы уедете с Ленски. Ведь я знаю вашу

позицию. За последний год я тоже многое обдумал. Если вы хотите вступить в Союз немецких офицеров, не отказывайтесь от этого из-за меня. Мы все равно останемся хорошими друзьями, какими стали за годы совместных боев и конфликтов.

— Я оставлю вас только в том случае, если буду очень нужен где-нибудь в другом месте, господин фельдмаршал.

Это произошло раньше, чем думали мы оба. В начале июля 1944 года я выехал в Красногорск.

Через несколько дней после меня туда прибыли офицеры, незадолго до этого попавшие в плен в Крыму.

Среди других я познакомился с начальником штаба пехотной дивизии, имени которого я не помню. Прежде всего я спросил у него, какое впечатление произвела гибель 6-й армии под Сталинградом на немецкий народ.

— Официально считается, что вы все погибли. Сам Гитлер неоднократно говорил об этом. В начале февраля прошлого года был объявлен трехдневный национальный траур. Имперское радио передало сообщение немецкого летчика, который будто бы пролетал в последний час над Сталинградом. Он утверждал, что видел, как универмаг, в подвале которого находился Паулюс со штабом армии, взлетел на воздух. Издалека было видно, как дым от взрыва заволок небо. В иллюстрированных журналах появились рисунки, изображавшие, как Паулюс и несколько штабс-офицеров среди трупов отстреливаются из автоматов до последнего патрона. Во многих речах, сообщениях печати, радиопередачах вам был создан ореол славы. Мы все желали отомстить за вашу смерть.

— Да, но скажите, разве не просочились слухи, что Паулюс, Зейдлиц, Даниольс и многие другие живы?

— Это так, — ответил начальник штаба, — но это происходило постепенно и лишь по частям. Пожалуй, и теперь еще на родине никто не знает всей правды о судьбе 6-й армии. Те же сведения, которые имеются, получены от Национального комитета «Свободная Германия».

— Но ведь мы уже в течение полутора лет регулярно пишем домой открытки, — заметил я.

— Случайно я знаю, что они доходят в Германию. Но возможно, вы помните бывшего адъютанта XI армейского корпуса. Он был назначен начальником штаба по расформированию сталинградской группы войск. Он доверительно рассказал мне, что открытки пленных из-под

Сталинграда по приказу Гитлера не разрешено передавать семьям. Они хранятся в одном из фортов Шпандау.

— Но ведь это безграничная подлость. Я сожалею, что вы не можете рассказать этого в лагере Войково, где часть генералов упорно утверждает, что русские задерживают открытки Красного Креста.

Ко времени пребывания в Красногорске относится также моя первая встреча с Отто Рюле, моим будущим другом и соавтором этой книги. Во время прогулки по лагерю № 27 меня приветствовал молодой офицер. По диалекту мне показалось, что он мой земляк из Гессена, и я спросил его, откуда он родом. Выяснилось, что он настоящий шваб. В котле мы часто находились рядом, он на дивизионном медицинском пункте 305-й пехотной Боденской дивизии, позднее в полевом госпитале LI армейского корпуса в центре Сталинграда, я на командном пункте армии. Я узнал также у Отто Рюле, что он попал в плен 30 января 1943 года, примерно в 300 метрах от универмага, на противоположной стороне Красной площади*. Уже год назад он присоединился к Национальному комитету «Свободная Германия». Я был рад знакомству с этим симпатичным вюртембержцем, однако еще не знал, что четыре года спустя мы станем близкими друзьями.

Покушение 20 июля 1944 года

Я ожидал возможности встретиться и побеседовать со своим другом Арно фон Ленски. Мне хотелось еще раз коротко поговорить с ним перед тем, как вступить в Союз немецких офицеров. За полтора года жизни в плену я привык к тому, что некоторые внешне простые вещи требуют долгого времени. Русским стандартным выражением этого являлось слово «будет», которое мы так часто слышали. Итак, я запасся терпением, проводя время за чтением, гуляя, беседуя.

21 июля 1944 года, когда я сидел как раз у открытого окна моей комнаты, я услышал, что военнопленным было предложено собраться на улице лагеря. Я тоже вышел на улицу и сел на скамью у входа в бревенчатый дом, где я жил. Взволнованный переводчик с «Правдой»

в руках стал перед строем и громко прочитал, что 20 июля на Гитлера было совершено покушение. Во время оперативного совещания в ставке близ Летцена * полковник генерального штаба граф Шенк фон Штауффенберг подложил бомбу. Гитлер, а также несколько генералов были легко ранены. Старший адъютант, генерал Шмундт, был убит.

Как и я, все собравшиеся пленные офицеры и солдаты затаили дыхание. Штауффенберга я немного знал, так как он бывал в штабе 6-й армии. Когда было названо его имя, я вскочил и подошел ближе к переводчику, чтобы не пропустить ни слова. Итак, пронеслось у меня в голове, на родине все же имелись силы, которые сделали выводы из катастрофической политики Гитлера и начали действовать.

В душе я был рад тому, что вступал в Союз немецких офицеров в то самое время, когда на родине проявилось открытое сопротивление Гитлеру. Я с нетерпением ожидал дальнейших известий. Я был удовлетворен тем, что среди бунтовщиков, кроме Штауффенберга, были такие люди, как фельдмаршал фон Витцлебен, генерал-полковник Бек, генералы Фелльгибель, Ольбрихт, полковники Финк, Мертц фон Квирнгейм и другие. Я был разочарован, что с помощью послушных ему генералов и офицеров, а также эсэсовцев Гитлеру удалось сравнительно легко подавить мятеж и учинить кровавую расправу над заговорщиками. Несомненно, их главной ошибкой было то, что они надеялись устранить Гитлера в результате узкого государственного переворота в отличие от Национального комитета «Свободная Германия», который в массах народа и армии видел силу, способную свергнуть Гитлера и создать действительно национальную, миролюбивую и демократическую Германию. Так, например, в 11-м пункте опубликованных Национальным комитетом «Свободная Германия» в марте 1944 года «25 пунктах к окончанию войны» говорилось:

«Национальный комитет принимает наследие, каким бы тяжелым оно ни было. Он принимает его с гордым чувством долга. Потому что это является поистине национальной задачей. Он принимает его с полной уверенностью в успехе. Потому что он верит в силу нашего народа. Презренными являются малодушные, которые своим бездействием показывают, что они больше не верят в свой

народ. Мы знаем: народу нужны жизнь, мир, восстановление, счастье. Мы знаем: миллионы людей готовы сейчас же покончить с проигранной войной, если они увидят силу, которая выведет их из нее. Мы призываем их: вперед, Германия не погибнет, если мы не дадим ей погибнуть, если у нас хватит мужества освободить ее от Гитлера» [1].

Член Союза немецких офицеров

Незадолго до 20 июля генерал фон Зейдлиц разыскал меня в Красногорске. Он проинформировал меня о ходе военных действий на центральном участке Восточного фронта. Красная Армия за 14 дней на фронте шириной 300 километров продвинулась на запад более чем на 350 километров. С начала наступления она вернула территорию, равную по величине Голландии, Бельгии и Швейцарии, вместе взятым. За период до 9 июля 1944 года в плен попали еще 14 немецких генералов, четверо погибли. Положительным было то, что впервые сложило оружие крупное соединение — остатки XII армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Винценца Мюллера. В конце июля 1944 года число генералов, попавших в плен на центральном участке, возросло до 26 человек, кроме того, по меньшей мере 15 генералов погибли. Группа армий «Центр» была разгромлена *. От Чудского озера до Галиции вермахт откатывался на запад под ударами Красной Армии. Уничтожение немецкой армии, которое Национальный комитет предсказывал со времени своего основания, шло полным ходом.

Арно фон Ленски, разыскавший меня на следующий день, оформил мое вступление в члены Союза немецких офицеров. Теперь, сделав этот шаг, я почувствовал внутреннее облегчение. Оглядываясь назад, я вижу, что мой путь от окончания битвы в окружении на Волге до открытой, активной борьбы против Гитлера был слишком долгим и полным противоречий. Мне пришлось преодолеть много препятствий, чтобы прийти к правильным теоретическим выводам о военном, политическом и моральном положении гитлеровской Германии. Правда, в Сталинграде Гитлер и его режим разоблачили себя как

система циничного презрения к людям и подлого предательства. Однако лично я считал, что иду своим «прямым путем». Неужели теперь мне придется стать изменником? Имел ли я право подвергать опасности своих родных на родине? Мог ли я бросить фельдмаршала, которого я так уважал? Ответы на эти вопросы требовали времени. Кроме того, долгий путь требовался для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом я, военнопленный офицер, могу способствовать свержению Гитлера и что будет потом.

И даже тогда, когда теоретически эти противоречивые проблемы сделались мне ясными, требовалось еще кое-что. Самое решающее, может быть, даже самое трудное — гражданское мужество. Это было не то же самое, что отвага на войне. За отвагой на войне прямо или косвенно стоит приказ вышестоящей командной инстанции. Гражданское мужество, необходимое для того, чтобы выступить за Германию против Гитлера, не могло опираться ни на какой подобный приказ. Как раз наоборот, оно означало отказ от подчинения таким приказам. Оно опиралось на голос совести и здравого рассудка.

В последующие дни я встретился и беседовал по различным вопросам с генералами фон Зейдлицем, Латтманом, д-ром Корфесом и фон Ленски. Я очень обрадовался, узнав, что Паулюс едет из Войкова в Москву. Спустя несколько дней мы с Зейдлицем навестили его. Наш разговор был чрезвычайно дружеским. Паулюс был рад вырваться из затхлой атмосферы Войкова. Сообщение о покушении на Гитлера вызвало возмущение у большинства генералов, однако некоторые все же почувствовали себя менее уверенно. Фельдмаршал открыто высказал свои симпатии по отношению к Национальному комитету «Свободная Германия» и Союзу немецких офицеров. Я попрощался с ним, уверенный, что мы можем рассчитывать на его сотрудничество в ближайшем будущем.

Деятели Национального комитета «Свободная Германия»

Лунёво, резиденция Национального комитета «Свободная Германия» и президиума Союза немецких офицеров, стало теперь для меня на два года местом пребывания

и деятельности. Я вступил в более тесное общение с генералами и офицерами, которых я уже знал: генералом Вальтером фон Зейдлицем, солдатом до мозга костей, который еще в окружении восстал против Гитлера; генерал-майором д-ром Отто Корфесом, историком, который еще во время наступления 1941 года был против массовых расстрелов заложников и евреев; генерал-майором Мартином Латтманом, бывшим убежденным национал-социалистом, который увидел, что его идеалы были осмеяны и преданы Гитлером; генерал-майором Арно фон Лепски, моим близким другом, бывшим кавалерийским офицером; полковником Луитпольдом Штейдле, стоящим близко к организации «Католическое действие», бесстрашным командиром полка; инженерами майором Карлом Гетцем и майором Гербертом Штеслейном; майором Гейнрихом Хоманном, сыном гамбургского судовладельца; майором Эгбертом фон Франкенбергом, офицером-летчиком из старинного офицерского рода; майором Германом Леверенцем, секретарем Союза немецких офицеров. Среди других членов и сотрудников Национального комитета, с которыми я теперь познакомился, были ефрейторы и солдаты Ганс Госенс, д-р Гюнтер Кертшер, Макс Эмендёрфер, Гейнц Кесслер, Рейнгольд Флешхут и Леонгард Гельмшротт — в мирное время рабочие, служащие, крестьяне. Важное место в работе движения «Свободная Германия» занимала группа священников вермахта, среди них католические священники Иозеф Кайзер, Петер Мор и д-р Алоис Людвиг, а также евангелические — Иоганнес Шредер, Николай Зеннхсен, Маттеус Клей и д-р Фридрих Вильгельм Круммахер. От д-ра Круммахера я узнал, что он был старшим консисторским советником церковного ведомства по внешним вопросам в Берлине. Осенью 1943 года он попал в плен под Киевом. После отступления немецких войск советская Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что за время оккупации было расстреляно, повешено или отравлено газом более 195 тысяч невинных жителей Киева — мужчин, женщин, детей и стариков. Фридрих Вильгельм Круммахер видел часть эксгумированных трупов в Бабьем Яре, на окраине Киева. Потрясенный этими чудовищными злодеяниями фашизма, евангелический дивизионный священник Круммахер примкнул к движению «Свободная Германия». Прежде чем я прибыл в Лунёво, он и 24 других священника обратились

с воззванием к христианам на фронте и на родине, в котором говорилось:

«С безграничной самонадеянностью Гитлер разжег пожар этой войны, с циничной откровенностью объявил захват и насилие над другими странами целью войны. В этих гибельных целях он заставляет — без всякого нравственного права, лишь для продления господства насилия — миллионы немецких солдат истекать кровью на фронте, а цветущие города, женщин и детей на родине подвергает уничтожению в результате воздушной войны. Он позорит честь немецкого имени беспримерными злодеяниями в оккупированных странах, кровавым террором по отношению к собственному народу...

Вы не должны больше молчать! Потому что молчание означает соучастие и предательство заветов Христа и своей церкви. Долг каждого христианина — открыть соблазнителям и соблазненным божеский суд и божескую заповедь. Долг каждого христианина — покаяться в послушании заповедям всевышнего, иметь чистую совесть и незапятнанную честь. Однако лишь пассивно ожидая чуда, этого не может сделать ни один немец и ни один христианин! Со всей силой нашей христианской веры отрешитесь от настроения гибели и тупого отчаяния, боритесь с молитвой в сердце, с помощью свободного слова и решительного дела за немедленный мир, за свободу и спасение нашего народа. От вас зависит, чтобы одновременно с приговором, который человечество вынесет Гитлеру, не был вынесен приговор немецкому народу. Свергнув Гитлера, вы должны проложить немецкому народу путь в новое будущее. Поэтому присоединяйтесь — как это сделали мы — к борьбе немецкого освободительного движения! Боритесь и сражайтесь вместе с нами в народных комитетах движения «Свободная Германия»! Они несут освобождение и обновление Германии! Никакая присяга не может помешать такой борьбе, потому что ваша присяга, принесенная именем бога, обязывает вас лишь к служению нашему народу. Исход этой борьбы за жизнь нашего народа решается повседневно на фронте и на родине. Поэтому противопоставляйте антихристинскому и губительному для народа национал-социализму жизнь, полную действенной христианской веры!» [1]

С течением времени я встретил в Лупёве и тех, кто путем эмиграции избежал концентрационных лагерей или

смерти, грозившей им как коммунистам в гитлеровской Германии, и нашел убежище в Советском Союзе. Таким был председатель Национального комитета «Свободная Германия» писатель Эрих Вейнерт. Его имя вместе с именами Вальтера Ульбрихта и Вилли Бределя встречалось мне в листовках во время битвы на Волге.

В Войкове в руки мне попал томик его стихов. Одно из них произвело на меня большое впечатление:

Германия миру — враг оголтелый,
Но какая Германия — вот в чем дело!
Мы знаем, Германии разные есть:
Проклятья с одной, с другой наша честь.
Одну прикарманил Гитлер себе,
Другая верна своей славной судьбе.
Бесчестной Германии не бывать,
Германии новой из праха восстать!
Идя против первой Германии в бой,
Мы приближаем победу второй.
И тот, кто целится в нас теперь,
В Германию правую метит, поверь.
Тому, кто отказывается стрелять,
Мы руку, как брату, готовы подать.
С кем он, каждый должен решить!
О Германии речь! Мы не можем терпеть.
Чтоб под флагом ее Гитлер сеял смерть.
Тех, кто слепая игрушка приказа,
Мы проклянем, как чуму и проказу!
Тот, кто с убийцей, — тот виноватый!
Вместе с убийцей дождется расплаты!
Есть две Германии. Солдат, докажи,
Какою Германией ты дорожишь!
Тот, кто трусит, медлит и ждет,
В бесславной могиле конец свой найдет! *

За это время я прочел также кое-что написанное Вилли Бределем и другим членом комитета Фридрихом Вольфом, врачом и писателем из Штутгарта. «Твой неизвестный брат» Бределя открыл мне многое из истории антифашистского движения Сопротивления в Германии, о котором я почти ничего не знал. «Профессор Мамлок» Вольфа одновременно и взволновал меня, и вызвал чувство стыда. А ведь совсем недавно я старался убедить себя в том, что преследования евреев нацистами хотя и достойны сожаления, однако не перечеркивают всерьез успехов Гитлера.

---

* Перевод с немецкого Георгия Ашкинадзе.

Я немного знал Иоганнеса Р. Бехера по его визиту в Войково в 1943 году. С его творчеством я познакомился только в Лунёве. Особенно полюбилось мне его глубокомысленное стихотворение «Где была Германия...»:

Как много их, кто имя «немец» носит
И по-немецки говорит... Но спросят
Когда-нибудь: скажите, где была
Германия в ту черную годину,
Пред кем она свою согнула спину,
Свою судьбу в чьи руки отдала?
Назвать ли тех Германией мы вправе,
Кто жег дома и землю окровавил.
Кто, опьянев от бешенства и зла,
Нес гибель на штыке невинным детям
И грабил города?.. И мы ответим:
— О нет, не там Германия была!
Но в казематах, в камерах закрытых,
Где трупы изувеченных, убитых
Безмолвно проклинают палачей.
Где к правому суду взывает жалость,
Там новая Германия рождалась.
Там билось сердце родины моей!
Оно стучало за стеною мшистой,
Где коммунист плевал в лицо фашисту
И шел на плаху, твердый, как скала.
В немом страданье матерей немецких,
В тоске по миру и в улыбках детских —
Да, там моя Германия была!
Ее мы часто видели воочью.
Она являлась днем, являлась ночью.
И молча пробиралась по стране.
Она в глубинах сердца созревала,
Жалела нас и с нами горевала,
И нас будила в нашем долгом сне.
Пускай еще в плену, еще в оковах —
Она рождалась в наших смутных зовах.
И знали мы, что день такой придет:
Сквозь смерть и гром, не дожидаясь срока,
Мир и свобода явятся с Востока,
И родину получит наш народ!
Об этом наши предки к нам взывали,
Грядущее звало из светлой дали:
— Вы призваны сорвать покровы тьмы!
И не подвластны оголтелой силе,
Германию мы в душах сохранили
И ею были, ею стали — мы! *

Наиболее зрелыми и опытными в политическом отношении были, несомненно, депутаты рейхстага Вильгельм

* Перевод с немецкого Л. Гинзбурга.

Пик, Вальтер Ульбрихт и Вильгельм Флорин. Своим выдающимся анализом и точными выводами они направляли всю работу Национального комитета «Свободная Германия». Они, руководящие представители рабочего класса, были в любое время готовы к личным беседам, своими советами помогали выяснять личные сомнения и проблемы, интересуясь в то же время нашим мнением и нашим опытом.

Таким образом, в Национальном комитете стояли рядом рабочие и генералы, писатели и солдаты, крестьяне и служащие, священники двух вероисповеданий и профсоюзные деятели, врачи и учителя, короче, «люди всех политических взглядов и направлений, которые еще год тому назад сочли бы невозможным такое объединение» [1]. Мне импонировало то, что в этом широком антифашистском фронте, несмотря на все различия социального происхождения, вероисповедания и политических взглядов, велась борьба за достижение общей цели, за то, чтобы, свергнув Гитлера, предотвратить катастрофу и открыть путь к новой, действительно демократической, миролюбивой Германии.

На заседании Национального комитета

3 августа 1944 года я принял участие в пленарном заседании Национального комитета «Свободная Германия». В качестве гостей были приглашены генералы, незадолго до этого попавшие в плен на центральном участке фронта. Шестнадцать из них, в том числе генералы Фелькерс, барон фон Лютцов, Винценц Мюллер, Бамлер и Голльвитцер, в Обращении от 22 июля 1944 года отреклись от Гитлера. «Борьба против Гитлера — это борьба за Германию» [2], — обратились они к немецким генералам и офицерам на Восточном фронте.

Генеральская форма резко выделялась среди скромной штатской одежды руководителей рабочего движения и писателей. Одухотворенное лицо Вильгельма Пика, голова которого поседела в борьбе с фашизмом и войной, виднелось рядом с молодыми лицами Гейнца Кесслера и Макса Эмендёрфера. Рядом с узким лицом издателя лейтенанта Бернта фон Кюгельгена возвышалась упрямая голова

руководителя горняков из Рурской области Густава Соботки. Антон Аккерман, профсоюзный деятель из Хемница, беседовал с обер-лейтенантами Фрицем Рейером и Эберхардом Харизиусом. Я заметил Вальтера Ульбрихта и капитана д-ра Эрнста Хадермана — друга моей юности по Гессену. Актер Густав фон Вангенгейм разговаривал с преподавателем средней школы в офицерском мундире, обер-лейтенантом Фрицем Рюккером. Вероятно, здесь, в столовой лагеря Лунёво, собралось около 60—80 человек. Единственной женщиной — членом Национального комитета «Свободная Германия» была Марта Арендт из Берлина, депутат рейхстага от КПГ.

Председатель Эрих Вейнерт открыл собрание. Генерал-майор Латтман сделал анализ военной обстановки, сложившейся после разгрома Красной Армией группы армий «Центр». Национальный комитет предсказывал правильно. Гигантскими шагами война приближалась к восточным границам Германии. Если наконец не будет покончено с Гитлером и его войной, всему немецкому народу угрожал Сталинград.

В ходе дискуссии к выдвинутым Латтманом положениям были сделаны различные дополнения. Один из выступавших обрисовал на основании писем из рейха и сообщений военнопленных последствия воздушной войны для Германии. В результате массированных налетов английских и американских бомбардировщиков немецкие города превращались в пепел и руины. Много стариков, женщин и детей было погребено под развалинами. Генерал пехоты Фелькерс, старший по званию среди гостей, громким голосом сообщил о том, как были уничтожены немецкие корпуса и дивизии на центральном участке фронта. Затем, под аплодисменты присутствующих, генералы Фёлькерс, Голльвитцер, Гоффмейстер, фон Лютцов, Мюллер, Траут, Энгель и Кламмт заявили о своем вступлении в Союз немецких офицеров.

При сообщениях о положении в тылу и на фронте мое сердце обливалось кровью. Ведь в Войкове, за несколько сотен километров отсюда, были генералы, обзывавшие предателями тех, кто хотел помешать ужасной катастрофе, кто призывал к свержению режима, который толкал в пропасть народ и нацию.

После этого заседания мне хотелось побыть одному. В дальнем конце парка я нашел скамью и погрузился

в размышления. Все, что я услышал, болезненно затронуло меня и еще больше укрепило в решении бороться против Гитлера, за свободную Германию.

Выводы генерал-лейтенанта Винценца Мюллера

В последующие дни я имел несколько бесед с новоприбывшими генералами. К сожалению, при беседе с некоторыми из них я не мог отделаться от чувства, что их поворот произошел слишком быстро, слишком поверхностно. Правда, все они ругали Гитлера. Но почти никто не упоминал о том, что сам-то он до последнего времени повиновался его приказам. Почти никто не говорил о том, как должна выглядеть новая Германия. Исключением среди них был генерал-лейтенант Винценц Мюллер. Еще будучи офицером рейхсвера, он познакомился в отделе генерала фон Шлейхера с политикой различных националистических и милитаристских групп в Германии. Ему были известны подробности того, как велась подготовка к войне, а также захватнические цели фашистов. Вопреки принципиальному запрету Гитлера он, как заместитель командира XII армейского корпуса, отдал 8 июля 1944 года приказ о капитуляции, благодаря чему спас жизнь тысячам своих солдат, окруженных к востоку от реки Птич. Честно и до конца Винценц Мюллер осознал свое прошлое.

В противоположность большинству заговорщиков 20 июля 1944 года, которые сознательно не привлекли народные массы, Винценц Мюллер защищал идею народной борьбы против гитлеровского режима. В то время как круги, группировавшиеся вокруг Герделера, и большинство принимавших участие в покушении военных были настроены антисоветски и даже думали о том, чтобы после устранения Гитлера прекратить войну только на Западе, но продолжать ее на Востоке, генерал-лейтенант Мюллер высказывался за полное доверия сотрудничество со всеми народами, прежде всего за прочную дружбу с Советским Союзом.

Винценц Мюллер был самым последовательным среди немецких генералов, попавших в плен на центральном

участке фронта в 1944 году. К подписанию Обращения 50 генералов в декабре 1944 года он отнесся очень серьезно. В газете «Фрейес Дейчланд» и в передачах радиостанции «Свободная Германия» он изложил смысл и цель этого обращения. Например, 17 декабря он выступил со следующим комментарием:

«Будучи на фронте, при всех наших сомнениях, мы все же верили лживой пропаганде национал-социалистского руководства, не допуская мысли, что нацистские руководители государства способны без колебаний обречь свой народ на гибель. В то время в силу ограниченности нашего кругозора мы еще не понимали всей безнадежности сложившегося положения. Именно поэтому мы не могли и не решались установить соответствующие контакты друг с другом и с нашими подчиненными и перейти к совместным действиям.

Предательство Гитлера обрекло германские войска, мужественно и неуклонно исполнявшие свой долг, на многочисленные поражения, которые не только убедили нас в том, что развязанная Гитлером война уже проиграна, но и показали, сколь тяжким преступлением против нашего народа и народов всего мира она является сама по себе.

Пятьдесят генералов, обращающихся из русского плена к немецкому народу, сами являются свидетельством катастрофических масштабов наших поражений, тщательно скрываемых до сих пор от немецкого народа. Никто не понуждал их выступать с этим обращением, в котором они единодушно и с полной ответственностью заявляют о безнадежности нашего положения. Это в свою очередь доказывает, что только свержение Гитлера и преступного террористического режима национал-социалистов откроет нам путь к миру, спасению немецкого народа и созданию новой, демократической Германии» [1].

Винценц Мюллер привлекал меня своей откровенностью и прямотой. И теперь я с удовольствием вспоминаю некоторые очень важные для меня встречи с ним в Лупёве, которые заложили основу наших позднейших дружеских отношений.

Я неоднократно беседовал также с генералом Гоффмейстером. Как-то он упомянул, что слышал рассказы вылетевшего из сталинградского котла начальника инженерной службы армии.

— Полковника Зелле? — спросил я.

— Да, его звали так. В столовой своего бывшего батальона в Гамбурге-Гарбурге он рассказывал офицерам и другим посетителям о преступном легкомыслии, с которым верховное командование послало на гибель 6-ю армию. Вероятно, кто-то донес на него. Он был арестован и попал в тюрьму Шпандау. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Мне было жаль Зелле. Однако его попытка назвать основных виновников их действительными именами заслуживала всяческого уважения.

Фельдмаршал Паулюс выступает против Гитлера

8 августа 1944 года, в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен генерал-фельдмаршал фон Витцлебен, фельдмаршал Паулюс отказался от сдержанности, которую он проявлял более полутора лет. Вечером он выступил в передаче радиостанции «Свободная Германия». Волнуясь, мы сидели в Лунёве перед радиоприемниками. И вот раздался хорошо знакомый мне голос:

«События последнего времени сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве... Для Германии война проиграна.

В таком положении Германия оказалась... в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера. К тому же методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера приспособляют отвращением каждого настоящего солдата и каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес.

Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответственность.

Германия должна отречься от Адольфа Гитлера и установить новую государственную власть, которая прекратит войну и создаст нашему народу условия для дальнейшей жизни и установления мирных, даже дружественных отношений с нашими теперешними противниками» [1].

14 августа 1944 года фельдмаршал заявил о своем вступлении в Союз немецких офицеров. Несколькими днями позже, 22 августа, он подробно объяснил свой шаг на пленарном заседании Национального комитета «Свободная Германия».

На этом заседании генерал фон Зейдлиц сделал доклад о работе Национального комитета за истекший год. Многосторонность задач поразила меня: разъяснительная работа на фронте с помощью звуковещательных станций; листовки и личные письма немецким командирам; беседы с военнопленными на сборных пунктах непосредственно за линией фронта; вербовка и разъяснительная работа во всех лагерях военнопленных; издание газеты «Фрейес Дейчланд» и иллюстрированного издания; радиопередачи, которые велись из Москвы и часто ретранслировались различными европейскими станциями.

Военное положение Германии становилось совершенно хаотическим. Уже на следующий день Румыния вышла из войны. Балканский фронт был разгромлен, немецкие войска в Греции и на острове Крит были отрезаны. Красная Армия продвинулась далеко в глубь территории Венгрии. Группа армий «Южная Украина» была разбита, группа армий «Север» в составе 350 тыс. человек была окружена. На западе союзники, высадившиеся в Северной Франции в июне 1944 года, продвигались вперед*. В ближайшее время театром военных действий должна была стать территория Германии. Национальный комитет, всеми силами желавший помешать такому развитию событий, вновь заявил, что только совместная борьба армии и народа может смягчить катастрофу. После основательного обсуждения дальнейших задач Национального комитета, в ходе которого Вальтер Ульбрихт особо остановился на вопросе о роли вермахта на новом этапе борьбы, 13-е пленарное заседание приняло в этом духе обращение: «Повернуть оружие против Гитлера!», главной идеей которого было требование: «В противоположность гитлеровской тотальной войне — тотальная война народа против Гитлера!» Это был новый призыв присоединиться к национальному народному фронту. Эта же тема пронизывала и проходившее два месяца спустя 14-е пленарное заседание, в центре внимания которого стоял реферат генерал-лейтенанта Винценца Мюллера «Фольксштурм, ultimo ratio** гитлеровских банкротов».

Для меня тоже началась работа — я писал для газеты «Фрейес Дейчланд» и выступал по радио на разные темы. В это время я познакомился с адвокатом д-ром Лотаром Больцем, происходившим из Глейвитца.

В соответствии со своими наклонностями и знаниями я сотрудничал также в комиссии Национального комитета по культуре, где среди прочего обсуждались и выяснялись вопросы будущих культурных преобразований в Германии. Аналогичные комиссии, руководимые членами Национального комитета, имелись по экономике, праву, социальной политике. Но больше всего я занимался самообразованием. Каждую неделю в Лунёве был день лекций и дискуссий. Немецкие политические и профсоюзные деятели, писатели, советские доценты, профессора и офицеры предлагали широкую тематику. Более всего мне не хватало политических знаний и способности к политическим суждениям. Я все более чувствовал это при каждом докладе Пика, Ульбрихта или Вейнерта. Однако и идеологические вопросы, по которым выступали Бехер, Вольф или Бредель, каждый раз обогащали меня.

В Лунёве я познакомился со всеми областями деятельности Национального комитета, в том числе и с организационно-воспитательной работой в лагерях военнопленных. Везде имелись уполномоченные Национального комитета. Периодически из Лунёва в лагеря направлялись на несколько дней делегации, чтобы оказать там помощь и дать указания. На митингах, в кружках и в беседах военнопленных знакомили с задачами и целями Национального комитета «Свободная Германия», с положением на фронте и на родине, с политическими и историческими проблемами. Оказывалось содействие культурной самодеятельности в хорах, любительских драмкружках, оркестрах, а также развитию спорта. Сюда же относились вопросы трудовой дисциплины на производстве и вопросы гигиены и лагерного распорядка. К июлю 1944 года в солдатских лагерях десятки тысяч человек уже присоединились к движению «Свободная Германия». Ежедневно в Лунёво поступали все новые списки с подписями. Более трудной была работа в лагерях для военнопленных офицеров. Случалось, что неисправимые фашисты, объединившись в террористические группы, всеми средствами

пытались помешать работе лагерного актива. Несмотря на это, под влиянием катастрофического военного положения Германии росло также число офицеров, присоединявшихся к Национальному комитету «Свободная Германия». Даже в генеральском лагере Войково большинство «сталинградских» генералов, долгое время относившихся к этому отрицательно, теперь решили сотрудничать с Национальным комитетом.

Не менее важной, до окончания войны даже более актуальной задачей являлась работа Национального комитета на фронте. На каждом участке фронта Красной Армии имелся специальный уполномоченный, назначенный исполнительной комиссией Национального комитета. В его распоряжении находились военнопленные солдаты и офицеры, работавшие в качестве доверенных лиц при штабах советских армий и дивизий.

Они вели главным образом устную и печатную пропаганду, причем преобладали листовки. В некоторых из них излагались цели Национального комитета и содержался призыв к сдаче в плен большими группами. В других разоблачался характер войны и гитлеровского режима, рассказывалось о советском плене и на основе положения на данном участке фронта доказывалась бессмысленность сопротивления. Определенную роль играли также личные письма, пересылавшиеся генералам и командирам с отпущенными назад военнопленными.

Таким же важным средством воздействия были звуковещательные станции различной мощности и дальности действия. Передачи были такого же содержания, что и листовки, но в большей мере учитывали непосредственные события на фронте.

Все чаще отдельных военнопленных отсылали назад. Прежде всего это показывало, что, вопреки геббельсовской пропаганде, советский плен существовал. Большинство из них получало задание организовывать группы сторонников Национального комитета в вермахте и приводить их в условленное время к фронтовому уполномоченному.

Фронтовые уполномоченные использовали результаты всей этой деятельности, беседовали с новыми военнопленными и на сборных пунктах вели разъяснительную работу о плене и военном положении. Они направляли всю работу на своем участке фронта, подготавливали для

доверенных лиц листовки, тексты передач и информации. Они поддерживали также связь с Национальным комитетом в Лунёве.

Уроки Корсунь-Шевченковского котла

Неоднократно в особых случаях Национальный комитет и президиум Союза немецких офицеров посылали на фронт свои представительные делегации. Так, в начале февраля 1944 года генерал фон Зейдлиц в сопровождении генерал-майора д-ра Корфеса, майора Леверенца и капитана Хадермана выехал к Корсунь-Шевченковскому котлу, чтобы оказать поддержку группам под руководством полковника Штейдле и лейтенанта фон Кюгельгена, работавшим там по заданию Национального комитета. Семьдесят пять тысяч немецких солдат были окружены, и их ожидала верная смерть, если они своевременно не капитулируют. Генералы и офицеры бывшей 6-й армии со всей силой убеждения обратились к военачальникам и окруженным войскам, ситуация которых становилась все более похожей на ситуацию в Сталинграде.

Между тем командование в котле захватил эсэсовский генерал Гилле. Он отдал безумный приказ о прорыве из окружения. Удалось прорваться лишь нескольким тысячам человек*. На поле боя осталось 55 тысяч немецких солдат и офицеров, 18 тысяч сдались в плен, причем большая часть тотчас же присоединилась к немецкому освободительному движению.

Битва под Корсунь-Шевченковским имела важное значение для дальнейшей работы Национального комитета и Союза немецких офицеров. Оказалось, что военачальники вермахта все еще выполняют приказ Гитлера: «Мы никогда не капитулируем!» Мыслящий более трезво командир корпуса Штеммерман был арестован генералом войск СС Гилле. Подтвердилось то, что Национальный комитет констатировал еще на своем 6-м заседании в январе 1944 года, а именно, что нельзя рассчитывать на отход немецких войск на границы рейха под руководством генералов. В последней фазе битвы в Корсунь-Шевченковском котле был впервые провозглашен лозунг: «Прекращение боевых действий и переход на сторону Национального комитета «Свободная Германия»!»

Многочисленные показания пленных подтвердили, что о существовании Национального комитета и Союза немецких офицеров известно почти всему личному составу вермахта на Восточном фронте. Радиостанцию «Свободная Германия» слушали многие в тылу и на фронте. Всех особенно интересовали передачи, в которых сообщались имена попавших в советский плен военнослужащих вермахта и зачитывались приветы от них родным и знакомым. Было чрезвычайно важно, чтобы на фронте и в тылу узнали, что в Советском Союзе живут многие тысячи немецких пленных. Благодаря этому десятки тысяч солдат, сдавшись в плен, спасли свою жизнь, тогда как, не зная, что русские щадят пленных, и оказавшись в безвыходном положении, они искали бы смерти.

Военные действия на немецкой земле

Осенью 1944 года Восточная Пруссия стала полем боя. На западе фронт также проходил уже по немецкой территории. Это была, так сказать, предпоследняя минута перед тем, как война охватила всю немецкую землю. В это время, 8 декабря 1944 года, 50 военнопленных немецких генералов собрались в Озерках, в загородном доме под Москвой, тогдашней резиденции Паулюса. По поручению Национального комитета Вальтер Ульбрихт рассказал о военном положении. У меня было удобное место, и я мог хорошо видеть внимательных слушателей. Как меняется время, подумал я. Разве прусско-германскому генералу могло прийти в голову, что руководители коммунистов более точно предскажут будущий ход войны, чем весь германский генералштет, вместе взятый! Этот человек еще два года назад, во время Сталинградской битвы, предостерегал нас. Вражеская пропаганда, думали мы тогда. И как он оказался прав!

Было обсуждено обращение к народу и вермахту, подготовленное группой генералов. Многие присутствовавшие заявили о своем согласии с текстом обращения, мотивировав это личным опытом и оценками. Были высказаны предложения о различных мелких изменениях. В итоге генерал фон Зейдлиц констатировал единодушное одобрение. Первым подписался генерал-фельдмаршал

Паулюс. За ним последовали 49 остальных генералов. Сколько горя и несчастий избежал бы немецкий народ, если бы слова обращения подействовали в предпоследнюю минуту:

«Немецкий народ! Подымайся на спасительный подвиг против Гитлера и Гиммлера, против их губительного режима!

В единении — твоя сила! В твоих руках — и оружие для борьбы!

Освободись сам от этого безответственного и преступного государственного руководства, толкающего Германию на верную гибель!

Кончай войну, прежде чем совместное наступление объединенных сил противника уничтожит немецкую армию и то последнее, что еще осталось у нас на родине!

Нет такого чуда, которое могло бы нам помочь.

Немцы! Мужественной борьбой восстановите перед всем миром честь немецкого имени и сделайте первый шаг к лучшему будущему!» [1]

В январе 1945 года наступление Красной Армии на Висле положило начало финалу второй мировой войны. Через несколько месяцев закончилась битва за Берлин. Советская Армия водрузила знамя победы над рейхстагом. Верховное командование вермахта безоговорочно капитулировало 8 мая 1945 года перед Советским Союзом и его западными союзниками. Гитлер и его шеф пропаганды Геббельс покончили самоубийством.

За несколько недель до этого пришла весть, которая тяжело потрясла меня и некоторых лунёвских товарищей: прекрасный город Дрезден с его неповторимыми памятниками архитектуры в ночь с 13 на 14 февраля 1945 года был обращен в пепел и руины; десятки тысяч людей всех профессий и всех возрастов были похоронены под развалинами. Печальная слава этого варварского уничтожения принадлежала американским и английским бомбардировщикам. Не было никакой военной необходимости превращать открытый крупный город на Эльбе в море огня. В военном отношении исход войны был предрешен. С востока к городу приближались Советские вооруженные силы. Ни один советский самолет не сбросил ни одной бомбы на эту Флоренцию на Эльбе. Швейцарские газеты писали тогда, что англичане и американцы хотели помешать тому,

чтобы Дрезден в целости попал в руки Красной Армии. В Лунёве мы пришли к тому же мнению. Город на Эльбе был важным транспортным узлом. Очевидно, западные державы хотели затормозить быстрое продвижение Красной Армии к сердцу Германии. Террористический налет на Дрезден был еще одним звеном в цепи недружественных актов империалистических кругов Англии и Америки по отношению к советскому союзнику, важнейшим из которых явилась длительная оттяжка открытия второго фронта на Западе. Тогда еще были посеяны семена той политики западных держав по отношению к их социалистическому товарищу по оружию, которые в послевоенные годы принесли недобрые всходы холодной войны.

История подтверждает правоту Национального комитета

Последние месяцы войны были особенно трудными для меня и моих товарищей. Сердце обливалось кровью, когда я слышал в ежедневных фронтовых сводках, как война, разрушая и уничтожая, все дальше продвигалась в глубь Германии; как детей и стариков бессмысленно гнали на убой в гитлеровском фольксштурме. И что самое главное — не нашлось ни одного генерала, который обладал хотя бы минимальным чувством ответственности по крайней мере теперь, когда час уже давно пробил, отдал бы приказ о прекращении безумного сопротивления вермахта. Конец Германии был похож на конец немецких армий на Волге, только в гигантских масштабах. Человеческие жертвы и материальные потери, которых это потребовало, были столь велики, что превзошли мои самые худшие опасения. Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, к сожалению, оказались правы, когда они около двух лет назад призвали народ и вермахт: покончите с Гитлером и войной или вы будете вовлечены в величайшую катастрофу в истории Германии!

Работая с 1962 по 1964 год над этой книгой, я и мой друг Отто Рюле не только оживили в памяти события этого трудного времени, но и еще раз изучили внима-

тельно все важнейшие документы о целях и борьбе Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Мы намеренно процитировали некоторые из них, чтобы читатель смог сам составить себе представление о деятельности немецкого антигитлеровского объединения, проникнутого глубоким чувством ответственности по отношению к народу и нации. Мы намеренно не стали разбирать клевету, которую распространяют определенные круги, далеко не случайно избравшие Западную Германию местом своего пребывания. К ним относится и гильдия пишущих мемуары гитлеровских генералов, которые пытаются обелить себя, переложив всю вину на самоубийцу Гитлера. Другие близки к ним. Все вместе они стремятся затушевать историческую правду, заставить забыть их собственную вину и собственную несостоятельность и тем самым подготовить почву для третьей мировой войны. Если два раза не удалось, попробуем в третий раз, без Гитлера, но зато с американцами! Есть только одна-единственная «кнопка», и это «красная кнопка», — заявил Франц-Иозеф Штраус, один из самых яростных сторонников так называемой стратегии переднего края, стратегии возродившегося в Западной Германии милитаризма. Однако нельзя ли поспокойнее! Соотношение сил в мире и в Германии теперь настолько изменилось в пользу социализма, что западногерманские милитаристы, в случае если бы они спровоцировали войну, были бы разбиты, так сказать, на исходных позициях. По крайней мере часть союзников Бонна уяснила это себе, что выражается в их скепсисе и колебаниях по отношению к западногерманскому партнеру. Однако решающим является позиция и борьба населения Западной Германии. Оно должно обуздать милитаристов, пока не поздно. Эта книга свидетельствует о том, на что они способны!

Если применить выражение Шиллера «история и есть всемирный суд» * к генералам германского милитаризма, то они навсегда пригвождены к позорному столбу. Вопреки рассудку они привели немецкий народ к национальной катастрофе. С другой стороны, всемирный суд истории объявил активных немецких борцов против фашизма и милитаризма носителями национальной свободы, справедливости и достоинства. Движение «Свободная Германия» занимает почетное место в немецком антифашистском движении.

Какая Германия?

По мере приближения войны к концу все больше значения и места занимал в наших дискуссиях вопрос: какой должна быть новая Германия? Основные принципы были перечислены еще в манифесте Национального комитета «Свободная Германия» от 13 июля 1943 года:

«Наша цель — свободная Германия.

Это означает:

Сильную демократическую власть, которая не будет иметь ничего общего с бессилием веймарского режима, демократию, которая будет беспощадно в корне подавлять всякую попытку каких бы то ни было новых заговоров против прав свободного народа или против европейского мира.

Полную отмену всех законов, основанных на национальной и расовой ненависти, всех унижающих наш народ порядков гитлеровского режима, отмену всех мероприятий гитлеровской власти, направленных против свободы и человеческого достоинства.

Восстановление и расширение политических прав и социальных завоеваний трудящихся, свободы слова, печати, организаций, совести и вероисповеданий» [1].

Должны были быть отменены фашистские законы и восстановлены демократические свободы. Однако это не должно остаться только на бумаге. Веймарская республика, несмотря на в общем прогрессивную конституцию, показала, что демократия остается формальной, если она не подкрепляется действительно демократическими мероприятиями. Прежде всего следовало подвергнуть наказанию и ликвидировать силы, которые ввергли Германию в катастрофу. Манифест требовал беспощадного суда над военными преступниками, над главарями нацистской партии, их покровителями и активными помощниками. Одна из основных ошибок 1918 года — снисхождение по отношению к виновникам войны — не должна повториться.

Однако что будет с миллионами простых членов НСДАП и примыкавших к ней организаций, тех попутчиков, которые из политической близорукости, хотя и без злого умысла, последовали за фальшивыми лозунгами Гитлера? В тогдашних дискуссиях именно коммунисты выступали в Национальном комитете за то, чтобы дела-

лось резкое различие между преступниками и активными фашистами, с одной стороны, и массой простых нацистов — с другой. Наказать следует преступников и руководителей, а совращенных нужно перевоспитать. Манифест 1943 года предусматривал амнистию для всех сторонников Гитлера, которые на деле своевременно отрекутся от Гитлера и присоединятся к движению за свободную Германию.

Монополисты — поджигатели войны

Итак, денацификация и демократизация были закреплены уже в манифесте Национального комитета как прочные основы новой Германии. Но как должна быть организована экономика? В результате дискуссий и самостоятельного изучения, а также докладов коммунистических политических деятелей мне стало ясно, что больше всего подстрекали к войне крупные концерны и банки. Хотя их представители презрительно морщили носы по поводу этого «плебея» Гитлера, но он все же был их человеком, так как шел навстречу их стремлению к получению новых источников сырья, заводов и дешевой рабочей силы. Поэтому они финансировали его и заверили в своей поддержке еще до его прихода к власти.

Большинство промышленных монополий сделались крупными и мощными в результате гонки вооружений и войн. Ярким примером этого является история фирмы Крупп в Эссене.

Ее основание относится к 1785 году, когда Фридрих Крупп, заплатив несколько тысяч талеров, стал хозяином металлургического завода «Гуте-Хоффнунгс-Хютте». В результате умелых спекуляций ему удалось — хотя и незначительно — увеличить свой капитал. Однако настоящая эра Круппов началась при его старшем сыне Альфреде, который после смерти отца унаследовал его фабрику с семью рабочими. Это произошло в конце 1826 года. В 1834 году число рабочих на эссенской фабрике возросло уже до пятидесяти. В 1844 году там было сто тридцать рабочих. В период с 1859 по 1861 год за шестьсот тысяч талеров был построен гигантский пятисотцентнеровый молот «Фриц». В течение последующих пятнадцати

лет Крупп скупил ряд предприятий. Только за рудник «Ганновер» у Бохума в 1872 году он заплатил 1350 тысяч талеров. После грюндерского кризиса 1873 года у него работало уже более семнадцати тысяч рабочих. В 1919 году их было семьдесят девять тысяч, а в период второй мировой войны — двести пятьдесят тысяч рабочих и служащих. В воспоминаниях Круппов этот чудовищный рост объясняется просто бережливостью, старательностью и дальновидностью предпринимателей. В действительности богатства фирмы были созданы менее чем за сто лет потом и трудом рабочих. Круппы зарабатывали на поставках для железных дорог и судоходства, но прежде всего на пушках и другой военной продукции. Еще в 1859 году прусское правительство решило заказать Круппу триста полевых шестифунтовых орудий (заряжавшихся с казенной части). За этим последовали бельгийские и русские заказы. В 1861 году был построен первый пушечный цех, в 1862 году — второй и третий. В 1866 году Пруссия заказала 1562 ствола для полевых орудий. В 1868 году впервые было заказано несколько десятков орудийных стволов для военно-морского флота. Затем последовали оснащение береговой артиллерии, броневые плиты для крупных военных кораблей и т. д. Начиная с середины прошлого столетия фирма Круппа из всех войн выходила с миллиардными прибылями. До какой беззастенчивости доходили ее сделки, показывает известное патентное соглашение, заключенное перед первой мировой войной с английской военной фирмой «Виккерс — Армстронг», которое давало этой фирме право изготовлять чрезвычайно эффективный запал для гранат, изобретенный в Германии. После окончания войны Крупп через суд потребовал от английской фирмы плату за лицензии по этому патенту. Он высчитал, что англичане бросили в немецких солдат 123 миллиона ручных гранат с крупповскими запалами. В качестве возмещения английская фирма предоставила Круппам долю в своем заводе по производству вооружений в Мьересе, Испания.

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах и его сын Альфрид вместе с другими хозяевами концернов превозносились Гитлером как «патриоты великогерманского рейха» и получали награды. Раньше я не видел в этом ничего особенного. Почему бы не чествовать этих рурских промышленников? Ведь уже в течение пятого или шестого

поколения они поставляли германской армии и германскому флоту хорошее и надежное оружие! Мне в голову не приходила мысль, что это оружие использовалось не в интересах народа, а в интересах численно небольшой группы семейств, жаждавших власти и прибылей. Правда, бессмысленная гибель 6-й армии в битве на Волге встряхнула меня. Однако лишь в советском плену многое стало мне ясным, и я пересмотрел свои взгляды. Здесь я узнал, что Круппы не только поставляли оружие для Вильгельма II и Гитлера, но и непосредственно участвовали в определении их политики. Их рука чувствовалась также, когда перед первой мировой войной кайзеровская Германия, бряцая оружием, предпринимала в Китае, Марокко и в Турции свои вылазки, демонстрируя там силу. Крупп существенно содействовал приходу Гитлера к власти и подготовке второй мировой войны.

Крупп и вторая мировая война

Коммунисты, руководители рабочего класса, открыли мне глаза на эти взаимосвязи. Особенно большое впечатление произвели на меня некоторые речи Карла Либкнехта в рейхстаге, на которые я наткнулся в библиотеке в Лунёве. Своим выражением: «Велик милитаризм, и Крупп пророк его» этот страстный враг милитаризма и войны коснулся той правды, которую намеренно скрывали могущественные военные промышленники. Он доказал, что крупповские директора систематически подкупали чиновников и офицеров кайзеровской Германии.

В одной из газетных статей от 28 августа 1913 года Либкнехт характеризовал это положение следующими словами:

«В общем, установлено прямо-таки общественно опасное окружение военной администрации жаждущим прибылей, беззастенчивым военным капиталом, которое особенно усиливается посредством далеко идущего личного союза. Сюда относится деморализующее действие перспективы получить пост в фирме-миллионере. Получить службу у Круппа является для офицеров и чиновников администрации блестящим Avancement (повышением в чине). Что может быть более понятным, чем старание завоевать расположение Круппа различными услугами?

Этот источник коррупции относится к наиболее сильным и ядовитым. Оздоровление невозможно, если его не ликвидировать» [1].

Несколько забегая вперед, следует сразу же сказать, что Густав Крупп фон Болен унд Гальбах был в числе главных военных преступников, преданных суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. При этом даже с американской стороны было представлено много обвинительных материалов, в том числе заявление из мартовского номера крупповского журнала за 1940 год. Из него следовало, что семья Круппов совместно с другими предпринимателями уже вскоре после окончания первой мировой войны начала подготавливать новую. Густав Крупп заявил 1 марта 1940 года:

«Я хотел и должен был сохранить свои предприятия, несмотря на оппозицию, как военные заводы для будущего, даже если это и приходилось делать в завуалированной форме. Я мог говорить только в очень узком и личном кругу об истинных причинах, заставивших меня предпринять переоборудование заводов в некоторых областях производства... Даже специальные уполномоченные союзников были обмануты... После того как Адольф Гитлер взял власть в свои руки, я с удовлетворением заявил фюреру, что Крупп готов после краткого подготовительного периода начать вооружение германского народа и что никакого перерыва в его деятельности этого рода не было» [2].

30 мая 1933 года Крупп фон Болен как председатель Ассоциации германской промышленности писал президенту имперского банка Шахту:

«...Предлагается начать денежный сбор среди самых широких кругов германской промышленности, включая сельское хозяйство и банки; эти средства затем будут отданы в распоряжение фюрера и НСДАП как «фонд Гитлера»... Я согласился быть председателем правления...»

Из средств основной крупповской компании Крупп пожертвовал в фонд нацистской партии 4 738 446 марок. В июне 1935 года он передал нацистской партии из своих личных денег 100 тысяч марок [3].

Согласно решению трибунала от 15 ноября 1945 года, процесс против Густава Круппа был отложен и должен был состояться позднее, «если физическое и умственное состояние обвиняемого это позволит» [4]. Оно этого не позволило. Однако на Нюрнбергском процессе против Крупп-

па, проведенном в 1947—1948 годах, Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах, в такой же степени, как и его отец, непосредственно ответственный за преступления, в которых обвинялось крупповское предприятие, 31 июля, 1948 года был приговорен как военный преступник к 12 годам тюремного заключения. Кроме того, было решено конфисковать его имущество.

Однако уже через два с половиной года, 3 февраля 1951 года, он был выпущен на свободу по приказу американского верховного комиссара Макклоя. Большую часть своего состояния он получил обратно. То же самое произошло почти со всеми другими заговорщиками против мира. Уже давно они пользуются в Федеративной Республике властью и уважением, проводят, как и раньше, империалистичекую и реваншистскую политику, как будто и не было второй мировой войны и Нюрнбергских процессов.

В союзе с рабочим классом и под его водительством

Однако вернемся в Лунёво весны 1945 года. Во мне зрело сознание того, что свободная, лучшая Германия должна быть полностью обновленной Германией. Ни пушечные короли, ни гитлеровские генералы не выдержали испытания историей. Его выдержали Либкнехт, Тельман, Пик, Ульбрихт и их товарищи, твердо выступавшие против войны. Их класс, класс рабочих, который уже в течение многих десятилетий являлся крупнейшим производителем национального богатства, должен был стать также и классом, осуществляющим политическое руководство, господствующим в Германии. Только таким образом мир в Германии мог обрести прочную основу.

В движении «Свободная Германия» мы узнали, что руководители рабочего класса искренне выступали за союз с крестьянством, интеллигенцией и другими трудящимися. Они открыто протянули руку для совместных национальных действий и нам, офицерам и генералам гитлеровской армии. Мое место могло быть только рядом с ними.

Конечно, иногда возникали острые дискуссии. Не всегда та или другая сторона сразу находила правильное

слово и правильное решение. Тогда искали, спорили, ставили существенное выше несущественного. Так рос фронт противников Гитлера и из него — фронт борьбы за новую, действительно миролюбивую и демократическую Германию.

Потсдамские соглашения союзников подтвердили, так сказать, задним числом планы Национального комитета по созданию новой Германии: фашизм и милитаризм должны были быть искоренены, промышленные и финансовые монополии уничтожены, Германия преобразована в демократическое государство. Нелегко было сначала мне и моим товарищам признать германские восточные границы, определенные державами-победительницами. По этому поводу велись горячие споры. Однако, в конце концов, я знал предысторию и ход войны в Польше. Клещи, образованные Восточной Пруссией и Силезией, германский милитаризм использовал в двух войнах для нападения на Польшу. Более шести миллионов поляков было уничтожено и убито во второй мировой войне. Как бы горько это ни было, Германия должна была отвечать за последствия военных преступлений Гитлера, его пособников и покровителей. Польша и Советский Союз обоснованно требовали гарантировать безопасность своих народов.

Не все генералы и офицеры, за несколько недель до этого подписавшие обращение против Гитлера, признавали реальность немецкой вины в развязывании войны. В них глубоко укоренился дух превосходства. В последующий период некоторые откололись, отреклись от движения «Свободная Германия» и вернулись во фронт неисправимых. Немногим позже в Войкове меня встретили исполненные ненависти взгляды таких людей.

Еще до окончания войны некоторые руководящие коммунисты во главе с Вальтером Ульбрихтом выехали для работы в Германию. В течение лета многие группы антифашистов, состоявшие из солдат и офицеров, вылетели в советскую зону оккупации, чтобы активно участвовать в строительстве новой Германии. Однако не все возвратились на родину так быстро. Поэтому некоторые члены Национального комитета позволили себе упрекать немецких эмигрантов и Советский Союз. Это несколько повлияло на общее настроение, но ничего не изменило в ходе событий.

2 ноября 1945 года состоялось последнее пленарное заседание Национального комитета «Свободная Герма-

ния». Эрих Вейнерт сделал подробный отчет. Он особо остановился на работе комитета на фронте, а также на его вкладе в перевоспитание военнопленных, который был чрезвычайно ценным для демократизации широких слоев немецкого народа. Основная идея Национального комитета — антифашистский народный фронт, сказал он, продолжает жить в Германии в лице блока демократических партий. На родине блок взял в свои руки непосредственное руководство политическим, экономическим и социальным преобразованием страны. Таким образом, существование Национального комитета за пределами Германии стало излишним. В заключение Вейнерт внес предложение о роспуске Национального комитета «Свободная Германия». Генерал фон Зейдлиц внес аналогичное предложение о Союзе немецких офицеров. Оба предложения получили единогласное одобрение. Радиостанция и редакция газеты «Фрейес Дейчланд» также прекратили свою деятельность.

Паулюс как свидетель в Нюрнберге

18 октября 1945 года в Берлине состоялось организационное заседание Международного военного трибунала для принятия обвинительного акта против главных военных преступников. У нас это явилось поводом для дискуссии. Я испытывал удовлетворение, что ближайшие пособники Гитлера — Геринг, Кейтель, Йодль, Редер, Дениц, Розенберг, Риббентроп и другие — ответят за преступления против мира и человечности, виновниками которых они являлись. «Правда» и «Известия» ежедневно публиковали целые полосы о ходе процесса, печатали сообщения, которые раскрыли так много гнусных подробностей, и я, как немец, иногда чувствовал себя совершенно подавленным. Так вот в чем я участвовал в течение ряда лет и прилагал все свои силы, чтобы поддержать насквозь антигуманные и преступные цели!

Паулюс работал очень напряженно. Я предполагал, что это было связано с процессом, но все же был немало изумлен, услышав по радио, что он выступил в Нюрнберге как свидетель против военных преступников. В те часы, когда он, связанный приказом Гитлера, принимал решение об отчаянном сопротивлении в котле на Волге,

он иногда с горечью отзывался о войне вообще. Но теперь, в своих показаниях в Нюрнберге, он нашел в себе силу недвусмысленно осудить войну. Он без обиняков вскрыл предысторию захватнической войны против Советского Союза, которая систематически подготавливалась гитлеровской Германией еще с осени 1940 года. Вот некоторые отрывки из допроса, который вел главный советский обвинитель генерал Руденко:

«Генерал Руденко: Как и при каких обстоятельствах было осуществлено вооруженное нападение на Советский Союз, подготовленное гитлеровским правительством и верховным командованием немецких войск?

Паулюс: Нападение на Советский Союз состоялось, как я уже говорил, после длительных приготовлений и по строго обдуманному плану. Войска, которые должны были осуществить нападение, сначала были расставлены на соответствующем плацдарме. Только по особому распоряжению они были частично выведены на исходные позиции и затем одновременно выступили по всей линии фронта — от Румынии до Восточной Пруссии. Из этого следует исключить финский театр военных действий...

Был организован очень сложный обманный маневр, который был осуществлен в Норвегии и с французского побережья. Эти операции должны были создать видимость операций, намечаемых против Англии, и тем самым отвлечь внимание России. Однако не только оперативные неожиданности были предусмотрены. Были также предусмотрены все возможности ввести в заблуждение противника. Это означало, что шли на то, что, запрещая производить явную разведку на границе, тем самым допускали возможные потери во имя достижения внезапности нападения. Но это означало также и то, что не существовало опасений, что противник внезапно попытается перейти границу.

Все эти мероприятия говорят о том, что здесь речь идет о преступном нападении...

Генерал Руденко: Кто из подсудимых являлся активным участником в развязывании агрессивной войны против Советского Союза?

Паулюс: Из числа подсудимых, насколько я их здесь вижу, я хочу здесь назвать следующих важнейших советников Гитлера: Кейтеля, Йодля, Геринга — в качестве главного маршала и главнокомандующего военно-воз-

душными силами Германии и уполномоченного по вопросам вооружения...» [1]

Я слыхал, что Паулюс провел также несколько дней в Дрездене. Я охотно узнал бы лично от него, как выглядит этот город и другие немецкие города. Но пока я с ним не встречался, поскольку после возвращения в Советский Союз он проживал на новом месте. Зато в это время со мной произошел следующий случай. В марте или апреле 1946 года меня вызвали к коменданту нашего лагеря.

— Как поживает ваша семья, полковник Адам? — спросил он, после того как я сел.

Что должен означать этот вопрос, подумал я, он же знает, что я не имею известий из дому.

— Откуда я могу знать, до сих пор я не получал писем, — ответил я не особенно приветливо.

Улыбаясь, он взял какую-то папку и вынул из нее почтовую открытку.

— Может быть, это вам?

Я быстро схватил ее. Сердце грозило разорваться у меня в груди. Я узнал почерк моей жены. Потом я засмеялся. Открытка была адресована: «Полковнику Адаму, Сталинград».

— Видите, какая находчивая у нас почта, — сказал комендант, — а теперь быстрее напишите домой ваш правильный адрес. Ваши жена и дочь, наверное, с нетерпением ожидают от вас каких-либо признаков жизни. Сердечно поздравляю вас с этой первой вестью.

Он тут же дал мне почтовую карточку вне очереди. Я вышел с ней, сияя от радости. Теперь я знал, что жена и дочь остались живы!

В Войкове у стратегов, призывавших держаться до конца

В середине мая 1946 года лагерь в Лунёве был закрыт после того, как в предыдущие месяцы многие члены и сотрудники Национального комитета и Союза немецких офицеров выехали на родину или в другие лагеря. С группой, в которую входили также генералы фон Зейдлиц, фон Ленски и д-р Корфес, майоры Хоманн и фон Франкенберг, я прибыл в генеральский лагерь Войково. Начальник лагеря, госпитальный врач, политофицер и пере-

водчик очень сердечно приветствовали меня как старого знакомого. Менее дружественным был прием со стороны военнопленных немецких генералов. Большинство из них я лично вообще не знал, многих имен никогда не слыхал. Но и бывшие генералы 6-й армии, с которыми я жил вместе более года — это было в 1943—1944 годах, — опасались разговаривать со мной. Единственным, кто встретил меня с искренней радостью, был мой старый друг генерал Вульц.

Сначала меня поместили в комнате, где уже жили адмирал, два генерала и майор службы трудовой повинности. Эти господа с удовольствием выставили бы меня за дверь. Они впустили меня весьма неохотно. Их главное занятие состояло в игре в карты; основной темой их разговоров было «доброе старое время», они вспоминали свои офицерские звания и происшествия в казино. Они не испытывали большого интереса к богатой лагерной библиотеке, но зато непрерывно говорили о еде.

Нелегко найти подходящие слова для описания духовного убожества побитых военачальников. Эгберт фон Франкенберг, который пережил этот период в Войкове вместе со мной, сделал в своей книге «Мое решение» [1] удачную попытку представить некоторых из этих «героев» во всем их тупоумии, заносчивости и одновременно показать их общественно-политическую опасность. Я могу только сказать, что он употребил скорее слишком мягкие, чем слишком резкие краски.

Через несколько дней после нашего прибытия освободилась комната, которую я смог занять совместно с фон Ленски, д-ром Корфесом, фон Франкенбергом, Хоманном и другими товарищами. Я был рад, что мне не приходилось больше выслушивать безмозглую болтовню и воспоминания моих прежних соседей по комнате. Примерно в это же время в лагере производились и другие перемещения. Солдаты роты обслуживания — немцы, румыны, итальянцы, венгры — перетаскивали мебель и матрацы. Были поставлены новые кровати и ночные тумбочки. Все указывало на то, что в лагере ожидалось пополнение. В один прекрасный день ворота лагеря открылись, и внутрь хлынули генералы, тяжело нагруженные чемоданами, одеялами и многими вещами, о существовании которых мы уже забыли. Это были главным образом генералы, взятые в плен в Прибалтике. Но были и другие,

которые до этого времени размещались в Красногорске или Суздале. Многих из них я знал. Из наших окон мы наблюдали это шумное вторжение. Улица лагеря в одно мгновение оказалась переполненной. Новоприбывшие и «старики» обменивались приветственными возгласами. Затем постепенно поток схлынул. Новоприбывшие занимали назначенные им комнаты.

Выйдя из дома, я встретил двух генералов, которых знал по военной школе в Дрездене. Неожиданно они сердечно пожали мне руку. Неужели эти господа сделали из своего опыта такие же выводы, что и я? Однако это предположение оказалось ошибкой. Просто они думали, что в генеральском лагере могут встретить только единомышленника. «Старики» быстро просветили их. Когда несколько часов спустя я заговорил с одним из этих генералов на улице лагеря, он отвернулся и прошел мимо. Теперь в лагере собралось около 170 немецких, 36 венгерских, 6 румынских и 3 итальянских генерала. Их предводителями были стратеги, призывавшие держаться до конца, — Ферч, Вутманн, Шпехт, Хакс и Маркс. Они тиранили каждого, кто отклонялся от продиктованной ими линии. Впрочем, в ряды живущих вчерашним днем перешло и большинство тех генералов, которые в декабре вместе с Паулюсом и Зейдлицем подписали обращение 50 генералов. Этих господ заставили «покаяться» перед своего рода судом чести, которым руководила самая реакционная группа. Они прибегли к обману и клевете, чтобы оправдать свой шаг, и утверждали, что поставили свою подпись в результате давления. После того как они отреклись от Союза немецких офицеров, их «с честью» снова приняли в сообщество генералов, верных Гитлеру. Все это было более чем недостойно. Эти люди были похожи на хамелеонов. Не удивительно, что солдаты роты обслуживания не скрывали своего презрения по отношению к этому сорту генералов. Все же были некоторые, обладавшие достаточной духовной независимостью и не позволившие командовать собой. К ним относился генерал д-р Альтрихтер. Он одинаково дружески приветствовал меня, не обращая внимания на злобные взгляды других. Он рассказал мне, что его сын, который был на несколько лет моложе моего Гейнца и учился в Дрездене в той же гимназии, погиб. Так же как и Паулюс, Альтрихтер был похож на ученого. Среди генералов он считался чудаком, потому

что избегал их общества, ненавидел их поверхностные, пошлые разговоры и игру в карты. Обычно он одиноко сидел на отдаленной скамье красивого парка, читал или писал на религиозные темы. Злые языки утверждали, что он хочет основать новое религиозное общество. Поскольку духовно они не доросли до него, то старались принизить его в глазах других. Безусловно, генерал Альтрихтер отвергал их тупое сословное чванство и их военное упрямство, хотя и не сделался явным антифашистом.

Мы поддерживали очень тесные отношения с румынскими генералами. Они приходили к нам в комнату, гуляли вместе с нами, всегда дружески нас приветствовали. Они ненавидели Гитлера и его клику, которые принесли и их народу так много страданий и горя. Мы часами беседовали на немецком или французском языке о будущих задачах обоих наших народов.

Три итальянских генерала были отъявленными фашистами. Они тесно объединились с реакционной группой немецких генералов.

Венгерские генералы вначале держались в стороне. Правда, они не стали на сторону фанатично упрямых немцев, но в остальном казалось, что они весьма равнодушно относятся к происходящему. Однако с течением времени мы заметили, что и во фронте венгерских генералов имелись трещины. Почти все они ненавидели гитлеровскую Германию, а некоторые, исходя из своего опыта, сделали, как и мы, выводы о необходимости преобразования своей родины.

Такова была примерно картина, которая представилась мне в первые недели второго периода моей жизни в Войкове.

Несмотря на общественное осуждение, которому нас, антифашистов, хотело подвергнуть большинство преданных Гитлеру паладинов, к нам присоединились два молодых генерала, Гизе и Нейманн. Они также переселились в нашу комнату.

«Штаб Фёрча»

Недели и месяцы, проведенные в Войкове с 1946 по 1947 год, не были для меня бесполезными. Я продолжал свою учебу во многих областях политики, науки и литературы, углублял свои знания русского языка и занимался

своим хоббп — математикой. Я внимательно читал немецкие газеты, поступавшие к нам довольно регулярно, хотя и с некоторым опозданием. Незадолго до моего отъезда из Лунёва до нас дошла весть об объединении обеих немецких рабочих партий в Социалистическую единую партию Германии. Мои друзья и я считали это большим историческим событием, так как нам стало ясно, что нельзя создать полностью обновленную Германию без твердого руководства со стороны единой, целенаправленной рабочей партии. Мы были горды тем, что путь содружества всех демократических и готовых к строительству сил, начатый в движении «Свободная Германия», теперь нашел свое прямое продолжение на востоке Германии. Ежедневное соприкосновение со стратегами империализма и милитаризма в лагере Войково было хорошей школой для нашей последующей политической работы. Судорожные попытки этой клики сохранить свое единство, помешать отходу отдельных лиц показали одно из ее слабых мест. Известия из Германии, которые должны были побудить к критическому мышлению, отклонялись ею как не соответствующие действительности. Упрямое отрицание всего нового — такова была генеральная линия этих господ. Если кто-либо отклонялся от общей линии, его снова урезонивали угрозой суда чести.

Дирижерами реакции были несколько бывших офицеров генерального штаба. Во главе их стоял генерал Фёрч, начальник штаба группы армий «Курляндия». Он старался держаться в тени. Несмотря на это, мы на различных фактах убедились, что именно он являлся закулисным руководителем господ генералов. «С американцами против русских» — таков был его девиз. Иногда мы слышали об этом от того или иного генерала, который, правда, боязливо оглядывался, прежде чем вступить с нами в короткий разговор. К «штабу Фёрча» относились генералы Нигофф, комендант Бреслау, Вутманн, командующий немецкими войсками на острове Борнхольме, Геррман, молодой авиационный командир, Маркс, начальник штаба одной из армий в Прибалтике.

Уже давно мы замечали, что группа генералов регулярно собиралась в определенном месте парка. Издали было видно, что они дискутируют и что-то пишут.

Случаю было угодно, чтобы в один прекрасный день лейтенанты фон Эйнзидель и фон Путткамер, которые

прибыли с нами из Лунёва, стали свидетелями темпераментного разговора. Едва можно было поверить тому, что они нам рассказали: битые полководцы анализировали восточный поход на свой лад, делали выводы о структуре и вооружении германской армии после заключения мира, аккуратно записывали, что в будущем следует сделать «лучше».

Несколько недель спустя, вероятно около двух часов ночи, меня разбудили громкие голоса. В комнате стоял советский офицер с двумя солдатами.

— Проверка, — сказал он.

В лагере началось оживление. И в здании напротив в окнах зажегся свет. С педантичной тщательностью были проверены вещи, постели, одежда. Ничто не ускользнуло от внимательных взглядов. Корзины с материалом, большей частью рукописями, письма, книги попали в комендатуру. Среди генералов началась настоящая канонада брани. Вскоре часть конфискованных вещей была возвращена. Подозрительный материал, в том числе оценка войны, составленная «полководцами», попал в руки советских властей. Говорили, что были обнаружены также черные списки с нашими именами. О том, что они означали, мне как-то прошипел генерал Нигофф, встретившись со мной в липовой аллее: «Вы, негодяи, будете первыми, кого мы повесим, вернувшись домой».

Эх ты, болван, подумал я. Нигофф был не только закоренелым реакционером, но и низким негодяем, который изощрялся в таких похабных речах и грязных шутках, каких я никогда и ни от кого не слыхал. С грудью, увешанной высшими орденами, он гордо расхаживал по лагерю и громко трубил свои непристойности, чтобы все их слышали. Вероятно, он думал, что этим он всем импонирует. Однако в один прекрасный день у него и ему подобных на некоторое время перехватило дыхание. Это было в конце 1946 года, когда комендант лагеря на основании решения четырех держав-победительниц велел изъять все ордена и знаки различия. Пришел конец красно-золотым генеральским знакам различия, конец всей мишуре. Форменная одежда выглядела пятнистой и выцветшей. Вероятно, правдивость выражения «одежда делает людей» никогда не проявлялась более явно, чем на примере этих ощипанных стратегов.

«Полковник Адам, в дорогу!»

Летом солдаты роты обслуживания под руководством советского специалиста построили за зданием кухни маленький бревенчатый дом. Он состоял из трех помещений, которые можно было отапливать одной большой печью. Когда дом был готов, начальник лагеря сказал, что мы можем туда переселиться. Разумеется, мы сделали это очень охотно. Большую комнату заняли генерал фон Зейдлиц, художник — подполковник профессор Кайзер и я, меньшую — генералы фон Ленски и д-р Корфес. В прихожей жили двое военнопленных солдат, которые были выделены для нашего обслуживания. Этот дом стал центром нашей группы. Но она недолго имела прежний состав. Весной 1947 года фон Ленски был переведен к Паулюсу в Турмилино, под Москвой. На его место к нам прибыл генерал Бушенхаген, который до этого времени вместе с Винценцем Мюллером и генерал-майором медицинской службы профессором д-ром Шрейбером был у Паулюса. К досаде генеральской гвардии, Бушенхаген рассказал, как великодушно обращались с ним советские люди. Он много раз посещал Москву и знакомился с многочисленными достопримечательностями. Он с похвалой отзывался о музеях и картинных галереях, о прекрасном метро и о том подъеме, с которым советские люди взялись за преодоление тяжелых последствий войны.

Несколько месяцев спустя, жарким июльским днем, я в одних спортивных брюках стоял у своего самодельного верстака за домом и мастерил деревянный чемодан. Вдруг ко мне подошел советский сержант.

— Побыстрее к начальнику лагеря! — крикнул он, улыбаясь во все лицо.

— Я должен сначала одеться, ведь я не могу явиться к коменданту в таком виде.

— Но поскорее, товарищ полковник!

Через несколько минут я стоял перед начальником лагеря.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — встретил он меня. — Мне поручено сообщить вам, что вы сегодня же покинете наш лагерь. Спокойно уложите вещи и попрощайтесь со своими товарищами. В 18 часов кухня выдаст вам ужин, а в 19 часов приходите сюда.

— Можете ли вы сказать мне, куда я поеду?

Начальник лагеря улыбнулся:

— Этого я не могу вам сказать, но вы поедете в западном направлении. Желаю вам в будущем всего хорошего. Счастливого пути!

Так быстро я еще никогда не пересекал лагеря. По дороге мне встретился генерал Вульц.

— Я уезжаю! — крикнул я ему.

— Куда? — спросил он.

— На запад. Больше я ничего не знаю. В 19 часов отъезд в Иваново.

Известие о моем отъезде быстро распространилось по всему лагерю. Даже генералы, которые обычно избегали нашего дома, проявили любопытство. Я быстро уложил свои вещи. Следовало попрощаться с товарищами, с которыми меня связывала крепкая дружба. Это было нелегко; но мы были уверены, что во всяком случае встретимся в Германии и там продолжим начатое здесь дело.

В Иванове, куда я прибыл в сопровождении одного майора и переводчика Лебедева, мы сели в ночной поезд на Москву. Я долго еще смотрел через окно купе в ночную темноту и думал о Германии, о родине. В Мекленбурге, Бранденбурге, Саксонии-Ангальт, Тюрингии и Саксонии были размещены части Красной Армии, на западе находились англичане, французы, американцы.

Моя жена проживала в Гессене. Вместе с нашей дочерью она жила в доме родителей в Мюнценберге, близ Бад-Наугейма. Это была американская зона оккупации. Если бы меня теперь спросили: «Куда ты хочешь, где ты будешь работать в будущем?» — я ответил бы без колебаний, из честного убеждения: «Туда, где вырисовывается новая Германия, там я приложу все свои силы». Но согласятся ли жена и дочь последовать за мной?

Новая встреча с городом на Волге

Поезд прибыл на Казанский вокзал. Мы были в Москве. Меня ожидал советский старший лейтенант. Сердечно попрощавшись со своими сопровождающими, я пошел с ним к автомашине, стоявшей перед вокзалом.

— Куда мы едем?

— Увидите, — ответил, улыбнувшись, старший лейтенант.

Когда столица осталась позади, я понял, что это не была знакомая уже мне дорога в Красногорск. Может быть, в Турмилино? — гадал я, вспоминая рассказы генерала Бушенхагена. Тогда по правую сторону шоссе вскоре должен быть аэродром. Действительно, вот и он. Здесь стояли десятки самолетов.

Прямо в лесу мы наткнулись на большой поселок. В тени деревьев и среди садов маленькие и большие деревянные дома в один или два этажа, имелись также каменные постройки — это был так называемый дачный поселок. Обычно дачи бывают заселены только летом. За высоким дощатым забором была наша цель — привлекательный загородный дом с застекленной верандой и террасой, выходящей в сад.

В то время как меня приветствовал советский майор, из-за угла появился мой друг Арно фон Ленски. От него я узнал, что здесь ждали прибытия Паулюса, Мюллера и профессора д-ра Шрейбера, которых пока еще не было. Арно фон Ленски рассказал мне далее, что вместе с ним мне предстоит совершить длительное путешествие на юг — на Волгу.

— Что мы там будем делать? Население не очень обрадуется приезду офицеров 6-й армии.

Ленски вынул книгу под названием «Сталинградская битва».

— Это сценарий советского автора Вирты. Режиссер хочет, чтобы немецкая сторона в фильме была изображена в правильном, неискаженном виде. Я уже просмотрел его. Завтра мы займемся этим вместе. В Сталинграде мы будем присутствовать при съемках на открытом воздухе. Потом съемки будут производиться в Москве, в помещении Мосфильма.

— Это интересно. Когда же это начнется? — спросил я.

— Самое позднее через неделю.

Через несколько дней мы сидели в скором поезде на Сталинград. Мы приближались к цели нашего путешествия. Слева и справа от железнодорожной линии простиралось бывшее поле битвы. Еще не все развалины удалось убрать. Горы железа и стали, разбитые машины, сгоревшие танки, орудия с разорванными стволами

напоминали об ожесточенных боях. В Гумраке стояло много новых домов, аэродром снова работал. Большой город еще кровоточил тысячью ран. Но повсюду пробивалась новая жизнь.

Ужасные воспоминания вновь ожили во мне. Я представил себе десятки тысяч раненых, больных и умирающих от голода солдат 6-й немецкой армии, штабели застывших на морозе трупов, которые не хотела принимать замерзшая, как железо, земля. Я вспомнил ужасные дни и ночи между надеждой и уничтожением, последние часы трагического финала. Но не только это угнетало меня. Совершенно иначе, чем пять лет назад, я ощутил огромную вину, которую мы, немцы, взяли на себя, начав войну и вторгшись в Советскую страну, убивая и уничтожая. Увидев заново возникающий из развалин город на Волге, я вновь дал торжественный обет приложить все силы к тому, чтобы между немецким и советским народами царила вечная дружба.

В последующие дни мы иногда имели возможность осматривать город и ближайшие окрестности. На больших заводах в северной части города, особенно на тракторном заводе, производство уже опять шло полным ходом. Южнее реки Царица центральная улица была построена заново. На крутом берегу реки возвышалось белое здание театра. Ходили трамваи. Открыли свои двери кинотеатры, библиотеки, школы и больницы. Всюду взрывали развалины, убирали кучи мусора, росли новые жилые дома.

Ленски и я хотели побольше увидеть, поговорить с людьми. Возможность для этого представлялась во второй половине дня во время долгих прогулок с нашими сопровождающими и переводчиком. Прежде всего нас интересовало место, где так стойко и ожесточенно сражалась 62-я советская армия под командованием генерала Чуйкова. Небольшое происшествие показало, что дух советских бойцов жив и теперь. На высоком берегу Волги, недалеко от разбомбленного и сгоревшего нефтехранилища, мы увидели человека, работавшего лопатой. Он понял, что мы бывшие немецкие офицеры, и заговорил с нами. Выяснилось, что он принимал участие в великой битве как старший офицер.

— Вы сталинградец? — спросил я его.

— Нет, ни я, ни моя жена родом не из Сталинграда. Однако, когда кончилась война, мы решили жить и рабо-

тать в этом историческом городе,— скромно сказал полковник, который под конец войны командовал дивизией.

— Таким образом, вы уже живете здесь?

— Да,— сказал он,— вот там.— При этом он указал на развалину. — Это когда-то был дом. Вы видите, что от него осталось. Там мы жили иногда во время войны. Мы с женой временно там и поселились. А здесь мы строим себе новый домик из валяющегося вокруг материала. Вот это его план.

Он указал на отмеченный колышками четырехугольник, по краям которого он как раз копал канаву под фундамент.

— Если вы снова приедете через несколько лет,— сказал он, — вы уже не увидите никаких следов войны. Может быть, тогда я буду жить в многоэтажном современном доме.

Однажды вездеход привез нас к Мамаеву кургану — тому господствующему над местностью холму, за который было пролито так много крови. Еще и теперь, через пять лет, земля здесь наверху была как будто перепахана. То и дело попадались воронки от снарядов. И масса снарядных гильз, снарядных стаканов, гильз от патронов, пулеметных лент, частей от винтовок, даже человеческих костей.

В один прекрасный день мы оказались также перед вновь отстроенным универмагом на том месте, где начался мой путь в плен. Бронзовая доска около входа сообщала, что 31 января 1943 года в подвале этого здания был взят в плен штаб 6-й немецкой армии во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом.

На открытом месте перед универмагом производилась та часть съемок, которую должны были консультировать фон Ленски и я. В присутствии старших советских офицеров вечером снимали атаку немецких танков. Танки с немецкими крестами переваливались через развалины. Из пустых оконных глазниц развалин вылетало пламя, с громким «ура» наступали пехотинцы с автоматами и ручными гранатами. Для этой цели военнопленные немецкие офицеры и солдаты были специально заново экипированы. Понятно, что тысячи штатских не хотели пропустить такое зрелище, тем более что прошел слух, будто на съемках присутствует Паулюс. Съемки, вероятно,

вызывали у этих людей горькие воспоминания. Однако в адрес присутствовавших немецких офицеров не было сказано ни одного враждебного слова.

У Паулюса в Турмилине

В начале сентября наша миссия на съемках закончилась. Через Москву мы вернулись в Турмилино, где встретили Паулюса и Винценца Мюллера. Они обрадовались этой встрече не меньше, чем мы. Целыми днями длились наши беседы. Несколько раз в сопровождении коменданта я ездил с Арно фон Ленски в Москву, чтобы познакомиться с людьми, городом, музеями.

Затем внезапно наступила зима, седьмая зима, которую я проводил в Советском Союзе. Снова приближался рождественский праздник. Он всегда навевал некоторую грусть. С другой стороны, подготовка маленьких подарков, которые вырезывались, рисовались или писались, придавала этим дням особый оттенок. В остальном каждый день пленного был заполнен учебой, чтением, уборкой снега, прогулками, разговорами. За многие недели плена я узнал, что его легче переносить, если регулировать свою жизнь согласно твердому плану. Поэтому я старался каждый день жить по своего рода почасовому расписанию. Это избавляло меня от многих бесполезных раздумий, ускоряло ход времени и главное — помогало мне систематически расширять свои знания.

28 марта 1948 года я отпраздновал свое 55-летие. Спустя три дня нас посетил начальник управления лагерей для военнопленных из Москвы. Он собрал нас всех в большом зале. Что бы это могло значить?

Советский генерал начал свое выступление шуткой:

— Собственно, я хотел приехать завтра, 1 апреля. Но я слыхал, что у немцев этот день считается не совсем серьезным. Чтобы избежать подозрений в первоапрельской шутке, я приехал к вам сегодня. Генералы Мюллер и Ленски, генерал-майор медицинской службы профессор Шрейбер и полковник Адам завтра покинут вас,— продолжал он, обращаясь к фельдмаршалу.— Они вскоре вернутся в Германию. Вы, господин фельдмаршал, должны еще немного запастись терпением. Мы переведем к вам

других генералов, чтобы у вас была компания. Машина, которая заберет этих четверых господ, тут же доставит сюда новых генералов.

Нужно ли говорить о той радости, которая охватила нас, четверых счастливцев? Для Паулюса это было тяжелым известием. Однако он ни на минуту не потерял выдержки. Он даже поздравил нас, слегка улыбнувшись.

Когда советский генерал уехал, я как во сне пошел в свою комнату. Желанный день возвращения на родину был теперь ощутимо близок! Правда, я давно понял, что пребывание в плену явилось для меня неповторимым периодом самообразования. Я использовал его в меру своих сил. Однако Германия была и оставалась моей родиной, с которой я был связан многочисленными нитями.

Погруженный в размышления, я подошел к окну. Тут я увидел Паулюса одного в саду. Большими шагами он ходил взад и вперед по центральной дорожке. Я поспешил к нему. Явно обрадованный моим приходом, он сказал:

— Мне тяжело, Адам, оставаться теперь одному. Но это и правильно. Было бы непонятно, если бы вернулся командующий армией, когда так много немецких военнопленных еще работает в Советском Союзе. Разумеется, мне было бы легче, если бы вы все остались со мной, но это было бы несправедливо. Вы больше нужны в Германии.

— Могу вас заверить, господин фельдмаршал, что нам тоже тяжело расставаться с вами. Мы вас не забудем.

— Где вы намерены работать? Ведь ваша семья живет на Западе?

— Это верно, но я уже сообщил своей жене, что останусь на Востоке.

— Вы поступаете правильно. Я совершено уверен, что Мюллер принял такое же решение. Однако теперь вам следует уложить свои вещи, а то не успеете к утру все сделать. Я побуду еще в саду.

Возвращение в новую Германию

1 апреля 1948 года.

Наконец подошла машина. Час расставания пробил. Еще одно крепкое рукопожатие Паулюса: «До свидания

в Германии!» Машина выехала за ворота. Из Турмилина мы проехали через Москву, мимо Белорусского вокзала. Но ведь это дорога на Красногорск?

Да, это была она. В хорошо знакомом нам лагаре мы встретили многих наших друзей из Национального комитета; они прибыли из Суздаля и Войкова. Мы должны были ехать домой вместе. Перед этим нам еще предоставили возможность пройти курс, организованный для нас Антифашистской школой № 27. В центре учебного плана стояли вопросы истории, марксистско-ленинской философии и политической экономии, а также демократического преобразования Германии. Для меня это явилось ценным углублением и обобщением знаний, которые я до сих пор приобрел преимущественно путем самообразования. К этому добавилось несколько экскурсий в Москву: в Музей Революции, в Третьяковскую галерею, в театр и в парк имени Горького. К сожалению, в конце апреля в результате болезненного воспаления нерва на левой руке я был вынужден прервать учебу и обратиться в амбулаторию. Болезнь затянулась. Меня лечили врачи-специалисты в Красногорске и в одной из московских поликлиник. Я с благодарностью вспоминаю главного врача Красногорска Магнитову, которую мы называли по имени. Она не только заботилась о моем выздоровлении; она придавала мне мужество и надежду, когда меня охватывало отчаяние, что я не поправлюсь ко дню отъезда на родину.

— Будьте спокойны, — говорила она, — вы не пропустите транспорта, раз маленькая внучка ждет дедушку.

Эта женщина-врач сделала много добра немецким военнопленным. Ее называли «ангелом из Красногорска». Она позаботилась о том, чтобы я получил предписанное московскими врачами лечение. Результаты вскоре сказались. В конце июня я выписался как выздоровевший и снова поселился в бараке с моими товарищами.

Среди немецких газет, которые я получал для чтения во время моего пребывания в амбулатории, я находил иногда экземпляры газеты «Националь-цейтунг». В одном из июньских номеров сообщалось, что в советской зоне оккупации были основаны две новые политические партии: Крестьянская демократическая партия Германии и Национально-демократическая партия Германии. Теперь,

когда через пятнадцать с лишним лет я пишу эти строки, я все еще хорошо помню, как мне понравились содержание и стиль программных заявлений Национально-демократической партии. Вероятно, люди, писавшие их, прошли такой же путь, что и я, если они нашли такие слова:

«Мы, немцы, в течение долгих столетий нашей истории воспитывались как люди государства солдат. Захватнические войны стали главным средством германской политики. Конечный результат этой истории разрушил германское государство и чуть не привел нацию к гибели. Третья мировая война — независимо от того, как бы она ни закончилась, — принесла бы гибель немцам как нации. Поэтому в будущем главным содержанием национальной политики может быть только страстная борьба за мир и мирное соревнование народов.

Новое национальное сознание нашего народа должно развиваться в этом направлении.

Мы, национальные демократы, выступаем за объявление вне закона войны, расовой и национальной травли, мы выступаем за то, чтобы сделать борьбу за мир главным содержанием новой государственной морали и основным принципом воспитания нашего народа.

Мы, национальные демократы, требуем и выступаем за принятие закона об обеспечении мира, согласно которому любая подготовка к войне, расовая или национальная травля будут караться самыми тяжелыми наказаниями как антинациональные действия, создающие смертельную угрозу жизни народа» [1].

Эти слова как будто родились в моем сердце. Собственно говоря, они подвели итог всему, что я осознал на своем пути к движению «Свободная Германия» и в последующие годы в Лунёве, Войкове, Турмлине и Красногорске. Принципы и цели Национально-демократической партии Германии были одновременно квинтэссенцией моей жизни, для которой битва на Волге явилась толчком к решающему перелому. Я твердо решил иметь в виду Национально-демократическую партию и более подробно ознакомиться с ее деятельностью после возвращения на родину.

10 сентября были готовы автомашины, чтобы везти нас на Белорусский вокзал в Москве. Радостно возбужденные, мы пожимали руки советским офицерам и солдатам. Магнитова, всеми уважаемая женщина-врач

с совершенно седыми волосами, тоже пришла, чтобы пожелать нам счастливого возвращения на родину.

Мне казалось, что поезд шел слишком медленно, он прямо-таки тащился по рельсам. Наконец мы прибыли в Брест-Литовск и в конце концов через несколько дней, казавшихся бесконечными, проехали у Франкфурта по мосту через Одер. Мы были в Германии.

После шестилетнего отсутствия я вступил на землю новой, возрождающейся Германии. И я, бывший полковник, награжденный Рыцарским крестом, вторгавшийся когда-то с гитлеровским вермахтом в другие страны, стал новым человеком, решительным борцом за мир.

К стр. 385

[1] «История дипломатии», т. III, М., 1945, стр. 689—690.

К стр. 396

[1] Цитируется по книге: Sie kämpften für Deutschland. Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigund, Berlin, 1959, S. 147 f.

* Гитлеровское командование, сосредоточив мощную ударную группировку до 50 дивизий (900 тыс. солдат и офицеров, 10 тыс. орудий и минометов, около 2700 танков и свыше 2 тыс. самолетов), 5 июля 1943 г. из районов южнее Орла и севернее Белгорода предприняло попытку осуществить мощное наступление с целью вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную в битве на Волге. Замысел врага был своевременно раскрыт советским командованием. Войска Красной Армии в упорной и активной обороне сорвали расчеты гитлеровцев и нанесли им большой урон (противник потерял 70 тыс. человек убитыми и ранеными, 850 орудий, свыше 1500 танков и 1400 самолетов), что создало предпосылки для перехода советских войск в решительное контрнаступление. Оно началось 12 июля и включало в себя две наступательные операции стратегического значения: Орловскую (12 июля — 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3—23 августа), осуществлявшиеся силами Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Цели, намеченные советским командованием, были достигнуты в полном объеме. В итоге пятидесятидневной битвы было разгромлено 30 дивизий, людские потери врага составили свыше полумиллиона.

[2] Sie kämpften für Deutschland, S. 147.

К стр. 397

[1] Там же, стр. 151.

К стр. 401

[1] Deutsche Reichgeschichte in Dokumenten. Band II., 3. Auflage, Berlin, 1934, S. 614.

К стр. 408

* Немецкой боевой ярости *(лат.)*.

К стр. 409

* Слишком поздно *(лат.)*.

К стр. 413

[1] Sie kämpften für Deutschland... S. 156 f.

К стр. 414

[1] Там же, стр. 157.
[2] Там же, стр. 158 и дальше.

К стр. 415

[1] Freies Deutschland, № 8/9, 15/IX 1943, S. 4.

К стр. 416

[1] Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». Protokol der Konferenz des Jnstituts für Deutsche Militärgeschichte am 27 und 28 März 1963. Potsdam, 1963, S. 31.
[2] Цитируется по: Sie kämpften für Deutschland. Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung. Berlin, 1959, S. 167.

К стр. 418

* Вид карточной игры.

[1] Генрих Гейне, стихотворение «Ночные мысли», перевод М. Михайлова. Цитируется по: Генрих Гейне, «Избранные произведения», ГИХЛ, 1950, стр. 262.

К стр. 420

[1] Freies Deutschland, № 12, 3/X 1943, S. 1.
[2] Generalfeldmarschall von Hindenburg: Aus meinem Leben, Leipzig, 1920, S. 400,

К стр. 421

[1] «Воспоминания Гинденбурга», Центральное кооперативное издательство «Мысль», Петроград, 1922, стр. 111, 112.

[2] Там же, стр. 112.

[3] Freies Deutschland, № 12, 3/X 1943, S. 2.

К стр. 422

[1] Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». Protokol der Konferenz des Instituts für Deutsche Militärgeschichte am 27. und 28. März 1963. Potsdam, 1963, S. 35.

К стр. 423

[1] «Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии, 1943—1945 гг.». Издание МИД СССР, М., 1946, стр. 20, 21.

К стр. 425

* Так в тексте. Площадь Павших борцов.

К стр. 426

* Теперь город Гижицко Ольштынского воеводства, ПНР.

К стр. 427

[1] Цитируется по: Sie kämpften für Deutschland, S. 174 f.

* В летней кампании 1944 года главный удар Красная Армия наносила в центре советско-германского фронта, в Белоруссии — против вражеской группировки, которая, располагая крупными силами (63 дивизии, 3 бригады общей численностью 1,2 миллиона человек, 9500 орудий и минометов, 900 танков и САУ, 1350 самолетов), прикрывала подступы к Германии.

Замысел советского командования состоял в том, чтобы силами 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов одновременно на шести направлениях прорвать глубокоэшелонированную оборону противника, окружить и уничтожить сначала его фланговые группировки в районах Витебска и Бобруйска, а затем, развивая успех, нанести поражение основным силам 4-й немецкой армии, окружив ее в районе восточнее Минска.

В итоге операции группа армий «Центр» была разгромлена. В частности, 105-тысячная группировка немецко-фашистских войск оказалась в котле. Советские войска освободили Белоруссию, большую часть Литвы и восточные области Польши, форсировав Неман, они подошли к границам Германии.

Враг понес огромные потери: 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, 50 дивизий понесли потери от 60 до 70 процентов своего состава.

К стр. 430

[1] Freies Deutschland, № 29, 16/VII 1944, S. 1.

К стр. 433

[1] Sie kämpften für Deutschland, S. 146.
[2] Freies Deutschland, № 31, 30/VII 1944, S. 3.

К стр. 436

[1] Винценц Мюллер, Я нашел подлинную родину, М., 1964, стр. 315.

К стр. 437

[1] Цитируется по: Erich Weinert: Das Nationalkomitee «Freies Deutschland», 1943—1945, Berlin, 1957, S. 95.

К стр. 438

* Адам рассказывает о серии победоносных операций, проведенных Красной Армией и поставивших гитлеровскую Германию на грань катастрофы.

Лишь после этого в июне 1944 г. западные союзники совершили высадку во Франции. Появился наконец второй фронт в Европе. Народам пришлось очень долго ждать этого события, они понесли огромные неоправданные жертвы из-за политики проволочек, проводившейся господствующими кругами англосаксонских стран.

** Последний довод *(лат.)*; здесь в смысле «последнее средство».

К стр. 441

* Потеряв всякую надежду на помощь извне, командование гитлеровских войск, оказавшихся в котле, предприняло отчаянную попытку вырваться из окружения. Остатки нескольких соединений были стянуты в район Шандеровки (юго-западнее Корсунь-Шевченковского). Воспользовавшись сильным снежным бураном, противник в ночь на 17 февраля 1944 г. двинулся двумя колоннами дальше на юго-запад.

Несмотря на совершенно «нелетную» погоду, ночные бомбардировщики 5-й воздушной армии сбросили на фашистские войска бомбы, уничтожающий огонь открыли реактивные установки, вслед за этим врага на различных направлениях атаковали танки, пехота, кавалерия.

Вражеские войска, пытавшиеся прорваться, были почти полностью уничтожены. Лишь небольшой группе танков и бронетранспортеров с генералами и старшими офицерами, бросившими свои войска на произвол судьбы, удалось под прикрытием пурги прорваться в направлении Лысянки.

К стр. 443

[1] Полный текст обращения гласил:

Москва, 8/12 1944.

Немцы!

Охваченные глубокой тревогой за будущее нашего народа, за нашу горячо любимую родину и за дальнейшее существование Германии, мы, немецкие генералы, совместно с многими сотнями тысяч солдат и офицеров находящиеся в русском плену, обращаемся в этот решающий час к вам, немецкие мужчины и женщины.

С глубочайшим волнением следим мы за вашими безнадежными усилиями в кровопролитнейших оборонительных боях, за вашим сверхчеловеческим напряженным трудом и все возрастающими лишениями.

Весь наш народ полностью ввергнут теперь в опустошительную войну: на всех фронтах истекают кровью наши мужчины —

от стариков до подростков, а на родине женщины страдают от все усиливающихся бомбардировок противника, изнывают под тяжестью непосильного труда. Никогда еще война не приносила таких неописуемых бедствий нашему отечеству! Близится час окончательного крушения перед лицом подавляющего превосходства сил объединенных противников. К такому положению привел Германию Адольф Гитлер!

Он обманывал наш народ с помощью национальной и социальной демагогии. Только благодаря гигантским вооружениям он устранил безработицу, мы же приняли это за общий хозяйственный подъем. Мы позволили совершать зверства, которые уже тогда были направлены против нашего народа, мы позволили уничтожить права и законы, допустили расовое мракобесие, гонение на религию, коррупцию нацистских фюреров.

Опьяненные первыми успехами, мы не заметили грозной опасности, таившейся в непомерных планах Гитлера, вовлекших нас в эту пагубную войну. Нас обманули и злоупотребили нашим доверием. Мы были слепым орудием в руках Гитлера и в конце концов стали его жертвами.

Став во главе государства, Гитлер установил у нас на родине безграничный произвол. Он нарушил все договоры с другими странами и, опираясь на верность и послушание немецкой армии, использовал ее для осуществления своих захватнических планов и для угнетения других народов. По его приказу палачи Гиммлера творили в оккупированных странах бесчеловечные зверства и тем самым опозорили немецкое имя перед всем миром.

Эта политика вероломного разрыва договоров и грубого нарушения международного права объединила в конечном счете все народы мира в войне против Германии. После устранения наших опытных военачальников, после того как Гитлер единолично взял в свои руки верховное командование, поражения со времен Сталинграда следовали одно за другим.

Никаких надежд на изменение положения больше нет! Ни одна держава мира не станет вести переговоры с Гитлером.

Война проиграна!

Результат этого политического и военного руководства Адольфа Гитлера для Германии: миллионы убитых, калек и лишившихся крова. Семьи разрушены, угрожающе надвигаются голод, холод и болезни.

И несмотря на это, Гитлер хочет продолжать войну. Гиммлер и Геббельс расписывают всяческие ужасы о мести врагов, о мнимом большевистском терроре, о порабощении всего нашего народа и его безысходном будущем. Они апеллируют к нацио-

пальным чувствам и любви к родине и отечеству, принуждая немецкий народ отчаянно бороться вплоть до самоуничтожения.

Самоубийственное продолжение этой войны, ставшей бессмысленной, служит лишь для сохранения Гитлера и его партийных фюреров. Именно поэтому СС и нацистская партия захватили основные руководящие посты.

Но наш народ не должен погибнуть!

Поэтому надо немедленно покончить с войной!

Что же будет потом? — спросите вы.

Правда, наше отечество будет оккупировано войсками противника, но бессмысленные жертвы на фронтах и на родине прекратятся, а уцелевшие еще жилища и предприятия будут сохранены!

Правда, победители потребуют наказания за все несправедливости, причиненные их народам, но перед судом предстанут только те, кто виновен в преступлениях против законов культуры и гуманности!

Конечно, наше будущее будет нелегким, мы будем работать, восстанавливать, но перед нами снова откроется дорога подъема.

Вместо террора, произвола и расовой ненависти восторжествуют право, порядок и гуманность.

Вместо бесконечных бедствий и ужасов наступит мир. Наше усердие и добрая воля будут с каждым шагом по новому пути приближать нас к тому дню, когда свободный и равноправный немецкий народ займет свое место среди других народов.

В 1918 году, когда с военной точки зрения перед лицом превосходящего противника война стала бесперспективной, Гинденбург и Людендорф потребовали ее прекращения.

По той же причине мы, генералы, и вместе с нами многие сотни тысяч солдат и офицеров, объединившиеся в движении «Свободная Германия», обращаемся к вам из русского плена; все наши чувства и помыслы принадлежат только нашему народу и его судьбе.

Немецкий народ! Подымайся на спасительный подвиг против Гитлера и Гиммлера, против их губительного режима!

В единении — твоя сила! В твоих руках — и оружие для борьбы!

Освободись сам от этого безответственного и преступного государственного руководства, толкающего Германию на верную гибель!

Кончай войну, прежде чем совместное наступление объединенных сил противника уничтожит немецкую армию и то последнее, что еще осталось у нас на родине.

Нет такого чуда, которое могло бы нам помочь.

Немцы! Мужественной борьбой восстановите перед всем миром честь немецкого имени и сделайте первый шаг к лучшему будущему.

(Опубликовано в газете «Фрейес Дейчланд» № 50 10. XII. 1944. Русский перевод см. в «Правде» от 15 декабря 1944 г., стр. 3.)

К стр. 445

* Шиллер, Отречение (см.: Ф. Шиллер, Избранное, М., 1954, стр. 45).

К стр. 446

[1] Цитируется по: Sie kämpften für Deutschland, S. 148.

К стр. 450

[1] Цитируется по: Walter Bartel: Karl Liebknecht gegen Krupp, 2. Auflage, Berlin, 1951, S. 6.

[2] «Нюрнбергский процесс» (в 7 томах), т. I, М., 1958, стр. 171, 172.

[3] Там же, стр. 172.

[4] Там же, стр. 179.

К стр. 455

[1] Там же, том II, стр. 606, 607.

К стр. 456

[1] Egbert von Frankenberg: Meine Entschneidung, Berlin, 1963.

К стр, 469

[1] Grundsätze und Forderungen der National-Demokratischen Partei, Berlin, 1948.

ЗА НОВУЮ ГЕРМАНИЮ

В Дрездене

Еще в плену у меня зрела мысль начать свою деятельность там, где я окончил ее в 1939 году, — в Дрездене. Я часто представлял себе всемирно известный силуэт города на Эльбе, мощный купол Фрауэнкирхе, построенной Георгом Бером *, стройную колокольню Хофкирхе Кьявери ** и острую, как игла, дворцовую башню. Что осталось от них после ночной бомбежки в феврале 1945 года? Как обстояло дело с Цвингером ***, Оперой, террасой Брюля, Японским дворцом и всеми другими перлами архитектуры, которые я так любил?

Увидев развалины, я чуть не заплакал. Это было похоже на разрушенный город на Волге зимой 1942/43 года. Смогу ли я когда-нибудь вновь чувствовать себя счастливым среди этого опустошения? Да, я смог. Новая жизнь вторгалась в руины, сначала почти незаметно, но решительно, сначала очень медленно, но все шире и

шире. Состоялось торжественное открытие восстановленного драматического театра.

Дрезден сделался основным местом моей деятельности на ниве новой Германии.

Сначала я получил назначение в Министерство народного образования Саксонии. В то же время мне хотелось в непосредственной политической работе применить знания, приобретенные в Национальном комитете «Свободная Германия». Я вступил в Национально-демократическую партию Германии, печатный орган которой — «Националь-цейтунг» — еще в плену привлек мое внимание. Осенью 1949 года меня избрали председателем НДПГ земли Саксония. Именно в политической работе я мог доказать делом, что я готов принять все новое, развивающееся, готов содействовать ему всеми силами, что я стал сознательным гражданином нашей Германской Демократической Республики.

Я завоевал доверие к себе, а с доверием — все более ответственные задачи. После всенародных выборов осенью 1950 года меня избрали членом Народной палаты и назначили министром финансов правительства земли Саксония.

Мне, бывшему полковнику фашистского вермахта, выпала честь неоднократно выступать от имени фракции Национально-демократической партии Германии в высшем представительном органе нашего рабоче-крестьянского государства по жизненно важным для немецкой нации вопросам.

Вступление Германской Демократической Республики в социалистический этап ее развития потребовало полной реорганизации структуры и методов работы государственных органов. В ходе этой перестройки деление страны на земли отпало, а с ними и мои функции министра земельного правительства. Тогда мне вновь было оказано большое доверие: в августе 1952 года я был назначен в Берлин, в штаб казарменной народной полиции. Здесь я проработал год и три месяца.

В начале октября 1953 года мой начальник, тогда министр внутренних дел Германской Демократической Республики, Вилли Штоф сказал мне между прочим:

— В ближайшие дни должен вернуться Паулюс. Он будет жить в Дрездене. Я хотел спросить вас, согласны ли вы стать начальником офицерской школы в Дрездене?

Руководить Высшей офицерской школой казарменной народной полиции, да еще в любимом Дрездене, в котором к тому же будет жить Паулюс, — это было мне по сердцу. Я сразу же согласился.

Остался я на этой должности и после создания Национальной народной армии, когда в январе 1956 года Дрезденская офицерская школа была преобразована в Высшее офицерское училище. Кульминационным пунктом в деятельности этого училища был первый большой парад на площади Маркса и Энгельса в Берлине 1 мая 1956 года. Солнечным утром в день Международного праздника трудящихся мне выпала высокая честь провести офицеров и слушателей училища перед высшими представителями новой Германии, перед сотнями испытанных антифашистов — борцов Сопротивления. На трибунах присутствовали многие иностранные делегации.

Когда мне исполнилось 65 лет — 31 марта 1958 года, — я ушел в отставку.

Встреча с Паулюсом

О возвращении Паулюса западногерманские газетенки сочинили немало чепухи. Писали, будто бы он прибыл на берлинский Остбанхоф в «голубом экспрессе» в сопровождении таинственных комиссаров. Будто бы по тайному поручению Сталина он везет с собой рукопись, в которой обосновывается непобедимость Советского Союза, чтобы предостеречь западные державы от нападения на СССР. Все это чепуха. На Паулюса тяжелым грузом давила военная катастрофа Германии. Он вернулся как человек, который хотел искупить свою вину.

После сердечного приема в столице у министра внутренних дел 25 октября 1953 года я проводил Фридриха Паулюса в Дрезден, где он поселился в одном из домов на Вейсер Хирш *. Понятно, что главной темой наших разговоров была зимняя битва на Волге.

— Я не стремился идти легким путем в последние годы, — говорил Паулюс. — Прочитайте, пожалуйста, заявление, которое я опубликовал перед отъездом из Советского Союза **.

Фельдмаршал подал мне документ, в который я углубился со все возрастающим удовлетворением, поскольку он содержал ясное, до конца продуманное решение:

«Командуя германскими войсками в битве под Сталинградом, решившей судьбу моей родины, я до конца познал все ужасы агрессивной войны, которые испытали не только подвергшийся нашему нападению советский народ, но и мои собственные солдаты. Мой собственный опыт, а также ход всей второй мировой войны убедили меня в том, что судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и со всеми другими миролюбивыми народами. Поэтому мне кажется, что заключенные на Западе военные договоры, в основе которых лежит идея господства, не являются подходящим средством для мирного восстановления единства Германии и обеспечения мира в Европе. Более того, эти договоры только лишь усугубляют опасность, которую несет с собой раскол Германии, и затягивают этот раскол. Я убежден в том, что единственным реальным путем к достижению мирного воссоединения Германии и мира в Европе является соглашение между самими немцами и заключение мирного договора на основе Советской ноты западным державам по германскому вопросу от 15 августа с. г.

Поэтому я решил по возвращении на родину приложить все свои силы к тому, чтобы содействовать достижению священной цели — мирному воссоединению демократической Германии и дружбе германского народа с советским народом, а также со всеми миролюбивыми народами.

Прежде чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг» [1].

Подлинные причины катастрофы

Наши офицеры попросили меня, чтобы Фридрих Паулюс выступил в Высшем офицерском училище с докладом о битве на Волге. Во время одной из встреч я рассказал ему об этой просьбе и добавил, что для этого мы могли бы выделить два дня в мае 1954 года. Он сразу же согласился и вскоре принялся за работу. По памяти, а также

на основании записей бесед с генералами и офицерами немецкого генерального штаба, которые мы вели в первый год пребывания в плену, он изготовил схематические карты. В конце апреля он попросил меня приехать к нему. Мы обсудили его план в общих чертах. Я спросил его также, намерен ли он говорить о причинах немецкого поражения.

— Разумеется, — ответил Паулюс. — Я представляю это себе примерно так: главная причина немецкой катастрофы под Сталинградом, равно как и общей катастрофы, которой закончилась война, лежит в роковой недооценке Советского Союза немецким верховным командованием и в переоценке собственных возможностей. Немецкое командование преследовало авантюристические и разбойничьи цели. Оно рассчитывало на то, что Советское государство развалится под ударами германского вермахта. Однако это государство, несмотря на тяжелейшие испытания, проявило беспримерную стойкость. Советские командиры показали высокие военные качества, а солдаты Советской Армии с достойными удивления упорством и храбростью защищали свою родину, непоколебимо стоявшую за ними и поставлявшую им все большее количество все лучшего оружия. Вот почему хорошо продуманный план Сталинградской битвы, разработанный советским верховным командованием, был осуществлен с точностью часового механизма и привел к коренному перелому в ходе второй мировой войны.

Я мог только подтвердить эту оценку.

— Вы помните, как в августе 1942 года мы форсировали Дон, — сказал я Паулюсу. — Мы знали, что нам предстояли упорные бои. Однако никто не предполагал, что Красная Армия будет обороняться с таким ожесточением и упорством. Откуда только бралась эта сила у советских солдат и офицеров? Тогда мы не находили удовлетворительного ответа. Лишь в плену мы начали постигать эту тайну. Мы научились понимать, что означали социализм и коммунизм для этого народа. В течение столетий его угнетали, лишали прав и попирали. В октябре 1917 года пробил час его свободы. Многое на Востоке казалось нам непонятным; наоборот, народы Советского Союза знали, чем они обладали и в чем они нас даже превосходили. Они знали, за что сражались и умирали.

— Мне непонятен тот факт, — ответил Паулюс, — что генералы в Западной Германии и теперь отрицают эту простую истину, несмотря на свой опыт. Ведь все мы должны учитывать, что мир изменился, и наконец понять, что будущее германского народа может быть основано только на дружбе со всеми миролюбивыми народами, прежде всего с Советским Союзом, а не на власти и силе.

Бывший «только солдат» научился рассматривать международные события с политической точки зрения. Человек, который ранее беспрекословно повиновался бессмысленным приказам, стал политически мыслящим человеком, готовым отдать все свои силы и знания для того, чтобы помешать возникновению новых войн и делу мирного воссоединения Германии. Это почувствовали и офицеры Высшего офицерского училища, перед которыми Фридрих Паулюс излагал историю великой битвы. Он ничего не приукрашивал и ничего не оправдывал. Свое выступление он закончил словами:

«Все миролюбивые люди вынуждены с негодованием констатировать, что теперь в Западной Германии проводится политика, которая в опасной степени сходна с предысторией второй мировой войны. Боннский и Парижский договоры ведут Федеративную Республику по тому же пути, который во второй мировой войне привел к Сталинграду и закончился национальной катастрофой» [1].

Это выступление произвело на слушателей глубокое впечатление. Многие, вероятно, пересмотрели свое до этого скептическое суждение о Паулюсе как о человеке.

На пресс-конференции 2 июля 1954 года в Берлине, которую проводил профессор Альберт Норден, Паулюс — совершенно в духе своего доклада в Дрездене — выступил против так называемой политики силы. Он, в частности, заявил:

«Со времени моего возвращения в Германию осенью прошлого года меня все более удивляет, что высокопоставленные американские политики и военные выступают и действуют в германском вопросе так, как будто не было второй мировой войны, окончившейся на немецкой земле столь ужасным поражением Германии. Однако еще больше меня поражает и волнует тот факт, что в Западной Германии немцы на самых высоких правительственных постах, а также пресса и радио занимают точно такую же

позицию и, несмотря на все уроки прошлого, вновь защищают и поддерживают политику силы, политику подготовки войны на немецкой земле» [1].

Встреча офицеров: Восток — Запад

Паулюс твердо придерживался мнения, что германский вопрос должен быть решен прежде всего путем переговоров между двумя германскими государствами. Его беспокоили планы вооружения Западной Германии и включения западногерманских дивизий в вооруженные силы НАТО. Однажды воскресным утром в конце 1954 года он сообщил мне, что решил организовать встречу бывших офицеров из Германской Демократической Республики и Федеративной Республики. Многочисленные письма, особенно из Западной Германии, укрепили его в этом намерении. С удивлением я услышал, насколько конкретно он уже занялся этим делом.

— Я хочу разъяснить западногерманским участникам встречи, что Парижские соглашения препятствуют воссоединению Германии, углубляют раскол Германии, — сказал Паулюс. — Я хотел бы доказать, что политика силы никогда больше не сможет привести к успеху. Мы, бывшие офицеры, должны содействовать тому, чтобы немцы с востока и запада договорились между собой.

— Думаете ли вы, что бывшие офицеры, проживающие в Западной Германии с 1945 года, поймут эти аргументы? — спросил я Паулюса.

— Им будет нелегко, — ответил фельдмаршал. — Наверное, они используют старый аргумент об «аполитичном» офицере, который мы так часто слыхали в плену. Я напомню о том, куда мы зашли с этим аргументом. Офицер должен понимать, что в результате своего аполитичного поведения он становится острым политическим инструментом. Правда, субъективно он может действовать с добрыми намерениями, как это делали мы на Волге. Однако в результате слепого выполнения приказов мы объективно стали соучастниками преступного руководства. Ведь как бессовестно Гитлер воспользовался нашей аполитичной позицией в ущерб немецкому народу и всем нам на позор!

Паулюс встал с кресла, зашагал по просторной комнате, затем он остановился передо мной:

— Над этим, мой дорогой Адам, должны задуматься особенно те бывшие офицеры, которых правительство Федеративной Республики склоняет к вступлению в западногерманскую армию. В один прекрасный день немецкий народ спросит именно их: что ты сделал в то время для единства и независимости нашего отечества, что ты сделал для мира?

Я согласился с точкой зрения Паулюса. Он утвердительно кивнул мне и, взяв лист бумаги, сказал:

— Я хотел бы закончить свои высказывания обращением ко всем участникам нашей беседы и ко всем другим офицерам и солдатам на востоке и западе нашего отечества: не отмалчивайтесь, когда нужно действовать ради самого существования и будущего Германии!

На всех произвело глубокое впечатление, когда Фридрих Паулюс 29 января 1955 года выступил в Берлине перед бывшими офицерами из Восточной и Западной Германии после того, как под звуки старой немецкой солдатской песни «Был у меня товарищ» они почтили память павших. Вероятно, большинство из них мысленно дало обет: «Никогда не должно повториться старое!» Я убежден, что многие западногерманские участники встречи выполнили этот обет.

«Аполитичный солдат» фон Манштейн

Однако неисправимые гитлеровские генералы продолжали писать «воспоминания»; поток мемуаров нарастал. Больше всего Паулюс возмущался книгой Манштейна «Потерянные победы». Когда летом 1956 года я как-то снова посетил Паулюса, он возмущенно сказал мне:

— Эту книгу вы должны прочитать сами. Согласно тому, что здесь написано, Манштейн совершенно неповинен в гибели 6-й армии. Этот человек сознательно лжет. Всю вину он перекладывает на меня и на Гитлера. Вы сами присутствовали во время почти всех переговоров, которые я вел с ним по радио. Вы знаете, как он скрывал от меня истинное положение на фронте и сковывал мои действия. А теперь этот бывший командующий группой

армий «Дон» все передергивает. Он фальсифицирует факты, чтобы ввести наш народ в заблуждение по поводу действительных причин поражения. Этого человека я когда-то глубоко уважал. Теперь же, как и все те, кто ничему не научился, он лживо отрицает свою ответственность за гибель 6-й армии, ответственность за войну и ее горький конец. Пока я жив, я буду выступать против этих его попыток обелить себя. Манштейн, Верховное командование вермахта и сухопутных сил, все мы, с самого начала одобрявшие и проводившие политику Гитлера, виновны в этом несчастье. В ком есть хоть искра честности, тот должен признать это и сказать народу правду, чтобы больше никогда не повторился новый Сталинград.

Последние соображения Паулюса очень ценны для немецкого народа. Высказанные военным специалистом — участником захватнической войны, они могли бы теперь явиться основой для необходимого изменения политики Западной Германии.

Те, кто продолжает жить прошлым в Западной Германии, не хотят будто бы и слышать о политике. Так, Эрих фон Манштейн пишет в предисловии к своей книге «Потерянные победы»:

«Эта книга является записками солдата. Я сознательно отказался от рассмотрения политических проблем или того, что не связано непосредственно с военными событиями».

Да, битый полководец сознательно отказывается от рассмотрения политических проблем, потому что иначе ему пришлось бы ответить на единственный «небольшой» вопрос, ответ на который нельзя найти на 664 страницах его пространной книги: «Что, собственно, нам было нужно в Советском Союзе?»

Для Германии это был и есть вопрос жизни и смерти. На этот вопрос необходимо ответить. Манштейн намеренно опускает его не потому, что он был аполитичным офицером, а потому, что он был офицером, усердно поддерживавшим политику Гитлера. Он верно служил Гитлеру, пока тот осыпал его орденами и отличиями за тактические успехи. Однако, когда после разгрома Южного фронта в 1944 году Манштейн был милостиво уволен в отставку, он начал изображать из себя непризнанного стратега и бранился, но не потому, что Гитлер напал на Советский

Союз, а потому, что «ефрейтор» ничего не смыслил в «военном искусстве». Для Манштейна важен нимб непобедимости прусско-германских генералов. Поэтому он сваливает вину за поражения на мертвого Гитлера. В связи с тем что Паулюс вскрыл политическую подоплеку второй мировой войны и причины немецких поражений, фон Манштейн изображает его как главного виновника смерти 250 тысяч немецких солдат на Волге.

Повторим еще раз главную истину: военное руководство, генеральный штаб и военачальники были на стороне Гитлера. Они оказались бессильными, столкнувшись с противником, который превосходил их в военном и моральном отношении, столкнувшись с Советской Армией, которой командовали полководцы, превосходившие немецких военачальников. Выражение «не побежденные на поле боя» еще меньше применимо в отношении второй мировой войны, чем в отношении первой. Фон Манштейн фальсифицирует историю, подчеркивая на последней странице своей книги, что его группа армий «Юг», кровоточа тысячью ран, оправдала себя на поле боя! [1] Группа армий «Юг» была разбита, уничтожена, и именно под командованием Манштейна. Об этом он может спросить тех солдат, которым посчастливилось уцелеть после ужасов отступления и ожесточенных боев. Более того, пусть он подумает о тех сотнях тысяч погибших, которые остались на дорогах отступления. Ответственность за их гибель несет прежде всего тогдашний командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн.

Манштейн был антикоммунистом и остался им. Как сказал Томас Манн, в антикоммунизме заключается не только величайшее безумие нашей эпохи, но и ее величайшее преступление. Манштейн продолжает участвовать в этом преступлении, скрывая политическую подоплеку второй мировой войны, прославляя действия гитлеровского вермахта и его руководителей, осыпая бранью советских солдат и партизан, оскверняя память тех, кто погиб, защищая свою родину от насилия. Желая превратить зимнюю битву 1942—1943 годов на Волге только в «потерянную победу», он пишет в своей книге:

«Однако страдания и гибель немецких солдат слишком святы, чтобы делать из этого сенсацию ужаса или использовать для сомнительных разоблачений и политических споров» [2].

Фельдмаршал фон Манштейн даже не счел необходимым вылететь на самолете к окруженным войскам. Он вообще не знает, какие ужасы творились в степи между Волгой и Доном. То, о чем рассказывают оставшиеся в живых, — это не сомнительные разоблачения, не аргументы для ведения политических споров, а неприкрытая правда, которая так же нужна немецкому народу теперь, как и тогда. Эта правда, вся правда до конца, должна быть высказана, чтобы немецкий народ, и особенно немецкую молодежь, не могли вновь обмануть такие люди, как Манштейн.

Взгляд в прошлое и перспективы

К сожалению, здоровье Паулюса все ухудшалось. Он вынужден был часто прерывать свою работу. Его намерение написать историю битвы на Волге осталось невыполненным до конца. 1 февраля 1957 года, спустя четырнадцать лет после окончания великой битвы, его глаза закрылись навсегда. Я потерял хорошего друга и товарища. Глубоко взволнованный, прощался я с Фридрихом Паулюсом, судьба которого была так тесно связана с моей в течение пятнадцати решающих лет жизни.

Уже минуло более двадцати лет со времени великой битвы на Волге. Многих из оставшихся тогда в живых теперь нет среди нас. Те, кто в то время был в расцвете сил, теперь на краю могилы. И даже самым молодым уцелевшим участникам великой зимней битвы теперь почти пятьдесят лет. Уходят живые свидетели немецкой трагедии на Волге. Тем большее значение имеет их литературное наследие и особенно их деятельность, основанная на опыте и выводах, к которым они пришли.

Я счастлив, что смог принять участие в строительстве новой Германии, в создании новой эпохи, эпохи социализма. Путь не был легким и не будет легким в будущем. Однако это правильный путь. Это единственно возможная, последовательная альтернатива захватнической войне, которой в исторической битве на Волге был положен конец.

Никогда более война не должна исходить с немецкой земли! Никогда, никогда снова над нашим отечеством не

должна неистовствовать фурия войны! Германия не должна стать атомным кладбищем!

Сделать все, абсолютно все для создания процветающего немецкого отечества, создать общественный строй, который исключает империалистический произвол и зловещий дух милитаризма, такой общественный строй, в котором заложена прочная основа для счастья народа, национального суверенитета и достоинства, социального равноправия и дружбы народов, — таково завещание павших в ужасной битве на Волге и всех уцелевших.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 481

* *Бер Георг* (1666—1738) — немецкий архитектор. Фрауэнкирхе — образец европейской барочной архитектуры.

** *Кьявери Гаэтано* (1689—1770) — итальянский архитектор, работавший в России, Польше и Саксонии.

*** *Цвингер* — построенный архитектором М. Д. Поппельманом в 1711—1722 гг. ансамбль дворцовых корпусов и павильонов. Цвингер — блестящий образец позднего немецкого барокко.

К стр. 483

* *Вейсер Хирш* — «Белый олень», название дачного района Дрездена.

** Заявление Паулюса Советскому правительству датировано 24 октября 1953 г. и опубликовано в «Правде» 1 ноября 1953 г.

К стр. 484

[1] Архив автора: рукописи генерал-фельдмаршала Паулюса, стр. 1 и след.

К стр. 486

[1] Архив автора: рукописи генерал-фельдмаршала Паулюса, стр. 231 и след.

К стр. 487

[1] Ausschus für Deutsche Einheit: Feldmarschall Paulus Spricht. Broschüre, S. 5 f.

К стр. 490

[1] Erich v. Manstein: Verlorene Siege, Bonn, 1959, S. 619.
[2] Там же, стр. 320.

Соавтор:
Отто Рюле, доктор политических наук

«Врач и нация» (1951) — так называется брошюра, в которой Отто Рюле, тогда министр здравоохранения земли Саксония — Ангальт, коротко и содержательно рассказал о своих переживаниях как один из уцелевших участников битвы на Волге зимой 1942/43 года. Его книга «От верноподданного до гражданина» (1957) показывает огромные изменения, происшедшие среди населения прежнего мекленбургско-померанского помещичьего района. Содержание его труда «Хлеб для шести миллиардов» (1963) видно из подзаголовка: «Человечество на пороге третьего тысячелетия: проблемы, прогнозы, перспективы».

Эти три работы свидетельствуют не только о широком научном диапазоне деятельности профессора Рюле, определяемом политической экономией, социологией, экономикой сельского хозяйства, историей и политикой. Его труды — также единство науки и политики, что наиболее характерно для жизни и деятельности Отто Рюле. С лета 1943 года, когда он, находясь в советском плену, примкнул к Национальному комитету «Свободная Германия», Отто Рюле до конца своих дней оставался неутомимым борцом за полное обновление Германии.

Отто Рюле был одним из основателей Национально-демократической партии Германии, членом Народной палаты Германской Демократической Республики с первого дня ее существования; он занимал различные высокие государственные посты. По конкурсу в 1953 году он был назначен профессором Университета имени Гумбольдта в Берлине. С 1957 года он лектор Университета имени Эрнста Морица Арндта в Грейфсвальде. Многочисленные поездки в Советский Союз, Чехословакию, Польшу, Югославию, Францию, Италию и Африку расширили его кругозор. Большой практический опыт и многосторонняя деятельность в качестве преподавателя высшей школы и ученого позволили профессору Рюле внести значительный вклад в развитие новой в ГДР отрасли науки — методики преподавания в высших учебных заведениях.

Соавтор этой книги своего друга Вильгельма Адама, он постепенно осознал причины тяжелых испытаний в битве на Волге, участником которой он был. Его сотрудничество в работе над этой книгой в значительной степени определялось также склонностью к научно-популярной литературе, которая всегда занимала большое место во всей его деятельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Полковник Вильгельм Адам и его мемуары 5
Вы, кого предостерегаю, внемлите уроку! 9
Полчища захватчиков рвутся к Волге 13
Провал наступления на Сталинград 93
Контрнаступление и окружение 159
Между надеждой и гибелью 199
Трагический финал 295
К новым берегам 365
За новую Германию 479

Вильгельм Адам
ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Художник *В. Ходоровский*
Художественный редактор *Л. Шканов*
Технические редакторы *Л. Жарова, Т. Купцова*
Корректор *Л. Полянская*

Сдано в производство 25/II 1972 г.
Подписано к печати 18/VII 1972 г.
Бумага 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. л. 7$^{3}/_{4}$ Печ. л. 26,04.
Уч.-изд. л. 23,11 Изд. № 7/15029 Цена 1 р. 67 к.
Зак. 84.

Издательство «Прогресс»
Государственного Комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
им. Евг. Соколовой Главполиграфпрома
Государственного Комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Измайловский пр., 29

Пр. 67 к.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ